

АДМИНИСТРАЦИЯ ГЛАВЫ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
И ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
Комитет по межнациональным отношениям
и развитию гражданских инициатив

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Материалы всероссийской научной конференции,
посвященной 100-летию Российской революции 1917 года
и 95-летию профессора, исследователя индустриальных
процессов послеоктябрьской Сибири Е. Е. Тармаханова

**ТАРМАХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ I:
РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.**

Научный редактор

Т. В. Паликова, д-р ист. наук, доцент

Ответственный редактор

О. Н. Полянская, канд. ист. наук, доцент

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2017

УДК 94
ББК 63.3 (2) 611

М 33

Редакционная коллегия

Н. И. Мошкин, ректор БГУ, д-р техн. наук, проф. (пред.); *М. А. Харитонов*, председатель Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив РБ, канд. ист. наук (зам. пред.); *В. В. Номозоева*, д-р ист. наук, доц. (зам. пред.); *К. Б.-М. Митупов*, д-р ист. наук, проф.; *Е. Н. Палхаева*, д-р ист. наук, доц.; *Т. Е. Санжиева*, д-р ист. наук, проф.

Рецензенты

Ю. В. Кузьмин, д-р ист. наук, профессор
А. М. Плеханова, д-р ист. наук, доцент
Д. К. Чимитова, д-р ист. наук, доцент

Сборник размещен в системе РИНЦ
на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru

М 33 **Материалы всероссийской научной конференции**, посвященной 100-летию Российской революции 1917 года и 95-летию профессора, исследователя индустриальных процессов послеоктябрьской Сибири Е. Е. Тармаханова. Тармахановские чтения I: Российская революция 1917 г. / науч. ред. Т. В. Паликова, отв. ред. О. Н. Полянская. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 380 с. ISBN 978-5-9793-1148-7

В сборник вошли статьи исследователей учебных и академических учреждений Российской Федерации и Монголии. Материалы освещают проблемы революции 1917 г., вопросы социально-экономической и общественно-политической жизни Сибири первой половины XX в., влияние событий февраля — октября 1917 г. на экономику и культуру Сибири и сопредельной Монголии, а также выявляют отдаленные последствия Октября 1917 г. в политическом, экономическом и культурном развитии Советской Сибири и Народной Монголии.

Предназначен студентам, преподавателям, исследователям и всем интересующимся историей Российской революции 1917 г., историей Бурятии, Сибири, Монголии.

Proceedings of All-Russian Scientific Conference, dedicated to 100th anniversary of The Russian Revolution of 1917 and 95th anniversary of professor, researcher of industrial processes in post-October Siberia E. E. Tarmakhanov. Tarmakhanov Readings I: The Russian Revolution of 1917 / sci. ed. T. V. Palikova, resp. ed. O. N. Polyanskaya. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2017. 380 p. ISBN 978-5-9793-1148-7

The collection contains articles by researchers of Russian and Mongolian educational and academic institutions. The material concerns the problems of 1917 revolutions, socio-economic and socio-political life of Siberia in the first half of the 20th century; the impact of February-October 1917 events on the economy and culture of Siberia and neighboring Mongolia. The researches also reveal the long-term consequences of October 1917 in political, economic and cultural development of Soviet Siberia and People's Mongolia.

The edition is intended for students, teachers, researchers and all those, who are of interest in the history of the Russian Revolution of 1917, the history of Buryatia, Siberia, and Mongolia.

УДК 94
ББК 63.3 (2) 611

ISBN 978-5-9793-1148-7

© Бурятский госуниверситет, 2017

Уважаемые участники конференции!

История Российской революции 1917 г. с момента ее свершения и до настоящего времени представляется с различных позиций. Однако бесспорно одно — Октябрьская революция 1917 г. оказала огромное влияние на мировой исторический процесс, она дала народам России основополагающие документы, способствующие в дальнейшем созданию высших учебных заведений в национальных районах страны, среди которых был и Бурятский педагогический институт, образованный в 1932 г., и рождению советской национальной интеллигенции, в рядах которой одной из ярких фигур является профессор БГПИ — БГУ Ефрем Егорович Тармаханов, которому в эти дни исполнилось 95 лет со дня рождения. Отдавая дань памяти этому выдающемуся ученому и осознавая, что в эти дни мы отмечаем 100-летие революции 1917 г., 85-летие Бурятского педагогического института (БГПИ) — Бурятского государственного университета (БГУ), я хотел бы поздравить всех участников конференции с этими знаменательными датами, а также с учреждением «Тармахановских чтений» — конференции, которой предстоит продолжить традиции, заложенные старшим поколением педагогов нашего университета по формированию интеллектуального потенциала, и стать знаком уважения перед заслугами выдающегося педагога, ученого, участника Великой Отечественной войны (1941–1945) и патриота Е. Е. Тармаханова.

Ректор
Бурятского государственного университета
Н. И. Мошкин

A handwritten signature in blue ink, appearing to read 'N. I. Mozhkin'.

От редактора

Уважаемый читатель!

Перед Вами сборник материалов всероссийской научной конференции «Тармахановские чтения-1», состоявшейся 24–25 октября 2017 г. Научная конференция учреждена в год 95-й годовщины со дня рождения профессора Бурятского государственного университета, доктора исторических наук, ведущего бурятского историографа Ефрема Егоровича Тармаханова, посвятившего более 60 лет своей творческой жизни воспитанию новых поколений историков БГПИ — БГУ им. Д. Банзарова. Являясь автором более 200 научных публикаций, в том числе 8 монографий, Ефрем Егорович стал основателем научной школы по изучению экономической истории республик Сибири.

2017 год — год столетней годовщины Великой Октябрьской революции, именуемой сегодня Российской революцией 1917 г., отражает ту метаморфозу, которая произошла в оценке этого исторического факта. До 1991 г. проблемами революции занимались профессиональные историки, изучая все аспекты этого явления часто в оптимистическом русле, после означенной даты — обсуждение темы стало достоянием публицистики с обязательным приоритетом негативных суждений.

Обращение организаторов Первых Тармахановских чтений к данной тематике не случайно. Во-первых, столетие, отделяющее современность от 1917 г., позволяет исследователям непредвзято, избегая восхваления или порицания, описать и оценить его. Во-вторых, как бы ни изменилось название, невозможно отрицать суть события — революции 1917 г. — ключевой вопрос отечественной истории XX в., изменивший на десятилетия ход мировой истории, имеющий непреходящее значение по своим последствиям. Как и любое потрясение, революция октября 1917 г. высвободила творческую активность народа, запустила мощнейший социальный лифт, позволивший миллионам россиян, особенно на окраинах бывшей империи (по мысли Е. Е. Тармаханова), достичь серьезных успехов в экономике, науке, культуре. Революция — сложный, подчас противоречивый, трагичный и кровавый, но всегда закономерный

процесс, демаркационная линия между предшествующим развитием и новыми перспективами. Поэтому маститые и молодые исследователи Абакана, Екатеринбурга, Иркутска, Кызыла, Новосибирска, Москвы, Санкт-Петербурга, Сызрани, Улан-Батора, Улан-Удэ, Читы обсудили проблемы революции 1917 г., социально-экономическую и общественно-политическую жизнь Сибири первой половины XX в., влияние событий февраля — октября 1917 г. на экономику и культуру Сибири и сопредельной Монголии, а также выявили отдаленные последствия Октября 1917 г. на политическое, экономическое и культурное развитие Советской Сибири и Народной Монголии.

Т. В. Паликова

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИБИРИ

УДК 930 (517.3)

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ:
ЕГО ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМАХ
В МОНГОЛЯЗЫЧНОМ МИРЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МОНГОЛОВЕДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
И ТРУДАХ Е. Е. ТАРМАХАНОВА

© *Дугаров Владимир Доржиевич*

доктор исторических наук, профессор,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а
E-mail: dugarovbgu@mail.ru

Обобщение исторического опыта социально-экономической модернизации Бурятии и Монголии в советский период служит наглядным примером того, как осуществлялся этот процесс в одном из национальных регионов Восточной Сибири и приграничной стране в период 1917–1941 гг.

В статье изучены историографические проблемы индустриализации бурят-монголов в трудах Е. Е. Тармаханова.

Ключевые слова: Е. Е. Тармаханов, Великая Октябрьская социалистическая революция, индустриализация, историография, Монголия, Бурят-Монгольская АССР, рабочий класс, кочевые, полукочевые народы.

THE GREAT OCTOBER: ITS WORLD HISTORICAL SIGNIFICANCE
IN THE SOCIO-ECONOMIC REFORMS IN THE MONGOL-
SPEAKING WORLD OF THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY
IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY AND E. E. TARMAKHANOV'S
MONGOLIAN STUDIES AND WRITINGS

© *Vladimir D. Dugarov*
Doc. Sci. (Hist.), Prof.,
Buryat State University,

24, Smolina, Ulan-Ude 67000, Russia
E-mail: dugarovbgu@mail.ru

A generalization of historical experience of socio-economic modernization of Buryatia and Mongolia in the Soviet period, as well as in the case if it occurs in one of the national regions of Eastern Siberia and the border country in the period 1917–1941. The article deals with the historiographic problems of industrialization of the Buryat-Mongols in the works of E. E. Tarmakhanov.

Keywords: E. E. Tarmakhanov, Great October Socialist Revolution, industrialization, historiography, Mongolia, Buryat-Mongolian ASSR, working class, nomadic, semi-nomadic peoples.

Великая Октябрьская социалистическая революция и создание Советского государства рабочих и крестьян оказали решающее влияние на последующую историю монголоязычного кочевого и полукочевого мира. С начала XX века Российская империя, а затем Советский Союз являлись гарантом национальной и политической независимости Монголии. В советско-монгольской исторической литературе в качестве методологического положения, мало цитируемого в современной научно-политологической литературе, было практическое высказывание Председателя Совнаркома Советской России В. И. Ленина, ставшее теоретической базой монгольской революции, о том, что «...единственно правильным путем для всякого трудящегося вашей страны является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России» [4, с. 32–33]. В. И. Ленин в беседе с монгольской делегацией подчеркнул, что «главным внутренним условием развития Монголии является усиление работы МНП и правительства по кооперированию аратов, внедрению передовых методов хозяйствования, развитию национальной культуры, сплочению аратства вокруг партии и правительства для борьбы за экономическое и культурное развитие страны». Все это, по его мнению, даст возможность сложиться новой некапиталистической экономической системе аратской Монголии» [там же].

В то же время в современной монголоведной литературе пересмотру подвергаются основные положения, выдвинутые В. И. Лениным, при активном участии бурятских переводчиков, при встрече с монгольской делегацией в ноябре 1921 г., о развитии ра-

нее отсталых народов при поддержке передовых стран, руководимых марксистскими партиями, к социализму. В трудах отдельных квалифицированных монголоведов утверждается, что такого методологического определения, как «некапиталистический путь развития», В. И. Ленин не применял, что этот термин впоследствии стал разрабатываться Э.-Д. Ринчино, другими большевиками и т. д. Безусловно, проблема определения многих категорийных понятий в современной науке требует своего обоснования и исследования.

Монгольская революция 1921 г. вобрала в себя многовековой опыт борьбы за суверенитет и стремление к объединению всех монгольских народов, совместив в себе два противоречивых момента:

1) традиционный панмонголизм с его идеями объединения монгольских земель, органично перешедших от «старого» теократического руководства к новому революционному монгольскому правительству;

2) жёсткое идеологическое влияние на руководство страны Советской России и Коминтерна, видевших в Монголии удобный объект для выполнения стратегической линии по продолжению пролетарских революций в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Исходя из теоретического и практического воплощения ленинского плана построения основ социализма в среде кочевых народов, социально-экономические и политические процессы перехода бурят-монгольских народов к новым европейским формам хозяйствования имели свою специфику в масштабах, глубине и темпах промышленных и сельскохозяйственных преобразований.

Особое геополитическое положение народов Центральной Азии, полиэтничный и поликонфессиональный состав населения, сочетание различных типов хозяйственной деятельности, богатство природных ресурсов при недостатке капиталов для их освоения, неразвитость промышленной основы, отсутствие национальных кадров промышленной интеллигенции, слабые кадровые ресурсы профессиональных рабочих предопределили специфику модернизационных преобразований в начальный период строительства социалистической экономики монголыязычного мира. Партийными лидерами двух стран были поставлены задачи формирования национальных промышленных кадров в двух странах. Обобщение коммунистического опыта социально-экономической модернизации Бурятии в 1917–1941 гг. в советского периода истории служит

наглядным примером того, как осуществлялся этот процесс в одном из национальных районов Восточной Сибири.

Огромный историографический вклад в научную проработку проблемы индустриализации бурят-монгольского этномира внес Е. Е. Тармаханов, Учитель с большой буквы, защитник блокадного Ленинграда, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Бурятия и Российской Федерации, отличник народного просвещения. Имя Ефрема Егоровича Тармаханова по праву занимает видное место в ряду выдающихся деятелей бурятской науки и высшей школы Восточно-Сибирского региона второй половины XX века, что подтверждается его многочисленными публикациями по проблемам социалистической промышленной революции в среде бурят-монголов. В IV выпуске коллективного сборника научных трудов «Выдающиеся бурятские деятели», отмечая научно-образовательные заслуги своего коллеги и друга, заслуженного деятеля науки РСФСР и Бурятской АССР, первого доктора исторических наук, профессора БГПИ имени Д. Банзарова Никифора Петровича Егунова, воспитавшего целую плеяду историков Бурятии и Восточно-Сибирского региона, Е. Е. Тармаханов отмечал, и эти слова признания к Никифору Петровичу, полностью относятся и к самому Ефрему Егоровичу, учителю и наставнику: «... всего Н. П. Егуновым опубликовано десять монографических работ и более ста научных статей. Никифор Петрович Егунов прожил долгую, насыщенную богатыми событиями жизнь. Скончался 20 января 1995 г. на 93-м году жизни. До конца своих дней сохранял светлую память, природное остроумие» [1, с. 264]. В последующих изданиях, которые, очень надеюсь, будут продолжены после ухода докторов исторических наук, профессоров, создателей этой замечательной серии Ш. Б. Чимитдоржиева и Т. М. Михайлова, с которыми тесно сотрудничал и писал свои статьи Е. Е. Тармаханов, имя нашего учителя займет свое достойное место. Е. Е. Тармаханов родился 5 октября 1922 г. и умер 13 мая 2016 г. на 94-м году жизни.

Ведущим вопросом его многогранной научной деятельности была проблема индустриализации Бурят-Монголии и национальных регионов Сибири в советский период истории, которая оказала свое большое теоретическое и практическое влияние на процессы индустриализации в аратской Монголии. Квалифицированные исследования Е. Е. Тармаханова связаны с индустриальным развитием

национальных регионов, вызывающим на рубеже XX–XXI вв. серьезные разногласия среди научной общественности Бурятии и Монголии. При проведении индустриализации и коллективизации в 20–30-е гг. XX в. монголоязычные народы получили финансовые и образовательные средства для всестороннего развития, активно осваивали новые виды хозяйственной, политической, социальной деятельности, повышалась их общая культура, увеличивалось поле межнационального общения.

В советской историографии индустриального развития бурят-монголов получили свою широкую известность труды известных бурятских ученых Б. М. Митупова [5, 144 с.; 6, с. 111–132], Е. Е. Тармаханова [7, 1968; 8, 1977; 9, с. 333 с.], которые являются первыми серьезными исследованиями промышленного развития Бурят-Монголии в 1920–1940-е гг. В работах авторов с привлечением большого фактического материала рассматриваются вопросы восстановления разрушенной в годы гражданской войны и иностранной интервенции промышленности, анализируются политические и социально-экономические процессы в регионе. Эти монографические исследования представляют для нас значительный историографический и практический интерес.

Учитывая нарастающую военную угрозу со стороны стран антикоминтерновского пакта, оси Германия — Италия — Япония, советское правительство начинает строительство промышленной и сырьевой базы на востоке страны, которая имела стратегическое значение для вооружения и формирования войск РККА и МНА в годы Второй мировой войны. Исходя из этих международных и внутренних потребностей СССР и МНР в предвоенный период истории были заложены основы индустриальной мощи монголоязычных народов.

Теоретически и методологически верным на переломе XX–XXI вв., в период многочисленных дискуссий об индустриализации кочевых народов в социалистический период истории, остается положение Е. Е. Тармаханова о том, что «наряду с изучением изменений структуры народного хозяйства в целом и промышленности в частности следует исследовать такие важные вопросы, связанные с социалистической индустриализацией, как формирование рабочего класса, инженерно-технической интеллигенции, повышение технического прогресса, рост удельного веса городского насе-

ления, развитие сельского хозяйства как сырьевой базы, уровень культуры населения и др. С этих позиций и следует рассматривать данную проблему» [9, с. 17].

Это методологическое положение полностью определяет и процессы создания промышленной базы и кадров профессиональных работников в Монгольской Народной Республике. В МНР на основе концепций документа «Основы экономической политики» развернулась работа по развитию частного сектора в экономике страны, вместе с развитием хозяйственных организаций государственной собственности, создавалась возможность развития многоукладной экономики. В целом за 20 лет (1921–1940) экономика и культура МНР преобразились существенно. Экономика становилась многоотраслевой — наряду с животноводством (оно оставалось главной отраслью и по числу занятых, и по удельному весу производимой продукции), развивались промышленность (обрабатывающая, добывающая и др.), строительство, механизированный транспорт, связь, национальная торговля.

В исследовании Е. Е. Тармаханова «Развитие промышленности Бурятской АССР за годы строительства социализма (1917–1941 гг.)» хронологические рамки изучения процессов создания промышленного производства и формирования рабочего класса охватывают период до 1941 г. Исследуя рост количества и изменение качественного состава рабочих, автор приходит к выводу, что ядром, вокруг которого формировался рабочий класс Бурят-Монголии, были прибывшие из центральных районов и городов страны квалифицированные рабочие. По его мнению, это обуславливалось экономическими, политическими и культурными особенностями республики; отсутствием в ней собственных квалифицированных кадров рабочих и специалистов. Автор приводит данные об увеличении числа рабочих республики за период 1923–1940 гг. в 15 раз. В процессе осуществления советской переселенческой политики Бурят-Монгольская АССР выступала как экономический район принятия и выхода рабочей силы. При проведении этой политики на территорию БМАССР прибыло приблизительно 160 тыс. человек. Увеличилась численность рабочих в Бурят-Монголии в 21 раз. Рост численности рабочих с 1923 по 1937 г. равнялся 21%. За период 1923–1937 гг. количество инженерно-технических работников увеличилось в 37 раз. Рост рабочих

и инженерно-технических работников в промышленности республики шел главным образом за счет населения, прибывшего из других областей, краев СССР [2, с. 74].

К 1940 г. экономика МНР характеризовалась многоукладностью, но уклады стали совсем иными, исчезло преобладавшее ранее феодальное производство, вытеснен иностранный торговоростовщический капитал, шла трансформация натурального хозяйства в мелкотоварное. Тенденция заключалась в повышении роли государственно-кооперативного сектора, занявшего командные высоты в экономике. Коренным образом изменилась и социальная структура общества. Прежние сословия — феодалы (князья, дворяне и др.), феодально-зависимое аратство (албату, хамжилга, шабинары), ламство (высшее, среднее, низшее) — исчезли [3, с. 307].

Проведение индустриальной революции для скотоводческих хозяйств бурят-монголов приводило к большим экологическим, социальным изменениям. Самым серьезным образом трансформировалась территория, ландшафт их проживания, которая становилась собственностью различных министерств и ведомств, резко увеличился приток кадровых рабочих из европейской части России, значительное число которых не считалось и не воспринимало интересы и культуру коренных жителей. Под влиянием новой социально-экономической ситуации усилились болезненные для судеб коренных малочисленных народов процессы ассимиляции, утраты родного языка, национального самосознания.

В создании промышленного производства в МНР огромную роль играл Советский Союз. При помощи СССР были построены промышленный комбинат, центральная электрическая станция и другие предприятия, благодаря которым закладывалась основа национальной индустрии. Добыча угля в 1934 г. увеличилась в 5,5 раза по сравнению с 1928 г. Общая численность рабочих в промышленности за этот период возросла в 10 раз [3, с. 303]. Объем промышленной продукции возрос в 1940 г. против 1934 г. в 6 раз, промышленность выпустила в 1940 г. 20% валовой продукции промышленности и сельского хозяйства. Государственная промышленность производила 70% продукции, остальные 30% — промысловая кооперация. Численность рабочих и служащих в стране возросла с 11 тыс. в 1934 г. до 31 тыс. в 1940 г. [3, с. 306].

Исторический опыт, процессы успешной индустриализации в 1920–1940-е гг. в Бурят-Монгольской АССР и МНР и в современных условиях восстановления промышленного потенциала наших стран требуют своей дальнейшей проработки, своего исследователя — Ефрема Егоровича Тармаханова.

Литература

1. Выдающиеся бурятские деятели. Т. 1, вып. 1–4. Изд. 2. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2009. С. 264.

2. Дагбаева В. Д. Осуществление переселенческой политики в промышленности Бурят-Монголии // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во СибАК, 2012; Братская помощь трудящихся СССР в индустриализации Бурятии // Документы ЦГА БурАССР, парт. архива Бур. обкома КПСС. 1928–1940 гг. Улан-Удэ, 1984. С. 74.

3. Дугаров В. Д. Курс лекций по истории Монголии (эпоха древности — начало XXI в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. С. 307.

4. Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 32–33.

5. Митупов Б. М. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР (1923–1937 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 144 с.

6. Митупов Б. М. Основные проблемы истории рабочего класса в национальных районах Сибири // Рабочий класс и крестьянство национальных районов Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974. С. 111–132.

7. Тармаханов Е. Е. Развитие промышленности Бурятской АССР в годы строительства социализма (1917–1941 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968; Тармаханов Е. Е. Рабочий класс Бурятии в годы Великой Отечественной войны // Рабочий класс в период упрочения и развития социализма в 1938–1958 гг. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977; Тармаханов Е. Е. Промышленность и рабочий класс советской Бурятии. 1938–1958. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 333 с.

УДК 947.003.78 (571.51)

1917 ГОД: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС НА ЮГЕ
МИНУСИНСКОГО УЕЗДА

© *Тугужекова Валентина Николаевна*

доктор исторических наук, профессор, директор,
Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории,
г. Абакан, ул. Щетинкина, 23, Республика Хакасия, Россия
E-mail: akhaknauka@yandex.ru

В статье отмечается интерес исследователей к теме «Революция 1917 г.», решение национального вопроса в Минусинском уезде после февральской и октябрьской революций 1917 г. Отмечается рост национального движения. Решается вопрос о самоназвании народа.

Ключевые слова: февральская и октябрьская революции; национальное движение; Минусинский уезд; С. Д. Майнагашев; инородческие съезды; этноним «хакас».

1917: THE NATIONAL QUESTION IN THE MINUSINSK DISTRICT

© *Valentina N. Tuguzhekova.*

Doc. Sci. (Hist.). Prof., Director of the Khakass Research Institute
of Language, Literature and History,
23, Schetinkina, Abakan 655017, Russia
E-mail: akhaknauka@yandex.ru

The article emphasizes researchers' interest to the theme «The Revolution: 1917», solution of the national question in the Minusinsk County after the February and October revolutions of 1917. Increase of the national movement is noted. The issue of the people's self-designation is dealt with.

Keywords: February and October revolution; national movement; Minusinsk County; S. D. Mainagashev; indigenous people; indigenous congresses; ethnonym «Khakass».

Важным фактором активизации научных исследований по теме революции явилось столетие Первой мировой войны. По теме «Война и революция» за период 2014–2017 гг. прошли разного уровня многочисленные конференции, давшие импульс для новых исследований. Среди этих многочисленных работ следует выделить

монографию В. П. Булдакова и Т. Г. Леонтьевой «Война, породившая революцию. 1914–1917» [1]. На страницах журнала «Российская история» прошли бурные обсуждения данной монографии [2, с. 3–29]. Революция, по мнению Б. Колоницкого, представлена авторами книги как многоликий, многомерный российский патернализм [3, с. 4]. Профессор Мичиганского университета Уильям Розенберг подчеркивает, что смута и хаос являются в книге основными факторами русской революции. И как итог революционная политика представляла «собой трагедию конкурирующих невозможностей» [4, с. 16]. С. Войтиков указывает, что авторы рассматривают революцию как часть системного кризиса империи [5, с. 21].

Революция прежде всего для России стала крупным поворотом в истории. Она привела в движение народные массы низов общества. Н. Бердяев писал, сто «революция освободила раньше скованные рабоче-крестьянские силы для исторического дела» [6, с. 112]. Однако революция оказала глубокое воздействие не только на Россию, но и на весь мир. Если в советский период внимание исследователей было связано, прежде всего с партией большевиков, то в постсоветское время исследователи стали акцент своих исследований переносить на оппонентов и оппозицию и даже на заговор элит [7, с. 30].

В последние годы активизировались исследования по теме «Революция и национальный вопрос» [8]. Национальный вопрос всегда имеет конкретно-историческое содержание, включающее совокупность национальных проблем на данном этапе развития той или иной страны [9, с. 23]. Он занимал значительное место в общественной и политической жизни России в начале XX в. Февральская и октябрьская революции обусловили рост национального движения в Российской империи и распространение идей национализма и сепаратизма.

К февралю 1917 г. среди многочисленных политических партий стали создаваться национальные партии, число которых в России достигло 47. Они ставили во главу угла необходимость защиты интересов этнических меньшинств [10, с. 60].

Февральская революция сибирскими областниками была воспринята как шанс для осуществления своих автономистских устремлений. Причем как «автономисты» во главе с Г. Н. Потаниным, так и центристы признавали наличие «бытовых

особенностей, дающих право на автономные законодательные учреждения лишь у инородческого населения Сибири, и отвергали необходимость общесибирского законодательного органа и предлагали организовать законодательные учреждения только для крупных коренных этносов» [11, с. 47].

Коренные этносы Сибири активно включались в создание органов самоуправления на местах. Так, руководитель Урскульского волостного комитета в Горном Алтае Аргымай Кульджин в решении от 30 марта 1917 г. записал об установлении демократического республиканского образа правления [12, с. 80]. 12 мая 1917 г. Григорий Иванович Гуркин, выступая в Томске на первой сессии губернского народного собрания, делает заявление о выделении инородцев Алтая в самостоятельный уезд, и сессия предоставила им право на самоопределение. Алтайцы воспользовались этим правом на съезде представителей инородческих волостей Бийского и Кузнецкого уездов Томской губернии, 1 июля 1917 г. было принято решение о выделении Горного Алтая в самостоятельный уезд, а также была принята программа по социально-экономическому и культурному возрождению алтайского народа. Председателем Алтайской горной думы был избран Григорий Гуркин, руководителем Кузнецкого отдела Алтайской горной думы — Леонид Алексеевич Сары-Сэп Конзыхачов [13, с. 8, 9].

После февральской революции 1917 г. преемником старой власти в Енисейской губернии стал Комитет общественной безопасности во главе с В. М. Крутовским (1856–1945), образованный 3 марта на заседании Красноярской городской управы. В феврале группа социал-демократов организовала Совет рабочих, солдатских, казачьих депутатов во главе с Я. Ф. Дубровинским (1882–1918). Установилось двоевластие [14, с. 5].

Советы стали органами народного самоуправления, заняв лояльную позицию по отношению к Комитету общественной безопасности. Одной из самых влиятельных политических сил в Минусинском уезде были эсеры. При их активной поддержке весной-летом 1917 г. стали создаваться на местах земские учреждения. Именно они должны были решать все вопросы местной жизни. Эсеры принимали активное участие и в подготовке выборов в учредительное собрание.

Членом партии эсеров был лидер национального движения С. Д. Майнагашев. Февральскую революцию он воспринял как важнейшее событие в истории России. В своем обращении «Иностранцам Минусинского и Ачинского уездов» он писал, что приветствует иностранцев этим переломом их жизни и надеется на национальное возрождение народа [15].

С. Д. Майнагашев становится лидером национальной интеллигенции, призывает к переустройству жизни хакасского народа, ликвидации территориальной разобщенности, объединению хакасов Ачинского и Минусинского уездов, созданию органов местного самоуправления.

В улусах среди коренного населения они проводили собрания, сходы, на которых принимались наказания на предстоящие инородческие съезды. Съезды стали проходить с апреля 1917 г., всего за 1917–1918 гг. прошло 8 съездов хакасского народа. Судьбоносным был второй инородческий съезд, проходивший в аале Чарков (20–30 июля 1917 г.), где было принято решение о самоназвании народа — хакасы. В августе прошла всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы этногенеза хакасского народа», посвященная 100-летию первых съездов хакасского народного имени (23–25 августа 2017 г.)

За сто прошедших лет территория, где исторически проживало коренное население, прошла путь от хакасского уезда (1923–1925), округа (1925–1930), автономной области (1930–1991) до Республики Хакасия (1991), мечта С. Д. Майнагашева осуществилась.

Литература

1. Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию М.: Новый хронограф, 2015. 720 с.
2. Диалог о книге. В. П. Булдаков, Т. Г. Леонтьева. Война, породившая революцию // Российская история. 2017. № 5. С. 3–29.
3. Колоницкий Борис: Многоликий патернализм // Российская история. 2017. № 5. С. 4–10.
4. Розенберг Уильям: трагедия конкурирующих невозможностей // Российская история. 2017. № 5. С. 10–16.
5. Войтиков Сергей: Империя в системном кризисе // Российская история. 2017. № 5. С. 21–24.
6. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.

7. Сапон В. Нижегородская либеральная оппозиция накануне февральской революции 1917 г. // Российская история. 2017. № 5. С. 30–43.

8. Лапина И. А. Дискуссии о национально-государственном устройстве и положении этнических меньшинств в периодической печати революционной эпохи. 1917 // Общество, среда, развитие. Спб., 2012. № 1. С. 60–65; Крякин Е. Н. Национальные отношения в России: история и современность // Вестник Университета. М., 2013. № 20. С. 218–220; Анисимова И. В. Политика Временного правительства в решении «национального вопроса»: подходы и методы реализации региональных вариантов // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2(90). С. 15–20; Маркелова А. А. Особенности национальной политики большевиков в 1917–1918 годах // Революция в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года: материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14 апреля 1917 г.) СПб., 2017. С. 213–215; и др.

9. Тавадов Г. Т. Политика и национальные отношения // Социально-политические науки. 1991. № 10. С. 22–30.

10. Лапина И. А. Указ. соч.

11. Нам И. В. Национальный вопрос в программных установках сибирских областников, законодательской и политической практике Сибирской областной думы (1917 — январь 1918) // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 47–57.

12. Демидов В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923. Новосибирск, 1978. 367 с.

13. Тенгерекоев И. С. 90 лет Ойротской автономной области // Мой Алтай. 2012. № 1(8). С. 10–13.

14. Красноярск: пять веков истории. Край с 1917 по 2006 г.: учебное пособие по краеведению. Ч. 2. Красноярск: Платина, 2006. 256 с.

15. Майнагашев С. Д. Иностранцам Минусинского и Ачинского уездов // Свобода и труд. 2017. 20 апр.

УДК 947.084.21 (571.5)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ ТРАНСГРАНИЧЬЕ НАКАНУНЕ 1917 г.

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых МК-8975.2016.6. «Государственные институты управления Российской империи в освоении Забайкальского трансграничья (вторая половина XVIII — начало XX вв.)»

© *Малыгина Ольга Анатольевна*

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Бурятский государственный университет,
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а
E-mail: kirienko-o@mail.ru

Статья посвящена событиям в Забайкальском регионе накануне революций 1917 г. На основе анализа архивных источников представлена политическая обстановка. Значительное внимание уделяется недовольству политикой самодержавия, росту социального протеста местного населения, посягательству на жизнь государственных служащих. Действия местной власти подвергаются постоянной критике со стороны общества. Показано значение вводимых в научный оборот архивных документов для дальнейшего изучения революционных процессов на примере Забайкальского трансграничья.

Ключевые слова: военные губернаторы; революция; трансграничье; Забайкалье; империя; управление.

POLITICAL SITUATION IN THE TRANS-BAIKAL TRANSBOUNDARY AREA ON THE EVE OF 1917

Olga A. Malygina

Cand. Sci. (Hist.), Senior resear. Inst. of Internal Asia,
Buryat State University,
24-a, Smolina, Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: kirienko-o@mail.ru

The article is devoted to the events in the Trans-Baikal region on the eve of the revolutions of 1917. Based on the analysis of archival sources, the political situation is represented. Considerable attention is paid to dissatisfaction with the policy of autocracy, to the growth of social protest of the local population, to encroachment on the life of civil servants. The actions

of local authorities are constantly criticized by the public. The value of the archival documents introduced into the scientific circulation is shown for further study of revolutionary processes, for example, the Transbaikalian transboundary zone.

Keywords: military governors, revolution, transborder, Trans-Baikal, empire, management.

Начало XX века в истории Российской империи ознаменовалось серьезной политической трансформацией. Перед страной встало огромное количество неразрешенных проблем. Одним из ярких в революционном плане регионов становится Забайкалье. Приграничная территория с большим количеством ссыльных, в том числе политических заключенных, вносила в общественную жизнь края несомненные противоречия. В первом десятилетии XX в. Забайкалье, как и вся империя, оказалось в двойственной ситуации. С одной стороны, регион начинает переживать экономический подъем. С другой — углубляется недовольство политикой самодержавия, зреет социальный протест, растет накал национального движения, что в конечном итоге привело к глобальным преобразованиям в обществе [4, с. 296].

В начале XX в. в Забайкальском трансграничье (где в 1851 г. было введено областное управление во главе с военным губернатором), происходящие в империи события имели серьезный толчок. И если, изначально назначая на должность военных губернаторов Забайкальской области представителей высшей военной администрации, самодержавие, тем не менее, предъявляло к ним требование наличия хотя бы небольшого гражданского административного опыта, то с 1900-х гг., с ростом революционной активности, это требование не было уж столь обязательным. В борьбе против угрозы устоям империи правительство полагалось, в первую очередь, на умение военных действовать по-военному быстро и жестко. С 1906 г. возобновила работу Особая канцелярия при военном губернаторе Забайкальской области (ранее она существовала в 1865–1868 гг.). Вплоть до 1917 г. она вела секретное делопроизводство по вопросам розыска, ареста, определения мест наказания и режима содержания государственных и политических преступников, политзаключенных иностранного происхождения, военнопленных; выявляла политическую благонадежность населения с целью пресечения антиправительственных действий, хотя надежды прави-

тельства на решительность областных начальников не всегда оправдывались. В частности, военный губернатор генерал-лейтенант И. В. Холщевников, который к моменту своего назначения служил в действующей армии и командовал обороной Приамурской области, был обвинен в том, что, имея гарнизон в 2 тыс. солдат, принял служебно-бытовые и политические требования солдат, предъявленные ему Советом солдатских и казачьих депутатов, не смог воспрепятствовать созданию Читинской республики и позволил освободить из Акатуевской тюрьмы матросов транспорта «Прут» [7, с. 66, 68]. По мнению исследователей, на тот момент это было единственно верное решение: благодаря здравому смыслу и твердости позиции губернатора в Чите удалось избежать кровавых погромов [8]. Однако в глазах власти это было самым серьезным проступком, который только мог допустить правительственный наместник. Неслучайно арест И. В. Холщевникова стал тем редким случаем, когда имперское правительство публично наказало высшего чиновника.

В начале XX в. быть на государственной службе становится уже не так престижно, а порой и опасно. Действия высших чиновников подвергаются безжалостной критике в печати [10, л. 50], они становятся объектом террористических нападений. Только за 1907 г. от рук террористов в Забайкалье пали четыре чиновника, еще трое были ранены при исполнении своих служебных обязанностей. Среди убитых был начальник Нерчинской каторги Ю. И. Метус, начальник Алгачинской каторжной тюрьмы Барадулин и надзиратель Верхнеудинской тюрьмы Добрынин [2, л. 6]. За служащими начинается самая настоящая охота. В 1908 г. по распоряжению военного губернатора к приставу Ефимову представлена охрана в виде трех казаков. Это было сделано после того, как подтвердились сведения о посягательстве на его жизнь организованной группировкой [9, л. 144–145].

Травля государственных служащих по политическим мотивам видна и в личной переписке офицера Забайкальского казачьего войска Вячеслава Васильевича Бабушкина и известного российского деятеля народного образования и педагогической науки Владимира Игнатьевича Фармаковского. Офицер подробно показал положение в Забайкальском трансграничье в начале XX века. Представляя в переписке личные впечатления, он расскажет, описывая Читку в начале века: «во всяком штатском человеке невольно ожидал встретить врага, кто ведь

его знает, что он за птица; и это постоянное ожидание незаслуженного оскорбления, и нападения на меня как на офицера, факты были на лицо, и готовность дать отпор, ужасно действовали и на нервы да и на всю обстановку жизни. Как будто находишься во враждебной тебе стране. Китайцы и те лучше нас встречали. А тут идешь по улице и ожидаешь, что тебе пустят пулю в спину» [11, л. 97]. А уже к 1911 г. его письма становятся тревожнее, он пишет, что положение в регионе ненадежное и он даже отправил семью в Симбирск [11, л. 108].

Но апогеем напряжения в регионе становится покушение на высшее руководство области — военного губернатора. Так, 15 сентября 1912 г. террористка-одиночка Е. В. Смолянинова совершила нападение на А. И. Кияшко во время его служебного визита в Нерчинский завод. Показания нападавшей неоднозначны, сначала она утверждала: «Покушение на жизнь военного губернатора было совершено мною единолично» и поступок был вызван «душевным возбуждением ввиду полученного отказа выслушать мою просьбу». Далее Е. В. Смолянинова утверждает противоположное: «Я мстила не только за его отказ в удовлетворении личной просьбы, но и за других, главным образом, политических арестантов, которые подвергались различным строгостям и ограничению по распоряжению военного губернатора Кияшко». Политическую составляющую следствию так и не удалось установить [1, с. 6]. Но это покушение имело широкий общественный резонанс. Военный губернатор получил множество телеграмм. Сочувствие ему высказывали как высшие государственные деятели, так и представители духовенства. В ответ на покушение А. И. Кияшко издает приказ от 21 сентября 1912 г. в котором сказано, что «подобные выступления не изменят направления его деятельности, какова и впредь будет основана на строгом соблюдении законов и безграничной, не щадя живота, верноподданности обожаемому государю-императору» и призывает всех людей «сплотиться в одну дружную семью и тем самым дать возможность врагам государства воочию убедиться насколько их затеи беспочвенны». Этот приказ был зачитан на волостных сходах крестьян и инородцев [3, л. 53]. Однако в 1917 г. уже в Тифлисе А. И. Кияшко был арестован по обвинению в том, что по его распоряжению «в одной из каторжных тюрем Забайкалья политический заключенный облил себя керосином и сжег». Городскому голове Савичеву поступила просьба предоставить справку от тюремного комитета, подписанную гражданами, имеющими доверие общества, что Кияшко

действовал в регионе правильно, требует сочувствия и немедленного освобождения из заключения [5, с. 4]. Забайкальский Комитет общественной безопасности ответил, что за время его пребывания на посту военного губернатора «было несколько самоубийств политических заключенных вследствие сурового режима, введенного Кияшко; применялись розги к политическим каторжанам» [6, с. 3]. И в этом же году бывший военный губернатор Забайкальской области А. И. Кияшко погиб от рук разъяренной толпы [7, с. 85].

Политическая ситуация накануне 1917 г. в Забайкалье была крайне противоречивой. Надвигающаяся катастрофа четко прослеживается как в официальной переписке высшего руководства периферии, так и в личных воспоминаниях. Имперская власть прекрасно понимала, что в такой регион требуются жесткие руководители, имеющие четкую позицию. Правительство оказывало всевозможную поддержку местным органам управления, но события разворачивались не в пользу последних.

Литература

1. Василевский В. С кинжалом на губернатора // Народная газета. 2000. 1 нояб.
2. Государственный архив Забайкальского края (далее — ГАЗК) Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 17327.
3. ГАЗК Ф. 13. Оп. 2. Д. 31.
4. Иванов А. А., Кальмина Л. В., Курас Л. В. Забайкальская периферия на переломе эпох (1880–1920-е гг.). Иркутск: Оттиск, 2012. 300 с.
5. Известия Забайкальского областного Комитета общественной безопасности. 1917. № 4. 18 марта.
6. Известия Забайкальского областного Комитета общественной безопасности. 1917. № 5. 19 марта.
7. Константинова Т. А. Губернаторы Забайкалья. 1851–1917 гг. Чита, 2001. 90 с.
8. Константинова Т. А. Поверивший в Манифест // Забайкальский рабочий. 2006. 2 февр. (№ 22).
9. Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА) Ф. 1482. Оп. 1. Д. 9.
10. РГВИА. Ф. 1482. Оп. 1. Д. 127.
11. Российский государственный исторический архив Ф. 1073. Оп. 1. Д. 111.

УДК 947.084.21 (571.54)

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ БУРЯТ в 1917–1918 гг.:
ВЫБОР ПУТИ

© *Санжиева Татьяна Ефремовна*

доктор исторических наук, профессор,
Бурятский государственный университет,
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а
E-mail: san-j@mail.ru

В статье рассмотрена проблема национального движения по материалам, не вошедшим в научный оборот. Национальное движение бурят, организационно оформленное в 1905 г., в 1917 г. стало более активным в связи с определившимися целью и задачами. Вместе с тем прошедшие две революции, Февральская и Октябрьская, поставили ряд вопросов по тактике и стратегии Центрального бурятского национального комитета, который поддержал Временное правительство, но отрицательно отнесся к советской власти.

Ключевые слова: национальное движение бурят; Центральный бурятский национальный комитет; Иркутский отдел; совещания; съезды.

THE NATIONAL BURYAT'S MOVEMENT IN 1917–1918:
CHOICE OF THE WAY

© *Tatiana E. Sanzhieva*

Doc. Sci. (Hist.). Prof.,
Buryat State University,
24a, Smolina, Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: san-j@mail.ru

The article deals with the problem of the national movement on materials, not included in the scientific revolution. The national Buryat movement, organized in 1905, in 1917 became more active, defined goals and objectives. At the same time, the two revolutions that took place: the February and October ones raised a number of questions on the tactics and strategy of the Central Buryat National Committee, which supported the Provisional Government, but negatively reacted to Soviet power.

Keywords: national movement of Buryats; Central Buryat National Committee; Irkutsk department; meeting; congresses.

В жизни народа порой встает сложный вопрос выбора пути, итогом которого должно стать этническое самосохранение. Обычно такая проблема поднимается вследствие реформ и смены власти. В 1917 г. этот вопрос встал перед всеми российскими народами и бурятами в том числе. Февральская буржуазно-демократическая революция, ликвидировавшая монархию, открыла возможность для реализации задач национального движения: добиться автономии для бурятского народа, свободы обучения на родном языке, свободы вероисповедания, решения аграрного вопроса возврата отчужденной в колониационный фонд земли.

Проблема национального движения бурят достаточно исследована, значительный вклад в изучение этого сложного вопроса внесли члены Общественно-научного центра «Сибирь», издавшие архивные документы. В данной статье рассмотрены материалы, не вошедшие в научный оборот.

Национальное движение бурят, организационно оформленное в 1905, в 1917 г. стало более активным в связи с определившимися целью и задачами. На частном совещании бурят в г. Чите 6 марта 1917 г. был учрежден временный организационный комитет по созыву общебурятского съезда. Для того, чтобы вовлечь всех бурят к подготовке съезда, совещание постановило «для облегчения работ по организации населения признано целесообразным образовать в пределах Иркутской губ. особый комитет по созыву съезда» [4, с. 7]. Вторым вопросом на совещании стало представительство бурят в общественных организациях. Особое внимание было уделено комитету общественной безопасности, куда был делегирован представителем от бурятского народа председатель временного организационного комитета М. Н. Богданов [4, с. 8]. В качестве первоочередной задачи комитет выделил созыв на местах «экстренных сугланов, булучных, волостных и соединенных нескольких волостей, в целях организации населения, разъяснения ему происходящих событий и избрания представителей в общественные и правительственные организации для представительства и защиты интересов бурятского населения» [4, с. 8]. Для этого же было принято решение составить обращение к бурятскому народу о текущих событиях на двух языках — бурятском и русском [4, с. 8]. Частное совещание, на которое собрались 9 человек: М. Богданов, Д. Самданов, Найдан Дамдинов, Ш. Базаров, Бадмаев, В. Д. Мункуев, С. Сампи-

лов, Н. Намдаков, Д. Ринчино [2, д. 48, л. 7], дало начало возникновению новых процессов в национальном движении, поскольку оно встало перед выбором пути сохранения и развития бурятского народа. Первый общепурятский орган управления — временный организационный комитет — был поддержан большинством бурят, поэтому его легитимность не вызывает сомнений.

Буряты, жившие в этот период в г. Петрограде, 9 марта 1917 г. вместе с калмыками создали временный организационный бурятско-калмыцкий комитет для контактов с центральными органами власти: Государственной думой, Советом рабочих и солдатских депутатов, Временным правительством, «со всеми центральными правительственными и общественными учреждениями и лицами. ...для прочного укрепления нового порядка на началах национально-культурного самоопределения. ...для ознакомления калмыков и бурят с новым строем в России в целом, проведения в жизнь великих лозунгов свободы и равенства, а также приготовления к созыву Учредительного собрания» [4, с. 9]. Председателем Бурятско-Калмыцкого комитета стал уполномоченный Общепурятского общества по сбору пожертвований на нужды войны Н. А. Ханхасаев, товарищем председателя — помощник присяжного поверенного — Номто Очирович Очиров, секретарем — лектор Петроградского университета Бадзар Барадиевич Барадийн. Членами комитета утверждены старший Цанит хамбо Лхарамбо Агван Доржиев, директор высшей буддийской духовной школы Лхарамбо Банаев, ширетуй буддийского храма Жигжитов, Габижа Санжиев, уполномоченный бурят Оронгойской волости Б. Цыренжапов, управляющий буддийским храмом Намсараев, помощник делопроизводителя Главного управления по делам местного хозяйства МВД Ефим Чонов, курсистка С. Хангалова, инородец Забайкальской области С. Д. Жамбалун, студент сельскохозяйственных курсов Г. Чонов [4, с. 9–10]. Н. А. Ханхасаев подал записку Временному правительству о восстановлении Степных дум. В ответ на это 3 июня 1917 г. Иркутский отдел Национального комитета направил председателю Совета Министров кн. Львову телеграмму за подписью председателя М. Н. Ербанова, в которой говорилось, что Ханхасаев не имеет полномочий от комитета и не может выступать от имени бурятского народа [2, д. 2, л. 25].

Судя по протоколам заседаний, цель и задачи, ставившиеся комитетами, были разные. Временный организационный комитет в г. Чите основной целью видел самоопределение бурят в виде автономии, Бурятско-Калмыцкий комитет — национально-культурное самоопределение. 10 марта 1917 г. на частном совещании бурят Забайкальской области под председательством М. Н. Богданова было принято решение отправить телеграмму Временному правительству о признании его власти. Второе решение: «необходимость добиваться национальной автономии с учреждением сейма с законодательными функциями по вопросам гражданских взаимоотношений, земельным, народного образования, здоровья, по вопросам религиозным; автономия должна распространяться на забайкальских и иркутских бурят» [4, с. 7–8].

Временный организационный комитет 12 марта обратился к Бурятско-Калмыцкому комитету для выяснения его цели и задач, чтобы определить тактику взаимоотношений между двумя комитетами. Читинский комитет обратился с просьбой к Петроградскому Бурятско-Калмыцкому комитету помочь с выяснением «целесообразности нахождения призванных на тыловые работы и если призванные не приносят никакой пользы делу обороны, ходатайствовать о возвращении их на родину» [2, д. 18, л. 40]. Призванные в 1916 г. на тыловые работы буряты вернулись домой, благодаря совместным усилиям двух комитетов.

Образование двух общественно-политических органов не влияло существенно на национальное движение. Забайкальский национальный комитет и его Иркутский отдел стали впервые в истории бурятского народа единым общенациональным органом автономного самоуправления [1, с. 45].

Временный организационный комитет, стремившийся иметь своих представителей в правительственных и общественных организациях, направил в Исполнительный комитет Всероссийского совета крестьянских депутатов Даши Сампилона. Из Петрограда он писал: «В настоящее время от имени бурятского народа выступают члены калмыцко-бурятского комитета... люди без определенных политических убеждений... у меня лично нет никаких желаний к совместной с ними работе. ... как бы нам за их выступления, телеграммы и воззвания не пришлось впоследствии краснеть» [2, д. 4, л. 38–39]. Однако Временное правительство воспринимало Петро-

градский Бурятско-Калмыцкий комитет вполне официально. Так, Ханхасаев был приглашен Временным правительством в состав особого совещания для подготовки проекта положения о выборах в Учредительное собрание [3].

Политическая ситуация, сложившаяся в Иркутской губернии, кардинально отличалась от Забайкальской области, поскольку большевики выбрали пролетарский Иркутск для распространения советской власти в Забайкалье. В результате в Иркутске возникло два национальных центра: Иркутский отдел Бурятского национального комитета и Бурятская секция при Иркутском губкоме РКП(б).

В сложном положении оказался Бурнацком и его Иркутский отдел в связи с установлением советской власти в Иркутской губернии, в то время когда в Забайкальской области советская власть не была признана. Отдел Бурнацкома должен был выстроить отношения с советскими органами власти. 7 января 1918 г. на заседании, заслушав доклад подпоручика Н. М. Махочкеева, было принято постановление: «1. Не принимать активного участия в тактике политической борьбы русской демократии, проводить в жизнь бурятского народа принципы, провозглашенные русской революцией «без аннексии и контрибуции»... на основах широкого самоопределения народов. 2. Что касается специально самообороны, то бурятская нация, ведя исключительно правовую борьбу и не принимая никакого активного участия вооруженного выступления в политической борьбе и обращая внимание на запросы с мест о вооружении ввиду участвовавших вооруженных грабежей за последнее время, постановило: организовать самооборону... просить Махочкеева содействовать в получении от революционных организаций ружей в количестве 5% на все число бурятского населения губернии» [4, с. 95–96]. На следующем заседании 10 января был поставлен вопрос о представительстве в советских организациях Восточной Сибири. Большинством голосов было принято временное представительство в комитете советских организаций. Временным представителем был выбран Р.-Д. Рампилун [4, с. 96]. К марту 1918 г. обстановка стала еще более напряженной, поэтому 10 марта прошло объединенное заседание членов Иркутского отдела Бурнацкома и губернских земских гласных от бурятского населения. Некоторые члены комитета, такие как В. Егоров, И. И. Тунуханов, Р.-Д. Рампилун, П. Н. Данбинов были также губернскими земскими гласными.

На заседании так же присутствовали губернские земские гласные М. Онбоев и М. Амагаев — будущий руководитель БМАССР, активный член Коминтерна. Обсуждался вопрос «о нападении вооруженных групп людей на отдельные улусы под видом реквизиции продуктов и конфискации имущества» и об эмиграции бурят в Монголию [4, с. 103]. Было решено обратиться в центральные и местные органы советской власти для предотвращения нападения и организации охраны населения улусов. «В целях сохранения целостности нации» комитет выразил беспокойство и указал на то, что «Монголия в настоящий момент сама находится под угрозой Китая» [4, с. 103].

Лидеры национального движения большое значение придавали общепобурятскому съезду и тщательно к нему готовились. На съезде должны были участвовать «1 делегат от 1 000 душ обоего пола, достигших гражданской зрелости», общества с населением менее 1 000 чел. — одного делегата, более 1 500 чел. — двух делегатов, и от каждого дацана избирался один делегат [2, д. 1, л. 32]. Выборы рекомендовалось проводить по волостям тайным голосованием, на волостные сходы приглашать представителей интеллигенции с правом решающего голоса. В протоколе также написано: «В виду важности переживаемых событий и момента для судеб монголо-бурятского народа и необходимости тесного объединенного выступления всех элементов нации просить бывшего хамбо-ламу Ч. Д. Иролтуева и Бандидо-хамбо-ламу как духовного главу народа, войти почетными членами во Временный организационный национальный комитет и дать свое благословение на плодотворную деятельность комитета на благо народа» [2, д. 1, л. 33].

Февральская революция изменила политический строй России, вызвала волнение среди населения: принимать или нет новую власть. Например, начальник Укырской почтово-телеграфной конторы отправил в Комитет общественной безопасности сообщение, что местные буряты выступают с отказом признать Временное правительство. Поэтому 12 марта на частном совещании забайкальских бурят было принято решение обратиться к ширетую Эгетуйского дацана Зодбоеву и бывшим тайшам Э. Вамбоцыренову и Ц. Аюшеву с просьбой «разъяснить бурятскому населению о недопустимости волнений во имя интересов народа и благо его» [4, с. 8]. Подобные выступления были не единичными, поэтому члены комитета агитировали население подчиниться новому правительству и воз-

держаться от необдуманных выступлений. Так, по поручению комитета 20 марта в селе Анинском бывший главный тайша Вамбоцыренов, бывший выборный инородных управ Очиров и Санжи Доржиев собрали съезд представителей от всех булучных обществ и волостей и делегатов местных дацанов для обсуждения вопросов, касающихся революции и организации революционных учреждений. С докладами от комитета выступили Э.-Д. Ринчино и Н. Дылыков (Ага), они дали разъяснения по текущему моменту и объяснили, что главной задачей стало создание нового административного управления, предложили открыть аймачные, хошунные и сомонные учреждения по типу монгольских. Но бывшие родоначальники выступили за восстановление степных дум и родового управления по Уставу 1822 г. Съезд принял резолюцию об образовании в пределах Хоринского аймака 11 хошунов в соответствии с 11 хоринскими родами. На съезде был создан аймачный комитет общественной безопасности, названный «Чулген» в составе тайши (председатель), дид-тайши (заместитель), трех тушемылов (члены) и дзарчочин яман (аймачный суд). В состав комитета общественной безопасности хоринский съезд избрал Э. Вамбоцыренова (бывш. тайшу), Т. Галсанова (бывш. родового голову), Б. Баянова (бывш. заседатель Думы и председатель волостного суда), Чимита Абидуева (бывш. зам. председателя волостного суда) и Дулзына Цыдыпова (бывш. волостной старшина), дзаргочеем был избран Гомбо Чимитов (бывш. родовой голова). В каждом хошуне должны быть образованы комитеты общественной безопасности в составе захиракши (председателя), дид-захиракши (зам. председателя) и одного тушемыла.

В начале 1918 г. была установлена советская власть, в этой связи Центральный бурятский национальный комитет опять встал перед выбором. В обращении «Ко всем бурят-монголам Восточной Сибири», принятом 9 апреля 1918 г., говорилось: «Великий спор между левыми и умеренными крылами русской революции заканчивается победой левого крыла и установлением власти трудящихся элементов страны в лице Советов депутатов. С самого начала этого конфликта бурят-монгольский народ в лице Национального комитета стоял на точке зрения сохранения и стремления к созданию единства революционного фронта на основе взаимных уступок и признания общих революционно-демократических лозунгов и требований. Эта точка зрения проводилась нами на общесибирском

чрезвычайном съезде и на съездах Восточной Сибири и не всегда безрезультатно. Но дальнейший общественный ход вещей выяснил всю тщетность и бесплодность нашей примиренческой политики» [2, д. 28, л. 3]. В воззвании Центральный национальный комитет и бурят-монгольская секция 3-го съезда сельских депутатов Забайкальской области объявили большинством голосов признать Советскую власть как фактически существующую и делегировать в советские организации своих представителей. В исполнительный комитет советских организаций Забайкальской области был делегирован Ц. Ж. Жамцарано [4, д. 18. л. 27], в Сибирскую областную думу в г. Томске выходец из Селенгинского аймака Сангад Тубчинович Тубчинов [2, д. 28, л. 3]. Главное в национальном движении, как принято в политической культуре, — стоять на выработанной комитетом платформе.

Таким образом, в течение 1917–1918 гг. национальный комитет и его иркутский отдел считали, что «нейтральное положение бурятского народа в политической борьбе двух течений в русской демократии имеет чисто тактическое и практическое значение...» [2, д. 55, л. 22]. Бурнацком поддержал Временное правительство, но к советской власти отнесся настороженно. Об этом свидетельствуют протоколы заседаний, в которых об Октябрьской революции не упоминается, речь в них шла о текущих делах, главным для обсуждения был вопрос о земле. В начале 1918 г. сначала Иркутский отдел, затем Центральный комитет признали Советскую власть и делегировали в ее органы управления своих представителей, хотя обе революции считали переворотом. После Февральской революции национальное движение получило возможность открыто выступать. Советская власть дала бурятам, как и другим народам, государственность, которая стала защитой этноса.

Литература

1. Бабаков В. В. Национально-государственное строительство в Бурятии в 1917–1919 гг. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ. 2012. 147 с.

2. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). ФР. 483. Центральный бурятский национальный комитет (г. Чита). Оп. 1.

3. Забайкальский рабочий. 9 июня 1917 г.

4. Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы. Улан-Удэ: Сибирь, 1994. 197 с.

УДК 947.084.21 (571.54)

УЧАСТИЕ В БУРЯТСКОМ СЪЕЗДЕ 1918 г.
ДАУРСКОГО ДЕЯТЕЛЯ МЭРСЭ

© *Цыбенов Базар Догсонович*

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: tsybenov_bazar@gmail.com

В статье представлены краткие биографические данные о Мэрсэ до 1920 г., сведения об его участии в бурятском съезде 1918 г. в г. Верхнеудинске. Рассмотрена также деятельность Мэрсэ в 1919–1920 гг.

Ключевые слова: Мэрсэ; образование; бурятский съезд; Верхнеудинск; панмонгольское движение.

PARTICIPATION IN THE BURYAT CONGRESS
IN 1918 DAURIAN LEADER MERSE

© *Bazar D. Tsybenov*

Cand. Sci. (Hist.), Art. researchfellow, Inst. of Mongolian Studies,
Buddhology and Tibetology, Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences,
6, Sakhyanova, Ulan-Ude 670047, Russia
E-mail: tsybenov_bazar@gmail.com

The article is devoted to the study of the biographical information on Merce to 1920, information about his participation in the Buryat Congress in 1918 in the city of Verkhneudinsk. The author also examined the activities of Merce in 1919–1920.

Keywords: Merce; education; Buryat Congress; Verkhneudinsk; panmongolizma movement.

Мэрсэ (другое имя Гуо Даофу) родился в 1894 г. в семье зажиточного даура Мингу, в селении Мэхэрт, рядом с Хайларом. Среднее образование он получил в Цицикаре, затем некоторое время обучался в Пекине в специальной школе русского языка. Не завершив учебу, летом 1917 г. он вернулся в Хайлар. Зимой того же года Мэрсэ и его друг Фуминтай создали Хулун-Буирскую студенческую ассоциацию, весной 1918 г. — начальную школу в Хайларе

[11, с. 132–133]. В 1917–1918 гг. Мэрсэ начал интересоваться событиями, происходившими на территории проживания бурят. Национально-автономистское движение бурят оказало на него большое влияние. Надо полагать, что Мэрсэ был в курсе многих событий и в том числе бурятских съездов. Как известно, в апреле, июле и октябре 1917 г. состоялись три общепобурятских съезда, на которых рассматривались вопросы национального самоуправления, культуры, религии, ламаистского духовенства. На третьем съезде был принят проект бурятской автономии и создан Центральный Бурятский национальный комитет (Бурнацком) и его Иркутский отдел [10, с. 392; 394]. Взаимоотношения Бурнацкома и советской власти можно охарактеризовать как неопределенные, хотя в целом рабочие и крестьяне Бурятии встретили с одобрением победу Октябрьской революции 1917 г. и установление советской власти [7, с. 90]. В результате острой политической дискуссии с большевиками бурятским лидерам удалось добиться права на претворение в жизнь планов по созданию автономии. По мнению Л. В. Кураса, «в России к началу 1918 г. не было аналогов столь успешного практического осуществления права народа на областную автономию... Задача состоит в том, чтобы требование национальной автономии стало ключевой, базовой составляющей общенационального движения, выразившегося в успешном национально-государственном строительстве, несмотря на все политические коллизии и разновекторный режим политической власти» [8, с. 50]. За попытками решения национального вопроса в этнической Бурятии в 1917–1918 гг. внимательно наблюдал Мэрсэ. К активным контактам с бурятами он переходит в 1918 г. после падения советской власти в Сибири и начала Гражданской войны. В это же время в Забайкалье активную работу по созданию панмонгольского государства развернул атаман Г. М. Семенов, предложивший идею объединения монгольских племен [9, с. 160].

Как отмечает С. Этвуд, в 1918 г. Мэрсэ принял участие в монгольской ассамблее, прошедшей в г. Верхнеудинске [11, с. 135]. По нашему предположению, он мог участвовать в съезде бурят-монголов Забайкальской области и Иркутской губернии, прошедшем в Верхнеудинске 20–24 ноября 1918 г. Этот съезд известен тем, что его участники делали ставку на атамана

Семенова, рассчитывая на него как защитника интересов бурятского народа [1, с. 55]. Опираясь на него, члены Бурнардумы стремились любыми способами сохранить свои национальные органы самоуправления [2, с. 140]. С другой стороны, Бурнардума была вынуждена отказаться от провозглашенного Бурнацкомом нейтралитета и приступила к созданию аймачных отрядов «Улан-Цагда» для охраны и защиты бурятских земель [5, с. 100]. Что касается участия Мэрсэ, то есть данные, указывающие, что он прибыл в Верхнеудинск по приглашению. На съезде он представлял Хулун-Буирскую студенческую ассоциацию. Кем конкретно был приглашен Мэрсэ, остается неизвестным. По его словам, темами съезда бурят-монголов были только образование и индустриализация как способы реформирования политической системы. Основной целью съезда было обсуждение перспектив, включая возможное объединение монгольских народов. Как свидетельствуют материалы, на этом съезде Мэрсэ заявил о возможности создания единой Монголии в составе Бурятии, Барги, Внешней и Внутренней Монголии на основании принципа самоопределения, обозначенного в четырнадцати пунктах Вильсона. С ним категорически не согласился Э.-Д. Ринчино, выдвинувший идею создания «Федеративной Республики Монголия на демократических принципах» (без одобрения со стороны международного сообщества). Несмотря на различные мнения, в конечном итоге делегаты утвердили целью создание единого монгольского государства, основанного на демократических принципах [11, с. 135–136]. Из вышесказанного следует, что даурский общественно-политический деятель Мэрсэ принял непосредственное участие в съезде бурят-монголов и имел свою точку зрения на проблему объединения монгольских народов, основанную на новейших знаниях. Об этом говорит его попытка практического применения четырнадцати пунктов В. Вильсона, ставших основой Версальского мира.

В 1919 г. бурятские националисты заметно активизировались. Есть мнение, что конференции панмонгольского движения проводились, прежде всего, по их инициативе. На фоне общероссийского политического кризиса наиболее радикальные бурятские лидеры рискнули развить достижение автономии попыткой политической консолидации всей монгольской этнокультурной общ-

ности [4, с. 101]. Кроме того, бурятские национал-демократы рассчитывали занять ведущие позиции в рамках будущего государства [3, с. 58]. Когда в начале 1919 г. атаман Семенов объявил о создании панмонгольского государства, автономное правительство Барги было глубоко озабочено возможным превращением Хайлара в его столицу. В этих условиях Мэрсэ был назначен одним из представителей Барги и, очевидно, оказывал немалое влияние на основателей нового государства. Атаман Семенов и его окружение на съезде в Чите в феврале 1919 г. последовали первоначальному предложению Мэрсэ, сделанному в Верхнеудинске, и избрали делегацию для участия в Парижской мирной конференции. Была составлена декларация, в которой обосновывалась идея панмонгольского движения и необходимость образования «отдельного полноправного Монгольского государства». По мнению отечественных историков, в этот период панмонголистам был свойственен романтизм, и лидеры бурятского национального движения были убеждены, что мировое сообщество с пониманием и одобрением встретит новое политическое образование [6, с. 264–265]. В апреле 1919 г. делегаты направились на Парижскую мирную конференцию с проектом панмонгольского государства. Однако в Токио делегаты не были допущены на корабль [11, с. 136–137]. Послы союзных держав отказали делегации в визе на въезд во Францию, а Япония не рискнула открыто поддержать устремления панмонголистов. Как известно, Даурское правительство «Великой Монголии» просуществовало семь месяцев (февраль — сентябрь 1919 г.). Однако сам факт попытки объединения был использован китайскими властями для ликвидации монгольской автономии и ввода войск на ее территорию в конце 1919 г. [10, с. 405–407]. Очевидно, что в этот период правительство Барги, в основном состоящее из чиновников-дауров, пришло к пониманию невозможности осуществления проекта атамана Г. М. Семенова и решило заключить соглашение с китайскими властями. В январе 1920 г. правительство Барги приняло решение войти в состав Китайской Республики. Реакция Мэрсэ на действия властей Барги неизвестна, надо полагать, что он полностью не поддерживал эту идею ликвидации автономии. После вхождения Барги в состав Китайской Республики Мэрсэ был объявлен в розыск за создание Хулун-Буирской студенческой

ассоциации, по другим данным — партии молодежи Барги. В этой ситуации он был вынужден тайно направиться в Пекин [12, с. 170]. Позже, в 1922 г., Мэрсэ работал над созданием Народно-Революционной партии Внутренней Монголии в Урге [13, с. 97]. Как мы видим, в 1920–1922 гг. Мэрсэ окончательно встает на путь революционной борьбы за независимость монгольских народов. Однако отправной точкой для формирования и развития революционных идей Мэрсэ, очевидно, явилось его участие в бурят-монгольском съезде в Верхнеудинске 20–24 ноября 1918 г. и последующие контакты с бурятскими общественно-политическими деятелями начала XX в.

Литература

1. Бабаков В. В. Политика Бурнацкома в Забайкалье в 1918 г. // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 7. С. 52–56.
2. Базаров Б. В., Жабаева Л. Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 377 с.
3. Балдано С. В. Бурятская национальная интеллигенция: обретение и утрата социально-политического лидерства в начале XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 7. С. 56–59.
4. Балдано М. Н., Варнавский П. К. «Великая Монголия»: концепция политического единства и попытка ее реализации (1900–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 99–108.
5. Елаев А. А. Автономия и государственность бурятского народа в XX–XXI веках // Государственность народов Внутренней Азии (XX век) / отв. ред. К. Б.-М. Митушов. Прага, 2014. С. 99–139.
6. Забайкальская периферия на переломе эпох (1880–1920 гг.) / авторы-составители: Иванов А. А., Кальмина Л. В., Курас Л. В. Иркутск: оттиск, 2012. 300 с.
7. Курас Л. В. Бурятия в период Октября 1917 г. // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2011. № 2. С. 81–93.
8. Курас Л. В. Панмонголизм как проявление этничности монгольско-го мира в первой четверти XX века. Иркутск: Оттиск, 2017. 188 с.
9. Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. Иркутск: Оттиск, 2016. 252 с.
10. Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ / отв. ред. Б. В. Базаров, науч. ред. Л. В. Курас. Иркутск: Оттиск, 2016. 624 с.

11. Atwood C. P. Young Mongols and vigilantes in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911–1931 [Младомонголы и каратели во Внутренней Монголии в период междувластия, 1911–1931]. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. 1168 p. (на англ. яз.)

12. Дауур үндүсүтэн-ү тобчи теүке [Краткая история даурского народа] / найрагүлан биçикү дууууиланг найрагүлала; Мен Ди Дун, Ылжейтү, Байар [коллектив авторов; Мэн Жидун, Улзейту, Баяр]. Көкеqота: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qоrғу-а, 1989. 300 с. (на старомонг. письм.)

13. Li Narangoa, Cribb R.B. Imperial Japan and national identities in Asia, 1895–1945. Nordic Institute of Asian studies monograph series, Routledge, 2003 (на англ. яз.).

УДК 94:323.1 (571.1/.5)

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

© *Чимитдоржиев Баясхалан Баторович*

студент исторического факультета,
Бурятский государственный университет,
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а
E-mail: Bais30@mail.ru

В статье рассматривается развитие национального движения в Восточной Сибири в новых политических реалиях после Февральской революции.

Ключевые слова: Февральская революция; хакасы; буряты; Бурнацком; национальное движение.

NATIONAL MOVEMENT OF THE PEOPLES OF EASTERN SIBERIA

© *Baishalan B. Chimitdorzhiev*

Stud.of the Faculty of History,
Buryat State University,
24a, Smolina, Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: Bais30@mail.ru

The article review the development of the national movement in Eastern Siberia under new political circumstances new political circumstances after the February Revolution.

Keywords: The February Revolution, Khakas, Buryats, Buryat national Committee, national movement.

Февральская революция 1917 года создала новый интенсивный рывок в общественно-политической жизни народов Восточной Сибири. С изменением политического режима в России и развитием демократических институтов многие малые народы могли поставить вопросы по самоуправлению, народному образованию, сохранению языка и культуры и в целом по возрождению народов Восточной Сибири, в частности, бурят, хакасов и эвенков.

Новые веяния в политической жизни страны и собственных народов подхватила интеллигенция. Встречая революцию с большим энтузиазмом, интеллигенты полагали, что революцион-

ные преобразования смогут изменить национальную политику в стране.

Результаты революционных преобразований в Москве и Петербурге разнеслись по стране. Воспользовавшись этим, национальные общественно-политические деятели ставили на повестку дня самые актуальные вопросы переустройства жизни собственных народов.

Уже в апреле в Бурятии формируются органы национального самоуправления. Также Бурятский национальный комитет быстро формирует органы управления как в самом комитете, так и на местах, то есть по всей этнической Бурятии.

Созывается комиссия, которая разрабатывает план по созыву общенационального съезда. Перед общенациональным съездом стояло две задачи: выбрать органы управления и выработать план действий.

Делегаты рассмотрели вопрос отношения бурятского населения к политическим реалиям и согласились поддержать Временное правительство, а также начать пропаганду по созыву Учредительного собрания России.

Деятельность Бурнацкома разворачивалась и в Иркутской губернии, где действовала группа интеллигентов в составе В. Л. Егорова, И. И. Тунуханова, И. С. Дурхисанова, И. Г. Салтыкова, А. Р. Коняева, А. А. Убугунова.

На втором официальном совещании Бурятского национального комитета было решено добиваться национальной автономии бурят с законодательной функцией по вопросам местного самоуправления.

На третьем совещании было решено ввести дополнительные пункты о том, что бурятская автономия обязательно должна быть распространена на всех этнических бурят, не исключая всех казаков бурятского происхождения и тунгусов.

Также развивается активная деятельность хакасской национальной интеллигенции, которая созывает 13 марта 1917 года общенациональный съезд.

Можно точно сказать, что Февральская революция позволила национал-демократам реализовать свои идеи на практике.

Съезд хакасского народа прошел 6–7 апреля 1917 г. Главным вопросом на съезде была организация автономного управления

хакасского народа. Было решено ввести волостное управление на территориях его проживания.

На съезде также был решен вопрос о делегатах, которые должны наладить связь с другими сибирскими народами: И. В. Барашков, С. Д. Майнагашев, И. И. Аланов, С. Окунев.

Делегаты должны были вручить «наказы» другим народам, в частности, бурятам и калмыкам, на случай избрания кого-нибудь из них в Учредительное собрание.

Первый общенациональный съезд бурятского народа прошел 23–25 в апреле 1917 года в г. Чите. Этот съезд во всех смыслах стал эпохальным для народа, было оговорено несколько важных вопросов, касающихся национальной автономии.

Основным вопросом повестки дня была форма национальной автономии. После нескольких часов дебатов было решено принять документ под названием «Статут о временных органах по управлению культурно-национальными делами бурят-монголов и тунгусов Забайкальской области и Иркутской губернии», который давал возможность введения особого территориального устройства, а также органов управления. Так же чуть позже были приняты «новеллы» относительно административного устройства и судопроизводства на территории, подчиненной Бурнацкому.

Документ декларировал, что высшим органом управления автономией становится общенациональный съезд, а между его сессиями работает Бурятский национальный комитет [1].

Согласно документу, формируются местные органы управления на уровне сомонов, хошунов и аймаков под управлением Бурнацкома. Также Бурнацком руководил экономическими, культурными и политико-правовыми вопросами бурятского народа.

Программа съезда была направлена на общую организацию национальной автономии, поднятие экономики, развитие культуры и образования.

Началось повсеместное открытие «начальных курсов», наподобие школьного образования, на базе хошунов.

18 мая 1917 г. в Минусинске прошел местный крестьянский съезд, в работе приняли активное участие и представители Хакасии.

В тот же день по инициативе С. Д. Майнагашева была организована инородческая секция, взявшая на себя ответственность за инородцев Минусинского и Ачинского уездов.

Следующей задачей Бурятского национального комитета было признание последнего со стороны Временного правительства. Поэтому комитет решил отправить телеграмму председателю Временного правительства Е. Львову, в которой доказывалась возможность появления автономии бурят в составе России [2].

Ответ Временного правительства был для представителей бурятского национального комитета весьма неблагоприятным.

В июле 1917 года прошел краевой Восточно-Сибирский съезд, на котором снова вопрос национальной автономии бурят не нашел поддержки у делегатов. Съезд настаивал на том, что автономия бурят должна остаться только в области культуры.

На следующем съезде, который прошел 10–15 июня 1917 г., было решено ввести земства среди бурятского населения. 20–30 июня прошел съезд хакасского народа, на котором были решены вопросы, относящиеся к Учредительному собранию и местному самоуправлению хакасов. Стоял вопрос объединения хакасов с алтайцами и тувинцами в административном смысле, то есть создание единой губернии или провинции. В принципе этот тезис не мог не прозвучать, так как алтайцы, тувинцы и хакасы родственны друг в другу культурном и языковом плане.

Также был создан постоянный Национальный комитет хакасского народа. В него вошли: С. Д. Майнагашев — эсер; И. В. Барашков — народный социалист; И. И. Аланов — кадет; И. И. Тютюбеев — эсер.

8–15 октября 1917 года прошел бурятский национальный съезд, на котором горячо обсуждался земельный вопрос. Также была создана комиссия по земельному вопросу [3].

По результатам вышеописанного можно сказать, что национальные комитеты народов Восточной Сибири настойчиво добивались возможности реализации проектов их автономных учреждений в составе Российской республики. Также ввели кампанию по созыву Учредительного собрания России, которое решала бы вопросы, стоящие на повестке дня по всей территории России.

1917 год для народов Восточной Сибири стал переломным.

Мы видим игнорирование, а иногда и открытое противодействие деятельности национальных комитетов со стороны Временного правительства и большевиков. Были образованы национальные комитеты, которые ведали делами здравоохранения, образования, культуры, социально-политического и экономического развития в целом.

Октябрь 1917, или Октябрьскую революцию, лидеры национальных комитетов оценили однозначно негативно, рассматривая эту ситуацию как захват власти одной политической партией и выступали с заявлениями о создании многопартийного правительства.

Бурятские национальные лидеры возлагали большие надежды на Учредительное собрание. Результаты проведенных выборов на территории Забайкальской области показали, что большой популярностью пользовалась Партия социал-революционеров (50,2%), следом идет Бурятский национальный комитет (17,3%). Бурятские национальные лидеры полагали, что Учредительное собрание может закрепить демократическую направленность нового государства, а также даст возможность юридического закрепления автономии. Такого же мнения были и хакасские национальные лидеры.

Разгон Учредительного собрания и принятие большевиками их декретов не были приняты лидерами национальных движений. Национальные комитеты оставались преданными сторонниками эсеров с их идеями демократической республики.

Свою оценку Бурнацком дал в особом обращении «Ко всем бурят-монголам», в котором были оглашены возможные варианты признания советской власти среди бурят-монгольского населения. Условия были таковы: сохранение земского управления бурят-монголов и созыв нового Учредительного собрания.

С. Д. Майнагашев в январе 1917 года выступил с заявлением на съезде Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов о признании советской власти и о реорганизации новой автономии хакасского народа в составе РСФСР.

Итогом деятельности бурятских и хакасских национальных комитетов в период Февральской революции и до установления Советской власти в Сибири стало открытое желание создания автономии собственных народов, а среди бурят и отстоять, и со-

хранить национальные органы управления. На практике же бурятская автономия в лице Бурнацкома получила признание со стороны правительства атамана Семенова и Советской власти в 1918 году, что явно показывает положительный результат его деятельности.

Литература

1. Базаров Б. В., Жабаяева Л. Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов. Издательство Бурятского научного центра. 2008 г.
2. Барганова А. А. Образование БМАССР. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 132 с.
3. Абрамов О. К. Молох ГУЛАГа: сходство судеб трех лидеров сибирских национальных республик (Платон Ойунский, Элбек-Доржи Ринчино, Михай Ербанов) // Философский факультет Томского государственного университета. Томск, 16 мая 2015 года / под ред. В. С. Шутова. Томск, 2015. С. 106–120. ISBN 5-87307-083-0. URL: vital.lib.tsu.ru

УДК 947.084.223 (571.54)

СЕЛЕНГИНСКИЙ АЙМАК
В ПЕРИОД УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

© *Батуюева Ирина Баторовна*

доктор исторических наук, профессор,
Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
Россия, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1
E-mail: i_batueva@mail.ru

В статье рассматривается процесс выхода бурят-казаков из казачьего сословия в хошуны в Селенгинском аймаке в период революции 1917 года.

Ключевые слова: Советская власть; хошун; аймак; крестьяне; бурятское казачество; революция.

SELENGINSKAY DISTRICT IN THE PERIOD OF SETTING UP
THE SOVIET POWER

© *Irina B. Batueva*

Doc. Sci. (Hist.), Prof.,
East-Siberian State Institute of Culture,
1, Tereshkova, Ulan-Ude 670034, Russia
E-mail: i_batueva@mail.ru

The article discusses the process of entering the buryat-cossacks from the cossack class to hasuni in Selenge aimag during the revolution of 1917.

Keywords: Soviet power, khoshun, aimag, peasants, buryat cossacks, the revolution.

После победы Октябрьской революции все политические силы на территории огромной страны раскололись на две основные части по вопросу об отношении к Советской власти. Политические центры Забайкалья — Чита и Верхнеудинск, — их партийные и общественные организации на первых порах не признавали установление Советской власти в стране. То же самое — Бурятский национальный комитет и аймачные комитеты, в том числе Селенгинский.

Установление Советской власти в самом конце 1917 и начале 1918 года в Иркутске, на станциях Транссибирской железной дороги, прибытие с фронта революционно настроенных казаков и

солдат постепенно изменили отношение в Забайкалье к Советской власти. С начала 1918 года здесь усиливается движение за власть Советов. 23 января (5 февраля по новому стилю) в Верхнеудинске, 16 февраля 1918 года в Чите власть перешла к Советам рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Движение за передачу всей власти Советам разветвляется и в сельских местностях Забайкалья.

Постепенно претерпевает изменения и позиция бурятских национальных органов управления в центре и на местах. Селенгинский аймачный комитет общественной безопасности был переименован в аймачный революционный Совет с сохранением тех же руководящих лиц прежнего комитета.

В состав Селенгинского аймака входили хошуны: Оронгойский, Селенгинский, Чикойский (Цонгольский), Сартольский, Кударабурятский, казачьи станицы: Харьяская, Янгажинская, Селенгинская, Боргойская и Гигетуйская [1, с. 32–33]. В этот период здесь обострилась борьба между сторонниками недавно созданных земских национальных учреждений и приверженцами сохранения казачества. При этом и те, и другие не прочь были выдавать себя за сторонников Советской власти.

В декабре 1917 года казаки Ноехонского поселка на территории Чикойского хошуна в количестве 80 дворов заявили о своем несогласии с разделением Селенгинской станицы на две части и переходом в подчинение аймака. Казаки проводили агитацию среди населения против реформы земства. 25 февраля (10 марта) 1918 года на здании Чикойской хошунной земской управы напали 20 вооруженных казаков, в том числе трое русских. Они угрожали ее председателю Раднажабу Бимбаеву лишить жизни, забрали в управе деньги, документы, бланки паспортов и т. д. [4, д. 32, л. 10, 24, 26].

В начале февраля 1918 года вооруженные винтовками и наганамми 30–35 казаков Янгажинской станицы напали на Оронгойское хошунное земское собрание во время его заседания, требовали выдачи имущества и документов бывшей Янгажинской станицы, угрожали физической расправой над активными деятелями земских органов, сторонниками упразднения казачества, над Гармой Мадагановым, Жалцаном Цанкировым и другими [4, д. 32, л. 28].

3(16) марта граждане-казаки урочищ Янгажин, Гильбира, Харгана в количестве 56 домохозяев постановили о немедленном вос-

становлении разрушенного хошунного земства, осудили действия группы казаков по восстановлению казачества, просили аймачную земскую управу о возмещении нанесенного казаками ущерба в размере 1 тыс. рублей, привлечении к ответственности главарей казаков, разрушивших земство. При этом собрание предложило аймачному руководству обратиться за содействием к Советской власти Верхнеудинского района [4, д. 32, л. 26].

9 марта (по старому стилю) около 60–70 вооруженных винтовками и шашками казаков из семи урочищ Боргойской станицы вместе с исполняющим делами 1-го военного отдела Лесковым прибыли в Селенгинскую хошунную земскую управу и потребовали выдачи делопроизводства, имущества и денежных средств станичного правления. Их требование было удовлетворено. Со стороны казаков, как уведомяла аймак хошунная земская управа, «никаких оскорблений и вообще неприятностей не допущены» [4, д. 32, л. 32].

6 (19) марта во время обеденного перерыва занятий аймачной земской управы, аймачного революционного Совета и других учреждений группа верховых казаков, вооруженных винтовками и шашками, в количестве более 80 человек прибыла на территорию Гусиноозерского дацана: они заняли здания аймачной земской управы, милиции, квартиру председателя управы Цыбиктарова, выставили караулы на улицах. Во главе казачьего отряда были бывший атаман Дондок Абидуев, казаки Шишмарев, Базар Батуев и другие.

Прибывший к казакам член аймачной управы Буда Цыренжапов предложил провести переговоры. Однако казаки отказались вести какие-либо переговоры, потребовали выдачи Цыбиктарова, Бадмажапова, угрожали расправой, выстрелили в Цыренжапова, но пуля не попала в него. От последнего они под угрозой расстрела потребовали выдачи ключей от амбара, но после его отказа подчиниться, взломали амбар, взяли оттуда три пуда пороха, предназначенного для раздачи населению, из здания управы увезли железный ящик с деньгами и документами, арестовали Цыренжапова, председателя аймачного земельного комитета Шадапова и милиционера Цыренова.

По этому поводу аймачный революционный Совет постановил послать нарочных Бальчинова, Гомбоева в Верхнеудинск, в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, послать в Читу те-

леграмму в Бурнацком и просить их содействовать немедленному освобождению арестованных [4, д. 32, л. 34].

В связи с этим делом уполномоченный верхнеудинских советских организаций Ф. Петров, член военного комиссариата города Читы Бочкарников проводили расследование. Любопытным представляется письменное объяснение одного из активных участников нападения на аймачные учреждения тохойского казака, кавалера Георгиевского креста 4-й степени и серебряной медали Базара Батуева, 4 года воевавшего на фронте.

В ответ на обвинение в организации нападения на аймачные учреждения Батуев писал, что он был против хошунного земства, которое берет с них много податей. Далее утверждал, что он за восстановление казачества, что, как и другие фронтовики, поддался ложной агитации Дондока Абидуева и других казаков, которые выдавали себя за большевиков, служителей народа, а на самом деле занимались личным обогащением [4, д. 32, л. 57].

30 марта (12 апреля 1918 года) состоялся Селенгинский чрезвычайный аймачный съезд, на котором среди других был рассмотрен вопрос об отношении к выходу из хошунов части бурят-казаков и восстановлении некоторых упраздненных станиц. Съезд постановил «выразить некоторым фронтовикам-казакам, выступившим бессознательно по подстрекательству контрреволюционных элементов против народовластия, объединяющего в хозяйственно-административном отношении бурят-казаков и не казаков аймака и вообще национального строительства», порицание. Съезд рекомендовал аймачному революционному Совету обратиться в Троицко-савскую советскую организацию с требованием привлечь к ответственности за подстрекательство «самозванно именующего себя атаманом 1-го военного отдела гражданина Лескова» [4, д. 32, л. 58].

В это время — в конце марта — начале апреля 1918 года — в Чите проходил 3-й съезд забайкальских казаков (так называла себя казачья секция 3-го областного съезда сельского населения). По вопросу «быть или не быть казачеству» большинством (61 голос при 15 воздержавшихся) решено ликвидировать казачество, так как «казачество, как сословность, есть пережиток старины». Съезд создал комиссию по ликвидации войскового имущества и передаче его в доход государства [5, д. 10, л. 146–147].

Делегаты Селенгинского аймачного чрезвычайного съезда 31 марта (13 апреля) обратились в Селенгинский аймачный революционный Совет с письмом, в котором полностью присоединились к решению 3-го Забайкальского областного казачьего съезда об уничтожении забайкальского казачьего сословия [4, д. 36, л. 16]. На том же съезде Селенгинским аймачным тайшой — комиссаром был избран Николай Николаевич Гомбоев, [4, д. 32, л. 59] уроженец по отцу из Тамчи, внук декабриста Н. А. Бестужева. Он являлся сыном дочери Бестужева от его гражданского брака с селенгинской буряткой. По воспоминаниям Ц. О. Зориктуева, Н. Н. Гомбоев родился в Китае, умер в 1919 году в Оронгойской хошунной больнице. Постановлением Забайкальского областного Совета народных комиссаров должность аймачных комиссаров вскоре была упразднена [4, д. 32, л. 18].

В междоусобной борьбе против земства казаки нередко выступали с лозунгами советской власти, или, по крайней мере, выдавали себя за сторонников советской власти. В иркутской советской газете «Власть труда» писали, что делегация от бурят-казаков Селенгинской станицы приезжала в Иркутск и обращалась к Центросибиря «с просьбой содействовать им примкнуть к общим Советам рабочих, солдат и крестьян, ибо не видят необходимости в организации национально обособленной власти, как аймаки и национальные комитеты» [2]. Эту делегацию казаков возглавлял Дондок Абидуев.

Граждане Боргойской станицы с населением около 300 дворов бедного класса отделились от Селенгинского хошуна и аймака и образовали Боргойское отдельное общество, подчиняющееся Троицкосавскому уездному Совету. Причину выхода из аймака они объясняли тем, что в аймачной и хошунной управах сидят бывшие царские служаки — родовые тайши, старосты, старшины, атаманы, что они давят на бедноту, что распределение податей и повинностей, наделение землей осуществляется несправедливо и т. д. В решении содержалось заявление, что «Боргойское отдельное общество... всецело будет подчиняться воле Всероссийской советской республики и всем декретам и в своей среде устанавливает местную советскую власть» [3].

Трудно согласиться с утверждением о том, что в аймачном и хошунных управах установилось засилие сторонников старого ре-

жима. В таком обвинении скорее усматривается стремление в политической компрометации своих противников.

В то же время нельзя не допустить предположения о том, что в своих заявлениях о поддержке советской власти сторонники казачества учитывали и определенные симпатии среди трудовых масс к этой новой власти, а также возможные конъюнктурные соображения того же Абидуева, вынужденного считаться с фактом установившейся советской власти в крае.

Надо сказать, что в то время на местах, в том числе в Селенгинском аймаке, не было явных сторонников каких-либо политических партий, не говоря об их местных, первичных организациях. Так, на заседании депутатов от бурятского населения на Забайкальском областном съезде сельского населения в августе 1917 года, при избрании членов Бурятского национального комитета от Селенгинского аймака Б. Цыренжапов зарегистрирован как беспартийный, а Цокто Бадмажапов — как национал-демократ [4, д. 83, л. 56], хотя трудно сказать, была ли здесь вообще таковая, как организационно оформленная партия.

Что касается политики по одному из важнейших вопросов — по земельному вопросу, то представляет определенный интерес доклад земельного комитета первому чрезвычайному собранию депутатов Селенгинского аймака, состоявшемуся 18–23 июля 1918 года.

Селенгинский аймачный земельный комитет был создан 1 июля 1917 года, в июне — августе того же года были созданы хошунные земельные комитеты, которые занимались учетом свободного земельного фонда, разрешением земельных споров как внутри хошунов, так и с посторонними группами населения (крестьяне, казаки), использованием земельного фонда путем аренды и изданием обязательных постановлений.

В докладе отмечалось, что в аймаке по существу не имеется свободных земель, из-за чего наблюдается стремление жителей переехать в Монголию. Практически учета свободных и занятых земель, и не было. В отношении наличного земельного фонда проведено два важных мероприятия: все находящиеся во владении миссионерских станов и дацанов земли переданы во владение трудового народа, проводилась политика по сохранению арендных отношений и в 1918 году.

За рассматриваемый почти годичный период имели место земельные споры двух видов: бурятские общества предъявляют право на землю, находящуюся во владении казны и других групп населения и, наоборот, другие группы населения, а именно крестьяне и казаки, претендуют на земли, находящиеся в пользовании бурятского населения. Спорных дел по первой группе, особенно по сенокосным угодьям, было 11, по второй — значительно меньше. Основные споры были в Чикойском и Оронгойском хошунах [4, д. 45, л. 7]. Революционные события в аймаке показали высокую степень активности народных масс.

Литература

1. Батуева И. Б., Бабаков В. В. Национально-государственное строительство в Селенгинском аймаке в период февраля 1917 года // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. Улан-Удэ, 2017. № 2(2). С. 32–33.
2. Власть труда. 1918, 13 апреля.
3. Вестник Советов Прибайкалья. 1918, 3 июля.
4. ГАРБ. Ф. 483. Оп. 1.
5. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 82.

УДК 947.083 (571.54)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕРХНЕУДИНСКОЙ ПОЛИЦИИ В НАЧАЛЕ XX в. ПО СОХРАНЕНИЮ СТАБИЛЬНОСТИ В ГОРОДЕ

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых МК-8975.2016.6. «Государственные институты управления Российской империи в освоении Забайкальского трансграничья (вторая половина XVIII — начало XX вв.)»

© *Евтехов Роман Артурович*

сотрудник,

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Россия, 125080, г. Москва, Ленинградский пр-т, 80

E-mail: Romachka1818@rambler.ru

В работе автор рассматривает средства готовности уездного полицейского управления Верхнеудинска, расположенного на далеких окраинах Российской империи, к росту преступности и протестов населения. Архивные материалы, использованные в исследовании, свидетельствуют о внедрении определенных технических инноваций, используемых в охране государственных ценностей. В целом же штатный состав, особенно небольших городов Забайкалья, был слабо подготовлен и обмундирован для должного уровня охраны безопасности, что в результате стало причиной полной беспомощности полицейских органов.

Ключевые слова: Верхнеудинск; уездное полицейское управление; революционные события; протесты; безопасность; криминогенная обстановка; Забайкальская область.

ACTIVITY OF THE VERKHNEUDINSK POLICE FOR STABILITY IN THE CITY AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Roman A. Evtekhov

Fellow Worker,

Moscow Financial-Industrial University «Synergy»,
80, Leningrad Pr., 125080 Moscow, Russia

E-mail: Romachka1818@rambler.ru

In work the author considers means of readiness of the district police department of Verkhneudinsk located on remote outskirts of the Russian empire to growth of criminality and protests of the population. Archival mate-

rials used in the study indicate the introduction of certain technical innovations used in the protection of state values. In general, the staffing, especially in the small towns of Transbaikalia, was poorly trained and outfitted for the proper level of security, which resulted in the total helplessness of the police authorities.

Keywords: Verkhneudinsk; county police department; revolutionary events; protests; security; crime situation; Transbaikal region.

Полиция Российской империи являлась не только правоохранительным аппаратом, ей были делегированы функции обеспечения порядка, стабильности и сохранения существовавшего строя. Все это в XVIII веке было определено одним словом — «благочиние». Консервативная роль полиции подчеркивалась и законодательными актами. Так, в разделе II главы 6 «Свода уставов о предупреждении и пресечении преступлений» (изд. 1890 г.) пункт 109 гласит: «Она [полиция] пресѣкаетъ въ самомъ началѣ всякую новизну, законамъ противную».

Развитие капитализма в Российской империи закономерно привело к росту осознания своих прав, свобод и желанию участия в общественно-политической жизни. Однако полиция как учреждение надзора даже после реформ 60-х г. XIX в. не изменила свои задачи и продолжала оставаться на старых феодальных принципах.

Основными формами организации полиции в империи были окружные и городские полицейские управления, подчинявшиеся через губернаторов департаменту полиции [4, с. 48; 5 с. 22]. В условиях Забайкалья координацию деятельности полицейских управлений осуществлял военный губернатор, совмещавший в своих руках полномочия гражданского и военного управляющего в чрезвычайных условиях отдаления и наличия ссылки и каторги [7, с. 81]. Еще одной важной причиной для этого является трансграничность расположения региона [9, с. 3–5; 12, с. 86]. Объединение широких полномочий в единых руках было продиктовано необходимостью наделить управленческий аппарат большими полномочиями и, конечно же, сэкономить на дорогостоящем чиновничьем аппарате. Но в преддверии революционных событий 1917 г. криминогенная обстановка в Забайкалье значительно ухудшилась и уже слабо поддавалась контролю властей [6, с. 52].

Согласно циркуляру товарища министра внутренних дел Белецкого [2, л. 1–2], в империи участились случаи разбойных нападений,

грабежей и усиливалась подрывная работа революционных организаций. От начальников губерний требовалось принять решительные меры по усилению бдительности местных полицейских и сыскных органов в работе по розыску, задержанию злоумышленников, охране ценностей и т. д. Формат подачи информации в рассматриваемом циркуляре очень эмоциональный, что свидетельствует о полном бессилии центральных властей контролировать происходящее.

В виде поощрения товарищ министра предлагал особо отличившихся полицейских представлять к денежным наградам, а виновников грабежей предавать военному суду. Основным предметом охраны была перевозка казенных денежных сумм на оплату военных расходов. Предлагалось обставлять доставку средств особой конспирацией, меняя маршруты и способы перевозки. В соответствии с циркуляром, военный губернатор Забайкальской области предписал местным полицейским управлениям ряд мероприятий для сохранения перевозимых денежных сумм. Во-первых, предполагалось, сообщаясь с государственными банками и казначействами, между ними и органами полиции и воинскими частями установить сигнализацию, а также усилить наемную стражу и воинские караулы. Во-вторых, нужно было усилить охрану ценностей в почтовых конторах и отделениях при перевозке почт и, в-третьих, конспирировать перевозку казенных денег.

В ответ на требуемые меры посыпались рапорты с жалобами, уездных начальников под грифом «совершенно секретно». В частности, Верхнеудинский окружной начальник [2, л. 34–35] сообщил о принятых полицией города мерах. Казначейство в Верхнеудинске помещено в нижнем этаже здания полицейского управления, а кроме того, соединено с ним, кроме телефона, «особым сигнализационным прибором». По тревоге в казначейство тотчас являются все наличные чины полиции, кои проинструктированы на таковой случай. Казначейство охраняется собственными вооруженными чиновниками, а при кладовой казначейства учрежден ночной пост от войск местного гарнизона. В чрезвычайном случае по тревоге может быть вызвана гарнизонная караульная команда и расположенная в соседних зданиях пожарная команда. Последняя в случае грабежа вызывалась исключительно декоративно, так как не была вооружена. Что касается почтово-телеграфной доставки в Верхне-

удинске, то вблизи ее находится полицейский пост, по телефону может быть вызвана воинская команда. Доставка почты по городу осуществляется почтальонами, а для доставки на вокзал полиция обещала снаряжение особых нарядов. Наемную стражу для этих целей организовать было невозможно, так как у этих учреждений отсутствуют средства. Что касалось увеличения воинских караулов, то актуальная проблема нехватки чинов сохранялась и здесь. Начальник гарнизона не только не соглашался на увеличение постов, но и подал ходатайство об упразднении ночного поста при казначействе. Ситуация Верхнеудинска в этом смысле была еще относительно неплохой.

Положение охраны казны и почт в других забайкальских городах, как Селенгинск и Баргузин, было еще хуже [2, л. 9–10об]. Почтовые конторы и казначейства в них охранялись исключительно персоналом этих учреждений. В случаях препровождения больших сумм денег охраной выступали сотские и десятские от общества, невооруженные огнестрельным оружием, как и почти вся полиция Забайкальской области. По этой причине полиция не могла обеспечивать конспирацию транспортировки ценностей.

Таким образом, несмотря на наличие некоторых технических новшеств, повышающих скорость реагирования полиции и охранных отделений на случаи грабежа и разбоев, уровень безопасности был на достаточно низком уровне. Главными причинами этого был нарастающий уровень общественных волнений и протестных настроений. В этой связи значительно ухудшалась криминальная обстановка и безопасность препровождения ценных государственных грузов. Все это усугублялось отсутствием обмундирования и оружия у нижних чинов полиции и недостаточностью численности личного состава.

Литература

1. ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 43.
2. ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 63.
3. ГАЗК. Ф. 13. Оп. 9. Д. 64.
4. Евтехов Р. А. Этапы становления городской полицейской службы Верхнеудинска XVIII — начала XX вв. // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. Т. 2. С. 48–55.
5. Евтехов Р. А., Малыгина О. А. Городская полиция в системе государственных институтов управления Забайкальской областью в XVIII —

начале XX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 3 (34). С. 22–31.

6. Евтехов Р. А., Паликова Т. В. Основные этапы формирования городской полиции г. Верхнеудинска Иркутской губернии в XVIII — первой трети XIX веков // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. Т. 1. С. 42–52.

7. Малыгина О. А. Забайкальская ссылка и каторга в отчетах военных губернаторов (2-я половина XIX — начало XX в.) // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2014. Вып. 2. С. 81–87.

8. Паликова Т. В. Верхнеудинск — «Маленький городок» // История в подробностях. 2011. № 9. С. 64–71.

9. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX–XX в.: источники и историография. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. 176 с.

10. Паликова Т. В. Русско-Восточное сотрудничество во второй половине XIX — начале XX в. // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2014. Вып. 2. С. 4–11.

11. Паликова Т. В. Урбанизационные процессы в дореволюционном Забайкалье // Вестник ВСГТУ. 2011. № 3(34). С. 35–39.

12. Паликова Т. В. Юго-Западное Забайкалье XIX — начала XX в. в условиях трансграничья // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 7. С. 86–90.

УДК 947(571.54)

ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЯ 1917 г. НА ГОРОДСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

© *Паликова Татьяна Вадимовна*

доктор исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет,
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а
E-mail: palikova@mail.ru

Статья посвящена характеристике городского законодательства России в первый послереволюционный год. Обращается внимание на понимание новой властью значимости городов в административно-управленческой системе страны, о чем свидетельствует значительное число законов, регулирующих политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь городов. Автор обращает внимание на то, что 1917, 1918 годы предоставляют правительствам широкие возможности законотворчества и интересны с точки зрения одновременного существования различных норм городских законов, что актуально на окраинных территориях государства, таких как Забайкалье, где имперские органы городского общественного управления существовали вплоть до 20-х годов XX в. при наличии новой избирательной системы и советском руководстве.

Ключевые слова: городское законодательство; Россия; 1917, 1918 годы; избирательное право.

THE INFLUENCE OF OCTOBER 1917 ON THE CITY LEGISLATION

Tatiana V. Palikova

Doc. Sci. (Histor.), A/Prof.,
Buryat State University,
24a, Smolina, Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: palikova@mail.ru

The article is devoted to the description of the urban legislation of Russia in the first post-revolutionary year. Attention is drawn to the understanding by the new authority of the importance of cities in the administrative and managerial system of the country, as evidenced by the significant number of laws regulating the political, economic, social and cultural life of cities. The author notes that in 1917 provides governments with ample opportunities for lawmaking and is interesting from the point of view of

the simultaneous existence of various norms of city laws, which is actual in the border territories of the state, such as Transbaikalia, where the imperial organs of urban public administration existed up to 20-s of the XX century, if there is a new electoral system and the Soviet leadership.

Keywords: city legislation, Russia, 1917, suffrage.

В российском календаре юбилейных дат на 2017 г. в ряду других исторических событий отмечено несколько столетних юбилеев — Февральской революции, отречение Николая II и падение монархии, Октябрьская революция, — оказавших значительное влияние на городскую законодательную базу страны. Этот период интересен в силу одновременного действия законов о городах империи и Временного правительства, последующего перехода на советское законодательство. И в том и в другом случае новые законы не отменяли имперские, хотя и существенно их корректировали. Мы уже неоднократно рассматривали проблемы формирования и реализации новых (советских) законов о городском самоуправлении [1], поэтому данная статья затронет городские законы 1917 г.

Известные события 1917 г. в России положили начало новому этапу организации власти на местах. Февральская революция, сокрушив монархию, открыла путь изменению структуры государственной и местной власти. Период революции с марта по апрель 1917 г. был самым демократическим во всей истории России.

3 марта 1917 г. принята «Декларация Временного правительства о его составе и задачах», которая изменила систему местного самоуправления, введя демократический принцип всеобщего избирательного права (ст. 3, 4, 6) вместо гендерного, возрастного, имущественного, отчасти конфессионального цензов. Временное правительство сделало еще один шаг вперед в сравнении с имперским законом, заменив полицию народной милицией с выборным начальством, подчинило ее органам местного самоуправления. В результате этого акта город, наконец, получил, с одной стороны, силовой инструмент, обеспечивавший выполнение обязательных постановлений, сбор средств, поддержание порядка, с другой — возможность контроля деятельности полиции и влияния на ее кадровый состав, чего добивался много лет.

Смысл изменения заключался в том, что в соответствии с нормой Городового положения 1870 г., сохраненной и в 1892 г., город затрачивал значительные средства на содержание полиции, при этом она находилась вне его юрисдикции и не всегда добросовестно выполняла свои обязанности [3, с. 124–125].

15 апреля 1917 г. издано «Постановление Временного правительства о производстве выборов гласных городских дум и участковых городских управлениях». Это была дальнейшая разработка и детализация городского законодательства, прежде всего в части избирательного права. До принятия нового городского закона вводились временные правила о выборах гласных городских дум в городах, которые управлялись по Городовому положению 1892 г. (II). Вне зависимости от окончания срока избранных органов городского общественного управления в городах составлялись избирательные списки для новых выборов, при этом срок полномочий вновь избранных дум определялся 1 января 1919 г. (прил. 1, ст. 2) [6, с. 805–832].

Стоит обратить внимание на политику нивелирования Временным правительством состояния всех городов России вне зависимости от их состояния городских средств, «свойства занятости населения и степени развития торговли и промыслов». Речь идет об отмене в апреле 1917 г. Приложения к статье 22 Городового положения («Положения об общественном управлении городов») 1915 г. (соответствует ст. 22 Городового положения 1892 г.) [5, с. 9–10]. По норме последнего Городового положения российские города подразделялись на две категории: с полным общественным управлением (городские дума и управа во главе с избранным городским головой) и с упрощенным общественным управлением (городской голова и уполномоченные от городского общества вместо думы) [2].

Принятая Временным правительством Декларация в ст. 8 устраняла все ограничения в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам, солдатам, но при условии сохранения строгой военной дисциплины в строю. Это уравнивание военных и горожан вызвало серьезные разногласия как со стороны юристов, так и со стороны самих городов, и сводилось к вполне разумным доводам: как правило, военные не были гражданами данного города, а войсковые подраз-

деления могли быть передислоцированы в другое место, что влекло за собой резкое понижение численности избирателей. В окончательном варианте документа ст. 3 Приложения 1 уточняла круг избирателей: «... если они во время составления избирательных списков проживают в данном городе, либо имеют в городе домашнее обзаведение, или состоят там на службе или же имеют иные, связанные с городом, определенные занятия» и определяла, что «лица, состоящие на военной службе, принимают участие в выборах на общих основаниях». Как в предшествующих законах ограничения избирательного права с некоторым расширением касались высшей градоначальной и административной власти, милицейских (полицейских) чинов, монахов, лиц, осужденных с лишением гражданских прав, а также отбывших наказание до истечения трехлетнего срока, в том числе за «подлог, ростовщичество, лихоимство и лихоительство, а также осужденные по суду за преступные деяния против избирательного права» (ст. 5). Расширение списка данной категории коснулось физически неполноценных граждан, признанных «в установленном порядке безумными, сумасшедшими и глухонемыми» (ст. 4). Вводится понятие «избирательный округ» (одно городское поселение), «избирательный участок», «избирательная комиссия». Избиратель мог принимать участие в выборах только при наличии избирательной карточки, имел не более одного голоса. Избирательная записка считалась действительной при отсутствии в ней помарок и исправлений. Временное правительство упростило систему голосования: громоздкая процедура баллотировки шарами (ст. 45, ГП) замещена подачей письменных голосов (кстати, применявшаяся неофициально до 1917 г.), при которой избиратель голосовал только за один список кандидатов в гласные при помощи избирательной записки с указанием номера этого списка. Подсчет голосов производился на следующий день в присутствии избирателей. Таким образом, законодатель придал процедуре выборов максимальную прозрачность. Опротестовать результаты выборов можно было в судебном порядке в течение 7 дней.

Судьбоносным для Забайкалья стало принятое 3 июня 1917 г. решение о преобразовании 41 сельского поселения в города, в результате чего на карте области появилось 3 новых го-

рода — Петровск-Забайкальский, Нерчинск-Заводский и Онон (бывший поселок Оловянный Акшинского уезда) с числом гласных в городских думах 21–20 человек [5, с. 488].

Следует сказать, что прежние имперские законы действовали недолго и постановлением от 9 июня 1917 г. «Об изменении действующих положений об общественном управлении городов» в Городовое положение 1892 г. вносились «наиболее неотложные изменения», которые действовали «впредь до издания нового закона об общественном управлении городов» [4, с. 444]. Законодатель, учитывая опыт работы гласных по законам 1870 и 1892 гг., предусмотрел возможность работы избранников на платной основе, в чем современники и сами думцы многих поколений видели залог успешной деятельности городских властей. Применительно к городам Забайкалья оплата каждого посещения заседания Думы гласным составляла в Чите — не более трех, а в остальных городах — не менее двух рублей. Эта мера должна была обеспечить заинтересованность гласных, но, полагая, что и она окажется не для всех действенной, закон вводил исключение из состава гласных в случае систематического непосещения заседаний в течение полугода («Гласный... считается отказавшимся от этого звания»). В условиях постепенного снижения активности гласных и нарастания обструкции, когда невозможно было решить даже неотложные вопросы городского хозяйства, данная норма может считаться насущной.

Новый закон снял казус должностных полномочий городского головы, кочевавший из одного документа в другой, и способствовал четкому разделению властей: городской голова с товарищем возглавил городскую управу, а городскую думу — избираемый на год председатель и его помощник.

Исходя из опыта имперского городского управления, новая власть наделила избирателей правом отзыва гласных, деятельность подлежала контролю комиссаров Временного правительства. При этом расширялась компетенция городского управления, оно получало право создания милиции и, следовательно, функция безопасности горожан и их имущества возлагалась на городскую думу и управу, вместе с этим городское управление получило возможность контроля над исполнением своих хозяйственных постановлений.

25 октября (ст. ст.) 1917 г. власть Временного правительства была низложена и ей на смену пришла новая, советская. До июня 1918 г. — до принятия Конституции РСФСР — было принято 20 законов, регулирующих различные стороны жизни городов. На наш взгляд, это чрезвычайно важный показатель, свидетельствующий о понимании роли, которую выполняют города в административно-управленческой системе страны и горожане как наиболее активные граждане. Уже 28 октября 1917 г. Совет Народных Комиссаров издает декрет «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле», наделявший городское управление широкими полномочиями по продовольственному обеспечению населения городов вплоть до конфискации, ревизии и секвестра принадлежащих частным лицам, организациям или учреждениям: «продукты, предметы, аппараты, орудия, принадлежности, транспортные средства, склады» для обеспечения бесперебойной «развозки продовольственных продуктов, их хранения, заготовки, переработки, распределения и организации общественного питания». Действие норм декрета вступало в силу немедленно и во всех городах с населением от 10 тыс. человек [7, с. 8–9]. 30 октября Народный Комиссариат по внутренним делам РСФСР наделяет городские самоуправления правами в деле регулирования жилищного вопроса, т. е. реквизировать все помещения, пригодные для жилья, учреждать жилищные инспекции, домовые инспекции и жилищные суды [7, с. 15]. Двумя днями ранее НК вводит с 1 ноября жилищный мораторий, освобождающий от квартирной платы, если общий доход горожан не превышает 400 руб. [7, с. 14–15].

Война, экономический развал и вызванные ими недоедание и истощение населения выдвинули вопрос о борьбе с заболеваемостью, смертностью и антисанитарными условиями жизни широких масс населения, причем эти вопросы наиболее остро стояли именно перед городами с их скученностью и особыми жилищными условиями. Поэтому вопрос о формировании санитарного законодательства (водоснабжение, канализация, санитарный надзор), об организации санитарной инспекции, о мерах по борьбе с социальными заболеваниями и заразными болезнями, детской смертностью, созданием народных санаториев и т. д. стоял довольно остро. Решение этой широкомасштабной задачи,

по мнению НК государственного призрения, возможно только с привлечением широких кругов населения, и одним из условий являлось изменение социального состава городского самоуправления, т. к. сформированное по буржуазному принципу, оно недостаточно полно представляло ведущие социальные силы страны [8].

Особое внимание новая власть уделила вопросу недвижимости и прежде всего земельной собственности, принадлежавшей городам, как необходимом условии их развития. С 18 декабря решением СНК РСФСР земля и другая недвижимость подлежала обобществлению, поэтому декрет от 14 декабря 1917 г. налагал запрет на любые сделки (продажа, покупка, залог) со всей городской недвижимостью и землей. Причем документ предписывал совместный контроль над исполнением этой нормы Советов рабочих и солдатских депутатов и городского самоуправления [9].

Как уже говорилось выше, события 1914–1917 гг. оказали крайне негативное влияние на состояние городского хозяйства, многие города были вынуждены израсходовать весь свой запасной капитал и лишились многих источников его пополнения. В связи с этим было принято решение об открытии кредита в Государственном банке для выдачи ссуд на покрытие неотложных расходов по удовлетворению насущных потребностей в сумме не свыше 200 млн руб. в течение 1917 и 1918 годов, но только после обязательного заключения местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [7, с. 174–175].

Существенным шагом в координации действий разрозненных городских самоуправлений стало учреждение декретом 19 декабря 1917 г. Комиссариата по местному самоуправлению, который сосредоточил главное управление по делам местного хозяйства (передано из комиссариата по внутренним делам), кассу городского и земского кредита и все относящиеся к местному самоуправлению учреждения [7, с. 52].

И почти в самом конце 1917 г., 24 декабря вышли в свет два документа, тесно связанных друг с другом, — инструкция «О правах и обязанностях Советов» (СНК РСФСР) [7, с. 191–192] и письмо «Об организации местного управления» (НК по внутренним делам РСФСР) [7, с. 90–191], утверждавших Советы как органы власти, на которые «возлагаются задачи управления и

обслуживания всех сторон местной жизни, административной, хозяйственной, финансовой и культурно-просветительной». Выстраивалась система управления государством, новый способ власти, когда вся страна «покрывалась» сетью Советов рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов — «связный, во всех своих частях однородный организм — Республика Советов». Вместе с этим ставился вопрос и о новых административных центрах с развитой промышленной и торговой жизнью, тем самым изменялось представление о городе — городской статус определяет экономический фактор, а не административный — официальный, как это было в предшествующее время. Для многих городских поселений имперского времени это означало потерю статуса и в рамках Забайкалья оказалось возможным только в середине — конце 1920-х гг.: в 1925 г. городского статуса лишились Мысовск и Селенгинск, в 1926 г. — Акша, в 1927 г. — Баргузин.

Таким образом, все вышеизложенное позволяет констатировать существенное влияние революционных событий 1917 г. на городскую законодательную базу, которая и в имперское время не была неизменной, а корректировалась в соответствии с меняющимися обстоятельствами. Вместе с тем можно определить некую специфику в законодательстве, позволяющую выделить наиболее приоритетные для того или иного правительства аспекты. Если законы Временного правительства в основном упор делали на избирательное право, преодолевая противоречия имперских Городовых положений, выстраивая нормативную базу соответственно политическим изменениям, то законодательство Советов изменило всю систему городской законодательной базы, выстраивая однородный советский механизм, основанный на обобществлении собственности.

Литература

1. Паликова Т. В. Формирование законодательной базы управления городами Бурятии (1920–1930-е гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 7(1).2015. С. 21–25; *Ее же*. Законодательная база городского управления и ее реализация в Верхнеудинске в первые советские годы // Сибирь в годы Великой российской революции (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и интер-

венции): материалы всерос. науч-практ. конф. с междунар. участием. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 23017. С. 215–218.

2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 12. 1892 г. СПб, 1895. № 8708. С. 430–456.

3. Российское законодательство X–XX вв. М.: Юридическая литература, 1994. Т. 9. Эпоха буржуазно-демократических революций. — 352 с.

4. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг.: Первая гос. тип., 1918. Вып. 2. 5 мая — 24 июля 1917 г. Ч. 1. Отделы 1–8. 698 с.

5. Свод законов Российской империи. Т. 2. Положение о губернских и уездных земских учреждениях; Положение об общественном управлении городов; Учреждение гражданского управления казаков. 1915. 112, 153, 421 с.

6. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел первый. 1 мая 1917 г. № 95. Ст. 529.

7. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 г. Упр. делами Совнаркома СССР. М., 1942. Отдел первый. 1483 с.

8. URL: <http://istmat.info/node/28143> (дата обращения: 20.10.2017).

9. URL: <http://музейреформ.рф> (дата обращения: 20.10.2017).

УДК 930 (571.54)

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕМЫ
«ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
В Г. ВЕРХНЕУДИНСКЕ В 1920-е ГГ.»

Научный руководитель — д-р ист. наук Т. В. Паликова

© *Красовская Алина Александровна*

магистрант,

Бурятский государственный университет,

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а

E-mail: alina.spiridonova.94@mail.ru

В статье приводится источниковедческий анализ темы «Деятельность городского управления в г. Верхнеудинске в 1920-е годы». Рассмотрен комплекс опубликованных и неопубликованных источников по данной проблематике, дана их краткая характеристика. Так же приводится анализ степени сохранности рассматриваемых в статье исторических источников. В результате изучения комплекса источников, раскрывающих историю становления и функционирования органов Верхнеудинской городской власти 1920-х гг. автор приходит к выводу, что эмпирическую базу по теме исследования можно считать удовлетворительной.

Ключевые слова: исторический источник; Верхнеудинск; городские органы власти; народно-революционный комитет; городское управление; коммунальный отдел; советская власть.

SOURCE-STUDY ANALYSIS OF THE THEME "ACTIVITY
OF URBAN MANAGEMENT IN VERKHNEUDINSK
IN THE YEAR 1920"

Alina A. Krasovskaya

Master Sci.,

Buryat State University,

24a, Smolina, Ulan-Ude 67000, Russia

E-mail: alina.spiridonova.94@mail.ru

The article presents a source analysis of the theme «Activity of the city administration in Verkhneudinsk in the 1920s». A complex of published and unpublished sources on this issue is considered, and their brief description

is given. The analysis of the degree of preservation of the historical sources considered in the article is also given. As a result of the study of a complex of sources that reveal the history of the formation and functioning of the organs of Verkhneudinsk city government in the 1920s. The author comes to the conclusion that the empirical base on the research topic can be considered satisfactory.

Keywords: historical source; Verkhneudinsk; city authorities; people's revolutionary committee; city government; municipal department; Soviet government.

Изучение деятельности городского управления в период Великой Октябрьской революции и Гражданской войны как в целом, так и с отдельных сторон выдвигает на первый план задачи выявления, анализа и систематизации документальных источников, оставшихся в результате функционирования органов городской власти в лице Верхнеудинского городского народно-революционного комитета, Верхнеудинского городского управления и коммунального отдела при Революционном комитете Прибайкальской губернии г. Верхнеудинска как самоуправляющихся единиц и хозяйствующих субъектов, призванных решать вопросы местного значения. Процессы становления и функционирования этого социального института с широкой компетенцией представлены в различных видах исторических источников, число которых колоссально. Большая часть из них на сегодняшний день не введена в научный оборот.

Источниковой базой для изучения данной проблематики выступает весь совокупный ряд документальных материалов, опубликованных и неопубликованных источников.

Эмпирическую базу при рассмотрении деятельности городского управления в г. Верхнеудинске в 1920-е гг. составляют следующие типы источников:

1. Письменные.
2. Вещественные.
3. Фотодокументы.
4. Изобразительные источники.
5. Интернет-источники.

Считаю целесообразным рассмотреть каждый тип исторических источников более подробно.

Наиболее широко представлен первый тип исторических источников (письменные), который подразделяется на следующие виды:

- 1) законодательные акты;
- 2) делопроизводственная документация;
- 3) актовые материалы;
- 4) статистика;
- 5) периодическая печать;
- 6) документы личного происхождения (мемуары, дневники, переписка);
- 7) публицистика и политические сочинения.

Необходимо проанализировать законодательные акты, закладывавшие основы функционирования органов городского управления в разные исторические эпохи. К ним относятся «Городовое положение» 1870 г. [8], «Городовое положение» 1892 г [9]. «Конституция Дальневосточной Республики» от 27.04.1921 г. [7], «Закон о выборах в местные, сельские, волостные, городские и уездные органы управления Дальневосточной Республики» от 03.06.1920 г. [6], «О местном самоуправлении в РСФСР» от 06.06.1991 г. [5], «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. [4], «Конституция Российской Федерации» от 12.12.1993 г. [3]. При анализе перечисленных нормативно-правовых актов можно проследить преемственность в развитии современного законодательства с нормами имперской России, и впоследствии Советской России, в частности, преемственности в принципе разделения властей: городская администрация как исполнительно распорядительный орган и представительное собрание, состоящее из депутатов, избираемых горожанами [17, с. 44].

Делопроизводственная документация, актовые материалы, документы личного происхождения, политические сочинения содержатся в фондах Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ)-Ф. 10 «Верхнеудинская городская управа», Ф. Р-1778 «Личный фонд семьи Танских»; Ф. Р-15 «Верхнеудинский городской народно-революционный комитет», Ф. Р-300 «Революционный комитет Прибайкальской губернии», Ф. Р-968 «Верхнеудинское городское управление Верхнеудинского уезда Прибайкальской области», Ф. Р-970 «Верхнеудинский уездный ревком» [1].

Данная группа источников является самой массовой группой исторических источников и представлена перепиской учреждений, приказами, предписаниями, циркулярами вышестоящих инстанций, протоколами, обязательными постановлениями, отчетами, бюджетными ведомостями органов местного самоуправления; различными протоколами, отчетами, сведениями, перепиской о выборах в народный суд, устройстве библиотеки, работе Прибайкальского университета, налогах на торговлю, аренде земли и лесопорубках, работе городской электростанции, пожарной команды, санитарном состоянии города, документами по личному составу.

Расширить количество представленных материалов возможно за счет фондов Государственного архива Забайкальской области — Ф.Р.-146 «Забайкальский областной народно-революционный комитет, г. Чита (1920–1921)», Ф.Р.-423 «Восточно-Забайкальский областной народно-революционный комитет, г. Нерчинск (1920)», Ф.Р.-121 «Забайкальская областная комиссия по выборам в Учредительное Собрание ДВР (1920-1921)», Ф.Р.-2151 «Забайкальская областная комиссия по выборам в Народное собрание 2-го созыва ДВР, г. Чита (1922)» [2]. В данных фондах представлена информация по личному составу облнарревкома, его отделов и подведомственных учреждений, Приказы облнарревкома об упразднении Войскового правления, об образовании нарревкомов на местах. Протоколы заседаний президиума облнарревкома, переписка, месячные отчеты кассы, документы местного комитета, постановления, приказы. Это положения и инструкции о проведении выборов, указания и протоколы заседаний Дальневосточной (Центральной) комиссии, областной комиссии, районных и участковых, переписка областной комиссии с центральной и районными избирательными комиссиями, удостоверения, мандаты членов избирательных комиссий, представителей политических партий, избранных членов Народного собрания от Забайкальской области, предвыборные воззвания и листовки, финансовые документы областной комиссии.

Что касается статистических материалов, то они содержат в себе данные о численности населения, сословном делении избирателей, количественные показатели по развитию местного хозяйства и могут быть получены из отчетов органов местного са-

моуправления, а также из сборника статистических материалов «Экономическое состояние городских поселений Сибири, 1882 г.» [10]. Городские власти придавали особое значение сбору, аккумулярованию, обработке и предоставлению сведений о деятельности предприятий, обществ и сооружений [16, с. 54], причем городская статистика имела ярко выраженный отчетный характер [15, с. 76]. Кроме этого, ценная информация по данной проблеме представлена в разных справочных изданиях, календарях и документах, опубликованных органами городской власти 1920-х гг.

Пятый вид письменных исторических источников представлен периодической печатью. В первую очередь необходимо обратить внимание на газеты «Дальневосточная Республика» [12] и «Дальневосточный путь» [11] — официальные средства массовой информации ДВР. Данные источники включают в себя колоссальный по объему и разносторонний по содержанию информационный «пласт», требующий внимательного и комплексного изучения. На страницах печати публиковались различные материалы по проблемам развития местного хозяйства: обзоры, хроника, статьи, в том числе и агитационные, объявления и др.

Степень сохранности вышеперечисленных письменных источников может быть охарактеризована как удовлетворительная. Среди причин повреждения документов основными являются: естественное старение, взаимодействие красок и основы документа, биологическое повреждение документов (грибок), пыль, износ, вандализм (вырванные страницы). Все это приводит к пожелтению, побурению, снижению прочности, появлению хрупкости материалов. К тому же сказывается и дух времени, в котором создавались документы — для данного периода характерен «бумажный голод», многократное копирование, некачественные материалы.

Стоит отметить, что в ГАРБ частично не соблюдаются условия хранения архивных материалов: отсутствует оборудование для массовой консервации фонда, ощущается острая нехватка специалистов-хранителей. Проблема усугубляется недостаточной защищенностью архивного фонда российским законодательством, отсутствием в архиве современных систем охраны, тревожной сигнализации, пожаротушения.

Второй тип исторических источников (вещественные) представлен:

1. Нагрудные знаки членов Верхнеудинской городской управы, Верхнеудинского городского народно-революционного комитета.

2. Стул председателя Верхнеудинского городского народно-революционного комитета.

Данные исторические источники находятся на постоянном хранении в ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия».

Степень сохранности вышеперечисленных вещественных источников можно охарактеризовать как очень хорошая. Источники находились в пользовании значительное время и имеют заметные потертости по всем поверхностям. Отдельные мелкие детали рельефа, декора стерты полностью, однако основа и надписи легко различимы. Контуры рельефа, декора, надписей уже потеряли резкость. Имеются легкие царапины и другие повреждения, немногим серьезнее обычных технологических повреждений.

Третий и четвертый типы исторических источников, используемые в исследовании (фотодокументы и изобразительные источники), представлены фотографиями из фотофонда Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ), а так же агитационными плакатами. В фотокаталоге хранятся 11 054 фото документа (позитивы, негативы, фотоальбомы) за период с 1917 г. по настоящее время. Ежегодно фотофонд пополняется в среднем на 200 единиц хранения. Фотодокументы отражают установление и упрочение советской власти, государственное строительство и устройство, государственную власть и управление, охрану общественного порядка, охрану государственной безопасности и государственной границы, общественно-политическую жизнь и общественно-политическое движение, агитацию и пропаганду, народное хозяйство, промышленность, коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание.

Пятый тип источников (интернет-источники) представляет собой официальные сайты органов местного самоуправления. В частности, для освещения вопросов местного самоуправления г. Верхнеудинска 1920-х гг. могут быть использованы сайты:

1) Официальный сайт органов местного самоуправления Улан-Удэ <http://www.ulan-ude-eg.ru/> [13].

2) Официальный портал органов государственной власти Республики Бурятия <http://egov-buryatia.ru/> [14].

Информация, предоставленная на вышеперечисленных сайтах, находится в свободном доступе и не содержит в себе никаких ограничений по состоянию здоровья или возрастному цензу.

Весь этот комплекс исторических источников содержит в себе огромный пласт информации и, в большинстве случаев, раскрывает все стороны жизни города Верхнеудинска 1920-х гг. Таким образом, эмпирическую базу исследования по теме «Деятельность городского управления в г. Верхнеудинске в 1920-е гг.» можно считать удовлетворительной.

Исследование исторических источников позволяет определить роль и место органов управления в развитии городского хозяйства, особенности их деятельности в первой четверти XX века, компетенцию и проблемы взаимоотношений с правительством и населением, что имеет не только научное, но и практическое значение.

Литература

1. Государственный архив Республики Бурятии (ГАРБ). Ф. 10. Ф. Р-15. Ф. Р-300. Ф. Р-968. Ф. Р-970. Ф. Р-1778.

2. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р.-146. Ф. Р.-423. Ф. Р.-121. Ф. Р.-2151.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон РФ от 06.10.2003 (ред. от 15.02.2016) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

5. О местном самоуправлении в РСФСР: закон РСФСР № 1550-1 от 06.06.1991 (ред. от 03.12.2008) // СЗ РСФСР. 1998. № 27. Ст. 1437.

6. Конституция Дальневосточной Республики от 27.04.1921 г. // Собрание узаконений Дальневосточной Республики (СУ ДВР). 1921. № 4(10). С. 14–38.

7. О выборах в местные, сельские, волостные, городские и уездные органы Управления Дальневосточной Республики: закон ДВР от

03.06.1920 г. // Собрание узаконений Дальневосточной Республики (СУ ДВР). 1921. № 4(10). С. 322–341.

8. Городовое положение, высочайше утвержденное 16 июня 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XIV. Отд. 1. СПб., 1874. С. 823, 829.

9. Городовое положение, высочайше утвержденное 11 июня 1892 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XII. № 8708. С. 430–456.

10. Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб.: Издание хозяйственного департамента МВД, 1882. 420 с.

11. Дальневосточный путь. Верхнеудинск, 1920. № 14, 17.

12. Дальневосточная республика. Верхнеудинск, 1920. № 24, 32, 36, 89.

13. Официальный сайт органов местного самоуправления Улан-Удэ. URL: <http://www.ulan-ude-eg.ru>

14. Официальный портал органов государственной власти Республики Бурятия. URL: <http://egov-buryatia.ru>

15. Буров А. Н. Местное самоуправление в России: исторические традиции и современная практика. Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2000. 221 с.

16. Еремян В. В. Муниципальная история России. М.: Акад. Проект, 2003. 526 с.

17. Каукина Р. Н. Развитие городского самоуправления в России в конце XVII — начале XX в. // Регионоведение — 2004. № 1. С. 42–45.

УДК 947.085 (571.54)

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ
АССР в 1941–1953 гг.

Научный руководитель — д-р ист. наук Е. Н. Палхаева

© *Евтерёв Андрей Алексеевич*

магистрант,

Бурятский государственный университет,

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а

E-mail: evterev@rambler.ru

В статье рассматриваются устройство и деятельность органов государственной власти Бурят-Монгольской Советской Социалистической Республики. Особое внимание уделяется функциям и деятельности законодательных и исполнительных органов власти, таких как Верховный Совет и Совет Министров. Выделяются и описываются характерные особенности реорганизации и развитие в период с 1941 по 1953 г. Также в статье анализируется, как происходила партийно-организационная перестройка. Предпринята попытка раскрыть основные причины создания чрезвычайных оперативных групп и политотделов, их задачи и результаты работы на конец войны. Затрагивается и репрессивная политика по отношению к инакомыслящим и другим «врагам народа» как центральных властей, так и республиканских. В заключении рассматривается вопрос о том, как проходили выборы в Верховный Совет и роль в этом агитационных действий властей.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская АССР; милитаризация; партийные активы; партийно-организационная перестройка; пленумы; местные партийные комитеты; партийные организации; райкомы; секретариат; государственно-партийный тоталитаризм; ВКП(б); политотдел; чрезвычайные оперативные группы; Верховный Совет; Совет Министров; СНК; космополитизм; законодательные органы; исполнительные органы.

THE GOVERNMENT AUTHORITIES OF
THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR IN 1941–1953ts

Andrey A. Evterev

Master Sci.,

Buryat State University

24a, Smolina, Ulan-Ude 67000, Russia

E-mail: evterev@rambler.ru

In article the device and activity of public authorities of the Buryat-Mongol Soviet Socialist Republic are considered. Special attention is paid to functions and activity legislative and executive authorities, such as, the Supreme Council and Council of ministers. Characteristics of reorganization and development during the period from 1941 to 1953 are allocated and described. Also in article it is analyzed as there was a party and organizational reorganization. In this article an attempt to open the main reasons for creation of extraordinary task forces and political departments, their tasks and results of work for the end of war is made. It is affected and repressed the politician in relation to dissidents and another «enemies of the people» of both the central authorities, and republican. In the conclusion the question of how there took place elections to the Supreme Council and a role in it propaganda actions of the authorities is considered.

Keywords: Buryat-Mongol ASSR, militarization, assets of the party, party and organizational reorganization, plenums, local party committees, party organizations, district committees, secretariat, state and party totalitarianism, All-Union Communist Party (bolsheviks), political department, extraordinary task forces, Supreme Council, Council of ministers, SNK, kosmopolizm, legislature, executive bodies.

Реальная угроза стать участником Второй мировой войны вынудила Советское правительство изменить приоритеты, задачи и структуру системы управления по реализации внутренней и внешней политики.

Внимание органов управления было переключено с задач социального преобразования и развития общества на вопросы укрепления обороноспособности страны. 1 сентября 1939 года был введен закон о всеобщей воинской обязанности, закреплён кадровый принцип построения РККА.

Расходы на содержание армии за три года выросли в 3,5 раза. Численный состав армии вырос за пять лет в 5 раз и составил к 22 июня 1941 г. свыше 5 млн человек.

Обеспечение безусловной власти центра над периферией, милитаризация становятся частью общего курса управления [3].

В Бурятии первые с начала войны пленумы были созданы в основном только осенью и зимой 1941 года. Правда, в ряде мест состоялись собрания партийных активов разных уровней, но их решения не имели директивного характера и потому носили ограниченный характер. Это, несомненно, отрицательно сказывалось на эф-

фективности перестройки не только партийной, но и всей остальной работы.

Поэтому с осени и особенно зимы 1941 года пленумы местных партийных комитетов стали проводиться повсеместно и регулярно. На них были рассмотрены первые итоги работы в новых условиях и намечены задачи по дальнейшей перестройке. Все партийные организации обязывались впредь проводить собрания, активы, пленумы райкомов в соответствии с уставом партии, крепить связи с массами [11].

С первых же дней войны еще больше возросла роль бюро партийных комитетов, особенно областных и краевых. В тыловых районах, как известно, не создавались региональные комитеты обороны, однако названные бюро и секретариаты парткомов в сущности стали выполнять те же задачи и теми же методами. Они являлись даже не столько политическими, сколько оперативными хозяйственно-экономическими и военно-оборонными органами, а приданные им на практике советский и комсомольский аппараты, наоборот, больше переключались на осуществление организационно-общественных и воспитательных функций. В итоге на местах сложилось прямое подобие той же системы управления, что и в центре. Столь жесткая, предельная, а потому небывалая централизация, во-первых, явилась прямым продолжением максимально реализованной еще довоенной тенденции к крайнему централизму. Во-вторых, во многом оказавшись вынужденной, эта централизация, если отвлечься от ее назначения, могла бы быть квалифицирована и как государственно-партийный тоталитаризм [10].

Проведенная в начале войны партийно-организационная перестройка, которая, кстати, в значительной мере объяснялась и тем, что именно в партийных органах оказались сосредоточены наиболее опытные кадры, прошедшие большую школу политического и хозяйственного руководства, что советские и другие органы, еще более ослабленные мобилизациями, не имели той дисциплины и исполнительности, которые оказались присущи партийному аппарату тех лет [2].

Повышение хозяйственно-организаторской и оперативно-исполнительной роли бюро крайкомов и обкомов ВКП(б) способствовало преодолению межведомственной узости, мешавшей более полному и комплексному использованию местных ресурсов. Бюро парткомов Бурятии часто, не ожидая директив наркоматов и ве-

домств, а основываясь на указаниях ГКО и ЦК ВКП(б) и руководствуясь целесообразностью, принимали оперативные решения по организации новых производств, ее перемещению прежних мощностей, размещению эвакуированных предприятий, мобилизации рабочей силы и многим другим неотложным вопросам.

При Бурятском обкоме ВКП(б) неоднократно создавались чрезвычайные оперативные группы или комиссии во главе с членами бюро, которые направлялись на самые ответственные участки работы: комиссии по изготовлению, реставрации и распределению запасных частей по МТС и совхозам по завозу, распределению и экономии горючего, распределению семенного материала; организации хлебозаготовительных работ, другие такие же оперативные группы организовывались и при ЦК ВКП(б) [1].

В Бурятии летом и осенью 1941 года для постоянной руководящей работы в колхозы были направлены 97 коммунистов. Но этого оказалось недостаточно: сеть партийных и комсомольских организаций продолжала сокращаться, угроза ослабления партийного влияния повсеместно превращалась в реальность. Это явилось одной из главных причин принятия постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1941 года о создании, а точнее, о воссоздании политических отделов [4].

По замыслу авторов постановления о политотделах, последние создавались, в сущности как независимые, автономные и параллельные к имевшимся партийным организациям политические органы со своей кратчайшей (трехзвенной) целью подчиненности с прямым выходом на ЦК ВКП(б): политотдел — политсекторобл (край) — политуправление Наркомзема СССР [12].

Одной из главных задач политотдельцев было, как известно, создание и воссоздание распавшихся первичных парторганизаций на селе и усиление политического влияния среди крестьянства. Уже к ноябрю 1942 года политотделы Бурятии создали 39 новых сельских парторганизаций. К началу 1943 года практически всюду наметился перелом в организационно-партийной деятельности на селе.

За время Великой Отечественной войны состоялась лишь одна — VII (юбилейная) — сессия Верховного Совета республики в июле 1943 г. В августе 1945 г. после двухлетнего перерыва состоялась VIII сессия Верховного Совета, на которой были внесены из-

менения в статью 14 Конституции республики. Они касались образования новых районов.

С 1943 по май 1945 г. на пленумах обкома партии были рассмотрены такие вопросы внутривнутрипартийной работы, как: рост рядов парторганизации, улучшение проверки исполнения принятых решений и директив партии, улучшение работ первичных парторганизаций колхозов и МТС, итоги приема в партию, вопросы идеологической работы — о политическом воспитании трудящихся, улучшении культурно-бытового обслуживания, политической учебе руководящих партийных кадров, массово-политической и культурно-просветительской работе в деревне, улучшении партийного руководства комсомольскими организациями [6].

Победа в Великой Отечественной войне в немалой степени способствовала укреплению сталинского режима, но создала для него ряд проблем. Миллионы солдат и офицеров побывали в странах Западной Европы, воочию убедившись в «правдивости» советской пропаганды о «невыносимой жизни рабочих под игом капиталистов». Многие идеологические мифы, в которые раньше верили советские люди, были разрушены. Сибиряки, вернувшиеся с войны, не только обрели глубокое чувство собственного достоинства, но и научились мыслить и действовать самостоятельно, инициативно. Фронтовики и труженики тыла надеялись, что после столь тяжелых испытаний они заслужили лучшую долю и жизнь в СССР должна измениться.

Под видом борьбы с антисоветчиками, диверсантами, вредителями, представителями «западнических враждебных течений» в науке, литературе, искусстве был раскручен маховик идеологических кампаний, призванных выявить неблагонадежных и закрепить в массовом сознании ортодоксальный образ мышления и поклонения Сталину. Под пресс идеологической сталинской машины попали писатели, режиссеры, музыканты, биологи, языковеды, философы. В агрономии воцарилась лысенковщина, добивавшая и без того слабое сельское хозяйство страны и региона.

В условиях послевоенного продовольственного кризиса власти очень большое значение придавали пропагандистским мероприятиям. В феврале 1946 г. в обстановке безудержного восхваления Сталина были организованы выборы в Верховный Совет СССР, а через год — в Верховный Совет РСФСР. В голосовании, как этого и сле-

довало ожидать, приняли участие 99% зарегистрированных избирателей, из которых 99% стандартно проголосовали за кандидатов от единственного блока коммунистов и беспартийных. В декабре 1947 г. в Сибири прошли выборы в местные Советы депутатов трудящихся. Они тоже носили формальный характер. Основная часть кандидатов выдвигалась по должностному принципу.

В 1949 г. в СССР, по указке Сталина, развернулась кампания борьбы с космополитизмом, которая вскоре докатилась и до Бурятии.

Массовые расправы, которые по своим масштабам, возможно, могли бы превзойти трагедию 1937–1938 гг., остановила только смерть Сталина, последовавшая 5 марта 1953 г. Миллионы людей были объаты неподдельным горем. Многие рабочие, крестьяне, служащие, учащиеся не представляли, как они будут жить без великого Сталина, превращенного пропагандой в символ эпохи. Во всех городах и большинстве деревень прошли траурные митинги. Рыдающие женщины и дети на фотографиях из газет и журналов тех лет — не выдумка пропагандистов. Но в Бурятии было множество людей, особенно среди заключенных и спецпереселенцев, не скрывавших, что кончина тирана возродила у них надежды на обретение свободы, на лучшее будущее. Со смертью вождя начиналась новая эпоха в истории как страны, так и Бурятии [5].

Для восстановления нормальной жизни в послевоенные годы существенный вклад внесли органы государственной власти. Ключевыми функциями парламента автономной республики являлись законодательная, контролирующая, распорядительная и представительная. Главной организационно-правовой формой работы по реализации данных полномочий являлась сессия.

При формировании повестки дня сессии учитывались законы и постановления, принятые Верховными Советами РСФСР и СССР. Круг вопросов, предлагавшихся на рассмотрение сессий законодательного органа республики, определяли как сам Верховный Совет, так и его Президиум. Предварительно они согласовывались в Бурятском обкоме партии, поскольку региональный парламент был подконтролен партийным органам, которые доминировали в общественно-политической, социально-экономической сфере. Верховный Совет Бурятии являлся единственным органом власти республики, обладавшим законодательными полномочиями. В связи с

этим важнейшим направлением его деятельности являлось законотворчество, через которое воля народа находила свое юридическое оформление в виде закона. Этот правовой акт устанавливал основные принципы государственно-правовой жизни республики [7].

Несколько поправок в Конституцию республики на сессии парламента 10–11 апреля 1949 г. относительно компетенции высших органов государственной власти были внесены в статьи 18 и 30. Изменения в статью 36 о сроках созыва вновь избранного Верховного Совета были внесены в соответствии с дополненной статьей 39 Конституции РСФСР. Причиной изменения статьи 25 послужило увеличение числа заместителей Председателя республиканского парламента до четырех человек.

В связи с изменением наименования партии, принятым на XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза, и в соответствии со статьей 130 Конституции РСФСР 8 сентября 1953 г. были внесены соответствующие поправки в статью 93.

Последующие выборы депутатов проходили при высокой активности населения. За кандидатов в среднем голосовало не менее 98% избирателей. При этом на выборах 18 февраля 1951 г. и 3 марта 1963 г. явка избирателей достигла рекордного уровня — 99,99%. Именно тогда появилась полусутошная фраза — «четыре девятки». Количество депутатских мандатов неуклонно увеличивалось [8].

Все более эффективной становилась работа исполнительных органов, несмотря на неоднократное реформирование, «чистки», некоторые изменения их структуры. Ведь система органов исполнительной власти — совокупность органов государственной власти, наделенных компетенцией в области государственного управления, кадровыми, финансовыми, материальными, информационными и иными ресурсами, необходимыми для отправления деятельности методами и формами, конституционно определенными для данной ветви власти. Целостность и самостоятельность этой системы определяются конституционным порядком ее организации и целями деятельности этих органов на основе государственной политики. Ее потенциал проявлялся в годы войны и в период послевоенного строительства, несмотря на все трудности. В марте 1946 г. происходит переименование Совнаркома в Совет Министров и министерства. Следует отметить, что постепенно в области хозяйственного строительства управление значительно выросшей промышленностью

страны и республики меняется. В Бурятии наиболее крупные предприятия республиканского (РСФСР) подчинения и особенно тяжелой индустрии переходят в ведение общесоюзных наркоматов. Это, прежде всего, Улан-Удэнский ЛВРЗ, авиационный завод, мясокомбинат, «Электромашина». Специализация отраслей народного хозяйства страны привела к разукрупнению министерств и ведомств, количество которых к началу 1950-х гг. значительно увеличилось. С появлением отрицательных сторон такого дробления начался обратный процесс укрупнения, слияния министерств; общее количество их сокращалось. Эти чисто внешние признаки говорили о том, что существующая система управления народным хозяйством нуждалась в перестройке. Однако поиски выхода из создавшегося положения не всегда шли по правильному пути. В этих перестройках были и черты субъективизма и ненаучного подхода к решению сложных экономических задач.

В 1940–1950-е годы в регионе произошло образование министерств социального обслуживания, бытового обслуживания населения, топливной, местной, пищевой промышленности, мелиорации и водного хозяйства, лесного хозяйства, продовольственных товаров, культуры, жилищно-коммунального хозяйства, государственных комитетов, производственных объединений и управлений как органов хозяйственного управления.

Министерства как основные отраслевые органы государственного управления возглавлялись членами правительства. Штабы отраслей реализовывали свои полномочия непосредственно под руководством Совета Министров. Министры руководили порученной им отраслью на основе единоличного распорядительства, оформляемого приказами и инструкциями. Но единоначалие в работе министерств сочеталось с коллегиальностью в обсуждении наиболее важных вопросов. Коллегиями являлись совещательные органы, состоявшие из руководящих работников министерства, состав которых утверждался постановлением Совета Министров.

Следует отметить, что под руководством региональных исполнительных органов в рассматриваемый период объемы производства промышленных предприятий региона возросли в 3,9 раза, производительность труда — в 2,4 раза. Несмотря на все трудности, существенные результаты были достигнуты в сельском хозяйстве.

Таким образом, 1940–1950 годы являлись одним из самых сложных периодов в развитии советской государственности и, пожалуй, самым ощутимым по своим последствиям. В Бурятии органы государственной власти проводили огромную созидательную работу, были достигнуты значительные экономические и социальные результаты. В этот период как в государственных, так и в местных органах власти происходили крупные преобразования, продолжались настойчивые поиски лучших форм и методов государственного управления экономикой. Совершенствовалась работа регионального министерства социального обслуживания населения. Вместе с тем, очевидно, что по ряду важнейших показателей социально-экономического развития республика не достигла среднесоюзного уровня и продолжала отставать от развитых регионов страны. Задача дальнейшего подъема ее производительных сил продолжала оставаться актуальной и в последующий период [9].

Литература

1. Батуева Б. Б., Санжиев Г. Л. Бурятская областная организация КПСС. Хроника 1895–1987. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1987. 236 с.
2. Бурятская АССР за 50 лет. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. 1967. 95 с.
3. Зайцева Л. А. История государственного управления России. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2005. 140 с.
4. Зайцева Л. А. Сельское хозяйство Бурятии (1930-е — 1950-е гг.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. 180 с.
5. Исупов В. А., Кузнецов И. С. История Сибири. Часть III. Сибирь: XX век. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2006. 336 с.
6. Курас Л. В. Политические партии, общественно-политические движения и общественные объединения в Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. 277 с.
7. Протасов Е. Т. Верховный Совет Бурятии и укрепление государственной власти в республике в 1938–1994 годах // Вестник ЧГУ. 2015. № 43. С 12–17.
8. Протасов Е. Т. Законодательные органы Бурятии и национально-государственное строительство в республике (1930–1980): К постановке проблемы // Преподаватель. XXI век. Вып. 2. М., 2016. С. 290–300.
9. Протасов Е. Т. Исполнительные органы власти Бурятии и социальная политика в республике (1940–1950 годы) // БГСХА. 2015. № 3. С. 284–285.

10. Пыкин В. М. История комсомола Бурятии: Документы, факты, имена. 1920–1991. Сб. док. Кн. 2 (1946–1991 гг.). Улан-Удэ: Изд-во ГКРБ МТФКиС, 2004. 536 с.

11. Тармаханов Е. Е. Изучение истории Бурятии периода Великой Отечественной войны // Бурятия в годы Великой Отечественной войны: тезисы и материалы докладов и сообщений на респ. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. С. 38–43.

12. Тельпуховский Б. С. Рабочий класс СССР (1938–1965). М.: Знание, 1971. 356 с.

УДК 947.088 (571.54)

РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ И ЭКОНОМИЧЕСКОМ
РАЗВИТИИ БУРЯТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-х ГОДОВ

© *Протасов Евгений Тарасович*

доктор исторических наук,

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия

им. В. Р. Филиппова,

Россия, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8

E-mail: protasov-evg@mail.ru

В изучаемый период происходили активные и значимые процессы в общественно-политической и экономической жизни республики. Многогранная организаторская и массово-политическая работа была проведена партийными и государственными органами по обсуждению и принятию новой Конституции Бурятской АССР, оказавшей позитивное влияние на дальнейшее развитие автономной республики. Региональные органы совершенствовали взаимодействие с союзными и федеральными органами власти и управления. Состоявшиеся выборы депутатского корпуса различных уровней способствовали повышению эффективности работы советских органов власти. Происходили существенные изменения в структуре экономического развития региона, создавались новые отрасли индустрии и промышленные предприятия. Дальнейшее развитие получили машиностроение, электроэнергетика, транспорт, легкая промышленность.

Ключевые слова: Конституция республики; органы государственной власти; выборы; депутаты; промышленное развитие.

THE ROLE OF GOVERNMENT AUTHORITIES IN THE
PUBLIC-POLITICAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF BURYATIA IN THE SECOND HALF OF THE 1970ts.

Eugene T. Protasov

Doc. Sci. (Hist.), A/Prof.,

Buryat State Agricultural Academy V. R. Filippov

8, Pushkin, Ulan-Ude 670034, Russia

E-mail: protasov-evg@mail.ru

In a studied period there were active and meaningful processes in social and political and economic life of republic. Many-sided organizational and mac-

co-vo-политическая work was conducted by party and state organs on об-суждению and acceptance of new Constitution Бурятской АССР, render- ing positive influence on further development of autonomous republic. Re- gional organs perfected co-operating with the allied and federal government and management bodies. Taking place elections of deputy corps of different levels assisted the increase of efficiency of work of soviet government bod- ies. There were substantial changes in the structure of economic develop- ment of region, new industries of industry and industrial enterprises were created. Further development was got by an engineer, electroenergy, transport, light industry.

Keywords: Constitution of republic; public authorities; elections; deputies; industrial development.

Знаменательным общественно-политическим событием в исто- рии любого цивилизованного государства является подготовка и принятие ее Конституции, определяющей фундаментальные право- вые основы, направляющей последовательное развитие всего кон- ституционного законодательства, регулирующей правовые отноше- ния в обществе. Оценивая подготовку, утверждение Основного За- кона Бурятской АССР в мае 1978 года, следовало сказать, что госу- дарственными, партийными, общественными организациями была проведена огромная работа. Бурятская АССР стала общенародным государством. Более конкретно устанавливались порядок и формы деятельности органов законодательной и исполнительной власти автономной республики. Советы народных депутатов стали поли- тической основой общества. Национальная государственность Бу- рятии была ограничена. Согласно знаменитой статье 6, КПСС была определена ядром политической системы страны, руководящей и направляющей силой жизни общества, партия конституционно за- крепила однопартийную систему и недемократический путь разви- тия государства.

Несмотря на то, что Бурятской АССР было вручено переходя- щее Красное знамя Совета Министров РСФСР и ВЦСПС по итогам Всесоюзного социалистического соревнования за достойную встре- чу XXV съезда КПСС, при рассмотрении социально- экономического развития республики следует отметить, что проис- ходили существенные изменения в структуре промышленного раз- вития. Создавались новые отрасли, такие как сельскохозяйствен- ные, машиностроительные, целлюлозно-бумажная промышлен-

ность. Увеличивались объемы производства в электроэнергетике, угольной и легкой промышленности. Возрастала удельная доля отраслей группы А, что являлось отличительной особенностью экономического развития страны. Но этот путь был не совсем правильным и эффективным для Бурятской АССР, поскольку требовалось ускоренное производство предметов народного потребления, товаров текстильной и пищевой промышленности. Развивающиеся отрасли машиностроения, включая работу предприятий оборонного комплекса в регионе, были в значительной мере задействованы на военные заказы союзного уровня. В результате этого отдача данного сектора для потребительского рынка территории являлась крайне недостаточной [1, с. 271]. В начале одиннадцатой пятилетки объемы группы отраслей А составляли 77,1%, а производство товаров народного потребления — 22,9% [2, с. 78]. В этой ситуации государственные и партийные органы республики предпринимали активные и целенаправленные усилия, в том числе совершенствовали взаимодействие с союзными и федеральными органами власти и управления.

В 1976–1980 годах проведено 11 сессий Верховного Совета Бурятской АССР, 56 заседаний его Президиума, 63 заседания Совета Министров и 38 заседаний его Президиума, 14 пленумов обкома и 11 собраний областного партийного актива, на которых рассматривались актуальные вопросы государственного устройства, экономического и социального развития республики, организационно-партийной и идеологической работы [3, л. 16]. Регулярно проводились заседания бюро обкома. За обозначенный период были обсуждены отчеты пятидесяти двух горкомов, райкомов партии, горисполкомов и райисполкомов, предприятий и организаций. В практику обкома партии, Верховного Совета и Совета Министров, их отделов прочно вошло перспективное планирование работы, что давало возможность сосредоточить внимание на узловых проблемах и добиваться последовательного их решения [4, л. 37]. За период десятой пятилетки органы государственной власти и управления Бурятской АССР, партийные структуры настойчиво добивались неуклонного повышения роли местных Советов, органов народного контроля, профсоюзных и комсомольских организаций в решении задач экономического и социального развития, воспитания трудящихся. Местные Советы, опираясь на новые конституционные нор-

мы, стали полнее использовать предоставленные им широкие права, активнее влиять на деятельность промышленных предприятий, строительных организаций, колхозов и совхозов, государственных и общественных организаций, лучше стали заниматься вопросами бытового, торгового и коммунального обслуживания населения, а также вопросами укрепления социалистической законности и правопорядка. Укрепились связи местных Советов с массами, активизировалась деятельность постоянных депутатских комиссий [5, л. 42].

Верховный Совет Бурятской АССР в 1976–1980 году принял республиканские законы «О районном Совете народных депутатов Бурятской АССР» [6, с. 203–238], «О городском, районном в городе Совете народных депутатов Бурятской АССР» [7, л. 239–279], «О поселковом, сельском (сомонном) Совете народных депутатов Бурятской АССР» [8, л. 280–312], а Указом Президиума Верховного Совета республики было принято решение «О преобразовании некоторых органов государственного управления Бурятской АССР» [9, с. 620]. Совет Министров республики рассмотрел вопросы «О мерах по дальнейшему развитию традиционных видов промысла и вовлечению в производственную деятельность коренного населения Северо-Байкальского аймака» [10, с. 480], «Об усилении работы по повышению надежности энергообеспечения народного хозяйства Бурятской АССР в осенне-зимний период 1980–1981 годов», «О мерах по дальнейшему укреплению материально-финансовой базы местных Советов депутатов трудящихся Бурятской АССР» [11, с. 347]. Приняты совместные постановления бюро обкома КПСС и Совета Министров «Об инициативе строителей Бурятского участка Байкало-Амурской магистрали по достойной встрече XXVI съезда КПСС» [12, л. 50–51], «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» [13, л. 96–111], «О работе исполкома Улан-Удэнского городского Совета депутатов по руководству капитальным строительством» [14, л. 232–235], «О неудовлетворительном состоянии строительства постоянных поселков на Бурятском участке Байкало-Амурской магистрали» [15, л. 128–131], «О работе министерств и ведомств, исполкомов местных Советов народных депутатов республики по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 января 1981 года «О развитии производительных

сил Бурятской АССР на 1981–1985 годы и на период до 1990 года» [16, л. 6–12], «Об увековечивании памяти М. М. Сахьяновой, И. В. Балдынова, И. К. Калашникова, Г. Ц. Цыдынжапова, Л. Л. Линховоина» [17, л. 119]. Правительство и областной Совет профсоюзов приняли постановление о проведении общественного смотра качества продукции, выпускаемой предприятиями республики.

16 июня 1974 года на выборах избрано 14 депутатов Верховного Совета СССР. Наряду с партийным лидером республики народными избранниками стали Е. М. Мацуков — бригадир электрослесарей Улан-Удэнского ЛВРЗ, Ж. Б. Санжиев — механизатор колхоза имени XX партсъезда Селенгинского района, О. М. Омбоева — заведующая стоматологическим отделением республиканской больницы, А. П. Имеева — работница совхоза «Кабанский» Кабанского района [18, л. 1–15]. 15 июня 1975 года состоялись выборы в Верховный Совет РСФСР, Верховный Совет Бурятской АССР и местные Советы. При этом было принято решение об увеличении продолжительности созывов данных законодательных органов до пяти лет. В свою очередь, 17 июня 1979 года на выборах так же избрано 14 депутатов Верховного Совета СССР.

Согласно народнохозяйственному плану региона, за пятилетний период в 1976–1980 годах намечалось увеличение валовой продукции промышленности на более чем 40%, рост капитальных вложений в народное хозяйство, по сравнению с предыдущей пятилеткой, на 35,1%. Особенно высокие темпы планировались в электроэнергетике (в 4,7 раза), угольной промышленности (2,6 раза), машиностроении и металлообработке (в 1,7 раза). Для этого требовалось значительное повышение эффективности общественного производства, качества выпускаемой продукции. Постоянное внимание уделялось развитию топливно-энергетической базы промышленности [19, л. 10].

В десятой пятилетке в развитие всех отраслей народного хозяйства было вложено 2,5 млрд руб., что в 1,6 раза больше, чем за предыдущий пятилетний период. На такой резкий рост инвестиций повлияло активное строительство Бурятского участка БАМа. Вошли в строй действующих ряд крупных предприятий, в том числе первая очередь предприятия сельскохозяйственного машиностроения «Бурятферммаш», предприятия сельскохозяйственного машиностроения

ния, производившего оборудование для комплексной механизации животноводческих помещений. Строительство такого предприятия имело позитивное значение для сельского хозяйства региона. Были введены в строй цех по производству шифера в Тимлюе, Улан-Удэнская фабрика верхнего трикотажа, Загорский кирпичный завод, Шалутский и Хоронхойский комбикормовые заводы, Улан-Удэнский гормолкомбинат, Заиграевская бройлерная фабрика, Баянгольский маслосырзавод, первая очередь Селенгинского рыбо-разводного завода, новый цех по производству эмалированной посуды на заводе им. Кирова. Начата подготовка к строительству свинцово-цинкового комбината [20, л. 11, 17]. Осуществлено техническое перевооружение на заводе «Электромашина», тонкосуконном комбинате, Новобрянском механическом заводе, в объединении «Туяна».

9 января 1981 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии производительных сил Бурятской АССР на 1981–1985 годы и на период до 1990 года», а также 13 февраля — соответствующее постановление Совета Министров РСФСР [21, л. 6], являющиеся очень важными и своевременными решениями для экономики республики.

24 февраля 1980 года проводились выборы депутатов Верховного Совета РСФСР, Верховного Совета Бурятской АССР и местных Советов. В парламент Российской Федерации были избраны 7 депутатов, в том числе Председатель Президиума Верховного Совета Бурятской АССР Б. С. Семенов, Председатель Совета Министров В. Б. Саганов, второй секретарь обкома партии В. Г. Бирюков, министр автомобильного транспорта РСФСР Е. Г. Трубицын [22, л. 1–7]. Руководители государственных органов автономных республик второй раз с 1975 года избирались уже в законодательный орган не союзного, а российского уровня. При этом Председатель Президиума Верховного Совета автономной республики в соответствии с Конституцией РСФСР (1978 г.) по должности являлся заместителем Председателя Президиума Верховного Совета Российской Федерации. Вторые секретари всех региональных партийных комитетов в советский период являлись депутатами РСФСР. В Верховный Совет Бурятии вошли 170 народных избранников. 10 марта 1980 года на бюро обкома КПСС были рассмотрены и рекомендованы составы основных органов государственной власти Бурятской АССР и их руководителей [23, л. 1–3].

Через два дня на первой сессии законодательного органа десятого созыва Председателем Верховного Совета был избран М. В. Мохосоев, утверждены 15 членов Президиума Верховного Совета республики во главе с Б. С. Семеновым. Рекомендован состав Совета Министров, в который вошли Председатель Правительства В. Б. Саганов, его заместители А. С. Берешинов, И. Д. Даржаев, В. И. Черныш, Б. И. Николаев, С. В. Ангапов, Управляющий делами Совета Министров И. П. Суевин, 16 министров, 9 председателей государственных комитетов, 2 начальника управления [24, л. 4–6]. В соответствии с конституционными нормами парламент также назначил состав Верховного Суда республики во главе с А. А. Сидориным. В составе депутатского корпуса были представлены 4 руководителя предприятий, 6 председателей колхозов и директоров совхозов, 20 первых секретарей райкомов партии, 4 председателя райисполкома, 19 рабочих, 18 колхозников, 3 военнослужащих. А в состав районных, городских, поселковых и сельских (сомонных) Советов народных депутатов избрано 9 504 человека. Среди народных избранников — 4 585 женщин или 48,2%, 3 889 членов и кандидатов в члены КПСС или 40,9%, 5 623 рабочих и колхозников или 59,1%, 2 905 — депутатов или 30,56% в возрасте до 30 лет [25].

Таким образом, согласно новой Конституции Бурятской АССР, республика была объявлена социалистическим общенародным государством. Подробно определялось правовое положение, регламентировался порядок и формы деятельности Верховного Совета и его Президиума, а также Совета Министров автономной республики. Советы народных депутатов различных уровней образовали единую систему государственной власти, являясь политической основой общества. Национальная государственность Бурятии была ограничена. Несмотря на имевшиеся проблемы, последовательно осуществлялось социально-экономическое развитие региона. Вместе с тем все острее ощущалась необходимость серьезной корректировки системы выборов, развития критики и сопоставления взглядов и позиций депутатов на сессиях Советов. Единственная политическая партия обрела конституционный статус руководящей и направляющей силы общества и, отрицая все принципы разделения властей, превратилась в главный элемент государственной структуры, а представительные органы власти имели лишь декоративное значение.

Литература

1. История Бурятии. В 3-х т. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 3. XX–XXI вв. С. 271.
2. Балдано М. Н. Промышленное развитие Республики Бурятия в 1960–1985 годах: итоги и проблемы. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 64.
3. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 27. Л. 16.
4. ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 9036. Л. 37.
5. Там же. Л. 42.
6. Собрание действующего законодательства Бурятской АССР. Т. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1981. С. 203–238.
7. Там же. С. 239–279.
8. Там же. С. 280–312.
9. Собрание действующего законодательства Бурятской АССР. Т. 2. С. 620.
10. Собрание действующего законодательства Бурятской АССР. Т. 1. С. 480.
11. Там же. С. 347.
12. ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 1. Д. 3837. Л. 50–51.
13. Там же. Л. 96–111.
14. Ф. Р-248. Оп. 1. Д. 3903. Л. 232–235.
15. Ф. Р-248. Оп. 1. Д. 3908. Л. 128–131.
16. Ф. Р-248. Оп. 1. Д. 3910. Л. 6–12.
17. Там же. Л. 119.
18. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 3925. Л. 1–15.
19. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 9036. Л. 10.
20. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 62. Л. 11, 17.
21. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 9077. Л. 6.
22. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 3929. Л. 1–7.
23. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8906. Л. 1–3.
24. Там же. Л. 4–6.
25. Правда Бурятии. 1980. 29 февр.

УДК 947.084.53 (571.54)

РОЛЬ ОБОРОННЫХ МАССОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ БУРЯТИИ
в 1920-е гг.

© *Жукова Наталья Евгеньевна*

кандидат исторических наук, ведущий специалист отдела публикационной статистики научной библиотеки,
Бурятский государственный университет,
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: nataliiuk@mail.ru.

Статья посвящена анализу деятельности добровольных обществ на территории Бурятии в 20-е гг. XX века, таких как «Общество друзей Военно-Воздушного флота», «Международная организация помощи борцам революции», «Общество содействия авиационной и химической промышленности».

Работа данных общественных организаций протекала в русле актуальной в исследуемый период доктрины продвижения «мировой революции» в страны Востока. Кроме того, популярной формулой, ставшей идеологическим фундаментом деятельности обществ, являлась концепция содействия укреплению обороны Советского государства.

В заключении автором сделан вывод о том, что перечисленные общества внесли определенный позитивный вклад в формирование знаний населения о военно-патриотической работе. Но скованные административным давлением общественные организации не могли полностью реализовать творческий потенциал масс и становились заложниками складывающейся политической системы.

Ключевые слова: общественные организации; массовые добровольные общества; содействие укреплению обороны.

THE ROLE OF DEFENSE MASS ORGANIZATIONS
IN PUBLIC LIFE OF POSTREVOLUTIONARY BURYATIA
IN THE 1920s.

Natalia E. Zhukova

Cand. Sci. (Hist.),

Leading Specialist of the Department of Public Statistics
of the Scientific Library,

Buryat State University

24-a, Smolina, Ulan-Ude 670000, Russia

E-mail: nataliiuk@mail.ru

The proposed article analyzes the activities of voluntary societies on the territory of Buryatia in the 20-ies of XX century, such as the «Society of friends of Air fleet», «International aid to the fighters of the revolution», «Society of assistance to aviation and chemical industry.»

The work is considered public organizations proceeded in the direction relevant in the study period, the doctrine of promoting «world revolution» in the country's East. In addition, the popular formula, which became the ideological Foundation of the activities of the societies was the concept of promoting the defense of the Soviet state. In conclusion, the author concludes that these companies have made some positive contribution to the creation of knowledge of the population about the military-Patriotic work. But constrained by administrative pressure of public organizations could not fully realize the creative potential of the masses and became hostage to the prevailing political system.

Keywords: public organizations, mass voluntary society promoting the defense.

Общественная жизнь многих приграничных регионов в первое постреволюционное десятилетие протекала под воздействием внешнеполитических идей и концепций. Для восточных окраин Советской России самой значительной идеологической установкой оказалась идея продвижения «бренда» мировой революции в страны Востока. Доктрина мировой революции стала звеном, связавшим внутреннюю и внешнеполитическую жизнь, определила характер общественной жизни Бурятии в исследуемый период.

Общественность Бурятии также была проникнута задачами обеспечения безопасности страны в целом и республики в частности. Неслучайно первыми общественными организациями, созданными на территории Бурятии, стали оборонные общества, впоследствии — самые многочисленные общественные организации республики. Одна из первых оборонных общественных организаций — «Общество друзей Военно-Воздушного флота», образованное 11 октября 1923 г.

Создание республиканского отделения ОДВФ происходило почти одновременно с его центральными органами в 1923 г. В этот период было разработано положение о ячейках ОДВФ, подписанное заместителем председателя общесоюзной организации С. С. Каменевым 6 декабря 1923 г. Сформулированные в положении целевые установки массового общества ориентировали его руко-

водство на вовлечение и охват как можно большей части населения в свою работу [1, л. 225].

Создание Бурят-Монгольского отделения было поддержано первым съездом Советов республики, который отмечал, что создание военно-воздушного флота необходимо для охраны и углубления завоеваний революции. В качестве мероприятий по поддержке создаваемого общества Съезд постановил «предложить всем советским учреждениям Буреспублики принять активное участие по вовлечению трудящихся в члены общества Друзей Воздушного флота и поддержке деятельности ячеек», а также «вступить всем делегатам съезда в члены ОДВФ» [9, с. 14].

Проводившийся в декабре 1923 г. так называемый «трехдневник» ОДВФ стал поводом для подведения первых итогов работы и объяснения населению задач деятельности общества, для чего в Верхнеудинске были проведены собрания, на которых велась запись в члены общества. К концу 1923 г. республиканский Бурлет насчитывал «свыше 600 членов организации только по городу Верхнеудинску», где было «организовано 9 аймачных отделений ОДВФ и дано распоряжение организовать хошунные и волостные ячейки» [9, с. 14].

Мероприятия «трехдневника» пробудили интерес населения республики к деятельности общества, благодаря которым было создано 25 новых ячеек ОДВФ и привлечено 826 членов. Районные собрания рабочих и служащих собрали до 1 200 человек. Присутствующим были прочитаны доклады на темы: «Значение воздушного флота» и «Организация ячеек ОДВФ». Собрания прошли с большим подъемом, в резолюциях указывалась «неотложная необходимость создания гражданского и военного воздушного флота» [3, с. 3]. Очевидно, что пропаганда целей укрепления обороноспособности страны не могла не вызвать сочувствия и поддержку простого населения, что стало причиной подъема активности и притока новых членов в ОДВФ.

К началу работы первого республиканского съезда «Общество друзей Военно-Воздушного флота» наращивало свою численность и насчитывало 2 114 членов, объединенных в 62 ячейки, организованные в большинстве аймаков республик [4, с. 3].

В сентябре 1924 г. было организовано «Общество друзей химической обороны и химической промышленности» (Доброхим), ста-

вившее своей целью содействие государству в развитии химической промышленности, химизации сельского хозяйства, развертывании пропаганды химических знаний среди населения и его подготовке к противохимической обороне. В силу отсутствия крупной химической промышленности, это общество не получило широкого распространения в республике. Его ячейки действовали в пределах г. Верхнеудинска, где в 1925 г. насчитывалась 31 ячейка с общим количеством 832 члена. К тому же деятельность Доброхима порой поглощалась ОДВФ.

С середины 1920-х гг. масштабные формы принимает деятельность «Общества друзей авиационно-химического строительства в Бурят-Монгольской АССР», целью которого стало распространение и пропаганда знаний об авиационной и химической промышленности.

О масштабе деятельности общества красноречиво свидетельствуют следующие данные: на 1 июля 1926 г. Авиахим имел в своем распоряжении 28 авиахимуголков и кружков, 10 библиотек, 4 химлаборатории. Только за 1925–1926 гг. обществом было проведено 1 812 лекций, докладов, выставок. С января по сентябрь 1926 г. было прослушано множество лекций, устных выступлений по авиахимобороне на 672 собраниях, 21 конференциях, на которых присутствовало 14 тыс. человек [7, с. 39].

Работа Авиахима была по-настоящему массовой и привела к достаточно быстрому формированию сети ячеек и росту числа членов, которых в ноябре 1926 г. насчитывалось 7 810 человек, состоящих в 190 ячейках [5, с. 3]. Приведенные данные были озвучены на I Республиканском съезде Авиахима, который, безусловно, оценил это как достижение своей работы.

1927 г. стал важным для работы рассматриваемого добровольного общества, ввиду его объединения с Обществом содействия обороне в Осовиахим [8]. В Бурят-Монгольской АССР такое объединение было начато, судя по имеющимся документам, в марте 1927 г., из чего следует, что Общество содействия обороне тоже существовало в республике и достигло довольно внушительных размеров. Необходимость полного слияния обществ виделась в устранении «множественности общественно-самодеятельных организаций, в целях объединения материальных средств и сил актива и, наконец, в целях изжития параллелизма в работе, направленной к

одним и тем же целям» [2, л. 30–30 (об)]. Следовательно, истинная причина объединения двух общественных организаций заключалась в устранении образований, осуществляющих сходные задачи. Реализация указанных целей, а также мобилизация населения для решения поставленных задач должна была протекать в рамках единых структур, подчиненных воле партии и не ведущих внутреннюю конкуренцию. Кроме того, факт, что слияние обществ происходило по прямому указанию его центральных органов, обусловил минимальное участие населения в решении данного вопроса. Характер принятого решения об объединении обществ создавал условия для отчуждения рядовых граждан от общественных организаций, их формальной работе впоследствии.

Однако в период 1926–1927 гг. деятельность осоавиахимовских организаций была достаточно активной. В этом смысле самый яркий пример — проведение общественно-политической кампании «Неделя обороны» в июле 1927 г., в ходе которой оформлялись новые ячейки, кружки, проводились собрания, передвижные выставки. Постановлением районного собрания железнодорожников было решено отчислять 1% от заработка в фонд «Наш ответ Чемберлену», что говорило «о высоком политическом подъеме и сознательности трудящихся» [6, с. 2]. Не оспаривая факт имевшегося патриотического подъема, сопутствовавшего идее защиты своего Отечества, отметим, что подобные кампании относились к мероприятиям административного характера. Стимулируя активность трудящихся, они приносили лишь временный эффект, не давая импульс к долгосрочной работе низовых ячеек.

Очередной этап оживления работы общества произошел в связи с принятием постановления ЦК ВКП(б) «О работе Осоавиахима» от 15 марта 1928 г., в котором содержался призыв к активному участию населения страны в работе общества. В республике это проявилось в работе 28 кружков города Верхнеудинска, где проходили обучение офицеры запаса [7, с. 114].

Следовательно, в деятельности добровольного общества содействия обороне и авиационной промышленности, с одной стороны, имело место выражение активной гражданской позиции населения, с другой — применение административных методов в управлении.

Деятельность «Международной организации помощи борцам революции» — общественной организации, в задачи которой так же входила военно-патриотическая работа с населением республики — не

единожды становилась объектом научного внимания автора. В контексте данной работы необходимо учитывать, что названная общественная организация наиболее последовательно работала с населением, мобилизуя его на выполнение стратегических задач. Концепция деятельности МОПРа была направлена на содействие реализации внешнеполитической доктрины, проводя различные акции в поддержку иностранных рабочих или заключенных капиталистических тюрем.

Подводя итог деятельности общественных организаций военно-патриотического направления, необходимо отметить, что перечисленные общества внесли определенный вклад в формирование знаний населения о военно-патриотической работе. Но скованные административным давлением общественные организации не могли полностью реализовать творческий потенциал масс и становились заложниками складывающейся политической системы.

Литература

1. Государственный архив Забайкальского края. Фонд Р-110. Д. 101. Л. 225
2. Государственный архив Республики Бурятия. Фонд п-1. Оп. 1. Д. 870. Л. 30-30(об).
3. Бурят-Монгольская правда // Верхнеудинск, 1924. № 13, от 16 янв. С. 3.
4. Бурят-Монгольская правда // Верхнеудинск, 1924. № 279, от 21 дек. С. 3.
5. Бурят-Монгольская правда // Верхнеудинск, 1926. № 256, от 13 ноября. С. 3.
6. Бурят-Монгольская правда // Верхнеудинск, 1927. № 162, от 23 июля. С. 2.
7. Данилова З. А. Общественные организации Бурятии (1923–1928 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. 1989. 156 с.
8. Мостинский И. В. Осоавиахим СССР. Срачивание общественной организации с государственным аппаратом (1935–1948 гг.) // материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. МГУ «Ломоносов». М., 2002. URL: <http://www.hist.msu.ru> (дата обращения: 05.07.14)
9. Постановления I съезда Советов БМАССР. Верхнеудинск, 1923. С. 14.

УДК 947.084.24 (517.3)

ВОПРОС ВЛИЯНИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА
НА СОБЫТИЯ В МОНГОЛИИ 1920-х гг. В РАБОТАХ
АКАДЕМИКА БАЗАРЫН ШИРЕНДЫБА

© *Куфтарева Венера Вячеславовна*

аспирант, Педагогический институт,
Иркутский государственный университет,
Россия, 664011, г. Иркутск, Сухэ-Батора, д. 9
E-mail: buzaevavv@mail.ru

В этой статье речь идет о вкладе академика Базарын Ширендыба в решение методологического вопроса о влиянии Великой Октябрьской революции 1917 года на революционные события в Монголии в первой половине XX века. Речь идет о проявлениях указанного влияния, отмеченных в трудах Б. Ширендыба, о фактах воздействия событий в России на ход истории в соседней стране.

Ключевые слова: Монгольская революция 1921 года; Базарын Ширендыб; Октябрьская революция 1917 года; международное влияние Октябрьской революции.

QUESTION OF THE IMPACT OF THE OCTOBER REVOLUTION
OF 1917 ON THE EVENTS IN MONGOLIA OF THE 1920s
IN THE WORKS OF THE ACADEMICIAN BAZARYN SHIRENDYBA

Venera V. Kufhareva

Post-graduate stud., Pedagogical Inst.,
Irkutsk State University,
9, Sukh-Baatar, Irkutsk 664011, Russia
E-mail: buzaevavv@mail.ru

In this article we are talking about the contribution of Academician Bazaryn Shirendyb to the solution of the methodological question of the influence of the Great October Revolution of 1917 on the revolutionary events in Mongolia in the first half of the 20th century. It deals with the manifestations of this influence, noted in the works of B. Shirendyb, about the facts of the impact of events in Russia on the course of history in a neighboring country.

Keywords: The Mongolian Revolution of 1921, Bazaryn Shirendyb, October Revolution of 1917, the international influence of the October Revolution.

Академик Базарын Ширендыб (1912–2001) — известный монгольский ученый, историк, публицист. С 1937 по 1941 г. — студент-историк Иркутского педагогического института. Позднее, с 1941 по 1944 г., был референтом премьер-министра МНР Х. Чойбалсана по вопросам культуры и просвещения. Со дня основания в 1942 г. и на протяжении 11 лет возглавлял Монгольский государственный университет. С 1961 по 1982 г. занимал должность первого президента Академии наук МНР.

Наибольшее количество его работ посвящено истории Монгольской народной революции 1921 года. В своих трудах автор подробно разбирает целый ряд основополагающих вопросов, связанных с изучением новейшей истории Монголии. Сегодня нет ни одного исследователя, который бы в своих работах не опирался бы на творческое наследие академика Базарын Ширендыба.

При изучении Монгольской Народной революции Б. Ширендыб в том числе рассматривал внешние и внутренние факторы революционного процесса. Одним из основополагающих факторов, по его мнению, было влияние Великой Октябрьской революции на события в Монголии тех лет.

В вопросе о значении Октябрьской революции 1917 года в России и ее влиянии на Монголию у большинства историков не вызывает сомнений сам факт влияния революции, дискуссии возникают о степени влияния и наиболее ярких его проявлениях, т. е. речь идет о событиях и явлениях, возникших в Монголии под воздействием революционных событий в России. Среди проявлений называют усиление «китайского фактора», попытку создания панмонгольского государства и унгерновский поход, появление революционных кружков и партии, деятельность Коминтерна на территории Монголии, ликвидацию феодализма и еще целый ряд событий [1, с. 23].

Помимо подробного изучения влияния революции на Монголию, Б. Ширендыб освещает значение Октябрьской социалистической революции и для народов других стран [2, с. 75]. Он неоднократно подчеркивает, что многие страны Европы, Азии, Африки и Америки «получили от победы Октября новую аккумуляющую энергию и вдохновение в своей борьбе... Революция открыла эру освободительной революции» [3, с. 154].

Географические (например, разбросанность населения), экономические (отсталость страны и низкая экономическая активность),

социальные (влияние церкви, низкий уровень грамотности) и политические условия складывались не в пользу распространения из России революционных настроений. Но, несмотря на это, идеи борьбы российского рабочего класса пробуждали «пусть даже неосознанную» революционную активность среди монгольских крестьян [3, с. 155].

Большая часть населения Монголии о происшедшей смене власти узнавала не только от путешественников, но и догадывалась по самым очевидным для многих признакам: перебои с поставками товаров, характерных для русско-монгольской торговли, снижение курса царского рубля (несмотря на указание монгольского правительства местным властям не верить в падение курса и продолжать использовать его в обращении).

При этом Б. Ширендыб отмечает, что «к 1920 г. монгольское руководство и правящий класс феодалов уже активно боролись против влияния Октябрьской революции» [3, с. 155]. Они укрепляли границы, преследовали революционно настроенных, помогали контрреволюционерам в Монголии и оказывали идеологическое воздействие на монголов, дезинформируя о реальном положении дел в России и «призывали их соблюдать состояние спокойствия и дружелюбия между собой, почитая веру» [3, с. 165].

Одним из ярких проявлений влияния стала идея создания панмонгольского государства в составе Внутренней и Внешней Монголии, Барги и Бурятии. Попытка реализации этой идеи была связана с проведением в Чите конференции, созданием правительства, поиском сил, на которые могли опереться идеологи панмонголизма. По мнению Б. Ширендыба, «провал идеи был обусловлен отказом в 1919 году правительства Внешней Монголии от участия в создании общемонгольского государства под страхом потерять главенствующую роль в «объединенном» государстве и под нажимом российского консула в Урге» [3, с. 174].

Б. Ширендыб пишет, что в этот исторический период боязнь «большевизма» сблизила руководство Монголии с Китаем, который усилил влияние в кочевой стране и ввел свои войска в нарушение Тройственного соглашения 1915 года по предлогом необходимости защиты от «большевистской опасности». Ряд авторов отмечает, что на протяжении 1918–1919 гг. Китай вел постепенную агитацию за отказ от автономии [4]. Летом 1919 г. переговоры стали официаль-

ными и было составлено 64 пункта «Об уважении Внешней Монголии правительством Китая и улучшении ее положения в будущем после самоликвидации автономии». В дальнейшем степень самостоятельности монгольского руководства снизилась, в разы усилилась экономическая зависимость и под давлением Китая произошла самоликвидация автономии.

В работах Б. Ширендыба высокую оценку получила деятельность Советской России в организации помощи монгольскому народу в борьбе с китайскими милитаристами, и деятельность Сухэ-Батора в установлении связей с Коминтерном. Встречи и беседы с их представителями, пребывание делегации кружка в Советской России и личное ознакомление с ее жизнью — все это способствовало развертыванию революционного движения аратских масс на принципиально новых социальных основах.

Под влиянием Октябрьской революции в Урге впервые были созданы революционные организации. Создание сначала первых кружков, а затем Монгольской народной партии проходило в сложной обстановке: оккупация, недостаток опытных борцов из среды аратства, сильное влияние церкви, низкий уровень экономического и культурного развития страны и отсутствие рабочего класса. Состав кружков на этапе их зарождения был неоднородным (араты, мелкие чиновники и феодалы, ламы), было сложно выработать единую линию. На разных этапах завоевание автономии оставалось главной задачей и сближало всех представителей кружка. Рассматривали вариант создания суверенного государства, в котором не будут проводиться революционные преобразования.

Распространение революционных идей способствовало формированию цели кружков бороться не только за национальное, но и социальное освобождение аратства через установление связи с Советской Россией. Но в вопросе долгосрочной перспективы единого мнения не было: «Одни считали, что эти связи нужны для восстановления автономии или получения независимости, а другие не ограничивались национальной свободой и считали сотрудничество залогом установления социальной свободы зависимых слоев населения» [5].

Б. Ширендыб считает, что к определяющим факторам, обусловившим Монгольскую революцию 1921 г., были: повышение политической активности аратских масс; победа Октябрьской револю-

ции и ее революционизирующее влияние на Монголию; унгерновский поход и совместная борьба монгольского аратства и Советской России против барона Р. Ф. фон Унгерн-Штернберга; установление связей с международным коммунистическим движением через Коминтерн; «враждебное отношение к Октябрьской революции со стороны монгольских феодалов во главе с правительством Богдохана, которое привело к ликвидации автономии и ухудшению положения в стране» [6].

Мнение о том, что до Октябрьской революции борьба аратов за национальную независимость и освобождение от феодального и колониального гнета не могла завершиться победой, разделяют и авторы книги «Аратская революция. Исторический очерк» Г. Ф. Кунгуров и И. А. Сорокиных. В своей монографии они пишут: «Только после Великого Октября стала возможна победа монгольского народа над эксплуататорами... «Подъем в Монголии тесно связан с революционным движением рабочего класса России, в недрах которого созрели революционные силы» [7, с. 73]. Цели, которые преследовали восставшие: освобождение страны от оккупантов и белогвардейских интервентов, образование Народного правительства, способного защитить права и интересы монгольского народа. Для достижения этих целей недавно созданная партия направляла различные потоки Народной революции (антифеодальную борьбу аратов и антиимпериалистическое национально-освободительное движение широких слоев населения) в единое русло [8, с. 60–61].

Таким образом, влияние Великой Октябрьской революции на исторические события в Монголии 1920-х годов не оставляет сомнений. События, произошедшие в Монголии, очень тесно связаны с российским революционным процессом. В работах академика Б. Ширендыба нашли отражение разные аспекты проявления этого влияния. Под революционизирующим воздействием Октябрьской революции антифеодальное и антиимпериалистическое движение монгольского народа переросло в Народную революцию, победа которой привела к глубоким преобразованиям во всех сферах жизни общества.

Литература

1. Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ОГНИ, 2003. 320 с.
2. Ширендыб Б. Народная революция в Монголии и образование МНР (1921–1924). М.: Изд-во Акад. Наук СССР. 1956. 158 с.
3. Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX–XX веков (История социально-экономического развития). Улан-Батор: Ком. по делам печ., 1963. 518 с.
4. Коростовец И. Я. От Чингисхана до Советской республики. Улан-Батор, 2004.
5. История Монгольской Народной Республики. М.: Изд-во АН СССР, 1967. 422 с.
6. История Монгольской Народной Республики. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 422 с.
7. Кунгуров Г. Ф., Сороковиков И. А. Аратская революция. Исторический очерк. К 25-летию Монгольской народной революции. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск: Иркутское кн. изд-во, 1957. С. 23.
8. Ширендыб Б. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Монголию // Избранные произведения. М.: Наука, 1973. С. 55–75.

УДК 34.03 (0.91) (571.54)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ (1936 г.)

© *Фартусов Дмитрий Борисович*

аспирант, ведущий специалист отдела публикационной статистики научной библиотеки,

Бурятский государственный университет,

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: d.fartusov@mail.ru

В статье проанализированы основные законодательные нормы, на основе которых производились массовые политические репрессии в Советском Союзе, а именно: оперативный приказ «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1930 г. В статье автор приходит к выводу о том, что проведение массовых политических репрессий в СССР в 1937–1938 гг. противоречило законодательству СССР, в первую очередь, Конституции 1936 г.

Ключевые слова: политические репрессии; СССР; законодательство; Конституция; право применения.

FORMATION OF THE LEGAL BASIS
OF THE POLITICAL REPRESSIONS (1936)

Dmitriy B. Fartysov

Leading Specialist of the Department of Public Statistics of the Scientific Library,

Statistics of the Scientific Library,

Buryat State University,

24a, Smolina, Ulan-Ude 670000, Russia

E-mail: d.fartusov@mail.ru

The article analyzes the main legislative norms on the basis of which mass political repressions in the Soviet Union were conducted, namely the operative order «On the operation to repress former kulaks, criminals and other anti-Soviet elements» of July 30, 1930. In the article the author comes to the conclusion that, that the conduct of mass political repressions in the USSR in 1937–1938 contradicted the legislation of the USSR, namely, primarily the Constitution of 1936.

Keywords: Political repression; USSR; Legislation; Constitution; Right to use.

В интересующий нас период — 30-е гг. XX в. — в СССР существовали вполне конкретные, четко очерченные законы, в том числе Конституция.

Согласно принципу законности, все государственные органы исполнительной власти обязаны действовать в соответствии с Конституцией, которая является верховным законом, а также ей должны соответствовать принимаемые нормативно-правовые акты. Существовала строгая иерархия законов и нормативно-правовых актов.

В Конституции провозглашались свобода слова, независимые суды, прокурорский надзор за следствием, прописаны обязательства органов НКВД и наказания за нарушения советских законов. В действительности даже те гражданские суды, которые существовали, были отстранены от рассмотрения политических дел.

30 июля 1937 г. после утверждения в Политбюро ВКП(б) был принят приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» [9, с. 99–151], который легализовал и организационно направил проведение массовых репрессий в Советском Союзе в конце 1930-х гг.

Специально указывалось, что приговоры к расстрелу должны приводиться в исполнение «с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения». Согласно приказу, операция должна была продлиться 4 месяца, в течение которых планировалось приговорить к расстрелу 75 950 человек, заключить в лагерь — 193 000 чел. (всего 268 950 чел.). Сроки операции неоднократно продлевались, регионам по просьбе их руководства, предоставлялись новые дополнительные «лимиты». Всего в ходе так называемой «кулацкой операции», завершенной к лету 1938 г., было осуждено не менее 818 тысяч чел., из которых расстреляно не менее 436 тыс. чел. [14].

Этим документом НКВД для ускоренного рассмотрения дел были образованы «оперативные тройки» на областном уровне. В состав тройки входили: председатель — местный начальник

НКВД, члены — местные прокурор и первый секретарь областного, краевого или республиканского комитета ВКП(б).

Когда высланные в период коллективизации кулаки, возвращаясь из ссылки, потребовали возврата, прежде всего, недвижимого имущества, оперируя, в том числе и статьями Конституции 1936 г., местное руководство было поставлено в неловкое положение. Нарком внутренних дел Татарской АССР П. Г. Рудь сделал запрос Н. И. Ежову в Москву: «Для нас не ясна линия нашего поведения во всех этих случаях в связи с новой Конституцией. Просим разъяснить, остаются ли в силе все данные ранее по этому поводу указания НКВД СССР или нам надлежит руководствоваться соответствующими статьями Конституции в части применения их к этим лицам, как гражданам СССР, пользующимся всеми правами гражданства» [9, с. 83].

Данный запрос был сделан в январе 1937 г., а уже в июне П. Г. Рудь был арестован и в ноябре того же 1937 г. расстрелян в особом порядке по личному распоряжению И. В. Сталина.

Так государственными органами была поставлена проблема несоответствия оперативных приказов НКВД конституционным нормам Советского государства.

Примечательно, что в обвинительных заключениях по политическим делам в рамках так называемых массовых операций наряду с традиционными обвинениями для таких дел достаточное распространение получило словосочетание «дискредитировал сталинскую Конституцию».

Принятие оперативного приказа НКВД «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» противоречило статье 32 Конституции: «Законодательная власть в СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР», а также ст. 102, которая гласила, что правосудие в СССР осуществляется судами. Так, НКВД с разрешения Политбюро ВКП(б) получил монопольное право на совершение ареста, следствия и суда, что противоречило одному из основополагающих постулатов Конституции — разделению ветвей власти и грозило злоупотреблениями и массовыми фальсификациями.

Кроме того, созданные согласно данному приказу квазисудебные органы — специальные тройки — в своей деятельности нарушали ст. 111: «Разбирательство дел во всех судах СССР откры-

тое, с обеспечением обвиняемому права на защиту и осуществляется при очном судопроизводстве». Напомним, что судебные тройки рассматривали дела списком, по несколько сотен фамилий в день, уделяя одному человеку минимум времени, без участия адвоката и возможности обжалования приговора, а зачастую заседание и вовсе было заочным.

В ст. 127 Конституция декларировала: «Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора». На практике 7 августа 1937 г. прокурор СССР А. Я. Вышинский дал указания региональным прокурорам принять к сведению приказ № 00447 и присутствовать на заседаниях судебных троек. Он писал, что при этом «соблюдения процессуальных норм и предварительные санкции на арест не требуются» и добавлял: «Требую активного содействия успешному проведению операции» [9, с. 160–161].

Из вышесказанного следует, что А. Я. Вышинский фактически приказал прокурорам нарушать Конституцию.

Рассмотрев правовую основу массовых политических репрессий, следует сказать, что она в виде оперативного приказа Наркомата внутренних дел Советского Союза «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» противоречила основным постулатам Конституции 1937 г. Грубо нарушались статьи, регулирующие процесс законодательства СССР, а также положения, гарантирующие права человека на независимый суд, состязательность процесса, участие института адвокатуры и т. д. Специальные тройки, учреждавшиеся данным приказом, с момента своего создания нарушали советское законодательство.

Литература

1. Malygina O. A., Evtehov R. A., Palikova T. V. The formation of imperial institutes of governance in trans-baikal transborder area: problems of development of new territories (XVIII — early XX centuries) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 42(4). С. 1110–1117.

2. Васильева С. В., Буреава С. В. Иркутско-Амурская епархия: 100 лет в истории Древлеправославия. Улан-Удэ. 2012. 166 с.

3. Евтехов Р. А., Малыгина О. А. Городская полиция в системе государственных институтов управления Забайкальской областью в XVIII —

начале XX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 3(34). С. 22–31.

4. Евтехов Р. А. Законодательная база деятельности городской полиции в XVIII в. // Вестник Бурятского государственного университета. История. Выпуск 7. Улан-Удэ. 2015. С. 225–229.

5. Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М.: РОСПЭН. 2001. 278 с.

6. Малыгина О. А. Военное губернаторство Забайкальской области (вторая половина XIX — начало XX в.): социокультурный портрет // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 180–184.

7. Палхаева Е. Н., Жукова Н. Е. Власть и общественные организации Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг. // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 19–22.

8. Поляков Ю. А. Население России в XX веке: в 3 т. Москва: РОСПЭН. 2000. Т. 1: 1900–1939. 460 с.

9. Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание (1927–1939): документы и материалы: в 5 томах / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 5: 1937–1939. 704 с.

10. Фартусов Д. Б. Вклад коллектива ученых исторического факультета БГУ в изучение репрессий в БМАССР в 1920–1950-е гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. Т. 2. С. 64–68.

11. Фартусов Д. Б. Документы Государственного архива Забайкальского края о политических репрессиях в 1930-е годы // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 28–32.

12. Фартусов Д. Б. Политические репрессии в СССР граждан Монголии и Китая на территории БМАССР // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2015. № 1. С. 72–77.

13. Фартусов Д. Б. Политический террор в Бурят-Монгольской АССР в 1930-е гг. в отношении старообрядческого духовенства // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 19. С. 112–116.

14. «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР. 1937–1941 гг. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2010. 734 с.

УДК 94 (=512.31)

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕГРАЦИИ БУРЯТ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

© *Шагдурова Ирина Никитична*

кандидат исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет,
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а
E-mail: shagdurova_irina@mail.ru

TO THE PROBLEM OF INTEGRATION OF THE BURYATS INTO THE RUSSIAN EMPIRE

Irina N. Shagdurova

Cand. Sci. (Hist.), A/Prof.,
Buryat State University,
24a, Smolina, Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: shagdurova_irina@mail.ru

В данной статье рассматривается проблема интеграции бурят в состав Российского государства — путем выяснения вопросов: что такое интеграция, как она осуществлялась, какова была традиционная система управления у бурят и как она трансформировалась в процессе интеграции. В конце исследования автор приходит к выводу о незавершенности процесса интеграции.

Ключевые слова: интеграция; шуленги; зайсаны; родовые начальники; степные конторы; Степные думы; инородческие суды.

This article discusses the problem of integration of the Buryats into the Russian state by asking questions: what is integration, as it was done, what was the traditional control system have drilled and how it has been transformed in the process of integration. And at the end of the study the author comes to the conclusion about the incompleteness of the integration process.

Keywords: integration, shulengas, zaisans, kin superiors, steppe boards, steppe dumas, indigenous courts.

В современной России особенно актуальной становится проблема интеграции народов в состав Российского государства в связи с возрастающей опасностью со стороны исламских фундаментали-

стов, ростом националистических настроений в ближайших соседних государствах. От степени интеграции народов в такой многонациональной стране как Россия зависит ее политическая и экономическая стабильность. В связи с этим перед всеми общественными науками в целом и в том числе перед исторической наукой стоит весьма непростая и важная задача исследовать данную проблему и дать ответ на поставленный вопрос.

Интеграция народа в состав какого-либо государства может проходить через следующие его сферы: первая — это экономика, здесь происходит вступление народа в хозяйственно-экономическую сферу государства; вторая — это политика, вступление народа в административно-политическую систему государства и третья — это культура. В рамках данной статьи мы рассмотрим лишь одну отрасль — интеграцию в административно-политическую область.

Интеграция бурят в состав Российского государства прошла в период Российской империи. Имперское развитие государства позволяет ему иметь разные формы административного устройства, инкорпорировать в свою систему от традиционных форм управления, как, например, в случае с бурятами до развитых государственных форм, как в случае с Прибалтикой, Польшей.

В XVII в. буряты вступили в состав Российского государства со своими традиционными институтами управления — это были улусы, возглавляемые старейшинами, следующая ступень — холбоны или табины, возглавляемые шуленгами, которые объединялись в роды во главе с зайсаном или шуленгой. Позже роды формировали «поколение» во главе с главным зайсаном или тайшой и представляли собой одно административное ведомство [1]. Большую роль в общественной жизни бурят играли сугланы (общественные собрания), где решались наиболее важные вопросы.

Первым шагом на пути интеграции бурят в административно-политическую систему Российского государства явилось создание в 40-х годах XVIII в. новых органов самоуправления — степных контор, которые возглавили бурятские «поколения». Официальных законодательных актов по образованию степных контор не существует. Руководителями контор становятся «главные родоначальники», позже они стали называться «главными тайшами» [2].

В Предбайкалье были образованы Балаганская, Верхоленская, Кудинская, Идинская, Ольхонская, в Забайкалье — Онинская (Хоринская), Кударинская, Селенгинская, Баргузинская степные конторы, которые существовали с 1743 по 1822 год. Первой была учреждена Онинская контора 11 хоринских родов. Контора состояла из главного тайши и 6 депутатов. Двое из них вместе с тайшой поочередно дежурили в конторе и решали дела, четверо остальных депутатов разъезжали с целью осуществления практического управления и решения дел на местах [3].

При степных конторах стали созываться албаные (бур. албан – подать) сугланы для раскладки податей и повинностей по родам и решения важных общественных дел. В проведении сугланов принимали участие тайши, депутаты и родовые начальники (зайсаны, шуленги, засулы). В родовых объединениях были введены мирские избы [4].

Новые органы самоуправления бурят играли важную роль в процессе интеграции. Именно они ее и осуществляли путем сбора и сдачи в казну податей, распределения и контроля исполнения повинностей, исполнения предписаний губернского и уездного начальства, содержания местных почтовых станций, ремонта дорог. К компетенции этих органов относились также суд и расправа на основании «Инструкции» С. Рагузинского, уездных правительственных актов и норм обычного права. Тайши и сайты, возглавлявшие эти органы, имели право совершать судебную расправу, наказывать розгами, заключать под арест, взыскивать денежные штрафы. Степные конторы были подчинены Иркутскому земскому суду, который представлял собой не судебный, а административный орган [5].

Следующим шагом на пути интеграции бурят в административно-политическую систему Российского государства была административная реформа М. М. Сперанского в Сибири. Основу проекта реформы составил «Устав об управлении инородцев» 1822 г., разработанный М. М. Сперанским и Г. С. Батеньковым. В «Уставе» очень четко прослеживаются принципы интеграции инородцев в состав Российского государства. Главным принципом являлось достижение совместимости государственных и традиционных институтов суда и управления. Устройство последних подчинялось государственным интересам. Для бурят было установлено три ступени

инородческого управления: родовое управление, инородная управа, степные думы. Все эти органы управления были созданы на основе традиционных органов управления. При этом следует отметить, что, несмотря на сохранение родовых традиций и обычаев в системе управления коренных народов Сибири, Сперанский сумел приравнять это управление к существовавшей схеме имперского управления государственными крестьянами. Так, родовое управление имело полномочия, схожие с полномочиями сельского управления. «Инородная управа» приравнивалась к волостному управлению, степная дума приравнивалась окружному управлению [6].

Родовые управления возглавлялись старостами, у которых в зависимости от количества населения, были один или два помощника. Инородные управы возглавлялись головами. В штат инородных управ входили также выборные и письмоводитель. Степные думы возглавлялись главными родоначальниками — тайшами. Штат степной думы состоял обычно из тайши, нескольких заседателей и письмоводителя, которые избирались общественным приговором населения. В штат степных дум входили также и головы инородных управ. Степные думы напрямую подчинялись окружному управлению, то есть царской администрации. Тайша утверждался генерал-губернатором, остальные — губернатором. «Устав» устанавливал, наряду с наследственным принципом формирования должностных лиц, их выборность. Не было установлено определенных сроков службы должностных лиц. Все должностные лица освобождались от уплаты ясака, а также от платежа различных существенных повинностей. Для решения наиболее важных дел степные думы созывали сугланы — общественные собрания, созываемые в основном для обсуждения вопросов о денежных сборах и натуральных повинностях, о земельных делах и выборах должностных лиц.

Степным думам были предоставлены широкие права и полномочия для решения административных, хозяйственно-культурных функций. Перед ними прямо ставились в обязанность задачи распространения земледелия и народной промышленности, роста общественного имущества, задачи сбора налогов и податей, исправление натуральных повинностей, обеспечение контроля за деятельностью органов самоуправления, составление отчетов [7].

По реформе Сперанского в Иркутской губернии было образовано семь степных дум: Аларская, Балаганская, Верхоленская, Идин-

ская, Кудинская, Ольхонская и Тункинская. В Забайкалье были образованы Хоринская, Агинская, Кударинская, Баргузинская, Селенгинская степные думы [8].

Следующим шагом на пути интеграции бурят в административно-политическую систему государства явилось проведение волостной реформы, которая была проведена по закону от 23 апреля 1901 г. «Временное положение об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области». Закон разделил всех кочевых инородцев на волости, состоящие из нескольких сельских обществ. Бурятские волости возглавлялись волостными старшинами, а сельские общества — сельскими старостами. По данному закону были введены «инородческие» судьи, крестьянские и «инородческие» начальники, волостные старшины, заменявшие старых нойонов (тайшей и зайсанов).

В Иркутской губернии степные думы были ликвидированы с 1886 по 1890 г., раньше, чем в Забайкалье, и учреждены вместо них более мелкие административные единицы — инородные управы. Так, Идинская степная дума после ее упразднения в 1886 г. была разделена на инородные управы: Боханскую, Бильчирскую, Укырскую, Улейскую и Молькинскую; Верхоленская степная дума — на Верхнекудинскую, Баяндаевскую, и Хоготовскую; Тункинская — на Харибятовскую, Койморскую и Торскую; Аларская степная дума — на Аларскую, Ныгдинскую и Куйтунскую; Балаганская степная дума — на Унгинскую, Нельхайскую, Зунгар-Быкотскую и Ашехабатскую; Кудинская степная дума — на Абаганатскую, Кудинскую и Усть-Ордынскую и, наконец, Ольхонская степная дума была разделена на Еланцинскую и Кутульскую инородные управы. Вместо семи существовавших степных дум было образовано 23 инородных управы. Вместе с ликвидацией степных дум были упразднены должности главных родоначальников (тайшей), а во главе инородных управ поставлены головы [9]. В ходе реформы в Забайкалье было образовано 15 волостей: Цугольская, Агинская, Хоацайская, Кубдутская, Харганатская, Ходайская, Гочитская, Батано-Харганатская, Галзутская, Чикойская, Селенгинская, Оронгойская, Кударинская, Улюнская и Гаргинская. Волость состояла из нескольких булучных (сельских) обществ, подчинявшихся крестьянскому начальнику участка. Иерархия здесь была такова: кре-

стьянский начальник, за ним идет волостной старшина, возглавлявший волость, затем сельский староста.

По «Положению» 1901 г. была также проведена судебная реформа у бурят. Были образованы «инородческие» суды в качестве судов первой инстанции, которые рассматривали дела на основе норм обычного права бурят. Второй судебной инстанцией были установлены «участковые съезды инородческих судей», которые созывались уездным съездом крестьянских начальников. Надзорной инстанцией являлся уездный съезд крестьянских начальников. Волостные инородческие суды учреждались в каждой волости и созывались по мере надобности в сроки, установленные крестьянским начальником [10]. Волостные органы управления существовали у бурят вплоть до Февральской революции.

Процессы, проходившие после Февральской революции в бурятском обществе, свидетельствуют о том, что интеграция бурят в состав Российского государства не была завершена. Хотя мы здесь не рассмотрели другие аспекты интеграции, но даже по процессу интеграции в административно-политическую систему видна ее незавершенность. Сразу же после Февральской революции буряты создают свои обособленные органы самоуправления. Был образован Бурятский национальный комитет. М. Н. Богданов — видный деятель бурятского национального движения — разработал «Проект бурятской национальной автономии», который был утвержден 23–25 апреля 1917 г. на первом общепурятском съезде, проходившем в Чите [11]. После этого явочным порядком Бурнацком начинает создавать новые органы самоуправления и новое административное деление у бурят. Были созданы отдельные аймаки, которые делились на хошуны, последние — на сомоны. В тех местах, где бурятское население достигало 300–500 душ обоего пола и территориально было разобщено, создавались сомоны или булуки. Эти органы были устроены по принципу русских земских органов самоуправления. Так, в Забайкальской области были образованы Агинский, Баргузинский, Селенгинский и Хоринский аймаки с соответствующими органами управления. В Иркутске был создан отдел Бурнацкома — Иркутский национальный комитет.

После установления советской власти в Сибири, Бурнацком проводил политику формального ее признания и имитации введения советской формы управления у бурятского населения. После

падения советской власти летом 1918 г. в период Гражданской войны Бурнацком перешел к той же политике формального признания власти Колчака и Семенова. Путем лавирования и компромиссов с новыми властями Бурнацком стремился к одному — форсировать создание собственной национальной автономии. В новых условиях Бурнацком был переименован в Бурнардуму на пятом общепурятском съезде в Верхнеудинске, который проходил с 20 ноября по 2 декабря 1918 г. На этом съезде Бурятский национальный комитет был переименован в Бурятскую народную думу [12]. Бурнардума и земские органы самоуправления существовали у бурят в период Гражданской войны в Забайкалье до начала 1920 г., а после установления советской власти была осуществлена полная унификация органов управления в Советском государстве и произошло завершение процесса интеграции.

Таким образом, интеграция развивается по трем направлениям: культура, экономика, политика. Последняя у бурят проходила путем инкорпорации традиционных органов самоуправления в административно-политическую систему государства. К концу имперского периода истории России процесс интеграции бурят так и не был завершен. О полной интеграции бурят в состав Российского государства мы можем утверждать только в период советской власти, что является предметом отдельного самостоятельного исследования.

Литература

1. История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ, 1954. С. 151.
2. Шагдурова И. Н. Степные конторы — органы самоуправления бурят в период Российской империи // Вестник Бурятского государственного университета. Серия История. 2011. Вып. 7. С. 20.
3. История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ, 1954. С. 151.
4. Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа (от XVII в. до 60-х годов XIX в). Очерки. М.; Л., 1940. С. 89.
5. Шагдурова И. Н. Степные конторы — органы самоуправления бурят в период Российской империи // Вестник Бурятского государственного университета. Серия История. 2011. Вып. 7. С. 21.
6. Сперанский С. И. Учение М. М. Сперанского о праве и государстве. М., 2004. С. 84.

7. Шагдурова И. Н. К вопросу формирования и развития системы инородческого управления в Сибири в период Российской империи // Власть и управление на Востоке России. Научный журнал № 1(54). 2011. С. 120.
8. История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ, 1954. С. 224.
9. Шагдурова И. Н. К вопросу формирования и развития системы инородческого управления в Сибири в период Российской империи // Власть и управление на Востоке России. Научный журнал № 1(54) 2011. С. 121.
10. Временное положение «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области» // Забайкальские ведомости. 1901 г. 4 августа. № 82.
11. История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ, 1954. С. 482.
12. Шагдурова И. Н. Формирование и деятельность земских органов самоуправления бурят (1917–1920) // Вестник Бурятского государственного университета. Серия История. 2013. Вып. 7. С. 63.

**РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.:
ПРОБЛЕМЫ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ**

УДК 37 (091) (571.5)

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ
в 1917–1930-х гг.

© *Яковлева Оксана Николаевна*

кандидат исторических наук, учитель МАОУ СОШ № 40,
Россия, 670034, г. Улан-Удэ, пр-т 50-летия Октября, д. 29
E-mail: klio-1976@mail.ru

В статье рассматриваются мероприятия советской власти, направленные на переустройство системы народного образования. Показана история становления начальной и средней школы Западного Забайкалья. **Ключевые слова:** народное образование; декрет; школа; обучение; Бурят-Монгольская автономная область; Бурят-Монгольская АССР.

PEOPLE'S EDUCATION IN WESTERN TRANSBAIKALIA
IN 1917–1930-yy

Oksana N. Yakovleva

Teacher of the School № 40,
29, Pr. 50th Anniversary of October, Ulan-Ude 670034, Russia
E-mail: klio1976@mail.ru

The article examines the activities of the Soviet government aimed at restructuring the system of public education. The history of the formation of primary and secondary schools of Western Transbaikalia is shown. **Keywords:** public education; decree; school; training; Buryat-Mongolian autonomous region; Buryat-Mongolian ASSR.

Основные задачи в области народного образования были определены в трудах Ленина и программных документах большевистской партии. Создать необходимые предпосылки для приобщения к культуре и просвещению широких масс трудящихся, поставить

науку и просвещение на службу революции, направить все дело воспитания и образования подрастающего поколения в соответствии с задачами выработки у него коммунистического мировоззрения — это являлось определяющим началом просветительной политики партии и советского правительства [1; с. 40].

После Октябрьской революции в стране начинается коренная перестройка школы. 9 ноября 1917 г. декретом ВЦИК и СНК была организована Государственная комиссия по просвещению, на которую возлагалось общее руководство народным образованием. 30 ноября 1917 г. было опубликовано постановление Народного комиссариата просвещения «О реформе средней школы», с помощью которого предполагалось «...немедленно провести в жизнь мероприятия, направленные на широкую демократизацию школы». За 1917–1937 гг. было опубликовано более 150 документов в области народного образования [2; с. 73].

«Декрет об отделении церкви от государства, а школы от церкви» — нормативно-правовой акт, принятый Советом Народных Комиссаров РСФСР 23 января (5 февраля) 1918 г., устанавливал светский характер государственной власти, свободу совести и вероисповедания.

Вслед за этим последовал ряд других важных мероприятий, имевших целью создание советской школы. Были определены основы школьного и просветительского дела, зафиксированные в программе ВКП(б), утвержденной на VIII съезде РКП(б) в марте 1918 г. В программе указывались пути развития дела народного образования в стране, в числе некоторых принципов организации народного образования было предусмотрено и совместное обучение детей обоего пола, устраняющее существовавшее ранее неравенство женщин и мужчин в области образования.

В соответствии с указаниями правительства, народный комиссар просвещения 31 мая 1918 г. ввел в школах страны обязательное совместное обучение девочек и мальчиков. Совместное обучение, установленное в первые годы советской власти, существовало во всех школах страны до 1943 г. [3; л. 20].

Важное значение для перестройки школы имели два исторических документа, опубликованные осенью 1918 г.: «Положение о единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» и «Основные принципы единой

трудовой школы» — Декларация о единой трудовой школе [2; с. 73].

Основой всей образовательной и воспитательной работы школы стал производительный труд, знакомящий детей с самыми разнообразными его формами. В основу школьной жизни было решено положить трудовой принцип. Единая трудовая школа делилась на две ступени: первая — для детей от 8 до 13 лет (5-летний курс) и вторая — для детей от 13 до 17 лет (4-летний курс) [4; с. 82].

В октябре того же года Наркомпрос опубликовал постановление «О школах национальных меньшинств» [4; с. 82], которым все национальные школы были приравнены к русским школам.

Первые мероприятия, направленные на переустройство системы народного образования, помогли проделать значительную работу по созданию новых школ и реорганизации старых. В школах создавались педагогические советы, преподавание велось по новому плану и новым программам.

Однако вся работа по созданию и развитию советской школы была прервана Гражданской войной. В апреле 1918 г. в Сибири было объявлено военное положение.

В начале 1920 г. советская власть вновь устанавливается в Бурят-Монгольской автономной области, входящей в состав РСФСР (Иркутской губернии), сначала в Ангарском, а затем и в других аймаках. В тяжелейших условиях всеобщей разрухи школа продолжила свое новое развитие.

После окончания Гражданской войны были опубликованы постановление СНК (30 октября 1920 г.) и циркулярное предписание ВЦИК (25 ноября 1920 г.), согласно которым отделы по делам национальностей в губерниях и уездах приравнивались в правах и обязанностях к другим отделам исполкомов при советских революционных комитетах [2; с. 75].

Первоначально всем делом народного образования руководил Иркутский губернский отдел народного образования. И лишь 1 ноября 1921 г. был организован областной отдел народного образования Бурят-Монгольской автономной области [4; с. 83].

Сразу же после завершения организации областной отдел народного образования приступил к сбору сведений о количестве функционирующих школ. В аймаках Бурят-Монгольской авто-

номной области — Тункинский, Боханский, Эхирит-Булагатский, Селенгинский, Аларский — насчитывалось 356 школ, из них работало 309. Школ I ступени насчитывалось 337, работало 291, школ II ступени — 9, работала одна. Всего в этих школах обучалось 454 ученика, в школах I ступени — 413, в школах II ступени — 41 [5; с. 85]. Школы были малокомплектными, со слабой материально-технической базой. В 1920/1921 учебном году на каждую школу в среднем приходилось 14 парт, по одной классной доске, не во всех школах были часы. Ощущался острейший недостаток учебников, учебных пособий, бумаги, тетрадей, карандашей и перьев. Квалифицированных педагогов в школах фактически не было. Имелся только один учитель с высшим педагогическим образованием. В основном большинство преподавателей до работы в школе были заняты на канцелярской работе, в сельском хозяйстве или сами учились. Стаж работы у большинства учителей составлял от 1 до 3 лет [4; с. 84]. Это было естественным следствием слабого развития школьной сети в прошлом.

Следующий 1921/22 учебный год стал годом катастрофического падения школьной сети. В соответствии с декретом СНК и ВЦИК «О местных денежных средствах» от 16 декабря 1921 г., школы были сняты с государственного обеспечения и переведены на местный бюджет [2; с. 77].

Местный бюджет только начинал строиться, договорная кампания только намечалась. Перспективы материальных условий существования были неопределенными. Демобилизация педагогического персонала в связи с отменой трудовой повинности и нищенской оплатой труда повлекла за собой массовое бегство учительского персонала в учреждения, где труд оплачивался лучше [6; с. 299].

Число школ в целом по Сибири после перевода их на местный бюджет сократилось на 52% (по РСФСР — лишь на 15%) [2; с. 77].

Тяжело отражалось на работе школ и отсутствие собственных школьных зданий. Кроме того, ввиду ненормального питания населения прослеживалось частое возникновение эпидемических заболеваний, которые непосредственно отражались на школе. С распространением эпидемий школы закрывались, а потом их бы-

ло очень трудно открыть из-за того, что учителя разъезжались, и население местами отказывалось оказывать материальную помощь учителям и школе [4; с. 89].

1922/23 учебный год стал годом перелома, годом напряженных поисков материальной базы, использования всех источников, какие можно было найти для учреждений социального воспитания, в частности, для школ. На съезде завгубоно Сибири осенью 1922 г. были намечены следующие источники существования: государственные средства; средства губернского и уездного местного бюджета; самообложение населения в пользу школ и поддержание на основе договора; прикрепление к хозяйственным организациям и ведомствам; платность обучения; шефство; школы, открываемые и содержащиеся в порядке общественной и частной инициативы; средства от торговой и производственной деятельности [7; с. 104].

В 1922/23 учебном году все источники содержания школ использовались с различной степенью эффективности. В Бурятской автономной области одним из основных источников содержания школ было самообложение местного населения. Ввиду того что материальное положение населения было тяжелым, предлагалось принимать во внимание прежде всего согласие общества на содержание школы. При открытии школы местное население должно было дать твердое обязательство. В случае отказа того или иного хошуна и волости обеспечить материальной помощью все школы, находящиеся на их территории, часть из них должна быть закрыта постановлением аймачного отдела народного образования. При этом отдел народного образования должен был принимать во внимание наличие учебников и учебных пособий, укомплектованность учениками, степень подготовленности учителя, наличие школьного инвентаря, расстояние от ближайшей школы и т. п. Отделы народного образования подвергли пересмотру школьную сеть. Общее количество школ оказалось сокращенным более чем на 30% [4; с. 91]. Сокращение школьной сети в тех условиях отвечало требованию времени и пагубно не повлияло на дело народного образования.

С 1923 г. количество школ вновь начинает постепенно увеличиваться. Открытие новых школ происходило с учетом их рационального размещения в тех или иных аймаках.

В республике за 5 лет общее количество школ увеличилось на 25, а учащиеся на 7 092 человека. Охват детей школой возрос на 14,1% [8; с. 363]. Но все еще больше половины детей оставалось вне школы.

31 августа 1925 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построения школьной сети». Губернским и областным исполкомам поручалось в течение года составить проекты местной школьной сети всеобщего обучения, финансовые планы ее развития и наметить меры повышения качества учебно-воспитательной работы. Постановлением СНК РСФСР «О порядке введения всеобщего обязательного начального обучения в РСФСР» от 22 апреля 1927 г. было установлено, что обязательное начальное обучение должно вводиться немедленно по тем округам, уездам, районам, областям, городам, рабочим поселкам и селениям, где для этого имелись необходимые условия (школьные здания и кадры) [9; с. 107]. В 1930 г. было введено всеобщее обязательное начальное обучение детей в возрасте 8–9 лет [10; с. 50].

К моменту образования Бурят-Монгольской АССР (1923 г.) начальная школа представляла собой пеструю картину: функционировали школы с двухлетним, трехлетним и четырехлетним сроком обучения. В 1923–1924 гг. был взят курс на изжитие двухлеток, а в 1928 г. была поставлена практическая задача ликвидации трехлеток с переходом на четырехлетнее обучение. В 1934 г. школы были преобразованы в четырехлетку [11; с. 43].

Для решения кадрового вопроса в 1924 г. в городе Верхнеудинске было открыто первое бурят-монгольское педагогическое училище [12; с. 36].

После вышедшего 27 мая 1929 г. Постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии и работе Бурят-Монгольской парторганизации», в котором указывалось на необходимость усиления ликвидации массовой неграмотности, увеличения охвата школьной сетью детей батрацко-бедняцких масс, подготовки и переподготовки учителей-бурят [13; с. 119], в 1930 г. открывается Агинское педагогическое училище, а в 1932 г. — Боханское. В том же 1932 г. открыт и педагогический институт на базе бурят-монгольского отделения, входящего с 1926 г. в состав педагогического факультета Иркутского государственного университета [12; с. 36].

Таким образом, первые мероприятия, проведенные советской властью, направленные на переустройство школьного обучения, способствовали коренному изменению системы народного образования в России. Состояние народного образования Бурят-Монголии кардинально меняется, ни один из предшествующих этапов ее истории не характеризовался такими глубокими количественными и качественными изменениями. Были решены вопросы всеобщей грамотности, введения обязательного начального образования.

Литература

1. Яковлев А. Л. Реорганизация высшего образования в первое десятилетие советской власти // Идеи Ленина живут и побеждают. Эпоха Сталина: наследие и современность: материалы региональной научно-практической конференции (посвящ. 130-летию со дня рождения И. В. Сталина, 140-летию со дня рождения В. И. Ленина). Улан-Удэ, 2010. С. 40–41.
2. Потапчук О. М. Народное образование на Алтае в 1917–1925 гг. // Вопросы истории. 2012. № 11. С. 73–79.
3. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 18. Д. 54, Л. 97.
4. Бройтман И. А. Из истории народного образования в Бурят-Монгольской автономной области РСФСР (1920–1923) // Труды Восточно-Сибирского государственного института культуры. Вып. 5. Серия историко-филологическая. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. С. 80–96.
5. Подсчитано по Бройтман И. А. Указ. соч.
6. Яковлева О. Н. Состояние начальной школы Бурят-Монгольской АССР в 1920-х — начале 1930-х гг. // Народы Сибири в составе Российского государства: История и современность: материалы регион. молодежной науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2011. С. 299–302.
7. Культурное строительство в Сибири. 1917–1944. Сборник документов. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд-во, 1979. С. 240.
8. Подсчитано по: Панчуков А. П. История начальной и средней школы Восточной Сибири. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. С. 363.
9. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1917–1941. М.: Педагогика, 1980. С. 107.
10. Казарин А. Н. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х — середина 60-х гг. XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1998. С. 50.

11. Яковлева О. Н. Развитие начальной школы Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг. // Идеи Ленина живут и побеждают. Эпоха Сталина: наследие и современность: материалы регион. науч.-практ. конф. (посвящ. 130-летию со дня рождения И. В. Сталина, 140-летию со дня рождения В. И. Ленина). Улан-Удэ, 2010. С. 41–43.

12. Панчуков А. П. Очерки по истории развития школ в Бурят-Монголии. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское гос. изд-во, 1939. С. 36.

13. Культурная жизнь в СССР. 1928–1941. Хроника. Т. 2. М.: Наука, 1976. С. 119.

УДК 947.084.24 (517.5)

ЖИЗНЬ, СУДЬБА И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
МОНГОЛОВЕДОВ РОССИИ ПОСЛЕ 1917 г.:
А. М. ПОЗДНЕЕВ (1851–1920)

© *Полянская Оксана Николаевна*

кандидат исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет,
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: polgrab@mail.ru

Статья посвящена одному из периодов истории монголоведения в России — послеоктябрьскому — с 1917 по 1930 г., времени, когда еще сохранялись традиции прежней имперской научной школы при активном становлении новой советской науки. На примере биографии одного из выдающихся востоковедов российской научной школы Алексея Матвеевича Позднеева прослеживаются черты, характеризующие жизнь и деятельность ученых России после революции 1917 г., многие из которых пытались найти себя в новых условиях существования. Судьба большинства из них, так же как и у А. М. Позднеева, сложилась трагично. Этому способствовали чрезвычайные исторические обстоятельства революции и Гражданской войны, обостряющиеся эпидемиями смертельных болезней, поставивших ученых в невыносимые условия существования. За принадлежность к старой научной школе многие были арестованы и уничтожены физически, а их научное наследие было предано забвению или подвергнуто искажению, отрицанию.

Ключевые слова: монголоведение в России; российская революция 1917 г.; А. М. Позднеев; Петербургский университет; Восточный институт во Владивостоке.

LIFE, DESTINY AND SCIENTIFIC HERITAGE
OF RUSSIAN SPECIALISTS IN MONGOLIAN STUDIES AFTER 1917:
A. M. POZDNEEV (1851–1920)

Oksana N. Polyanskaya
Cand. Sci. (Hist.), A/Prof.,
Buryat State University,
24a, Smolina, Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: polgrab@mail.ru

The article is devoted to the postrevolutionary period of the history of Mongolian studies in Russia — from 1917 to 1930, when traditions of the former imperial scientific school were still preserved with simultaneous active development of the new Soviet science. The features characterizing the life and work of Russian scientists after the 1917 revolution are revealed on the example of the biography of the outstanding orientalist Aleksey Matveyevich Pozdneev. Many of Russian scientists tried to find themselves in the new living conditions. The fate of most of them, as well as A. M. Pozdneev's one, was tragic, it was caused by the extraordinary historical circumstances of the revolution and civil war, being exacerbated by epidemics of deadly diseases, which plunged scientists in unbearable living conditions. The generality of them were arrested and killed for belonging to the old scientific school, and their scientific heritage was buried to oblivion or subjected to distortion, denial.

Keywords: Mongolian studies in Russia; the Russian revolution of 1917; A. M. Pozdneev; St Petersburg University; Oriental Institute in Vladivostok.

Революционные события в России 1917 г. обозначили начало заката имперского периода в истории отечественного монголоведения. Это звучит тем трагичнее, чем глубже погружаешься в предшествующие десятилетия в истории монголоведения.

К 1917 г. монголоведение прошло длительный путь своего становления и развития, в котором присутствовали как взлеты, так и периоды некоторого затухания, рубеж XIX–XX вв. был особенно непростым.

Трудным временем в истории кафедры монгольской и калмыцкой словесности Петербургского университета — признанного центра востоковедения не только российского, но и международного значения — является 1899/1900 учебный год. В 1899 г. умер профессор К. Ф. Голстунский, профессор А. М. Позднеев в том же году был переведен во Владивосток с целью создания Восточного института, который в скором времени стал играть важную роль в изучении монгольских народов [4, с. 143–148]. Более молодому поколению монголоведов еще предстояло о себе заявить: В. Л. Котвич, начавший преподавательскую деятельность на кафедре в 1895 г., находился на службе в министерстве финансов, А. Д. Руднев был еще студентом [5, с. 66–70]. Понемногу с 1900 г. ситуация начала исправляться как в университете, так и в Петербурге в целом в связи с открытием научных обществ востоковедной направленности,

где важное место занимало и монголоведение. В начале XX в. в России было создано два первых объединения специального востоковедного профиля: Императорское общество востоковедения (1900) и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (1903). Цель Общества востоковедения определялась Уставом: «взаимное ознакомление народов России и Востока с их материальной и духовной жизнью», оно стало центром, призванным решать насущные проблемы, связанные с политикой России в указанных регионах. При Обществе была создана Практическая восточная академия, чтобы готовить кадры для службы «на восточных окраинах и сопредельных с ними странами», которые бы хорошо владели восточными языками и вопросами, связанными с современным состоянием государств. Поэтому в учебную программу академии наряду с восточными языками были включены исторические, экономические и политические дисциплины. Особая роль в становлении академии принадлежит А. М. Позднееву, который после возвращения из Владивостока, где был директором Восточного института, убедил правительство в создании центра «практического востоковедения» и в Санкт-Петербурге. Кроме этого, он являлся автором учебных программ и пособий по монгольскому языку, а так же преподавателем для слушателей этой академии, читал лекции по политической ситуации в Монголии начала XX в. Самое активное участие в работе Общества и Практической академии принимали востоковеды, среди них монголоеды: А. М. Позднеев, В. Л. Котвич, А. Д. Руднев, Б. Я. Владимирцов, которые так же работали и в Русском комитете, созданном в рамках «Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях» и был призван «всячески содействовать изучению сохранившихся памятников как вещественных, так и духовных, в соответствующих странах» [6, с. 123–130]. Таким образом, деятельность А. М. Позднеева связана с двумя российскими центрами востоковедения начала XX в.: петербургским и дальневосточным, и в каждом его работа была основополагающей.

А. М. Позднеев — автор фундаментальных работ по истории и культуре монгольских народов: «Монголия и монголы» в двух томах (1896, 1898), «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями его послед-

него к народу» (1887), «Образцы народной литературы монгольских племен. Выпуск I: Народные песни монголов» (1880) и многие другие, которые стали результатом его неоднократных командировок в монгольские степи. А. М. Позднеев — яркий представитель российской школы монголоведения, продолжатель ее традиций, одной из которых является научная командировка как лучшее средство подготовки ученого, заложенная еще стоявшим у истоков научного монголоведения О. М. Ковалевским. Помимо материалов, полученных в результате наблюдений, непосредственного контакта с носителями языка и культуры кочевых народов, ученые привозили богатейшие коллекции восточных рукописей, статуй и изображений буддийских божеств, других предметов религиозного культа и быта. Все это делалось, как писал А. М. Позднеев, «...для ознакомления России как с физическим состоянием, так равно этнографией и литературой этих стран» [1, с. 7]. Подводя итоги поездки по Монголии и Северному Китаю в 1892–1893 гг., ученый, выступая на заседании Русского географического общества в 1893 г., сообщил, что им был пройден путь в 9 000 км, во время которого добыты материалы для изучения административного и военного устройства этих стран, составлены подробные замечания по истории всех княжеских родов монголов, собраны интересные сведения по археологии, этнографии и истории развития русской торговли в этом регионе, приобретены для библиотеки университета подлинные бумаги административного управления, китайские, монгольские и маньчжурские рукописи и печатные сочинения (820 книг), «драгоценнейшая уйгуро-монгольская грамота XVI в.», «...а лично для себя и своих занятий со студентами...» была собрана коллекция «в 150 кумиров и других принадлежностей буддийского культа» [3, с. 36]. Все эти приобретения исследователь сделал благодаря собственным денежным вложениям, помимо отпущенных на экспедицию средств, он истратил 1 425 рублей личных сбережений и такую же сумму не дополучил за время отсутствия в Петербургском университете в качестве профессора и секретаря факультета» [1, с. 8]. Часть этих богатейших материалов Алексеем Матвеевичем была обработана и опубликована под общим названием «Монголия и монголы» в двух томах, позже переизданных в Берлине и Токио. Все остальное осталось в рукописях и не было подготовлено к публикации ввиду занятости ученого преподавательской и организационной деятель-

ностью: помимо занятий со студентами университета, в 1894 г. он был приглашен читать лекции по коммерческой географии Дальнего Востока в Высших специальных классах Министерства торговли и промышленности, а затем утвержден директором Восточного института во Владивостоке, куда забрал свои коллекции и библиотеку в качестве главных пособий для преподавания. В 1904 г. он возвратился в Петербург (библиотека и коллекции возвращаются с ним) в связи с назначением членом Совета при министерстве народного просвещения и состоял при нем до июля 1918 г., пока последний не был упразднен Временным правительством.

Таким образом, революционный 1917 г. Алексей Матвеевич встретил в Петербурге, ставшем началом конца его научной и педагогической деятельности и в целом жизненного пути. В сентябре 1917 г. он вновь приступил к занятиям уже в Петроградском университете, однако преподавательская работа в нем продлилась недолго [2, л. 1–5], был вынужден уехать из Петрограда на Дон, спасая свою большую семью (жену и пятеро детей в возрасте от 4 до 14 лет) от голода. В Новочеркасске жил с семьей его средний брат Владимир, у которого он временно и остановился. Петербургский университет оформил ему научную командировку в Астраханскую и Ставропольскую губернии до 1 июля 1919 г. [2, л. 5]. Выезд с семьей на Дон, видимо был определен еще и тем фактом, что Алексею Матвеевичу рекомендовали возглавить кафедру монгольско-калмыцкой словесности, которую планировали открыть в 1919/1920 учебном году при историко-филологическом факультете Донского университета, находящегося в Ростове-на-Дону. В Донском университете 68-летнему профессору с мировым именем в монголоведении пришлось пройти ряд испытаний, прежде чем его утвердили в должности ординарного профессора по кафедре. 23 мая 1919 г. он баллотировался в Совете Донского университета и был избран на должность профессора, однако стал профессором университета только с июля, после утверждения его в этой должности Отделом Народного просвещения Великого войска Донского (1) 4 июля 1919 г. [2, л. 15]. Затем ему предстояло дать вступительную, испытательную, лекцию перед профессорско-преподавательским составом, разрешение на которую он спрашивал у ректора Донского университета: «Предполагая прочитать вступительную лекцию на кафедре монгольско-калмыцкой словесности, на тему «Исторический очерк расслоения монгольских поколений и об-

разование монгольских речей» в пятницу от 1 часу до 2-х часов, покорнейше прошу соответственных на сей предмет распоряжений Вашего превосходительства» [2, л. 15]. Получить квартиру рядом с университетом не было возможности, поэтому профессор Позднеев вынужден был ездить из Новочеркасска в Ростов, что для человека в возрасте 68 лет было весьма трудно и небезопасно в столь беспокойное время. Момент приезда А. М. Позднеева на Дон совпал с переходом власти в регионе в руки белых. Провозгласив Донскую республику независимой, они учредили правительство, в котором А. М. Позднееву предложили пост министра, на что он ответил категорическим отказом, однако заподозрить его в «принадлежности к коммунистам» тоже было невозможно [1, с. 10]. В чрезвычайных исторических обстоятельствах, сложившихся в нашей стране после 1917 г., наряду с учеными, так или иначе стремившимися «укладываться в общее русло», были и те, кто старались, насколько это было возможно, жить, исходя из прежних привычек и традиций. В наиболее крайней форме это было свойственно абсолютно сложившимся и завоевавшим общественное положение до революции ученым старшего поколения, к которым, на наш взгляд, принадлежит А. М. Позднеев.

Необходимы были средства к существованию, а пенсию, назначенную ему Временным правительством «по должности члена совета министра, в размере 3600 рублей, каковую Алексей Матвеевич и получал до сентября месяца минувшего 1918 г.», Донское правительство перестало выплачивать [2, л. 5]. 8 июля 1920 г. А. М. Позднеев о своем бедственном положении сообщил ректору Донского университета: «Содержание, выданное университетом деньгами, которые были аннулированы еще декретом 29 июня и которых 1-го июня уже никто не принимал, привело к тому, что сегодня я проснулся, буквально, без пищи, даже без куска черного хлеба, хотя и имею 3 000 рублей.... Сегодня на базаре черный хлеб на советские деньги продается по 65 руб[лей] за фунт, а на донские — по 100 руб[лей] по тем же ценам. Донские деньги и меняются на советские» [2, л. 17]. В этом же письме Алексей Матвеевич написал о своем плохом состоянии здоровья: «Обнаружившееся у меня еще с начала мая расстройство желудка, в конце концов, привело к тому, что возвратившись в последний раз в Ростов, я свалился в постель и с тех пор не могу подняться с нее за необычайной

слабости сил. Это больше всего тревожит меня со стороны непосещения университета. Весь этот год / при том первый в Донском ун-те/ был для меня каким-то злосчастливым, не давшим возможности исполнить хотя бы солидную работу... беспокоит меня «Обнаркообраз» могущий предъявить ко мне свои претензии. На сей конец, я представляю Вам свидетельство, пользующего меня врача и усерднейше прошу Вашей защиты, если бы дело приняло какой-либо неблагоприятный оборот» [2, л. 17]. Заключение врача свидетельствовало о том, что «профессор Донского университета страдает в настоящее время острым воспалением желудочно-кишечного тракта с резким упадком сил», для лечения необходим был постельный режим не менее двух недель. Документ был подписан 17 июля 1920 г., т. е. за два с половиной месяца до кончины. «Умер 30 сентября 1920 года», — гласит запись на обложке личного дела А. М. Позднеева. Панихида состоялась 1 октября 1920 г., отпевание 2 октября, «погребение на Покровском кладбище» [2, л. 18]. Болезнь, приведшая к смерти — это сыпной тиф, которым Алексей Матвеевич переболел вместе с детьми в конце 1919 г. Следует отметить, что разные эпидемии, главным образом, сыпной и брюшной тиф подкосили ряды донской профессуры, в число которых волей судьбы попал и профессор Позднеев. В настоящее время нахождения могилы неизвестно, супруга А. М. Позднеева Вера Николаевна безуспешно пыталась найти могилу мужа [1, с. 12].

Жизненные невзгоды, однако, не побудили Алексея Матвеевича продавать свою библиотеку и коллекцию восточных предметов, собранных им во время многолетних научных путешествий и поездок в Монголию, Китай, в районы российского Дальнего Востока. Ученым была собрана большая коллекция ламаистской скульптуры и живописи, музыкальных инструментов, культовых и бытовых изделий, полный состав которой остался неизвестным. По оценке С. Ф. Ольденбурга, «собрание предметов культа, составленное профессором А. М. Позднеевым во время его долголетних поездок среди монголов, бурят и калмыков, в главной своей части обнимают 300 статуэток... хорошие образцы редки и потому чрезвычайно ценны... Почти все находящиеся в нем изображения легко определяются, и специалисту будет нетрудно составить хороший каталог этого собрания. Нельзя не пожелать, чтобы собрание не раздрабли-

валось и попало бы целиком или в один из государственных музеев, или, во всяком случае, в надежные руки» [1, с. 18].

В 1925 г. Вера Николаевна приняла решения продать коллекцию и обратилась с этим вопросом в Комиссию Главнауки по музейным приобретениям. Однако цена, запрошенная ею в 15 000 рублей, показалась Комиссии внушительной, что вызвало сомнение «стоит ли она такой суммы», поэтому было принято решение повторно обратиться к С. Ф. Ольденбургу, который ответил незамедлительно: «коллекцию приобретать немедленно, указанная цена минимальна по сравнению с ценностью входящих в нее произведений искусства» [1, с. 19].

18 августа 1926 г. в Музей восточных культур (2) поступил список 305 предметов из собрания монголоведа. Так начался новый период существования коллекции А. М. Позднеева, носивший печальный скитальческий характер, связанный, прежде всего, с реорганизацией всей структуры научных учреждений имперской России, согласно требованиям молодого Советского государства. Музей восточных культур тоже был детищем уже советской эпохи, образован в 1918 г. как хранилище восточного искусства, несколько раз менявший свое место расположения, изменяющий свою внутреннюю структуру. Ввиду того, что коллекция А. М. Позднеева содержала предметы, относящиеся к разным временным периодам, то ее можно было распределить по разным отделам Музея: Ближнего Востока, Среднего Востока и Советского Востока, поэтому было принято решение передать из отдела Ближнего Востока в отдел Среднего Востока индийскую скульптуру, керамику, бронзу и ткани, ковры Афганистана. Для решения спорных вопросов в распределении памятников Монголии, Тибета, Китайского Туркестана из коллекции А. М. Позднеева избрали комиссию [1, с. 22]. Учитывая тот факт, что религиозное мировоззрение во многом определяло и содержание, и формы культурного наследия народов Востока, то коллекции, в большинстве своем, были собраниями предметов религиозного культа, исключением не было и собрание Алексея Матвеевича. Отделом Среднего Востока ко дню открытия Музея в новом помещении в феврале 1927 г. была подготовлена выставка по ламаизму. Экспозиция была выполнена согласно и применительно к требованиям буддийской (тибетской) иконографии», выпущен

специальный путеводитель тиражом в 1 000 экземпляров, оставшийся первым и единственным в истории существования восточной коллекции Позднеева. Однако выставка впоследствии была названа «совершенно неудовлетворительной», по мнению надзорных органов, «не отвечала тем массово-просветительским задачам, которые стояли перед Музеем». Экспозиция была свернута и отдел Среднего Востока ликвидирован. Выставка религиозного содержания, не отвечающая программной установке ВКП(б) сыграла печальную роль и в судьбе ее организатора А. С. Стрелкова, он был арестован [1, с. 23, 103–104].

В начале 1930-х годов продолжается реорганизация науки, создаются провинциальные музеи. С целью пополнения их фондов Наркомпрос направил специальную директиву о представлении дополнительных картотек «на запасные фонды коллекций, подлежащих распространению по провинциальным музеям». Регулярные передачи экспонатов из фондов Музея начались с лета 1934 г. [1, с. 25] и с большей интенсивностью продолжились уже после окончания войны, что привело к раздроблению, утрачиванию целостности многих коллекций, в том числе и собрания А. М. Позднеева. По мнению авторов книги о восточной коллекции А. М. Позднеева: «Восстановить коллекцию, к сожалению, уже не удастся, так как ушли в небытие материалы, переданные в исчезнувший ЦК ВЛКСМ, не сохранились предметы, поступившие для реставрационных нужд во ВЦНИЛКР, погибли в огне произведения, переданные в музей г. Грозного, оказались за линией пограничных столбов экспонаты, когда-то «пополнившие» восточные разделы музеев Риги, Вильнюса, Каунаса, Киева, Луганска, Сум, Тбилиси, Душанбе, Фрунзе, Алма-Аты, Акмолинска, Ашхабада...» [1, с. 12].

Таким образом, 1917 год в жизни Позднеева сыграл роковую роль. В поисках лучшей доли, в первую очередь, для семьи и возможности продолжить преподавательскую деятельность, монголовед вынужден был уехать из Петербурга, где прожил большую часть своей жизни. Благоприятных условий жизни на новом месте создать не удалось, наоборот, попал в водоворот эпидемий, имевших трагические последствия для него.

А. М. Позднеев — выдающийся представитель российской научной школы монголоведения, ученый, педагог, организатор востоковедного образования в России, его труды по истории

монгольских народов по сей день остаются основополагающими. Однако полной, всеобъемлющей, отражающей многообразие направлений его деятельности до сих пор не написано. Одной из причин этого, на наш взгляд, может служить тот факт, что он полностью принадлежал к прежней старой школе монголоведов, которые прошли путь своего становления и плодотворной деятельности, получили признание в дооктябрьской России.

Примечания

1. Всевеликое войско Донское (Донская республика) (1918–1920) — государство, провозглашенное Кругом Спасения Дона 18 мая 1918 г на территории казачьей области Войска Донского после ликвидации Донской Советской Республики в результате установления казачьими отрядами контроля над Новочеркасском 10 мая 1918 г. Оно было утверждено постановлением Большого Донского Круга 15 сентября 1918 г. В начале 1920 г. на территории Всевеликого Войска Донского была установлена советская власть.

2. Музей восточных культур, сегодня Государственный музей Востока в Москве, обладатель крупнейших в России коллекций искусства ряда стран Востока, Кавказа и Закавказья, Казахстана и Средней Азии, а также значительных коллекций искусства народов Севера и Сибири. Исторические названия: *Ats Asiatica* (1918–1925), Государственный музей восточных культур (1925–1962), Государственный музей искусства народов Востока (1962–1992), Государственный музей Востока (с 1992 г.).

Литература

1. Войтов В. Е., Тихменева-Позднеева Н. А. Алексей Матвеевич Позднеев и его восточная коллекция. Самара, 2001. 107 с.

2. Институт восточных рукописей РАН (ИВР РАН). Ф. 44. Оп. 3. Д. 6. Л. 1–5, 15, 17, 18.

3. Позднеев А. М. Поездка по Монголии в 1892–1893 гг. (Читано в экстренном заседании Императорского Русского географического общества 23 ноября 1893 г.). СПб., 1894.

4. Полянская О. Н. Востоковедное образование России в начале XX в.: деятельность А. М. Позднеева по подготовке монголоведо-практиков // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Профессиональное образование, теория и методика обучения. 2016. Т. 11, № 6. С. 143–148.

5. Полянская О. Н. Научные направления в российском монголоведении (начало XX в.) / Вестник Бурятского государственного университета. Вып. История. 7/2014. С. 66–70.

6. Полянская О. Н. Монголоведные направления в исследованиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Вестник Бурятского государственного университета. Вып. История. 7/2013. С. 123–130.

УДК 726.77: 24 (571.5)

ПЕРВЫЕ БУДДИЙСКИЕ ХРАМЫ ЗАБАЙКАЛЬЯ:
ОСОБЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА И РЕМОНТА в XIX веке

© *Дамбаева Валентина Баировна*

аспирант,

Бурятский государственный университет,

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: valdamb07@ya.ru

В статье на основе архивных источников автор рассматривает вопросы по ремонту буддийских культовых зданий в Бурятии. Анализируется сохранившаяся переписка между военным губернатором и пандито хамбо-ламой по вопросам реконструкции буддийских построек. На примере Цонгольского дацана раскрываются интересные особенности взаимодействия буддийской общины и государственной власти в середине XIX в. Прослеживается вся сложность и бюрократический характер взаимодействия имперской администрации и буддийской церкви того времени.

Ключевые слова: буддизм; буддийские храмы; дацаны; пандито хамбо; архитектура; буряты.

FIRST BUDDHIST TEMPLES OF TRANSBAIKALIA: PECULIARITIES
OF CONSTRUCTION AND REPAIRS IN THE XIX CENTURY

Valentina B. Dambaeva

Post-graduate stud.,

Buryat State University,

24a, Smolina, Ulan-Ude 670000, Russia

E-mail: valdamb07@ya.ru

Author explored historical archival sources which contain different information about interaction between Military Governor of Transbaikalia and Pandito-Hambo lamas (the Head of Buddhist priesthood). Most of this communication saved in the State Archives of the Republic of Buryatia. So we can explore in details how this relationship developed. We consider interesting features of the Buddhist temples building and repairing. All the more so difficult bureaucracy system in the Russian empire investigated on the example of the Transbaikalia region.

Keywords: Buddhism; Buddhist temples; Pandito-Hambo; architecture; buryats.

Буддийская религия, преодолевая препятствия в виде времени и пространства, по мере своего проникновения в различные регионы впитывала в себя и культурные особенности народов. Зародившись в Индии, а затем, постепенно разветвляясь на многообразные течения и школы, буддизм в своей тибетской форме через Монголию проникает на территорию Забайкалья. С развитием буддизма в регионе происходит формирование культовой архитектуры. Буряты, будучи кочевым народом, использовали в качестве первых буддийских храмов свое традиционное жилище — юрту. Таким образом, войлочная переносная юрта с предметами буддийского культа стала первым прототипом будущего буддийского храма.

Первые официальные сведения о 150 ламах и 11 буддийских молельнях появляются к 1741 г. В это же время тибетский лама Агван-Пунцук назначается главным ламой со званием ширетуй, т. е. настоятель монастыря. Хилгантуйская молельная юрта признается среди 11 главной. Тем не менее происходит только становление будущей буддийской общины, а назвать те 11 «селенгинских капищ» буддийскими храмами еще нельзя [7, с. 18]. К 1758 г. было построено деревянное стационарное здание Цонгольского (бывший Хилгантуйский) дацана, его тибетское название «Балдан Брайбун». Дацан располагался у северного склона горы Ехэ Хумун (Большой Кумук) на левом берегу реки Сухэ (Чикой), на южной стороне речки Бэрхэ, в местности Хилганта, по правому берегу р. Селенги [4, л. 35].

Храм был выстроен по образцу тибетского монастыря Самье, а чертеж этого монастыря был получен Доржи Заяевым от Далай-ламы во время его обучения в Тибете: «Хорошо будет, если построишь храм по подобию монастыря Самье, с пятью верхушками, символизирующими гору Сумбэр и четыре континента — двипы» [2, с. 87]. Подобный символизм буддийских храмов Бурятии сохранился и в последующих культовых постройках. Созданная бурятами архитектурно-пространственная структура многоглавого буддийского храма предстает весьма последовательным и оригинальным воплощением в реальной архитектуре символического комплекса буддийских космологических идей мандала — наследия Древней Индии [8, с. 155]

Строительству дацана обычно предшествуют сложные ритуалы с привлечением лам-астрологов, к определению подходящего места

для такого мероприятия. А. М. Позднеев, описывая буддийские монастыри, упоминал о том, что после определения места порубки леса для строительства, ламы выезжали туда в начале лунного месяца, и с 1-го по 15-е число совершали ритуалы, преследующие две цели: испрашивали согласия на вырубку у хранителя этой местности и просили духов деревьев переселиться, чтобы те не остались без крова, т. е. на постройку храмов шли деревья, духи которых «покинули» их [10, с. 21].

Одновременно с войлочным дуганом Хилгантуйского (будущего Цонгольского) по инициативе Жамбы Ахалдаева возникает и войлочный дуган у Гусиного озера [5, с. 24]. Он располагался в 25-ти верстах от г. Селенгинска. Среди каменистой пустыни, на юго-западном берегу тоже пустынного, по очертаниям местности напоминающего Мертвое Море, (Гусиное озеро) возвышается огромное белое, трехэтажное каменное здание китайской архитектуры, украшенное наверху вместо креста или шпица символической фигурой двух вызолоченных, блестящих на солнце оленей с колесом между ними. Это здание особенно выделяется, оно кажется таким величественным и производит впечатление собора [10, с. 23]. С 1809 года Гусиноозерский дацан становится официальной резиденцией пандито хамбо-ламы — главы всех буддистов Забайкалья.

Чаще всего дацаны называли по месторасположению и названию местности (рек, гор и т. д.), где они находились, так, у Цонгольского дацана было и другое название: Хилгантуйский или Чикой-Хилгантуйский. Но в официальное «Положение о ламайском духовенстве 1853 г.» он был записан как Цонгольский Дацан. Выстроенный в XVIII в., уже к середине XIX в. он требовал ремонта. Однако вышеупомянутое положение давало официальные запрещающие распоряжения на возможные самовольные исправления буддийских храмов: «Всякая пристройка к тем дацанам не может быть произведена без разрешения Министра Внутренних Дел. Исправление же их производится с разрешения Генерал-губернатора Восточной Сибири, по представлению Военного Губернатора Забайкальской области» [3, л. 12].

Подобное предписание на практике выстраивалось в цепочку собраний по поводу ремонта или исправления в конструкции буддийских зданий, а также долгой переписки между буддийской общиной и регулирующим эти вопросы государственным аппаратом

власти. Предложение прихожан о ремонте буддийских построек согласовывалось с ламами дацана и настоятелем монастыря, который передавал прошение главному пандито хамбо-ламе. Основная переписка и взаимодействие по ремонту происходили между главой буддийской церкви — пандито хамбо-ламой и военным губернатором Забайкальской области.

Далее мы хотели бы рассмотреть документ — переписку по вопросу реконструкции сумэ при Цонгольском дацане. Примечательно, что подобная практика дозволения на ремонт была одинакова для всех буддийских храмов на территории Забайкалья. Конечно, существовали разные спорные моменты по тем или иным дацанам, но в целом подобная практика получения разрешения на ремонт была идентична.

В декабре 1852 г. ламы составили прошение настоятелю Цонгольского дацана с целью произвести ремонт сумэ. В данном документе подробно изложена суть проблемы, обозначено, какие исправления нужны в буддийских постройках.

«<...> Чикойско-Хилгантуйский большой дацан, ведомству коего мы принадлежим, с прочими малыми дацанам /т.е. сумами / выстроено было в 1758 г., в числе коих состоящий в ведении нашем, называемый Гомонлинь дацан, по не производству в нем с самого начала здания, новых поправок, весьма грозит ветхостью, так что во время сильных ветров и дождей проходят чрез ветхую крышу мокрота, на что потребуются в последствии, лишняя работа и труды к сбережению и высушению хранящихся в этом дацане Бурханов и прочего имущества, приобретённых отцами и дедами нашими» [6, л. 10].

Еще одним важным этапом при ремонте буддийских построек было финансирование. Оно могло осуществляться только за счет добровольных пожертвований прихожан или лам. Запрещались поборы с местного населения. В дар на реставрацию дацана принимались как деньги серебром на оплату рабочих, закупку необходимых товаров, так и сами материалы, необходимые для произведения ремонта. В данном прошении также отмечалось о добровольном намерении произвести ремонт.

«<...> На каковой предмет мы изъявляем добровольное наше желание, произвести на собственный счет поправки, какие только будут нужны к этому ветхому зданию, так как мы ныне в пре-

клонных летах имеем усердие продолжать набожными обетами благотворные дела к очищению грехов наших и спасения души <...>» [6, л. 10об.–11об.].

На первых этапах после выхода «Положения о Ламайском духовенстве» государственный аппарат власти стремился сохранить существующие буддийские постройки в таком виде, в каком они были представлены в планах 1854 года. В данном документе мы можем наблюдать, как Забайкальское областное управление в лице военного губернатора 30 июня 1854 г. потребовало предоставить план и фасад сумэ, в которых требовалось произвести ремонт: *«В дополнение к донесениям Вашим от прошлого года за № 142, о дозволении Ламам Даниеву, Вампилову и Дылыкову производить поправки в старых Чикойско-Хилгантуевских дацанах или сумэ, прошу Вас представить мне план и фасад этих дацанов, с обозначением на оном особыми знаками смет, которые нужно исправить и подробное описание этим местам, без чего я не могу ходатайствовать пред Высшим Начальством о разрешении произвести в них упомянутые исправления»* [6, л. 13].

Далее переписка продолжалась, уточнялось, какие материалы уже имеются, какая сумма нужна на ремонт сумэ, а также и то, что подвергнутся ремонту только указанные в прошении буддийские постройки.

«<...> при Цонгольско-Хингалтуйском Дацане нужно произвести Исправления только при состоящих при них двух сумэ именно: при сумэ Лосон Линь и Гомонг Линь, то есть у обоих по ветхости зданий, нужно с наружности обшить и сделать те самые новые крыши, дабы при сильных ветрах и дождей не проходила по ветхости зданий мокрота и чрез то сберечь хранящие в оном имущество от повреждения на каковое изъявили добровольное желание. Во-первых, Лама Дансарунь Даниев для обшивки Лосонлинь сумэ пожертвовано 300 тесниц и 1500 железных гвоздей, во-вторых, Ламы Вампилов и Дылыков для обшивки Гомонлинь сумэ пожертвовали тоже 300 тесниц и 1500 железных гвоздей, что ими приготовлено находится в готовности кроме сего приглашения или вынуждения для поправки означенных двух сумэ никакого не было и не требуется. И всего исправление полагается на каждую сумэ не более 47 руб. серебром, изъяснив подробно как будут произвести ис-

правление в означенным сумэ они и планов тем сумэ не прилагали <...> [6, л. 16об.–17].

Начатая в декабре 1852 г. переписка по ремонту малых зданий при дацане продолжалась и в 1855 г., потому как в министерстве внутренних дел Забайкальской области возникли сомнения, состоит ли Чикойско-Хилгантуйский дацан в штате утвержденных 34 дацанов Ламайского духовенства. 15 декабря 1853 г. было получено письмо, в котором данную ситуацию попросили разъяснить:

<...> Хотя Вы и доносили мне от 16 Сентября прошлого 1853 г. за № 142, что Чикойско-Хилгантуевский дацан, который Ламы Вампилов и Дылыков желают исправить, состоит в штате Монголобурятского духовенства, но однако, не находя в Высочайше утвержденном в 15 день Мая 1853 года штат Монголо-бурятского духовенства дацана под таким названием, я прошу Вас разъяснить мне не состоит ли он в вышеупомянутом штате под другим названием, и если состоит, то под каким именем [6, л. 2].

Подобный вопрос возник из-за составленного прошения, в котором Цонгольский дацан упоминался ламами как Чикойско-Хилгантуйский. Возможно, военный губернатор предполагал, что упомянутые сумэ могут быть произвольно построенными, тогда в соответствии с Положением о Ламайском духовенстве эти постройки должны быть уничтожены, а виновные лица лишались духовного звания и обращались в светское сословие [3, л. 12об.].

В январе 1855 г. пандито хамбо-лама посылает ответ, где подробно объясняет, под каким названием состоит дацан в штате.

«<...> Его Превосходительству Господину Военному Губернатору Забайкальской Области. На предписание Вашего Превосходительства от 9 Декабря за № 523 имею честь донести, что Чикойско-Хилгантуйский Дацан по Штату Монголо-Бурятского Духовенства состоит под № 12-м под названием Цонгольский причем покорнейше прошу Вашего Превосходительства не оставить согласием донесение моему от 30 октября за № 405 разрешением о исправлении состоящем при оном дацане Сумэ пришедшем в ветхость, о исправлениях коих изъяснено подробно в помянутом мною донесении <...>» [6, 19–19об].

В рассматриваемом нами источнике не сохранилось информации о том, когда было получено разрешение на ремонт сумэ. Изучая данную документацию, мы можем говорить о том, что подготовительный

этап, сбор строительных материалов и денег для ремонта буддийских построек начинался задолго до официального распоряжения приступить к работам. Неизвестно также, в каком состоянии находились дацаны в момент длительного решения по ремонту. Возможно, все эти долгие согласования на первых этапах взаимодействия в дальнейшем требовали от хамбо-лам и ширетуев начинать согласование по ремонту раньше, чем того требовало время, дальновидно понимая, что вопрос по ремонту буддийских зданий может затянуться. Подобная переписка помогает проследить всю сложность дозволения по вопросам реконструкции буддийских построек. Мы наблюдаем настоящую бюрократическую систему того времени. Тем не менее, по мере развития сети буддийских храмов на территории Забайкалья они постепенно становятся крупными религиозными, культурными и консолидирующими центрами.

Литература

1. Буддизм в истории и культуре бурят / под ред. И. Р. Гарри. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014. 417 с.
2. Ванчикова Ц. П. История бурятского буддизма: письменные источники. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. 147 с.
3. Государственный архив Республики Бурятия (далее ГАРБ). Ф. 84. Оп. 1. Д. 538.
4. ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 491.
5. Герасимова К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX вв. Улан-Удэ, 1957. 160 с.
6. ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 124.
7. Ламаизм в Бурятии в XVIII — начала XX в. / Г. Р. Галданова [и др.]. Новосибирск: Наука, 1983. 233 с.
8. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Санкт-Петербург, 1887.
9. Птицын В. Селенгинская Даурия. Очерки Забайкальского края. Санкт-Петербург, 1896.
10. Тамчинский дацан / под ред. И. А. Петрова, И. Г. Васильева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. 223 с.

УДК 281.93 (091) (571.5)

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ
в 1920 — СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.

© *Дроботушенко Евгений Викторович*

кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
Россия, 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, д. 30
E-mail: drzz@yandex.ru

© *Ланцова Юлия Николаевна*

кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
Россия, 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, д. 30
E-mail: astra205@yandex.ru

TO THE QUESTION OF THE EXISTENCE OF THE
TRANSBAIKALIAN DIOCESE IN THE 1920S, IN THE MID-1930's

Evgeniy V. Drobotushenko

Cand. Sci. (Hist.), A/Prof.,
Transbaikal State University,
30, Aleksandro-Zavodskaya, 672039 Chita, Russia
E-mail: drzz@yandex.ru

Julia N. Lantsova

Cand. Sci. (Hist.), A/Prof.,
Transbaikal State University,
30, Aleksandro-Zavodskaya, 672039 Chita, Russia
E-mail: astra205@yandex.ru

В статье дается характеристика особенностей развития Русской православной церкви в Забайкалье в самый сложный период ее существования — 20–30-е гг. XX в. Это время не просто коренного перелома существовавшей ситуации того, что происходило по всей России, в отличие от основной массы регионов РСФСР, где шло закрытие храмов, осуществлялись репрессии в отношении духовенства, происходила секуляризация материальных и духовных ценностей в Забайкалье, еще и постоянно менялись правящие архиереи.

Ключевые слова: религия; православие; политика; государство; революция; Забайкалье.

The article provides characteristic features of the development of the Russian Orthodox Church in Zabaikalye in the most difficult period of its existence — the 20–30-ies of XX century That time not only a radical breaking of the existing situation of what was happening throughout Russia. In contrast to the bulk of regions of the Russian Socialist Federative Soviet Republic, which was the closing of temples, carried out reprisals against the clergy, were no sekuljarizatsii material and spiritual values, in Zabaikalye and changed the ruling bishops.

Keywords: religion, Orthodoxy, politics, state, revolution, Transbaikal.

Итогом социально-политической трансформации в государстве для Забайкальской епархии стала «чехарда» событий. Ее лихорадило в плане смены правящих архиереев, которые постоянно менялись. Имеющиеся архивные данные и материалы научных публикаций дают нам «неразбериху» с именованим епархии. А период десятилетия с середины 30-х до середины 40-х гг. XX в. вообще является чистой страницей в истории православия региона. Причина данной ситуации, к сожалению, лежит в историко-научной базе по проблемному полю.

Следует сказать, что Забайкальское православие трансформации серьезно не затронули в первые годы после революции 1917 г., несмотря на резкие, кардинальные изменения государственно-религиозных отношений в целом и отношений между властью и православной церковью, в частности. Это произойдет несколько позднее начиная с 1920 г. до середины 1930-х гг.

Современная литература не дает нам четкую периодизацию развития православия в рассматриваемое время. Это во многом предопределено путаницей, наличием спорных вопросов по истории Забайкальской епархии.

В 1920 г. Забайкалье покинул епископ Забайкальский и Нерчинский Мелетий (Заборовский). С этого момента начинается череда спорных вопросов истории Забайкальской епархии. Мелетий отправился в эмиграцию в китайский Харбин. Часть имеющихся публикаций продолжает называть его епископом Забайкальским и Нерчинским. Однако отдельные издания говорят о нем как о епископе Читинском и Нерчинском, а некоторые — как о епископе Харбинском. При этом в некоторых работах авторы считают Мелетия правящим архиереем Забайкальской и Нерчинской епархии до 1927 г. Склоняясь к тому, что Мелетий (Забо-

ровский) сохранил за собой титул епископа Забайкальского и Нерчинского, можем говорить о «епархии в эмиграции». В то же время, в 1921–1922 гг., на территории самого Забайкалья православию управлял епархиальный совет, а в дальнейшем руководили временные управляющие. Их два: это Софроний (Старков) (1922–1923 гг.) и Даниил (Шерстенников) (1924–1926 и в феврале — мае 1927 г.). При этом первый был рукоположен Мелетием в Харбине в викарного епископа, а второй являлся именно исполняющим обязанности [11; 20]. В некоторых публикациях говорится о том, что Даниил (Шерстенников) викарным епископом Забайкальской епархии стал в 1920 г. [1; 2]. Осмелимся заметить, что подобное представляется маловероятным.

Отъезд Мелетия (Заборовского) в Китай в 1920 г. и рукоположение Софрония (Старкова) в викарного епископа в 1922 г. дают нам картину епархии в регионе без реального управления. Подобное повторится и позже. Так, согласно отдельным публикациям, это происходит после ареста Софрония в конце 1922 г. По иным данным, в 1923 г. [14, с. 201; 19; 20].

Забайкальская епархия получит нового правящего архиерея только в декабре 1924 г. Как отмечалось выше, им стал Даниил (Шерстенников). Через два года, в самом конце 1926 г., на забайкальскую кафедру назначен уже полноценный епископ — Евсевий (Рождественский), являвшийся управляющим Иркутской епархии. Однако и тогда ситуация с Забайкальской епархией не определялась, поскольку вступить в должность он отказался. После на несколько месяцев управляющим стал Даниил (Шерстенников), однако в том же 1926 г. (по иным данным в 1927 г.) епископом стал Евсевий (Рождественский) [21]. Здесь отметим, что не до конца ясна ситуация с правлением Евсевия. По некоторым данным, был на кафедре до 1930 г., когда его возвели в сан архиепископа, по иным — период его руководства епархией с 1927 по 1930 г. до конца не ясен [6; 13].

С 1930 по 1933 г., по некоторым данным, епископом был Марк (Боголюбов), а с 1933 по 1934 г. — викарный епископ Верхнеудинский Иоанникий Попов [1; 10].

Согласно данным православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета, в 1930–1933 гг. епископом Забайкальским и Читинским был Марк (Николай Константинович Боголю-

бов) [10]. С 1933 по 1934 г. Читинско-Забайкальской епархией (названия епархий и наименование правящих архиереев приводятся по разным исследованиям) руководил епископ Верхнеудинский, викарий и временный управляющий Иоанникий Попов. В то же время следует отметить путаницу с годами и некоторыми фактами, которые получаем при чтении имеющихся публикаций. Так, согласно отдельным работам, тот же Иоанникий в 1933 г. уже был на покое с официальным увольнением в 1934 г., согласно иным данным, это произошло только в 1935 г. [1; 7; 8].

Не исчезла путаница с данными и относительно последующего времени, как впрочем, не исчезла и «чехарда» в епархии.

Согласно отдельным публикациям, с осени 1934 по январь 1935 г. епархию возглавлял епископ Серафим (Зборовский). На сегодня до конца неясно, какой именно период времени он находился у управления епархией.

Проанализировав пусть спорную, неоднозначную информацию по смене епархиальных архиереев, приходим к выводу, что в 1935 г. епархия вновь осталась без управления. Это было с января по сентябрь, когда епископом стал Фотий (Пурлевский) [4; 12]. В марте 1936 г. кафедру занял Серафим (Шамшев). Его возведение в сан в Москве (вместе с возведением в сан епископа Дмитровского Иоанна (Широкова) и епископа Серпуховского Алексия (Сергеева) являлось последним перед массовыми репрессиями в стране и массовыми гонениями на православных священнослужителей [17; 18; 24].

При этом данные по Фотию и Серафиму, что является большой редкостью для рассматриваемой проблематики, относительно схожи, однако очень кратки и какой-либо серьезной информации исследователю не дают. Время управления епархией Серафимом все же остается спорным. Ясно, что это был 1935 г.

Серафим (Шамшев) стал последним (перед длительным перерывом) правящим забайкальским архиереем. Данных о православии в Забайкалье, как и епархии, нет. Причина, возможно, в том, что с 1937 по 1942 г. на территории Сибири вообще не было правящих архиереев. Существует упоминание о епархии, относящееся к 1937 г., однако источниками, как водится, оно не подтверждено [9]. Несколько публикаций говорят о том, что епархия какое-то время была под управлением местоблюстителя патриар-

шего престола митрополита Сергея (Страгородского), однако эта информация относится к концу 1920-х гг. В 1930 г. она выведена из-под названного управления [21; 25; 26].

Время серьезной неразберихи в истории Забайкальской епархии начинается с 1927 г., хотя и предыдущий период не отличался равномерным развитием. Одни публикации именуют ее Читинской и Забайкальской, другие — Читинской и Нерчинской или Читинской и Забайкальской. Для нас очевидно, что вопрос истории епархии с 1927, затем с середины 1930 и 40-х годов требует дальнейшего серьезного изучения.

При характеристике происходившего с Забайкальской епархией в рассматриваемое время следует упомянуть и о попытке введения автономии. Интереснейший документ, характеризующий Забайкальскую епархию, в одной из публикаций приводит Д. В. Саввин. Это «Постановление Забайкальского епархиального совета о епархиальном управлении» от марта 1923 г.». По нему, в соответствии с посланием наместника Патриарха митрополита Агафангела (Преображенского) от 18 июля 1922 г. № 214, епархия в церковной жизни и управлении должна была принять автономию [14, с. 201]. Отметим, что у иных авторов замечаний как об автономии епархии, так и о послании патриаршего наместника информации не встречено. Возможно, это связано с тем, что реализация идеи автономии церкви просто не могла быть воплощена в жизнь в связи с началом еще более сложного периода в истории Забайкальской епархии.

Таким образом, история Забайкальской епархии в 1920–1930-е гг. стала отражением общегосударственных процессов, итогом революционных событий, но с наложившейся на нее региональной спецификой. Удаленность от центра страны, периферийное приграничное положение, отъезд за границу правящего архиерея — все это и некоторые иные аспекты истории сначала предопределили своеобразную неразбериху, а затем на десятилетие вообще исключили Забайкальскую епархию из источников. Итогом же стала потеря церковно-административной самостоятельности Забайкалья на долгие годы. Ситуация изменилась только в 1994 г.

Сегодняшний уровень знаний, имеющиеся научные и научно-популярные публикации, известные источники позволяют утверждать, что существует серьезная необходимость дальнейшего

изучения истории православия в регионе. Озвученные спорные аспекты названной истории требуют их уточнения, а период середины 30–40-х гг. XX в. — изучения. Возможно это только при серьезной работе с источниками, главными из которых являются архивные документы. Региональные архивы относительно предвоенного и военного периода (имеется в виду Великая Отечественная война), к сожалению, по истории православной церкви, содержат незначительное количество информации. Здесь видится, что прорыв может быть сделан только изучением документов федеральных хранилищ.

Литература

1. Верхнеудинская епархия // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/158206.html> (дата обращения: 11.09.2017).
2. Даниил (Шерстенников) // Русское православие. URL: http://orthorus.ksproject.org/cgi-bin/ps_file.cgi?2_5646 (дата обращения: 13.09.2017).
3. Даниил (Шерстенников Даниил Константинович) // ПСТГУ. Факультет ИПМ. URL: http://kuz3.pstbi.ru/bin/nkws.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTcCid74gdS1We5slCHAmTcGZeu-yPrBg9X2mTХоуТахпP0slAU* (дата обращения: 13.09.2017).
4. Забайкальская митрополия // Иерархия Литургических Церквей. URL: <http://hierarchy.religare.ru/h-orthod-russian-zabajkal.html> (дата обращения: 12.09.2017).
5. Читинская епархия // ДРЕВО. Открытая православная энциклопедия. [офиц. сайт] URL: <https://drevo-info.ru/articles/6745.html> (дата обращения: 15.01.2017).
6. Евсей (Рождественский) // Русское православие. URL: http://orthorus.ksproject.org/cgi-bin/ps_file.cgi?2_6777 (дата обращения: 15.01.2017)
7. Иоанникий (Попов) // Русское православие. URL: http://orthorus.ksproject.org/cgi-bin/ps_file.cgi?2_1111 (дата обращения: 12.09.2017).
8. Иосиф (Марьян), игумен Епископ Иоанникий (Попов) / игумен (Марьян) Иосиф // Астрахань ПРАВОСЛАВНАЯ. Храмы. Монастыри. URL: http://uspenskiysobor.narod.ru/html/11_2_22.html (дата обращения: 13.09.2017).
9. История епархии // Читинская епархия. Забайкальская митрополия Русская Православная Церковь. URL: <http://eparhiachita.cerkov.ru> (дата обращения: 13.09.2017).
10. Марк (Боголюбов) // ПСТГУ. Факультет ИПМ. URL: http://martyrs.pstbi.ru/bin/db.exe/no_dbpath/docum/cnt/ans/nm1/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTcCid6qUtu0fc74fsuOZfOXjTX2tAX7yV8Kfc5tjNK6iBHQ* (дата обращения: 13.09.2017).

11. Мелетий Заборовский // Русское православие. URL: http://orthorus.ksproject.org/cgi-bin/ps_file.cgi?2_675 (дата обращения: 13.09.2017).
12. Пурлевский А. А. // Рязанский мартиролог. URL: <http://stopgulag.org/object/83778865?lc=ru> (дата обращения: 13.09.2017).
13. Савин Д. В. Евсевий // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/187372.html> (дата обращения: 13.09.2017).
14. Саввин Д. В. Епископ Селенгинский Софроний (Старков): архипастырь эпохи великих перемен и потрясений / Д. В. Саввин // Вестник церковной истории. 2009. № 1–2. С. 173–202.
15. Серафим (Зборовский) // Русское православие. URL: http://orthorus.ksproject.org/cgi-bin/ps_file.cgi?2_242 (дата обращения: 15.09.2017)
16. Серафим (Зборовский Сергей Иванович) // ПСТГУ. Факультет ИПМ. — URL: http://213.171.53.28/bin/nkws.exe/no_dbpath/nopanel/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6XbuFdS0Ut8Wg60W5cOvUfe9VeeWd674Zs8CZeG06ce0hfe8ctmY*_pnl (дата обращения: 13.09.2017).
17. Серафим (Шамшев) // Русское православие. URL: http://orthorus.ksproject.org/cgi-bin/ps_file.cgi?2_5724 (дата обращения: 13.09.2017).
18. Серафим (Шамшев Сергей Павлович) // ПСТГУ. Факультет ИПМ. URL: http://martyrs.pstbi.ru/bin/db.exe/no_dbpath/docum/cnt/ans/newmr/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6XbuFdS0Ut8Wg60WMc8ncdO6UYOLUcuKd66yUceiceXb8E* (дата обращения: 13.09.2017).
19. Софроний (Старков) // ДРЕВО. Открытая православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/20769.html> (дата обращения: 13.09.2017).
20. Софроний (Старков Сергей Прокопьевич) // Духовенство Русской Православной Церкви в XX в. URL: <http://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/125/> (дата обращения: 13.09.2017).
21. Страницы Читинской и Забайкальской епархии // Самый Восточный. Информационно-просветительский портал Хабаровской епархии. URL: <http://pravostok.ru/blog/stranici-istorii-chitinskoi-i-zabaikalskoi-eparhii/> (дата обращения: 13.09.2017).
22. Фотий (Пурлевский) // Русское православие. URL: http://orthorus.ksproject.org/cgi-bin/ps_file.cgi?2_7466 (дата обращения: 12.09.2017).
23. Читинская епархия // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Читинская_епархия (дата обращения: 13.09.2017).
24. Читинская епархия // ДРЕВО. Открытая православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/6745.html> (дата обращения: 11.09.2017).

25. Читинская епархия // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/31550.html> (дата обращения: 12.09.2015).

26. Читинская и Краснокаменская епархия // Православная газета. Екатеринбург. № 43(652). 14 ноября 2011. URL: <http://orthodox-newspaper.ru/numbers/at52075> (дата обращения: 12.09.2015).

ПРИЗЫВ К ВСЕЦЕРКОВНОМУ ПОКАЯНИЮ СВТ. ТИХОНА,
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО

© *Федоров Михаил Александрович*

кандидат философских наук,
Бурятский государственный университет,
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, Смолина, 24а
E-mail: kafteo@mail.ru

Послания патриарха Русской православной церкви раскрывают ее отношение к событиям, произошедшим после Октябрьской революции. В начале 1918 г. церковь пытается отстоять свои позиции, опираясь на народный протест. Однако начиная с марта этого года основными темами посланий патриарха Тихона становятся покаяние и примирение. Это значит, что патриарх посчитал наилучшим для церкви не выступать в качестве субъекта политической борьбы, разгоревшейся в 1917 г. в России, а смириться с выпавшими ей гонениями.

Ключевые слова: Русская православная церковь; патриарх Тихон; послания; гонения.

CALL FOR THE ALL-CHURCH REST OF
ST. TIKHON, MOSCOW PATRIARCH

Mikhail A. Fedorov

Cand. Sci. (Hist.),
Buryat State University,
24a, Smolina, Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: kafteo@mail.ru

The epistles of the patriarch of the Russian Orthodox church disclose its regard for the events that take place after the October revolution. At the beginning of the 1918 the Church tries to stand its ground relying on the people's protest. However since the March of the same year the key themes of the patriarch Tikhon's epistles are repentance and reconciliation. It means that the patriarch thought it best for the Church not to take an active part in the political fight that started in 1917 in Russia but rather humble itself to the coming persecutions

Keywords: Russian Orthodox church; Patriarch Tikhon; epistles; persecution.

Восстановление патриаршества в 1917 г. происходит в непродолжительный период: император Николай II, а затем его брат — князь Михаил Александрович отрекаются от власти, церковная иерархия дискредитирована обвинениями в связи с Г. Распутиным, страна устала от четырехлетней войны, либеральное временное правительство оказывается слабым; к власти приходит военно-революционный комитет, продолжающий политику отделения религии от жизни общества.

Так, декрет Совета народных комиссаров от 20 января 1918 г. провозглашает свободу веры (ст. 3), устраняет религиозные обряды из жизни общества (ст. 4, 7), ставит исполнение гражданских обязанностей выше церковной жизни (ст. 5, 6), а гражданские постановления — выше церковного уложения (ст. 10), запрещает преподавание религиозных предметов (ст. 9), лишает церковь юридических прав, а ее имущество передает органам местной власти (ст. 12–13) [1].

Послание свт. Тихона от 19 января 1918 г. показывает, что указанный декрет не столько начинает вытеснять церковь из жизни общества, сколько подтверждает, что это происходило уже в течение продолжительного времени.

Гонение жесточайшее воздвигнуто и на святую Церковь Христову: благодатные таинства, освящающие рождение на свет человека или благословляющие супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными, излишними; святые храмы подвергаются или разрушению чрез расстрел из орудий смертоносных (святые соборы Кремля Московского), или ограблению и кощунственному оскорблению (часовня Спасителя в Петрограде); чтимые верующим народом обители святые (как Александровская и Почаевская лавры) захватываются безбожными властелинами тьмы века сего и объявляются каким-то якобы народным достоянием; школы, содержавшиеся на средства Церкви православной и подготовлявшие пастырей Церкви и учителей веры, признаются излишними и обращаются или в училища безверия, или даже прямо в рассадники безнравственности. Имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что это — народное достояние, но без всякого права и даже без желания считаться с законною волею самого народа... [2]

Из всех его посланий только одно похоже на обличение власти и призыв к протесту: уже процитированное выше от 18 января 1918 г., в котором святитель обличает советскую власть в беззаконии и насилии: *<...> власть, обещавшая водворить на Руси право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми и в частности – над святою Церковью православной* [там же].

Также протестным и оппозиционным можно назвать вышедшее в ответ на декрет СНК о свободе совести Воззвание возглавляемого патриархом собора, в котором народные комиссары обвиняются в насилии над совестью верующих, а текущее положение дел называется худшим, чем Россия переживала во времена татаро-монгольского ига: *Даже татары большие уважали нашу святую веру, чем наши теперешние законодатели. Доселе Русь звалась Святою, а теперь хотят сделать ее поганою* [3].

Исходя из текстов послания и воззвания, церковь питала надежду на то, что высшая власть принадлежит народу, как это, например, можно видеть в обращении председателя Совета народных комиссаров к населению от 5 ноября 1917 г. или в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 12 января 1918 г.: *Товарищи трудящиеся! Помните, что вы сами теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете все дела государства в свои руки. Ваши Советы отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы* [4].

В своем послании патриарх призывает не только стать на защиту церкви, выразив свой протест против кощунственных действий новой власти, но и объединиться в духовные союзы, чтобы показать народный характер церкви. Этот призыв получает большую конкретизацию в упомянутом Воззвании собора, где приводится пример того, как народ *без оружия, только своею грудью, воплями и рыданиями* защитил Александро-Невскую лавру в Петрограде, и предлагается составлять союзы для защиты церквей, чтобы верующие могли заявить советской власти о своих правах: *Но пришло время, когда и вы, православные, должны обратиться в неусыпных ее стражей и защитников, ибо «правители народные» хотят отнять у православного народа это Божие достояние, даже не спрашивая вас, как вы к этому относитесь* [3].

Все последующие послания имеют совершенно другой тон и настроение. В послании от 2 марта 1918 г. патриарх, обличая народ в братоубийственной войне и забвении любви и долга к Родине, говорит только о прекращении насилия, покаянии и смирении: <...> *прекратите взаимные распри и междоусобную брань <...> Пусть даже враг сильнейший и пленит на время ваши города и селения: вы примите сие как выражение гнева Божия на вас низведенного волею Провидения за прошлое, и в глубоком чувстве искреннего сердечного покаяния почерпнете силу для своего духовного возрождения в будущем* [5].

Выражая свое несогласие с заключенным Брестским миром и эскалацией междоусобицы, святитель также говорит о покаянии, очищении от грехов и примирении. При этом данное послание содержит призыв ко всем служителям православной церкви содействовать прекращению противостояния сторонников и противников власти Советов: *Взываю ко всем вам, архипастыри, пастыри, сыны мои и дочери о Христе: спешите с проповедью покаяния, с призывом к прекращению братоубийственных распрей и раздоров, с призывом к миру, тишине, к труду, любви и единению* [6].

Призыв к смирению ни в какой мере не означал, что патриарх в качестве курса церкви выбрал безмолвное страдание и невмешательство во внутреннюю жизнь страны. Отказываясь поднимать всех равнодушных на борьбу с безбожной властью, святитель не боится ее обличать — в послании к Совету народных комиссаров от 25 октября 1918 г. приводится длинный список обвинений: реки пролитой крови, контрибуции, выплачиваемые германскому правительству, деморализация армии, гражданская война и классовая вражда, террор населения, казни заложников, лишение верующих утешения церковными таинствами, ограбление трудолюбивой и зажиточной части населения, отсутствие свободы передвижения и свободы слова, ссылки и казни всех инакомыслящих, клевета на церковь и отсутствие религиозной свободы.

Тем удивительней то, что это письмо заканчивается пастырским призывом к милосердию: *отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани* [7].

Послания последующих годов [8; 9; 10; 11] имеют этот же призыв, призыв к покаянию, смирению и примирению. В послании от 8 июля 1919 г. патриарх Тихон пишет о том, что путь терпения и страданий является единственно правильным, и в качестве примера приводит страдания Иисуса Христа, который не защищал себя и на кресте молился за своих врагов: *О, да не будет! Даже если бы сердца наши разрывались от горя и утеснений, наносимых нашим религиозным чувствам, нашей любви к родной земле, нашему временному благополучию, даже если бы чувство наше безошибочно подсказывало бы нам, кто и где наш обидчик. Нет, пусть лучше нам наносят кровоточащие раны, чем нам обратиться к мщению, тем более погромному, против наших врагов или тех, кто кажется нам источником наших бед. Следуйте за Христом!* [8].

В послании от 25 сентября 1919 г. патриарх прямо указывает, что причиной всех неурядиц является нераскаянность народа, а потому церковь должна не содействовать каким-либо политическим силам, а поддерживать действующее правительство и посвящать все силы на проповедь Божьего слова [9].

Существует мнение о том, что патриарх был надломлен арестом и покушениями на его жизнь, во время одного из которых погиб его келейник Яков Полозов, и поэтому пошел на уступки советскому правительству и нормализацию отношений церковного руководства с властями. В качестве примера могут служить «Воззвание Святейшего патриарха Тихона и группы иерархов Православной русской церкви к верующим об отмежевании Церкви от контрреволюции» [12] и «Послание Святейшего патриарха Тихона об отношении к существующей государственной власти» [13], называемое его предсмертным завещанием. Считается, что эти документы, являющиеся примером подчинения атеистическому правительству, могли быть написаны под давлением.

Первый документ можно представить в виде нескольких тезисов: 1) отмежевание церкви от контрреволюции; 2) невозможность возвращения к старому строю; 3) всякая власть от Бога, а потому церковь возносит молитвы о стране Российской и Советской власти; 4) обязательность соблюдения законов Российской Республики для Православного церковного управления. Содержание второго документа повторяет воззвание, но содержит также ряд новых тезисов: 1) согласие с декретом о свободе совести; 2) искренняя поддержка

рабоче-крестьянского правительства; 3) осуждение антисоветской деятельности; 4) осуждение деятельности инославных общин и безбожников; 5) осуждение Русской православной церкви за рубежом.

В отношении первых четырех тезисов нужно отметить, что они присутствуют во всех упомянутых выше посланиях начиная с марта 1918 г. Поэтому воззвание, написанное сразу после освобождения из-под стражи в августе 1923 г., показывает не сломленность патриарха, а продолжающееся увещание народа проходить путь страдания в терпении.

А вот написание патриархом последнего послания можно поставить под сомнение по ряду следующих причин: патриарх критиковал декрет о свободе совести и призывал верующих вставать на защиту церкви [2; 3]; патриарх в нескольких письмах обличал СНК, что не позволяет говорить о полной поддержке советской власти [2; 7]; анафемствование православных иерархов выглядит неправдоподобно, т. к. даже к богоборцам-комиссарам патриарх обращал «горькое слово правды» и увещания [7]. Также маловероятным кажется присутствующее в письме обличение католиков и протестантов, противоречащее письму патриарха последователям протестантского вероисповедания в России [14], в котором выражается благодарность за пожелание успеха работе Священного собора церкви и уверенность в том, что христиане всех вероисповеданий будут трудиться на благо Родины и встанут во всеоружии Божьем против христоробчества.

Таким образом, центральной темой посланий святителя Тихона является покаяние, присутствующее в его посланиях с марта 1918 г. Это показывает, что патриарх Тихон был убежден: народу надлежало много пострадать, и бедствия, постигшие страну, являлись наказанием, избежать которого значило противиться Божьей воле. Семьдесят лет гонений на церковь можно сравнить с вавилонским пленением израильского народа, настигшим их за противление Божьему закону. Призыв к покаянию и смирению можно сравнить с призывом пророка Иеремии подчиниться вавилонскому царю, поскольку разрушение Иерусалима и плен евреев были частью Божественного промысла.

Литература

1. Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах от 20 января (2 февраля) 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/DEKRET/religion.htm> (дата обращения: 12.09.2017).

2. Послание святейшего патриарха Тихона от 19 января 1918 г. (с анафемой безбожникам) [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Belavin/poslanie-patriarha-tihona-s-anafemoj-bezbozhnikam/ (дата обращения: 12.09.2017).

3. Воззвание Священного собора Православной русской церкви [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Belavin/vozzvanie-svjashhennogo-sobora-pravoslavnoj-russkoj-tserkvi/ (дата обращения: 12.09.2017).

4. Обращение председателя Совета народных комиссаров к населению от 5(18) ноября 1917 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/EText/DEKRET/k_nasel.htm (дата обращения: 12.09.2017).

5. Послание Святейшего патриарха Тихона от 2(15) марта 1918 г. (по поводу происходящей в стране междуусобной брани) [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Belavin/poslanie-patriarha-tihona-po-povodu-proishodjashhej-v-strane-mezhduusobnoj-brani/ (дата обращения: 12.09.2017).

6. Послание Святейшего патриарха Тихона от 5(18) марта 1918 г. (по случаю заключения Брестского мира) [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Belavin/poslanie-patriarha-tihona-po-sluchaju-zakljuchenija-brestskogo-mira/ (дата обращения: 12.09.2017).

7. Послание Святейшего патриарха Тихона Совету народных комиссаров по случаю первой годовщины Октябрьской революции [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Belavin/poslanie-patriarha-tihona-po-sluchaju-pervoj-godovshhiny-oktjabrskoj-revoljutsii/ (дата обращения: 12.09.2017).

8. Послание патриарха Тихона чадам Православной российской церкви [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Belavin/poslanie-patriarha-tihona-chadam-pravoslavnoj-rossijskoj-tserkvi/ (дата обращения: 12.09.2017).

9. Послание патр. Тихона с призывом к духовенству не выступать публично в поддержку Белой армии [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Belavin/poslanie-patr-tihona-s-prizyvom-k-duhovenstvu-ne-vystupat-publichno-v-podderzhku-beloj-armii/ (дата обращения: 12.09.2017).

10. Послание патриарха Тихона в связи с закрытием Свято-Троицкой Сергиевой лавры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Belavin/poslanie-patriarha-tihona-v-svjazi-s-zakrytiem-svjato-troitskoj-sergievoj-lavry/ (дата обращения: 12.09.2017).

11. Послание патриарха Тихона ко всем верным чадам Православной российской церкви с призывом к всенародному покаянию в грехах в связи с наступающими днями Успенского поста [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Belavin/poslanie-patriarha-tihona-ko-vsem-vernym-chadam-pravoslavnoj-rossijskoj-tserkvi-s-prizyvom-k-vsenarodnomu-pokajaniyu-v-grehah-v-svjazi-s-nastupajushimi-dnjami-uspenskogo-posta/ (дата обращения: 12.09.2017).

12. Воззвание Святейшего патриарха Тихона и группы иерархов Православной русской церкви к верующим об отмежевании церкви от контрреволюции [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Belavin/vozzvanie-svjatejshego-patriarha-tihona-i-gruppy-ierarhov-pravoslavnoj-russkoj-tserkvi-k-veruyushim-ob-otmezhevanii-tserkvi-ot-kontrevolyutsii/ (дата обращения: 12.09.2017).

13. Послание Святейшего патриарха Тихона об отношении к существующей государственной власти [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Belavin/poslanie-svjatejshego-patriarha-tihona-ob-otnoshenii-k-sushestvuyushej-gosudarstvennoj-vlasti/ (дата обращения: 12.09.2017).

14. Письмо патриарха Тихона последователям протестантского вероисповедания в России [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Belavin/pismo-patriarha-tihona-posledovateljam-protestantskogo-veroispovedaniya-v-rossii (дата обращения: 12.09.2017).

УДК 001. (571.1/5.)

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАУКИ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© *Зангеева Любовь Робертовна*

кандидат исторических наук, старший преподаватель,
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия
им. В. Р. Филиппова,
Россия, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8
E-mail: zlrobert.03@yandex.ru

В статье рассматривается процесс развития сельскохозяйственной науки в Сибири в нач. XX в., создание первых сельскохозяйственных учреждений, высшего учебного заведения по подготовке специалистов сельского хозяйства, научно-исследовательская работа.

Ключевые слова: сельскохозяйственная наука; опытные станции; научно-исследовательская работа; народное хозяйство; высшее учебное заведение.

DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL SCIENCE IN SIBERIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Lyubov R. Zangeeva

Cand. Sci. (Hist.),
Filippov Buryat State Agricultural Academy,
8, Pushkina St., Ulan-Ude 670034, Russia
E-mail: zlrobert.03@yandex.ru

The article deals with the process of the formation of agricultural science in Siberia in the first half of the 20th century, the creation of the first agricultural institutions, a higher educational institution for the training of agricultural specialists, research work,

Keywords: agricultural science, experimental stations, scientific research, national economy, higher education institution

Развитие сельскохозяйственной науки в Сибири происходило в советский период. Актуальность научных исследований в области сельскохозяйственных наук была обусловлена теми задачами, которые стояли перед республикой в 1920–1930 гг. Необходимо было наряду с обновлением материально-технической базы внедрять в

производство агрономическую и зоотехническую культуры. Решение этой задачи, связанной с созданием широко разветвленной агрономической и ветеринарной службы, остро поставило вопрос о массовой подготовке специалистов сельского хозяйства: зоотехников, агрономов, ветеринарных врачей.

В 1921 г. в Сибири работало 152 ветеринарных врача и 375 ветфельдшеров. Из них 4 ветврача, 13 фельдшеров — на территории республики в нынешних границах. Тогда как, по подсчетам Сибирского земельного управления, для нормального обслуживания наличного поголовья скота необходимо было иметь 762 ветврача, не считая фельдшеров [3, с. 3, 6; 2, с. 68]. Низкая квалификация кадров, плохая постановка работы в ветеринарных учебных заведениях и научно-исследовательских институтах требовали усиления подготовки зоотехнических и ветеринарных кадров высших, средних и массовых квалификаций.

Сибирский историк Т. Н. Осташко в работе «Областные опытные станции как форма организации сельскохозяйственных научных исследований в Сибири в 20-е гг.» уделяет внимание развитию опытного дела, выделяя региональные особенности на территории Сибири [7, с. 104–120]. В России конца XIX — начала XX в. утвердился принцип организации опытного дела, учитывавший влияние естественно-исторических условий (климата, растительного покрова и т. д.) на сельскохозяйственное производство. Работа по созданию областных опытных станций развернулась незадолго до начала Первой мировой войны. Однако проводилась она очень медленно из-за недостатка средств, научного оборудования, отсутствия единой системы руководства, планирования и т. д. К 1914 г. в стране насчитывалось 272 сельскохозяйственных опытных учреждения различных типов, включая опытные станции и поля, лесничества, плодопитомники, зоотехнические и молочные станции. Из их числа на территории Томской, Гобольской, Енисейской и Иркутской губерний размещалось всего 16 учреждений. До октября 1917 г. в Сибири не было создано ни одного опытного учреждения областного масштаба.

Советскому правительству пришлось решать многочисленные проблемы, связанные с научным обеспечением сельскохозяйственного производства. На всероссийских съездах опытников, проходивших в 1918–1919 гг., была разработана организационная струк-

тура опытного дела в стране. В соответствии с решениями съездов, централизованное руководство опытными учреждениями возлагалось на опытный отдел Наркомзема.

Первый Всесибирский съезд по опытному делу проходил в ноябре 1920 г. в Омске. Съезд обсудил состояние научно-опытной работы в Сибирском крае и задачи на перспективу. В результате была принята резолюция об управлении сибирскими опытными учреждениями, в соответствии с которой централизованное руководство возлагалось на бюро по опытному делу при Сибирском земельном управлении (СибЗУ). Съезд признал необходимым объединение деятельности опытных учреждений в пределах крупных сельскохозяйственных областей, близких по естественно-историческим и экономическим условиям хозяйствования. Таким образом, было положено начало формированию единой опытной сети Сибири по областному принципу [8, с. 116]. Западно- и Восточно-Сибирское управления по опытному делу были учреждены в 1921 г. В их ведение передавались все научно-опытные ячейки на громадном пространстве, включая сопредельные Сибири территории Зауралья и Средней Азии. Создание территориальных управлений с центрами в Омске и Иркутске позволило более детально ознакомиться с состоянием опытной работы на местах и приступить к развертыванию исследований, учитывая специфику сельскохозяйственного освоения Западной и Восточной Сибири. Важнейшим организационным моментом стало проведение областных совещаний по опытному делу, которым отводилась ведущая роль в объединении и координации научно-опытной работы в том или ином регионе, в согласовании ее с нуждами крестьянства. Так сохранялась связь научно-опытной работы с хозяйствами крестьян. Положение 1923 г. так же внесло коррективы в финансирование опытного дела. В результате значительная часть учреждений районного масштаба переводилась с государственного на местный бюджет. К 1928 г. опытная сеть РСФСР насчитывала 107 единиц — 65 из них находились на обеспечении государственного бюджета, а остальные — на местном финансировании [11, с. 15]. Базой создания областных станций послужили опытные ячейки, возникшие преимущественно в дореволюционное время. Так, Западно-Сибирская станция объединяла Омское и Купинское опытные поля (открыты в 1905 и 1908 гг. соответственно), машиноиспытательную (1910 г.) и селекционную

(1918 г.) станции им. Н. Л. Скалозубова. В состав Средне-Сибирской станции вошли Красноярская опытная станция, созданная в 1923 г. на базе Красноярского опытного поля (1912 г.), а также Казачинское, Минусинское и Тискинское опытные поля (образованы соответственно в 1909, 1911, 1915 гг.); в состав Восточно-Сибирской станции — Тулунское и Баяндайское опытные поля (1907 и 1912 гг.). Таким образом, в 1923–1924 гг. в Сибири сложилась единая сеть сельскохозяйственных научно-опытных учреждений в составе трех областных станций с филиалами — пятью районными опытными полями. Этого было явно недостаточно для обширной территории, отличавшейся чрезвычайным разнообразием природно-климатических и других условий. Опыты по полеводству на Тулунской опытной станции начались с 1916–1917 гг., а на Баяндаевском опытном поле — с 1914 г. [6, с. 3]. Ввиду недостатка земельных площадей опыты на Тулунской опытной станции в отличие от Баяндаевского опытного поля, где опыты были более разнообразны, велись не по полной программе. В «Кратких сводках данных полевых опытов Тулунского и Баяндаевского опытных полей» приводятся конкретные примеры опытов, проводимых в начале XX в. Опытная работа была направлена прежде всего на выведение новых сортов озимой ржи, яровой пшеницы, овса, более устойчивых к местным условиям. Так, например, на Баяндаевском опытном поле велись опыты с разными способами обработки пара под озимую рожь. Различные виды паров (черный, ранний, удобренный и др.) изучались при мелкой и глубокой вспашке. Проводились различные опыты с картофелем, просом. Особое значение отводилось вопросам травосеяния [10, с. 4–13; с. 9–12; с. 22, 53–55]. В середине 20-х гг. XX в. предпринимались попытки разработать общую программу научно-опытных исследований в масштабах края. Эту работу контролировал Наркомзем. Опытный отдел наркомата в феврале 1926 г. рассмотрел и одобрил перспективные программы областных станций Сибири, составленные с учетом общих принципов плана реконструкции сельского хозяйства в крае. Вопрос о дифференциации и «стыковке» программ научно-опытной работы учреждений районного и областного ранга специально рассмотрело 1-е Сибирское краевое совещание по опытному делу (июль 1928 г.) [5, с. 161]. До XVI съезда партии, принявшего решение о переходе к сплошной коллективизации, исследовательские программы ориентировались

преимущественно на нужды мелкотоварного крестьянского производства. Широко практиковались такие формы популяризации научных достижений, как лекции и беседы, сельскохозяйственные выставки, экскурсии крестьян на опытные станции, поля, фермы и т. п. В годы советской власти связь сельскохозяйственных научных учреждений с производством стала рассматриваться как важнейший элемент научно-опытной работы. Несмотря на некоторые успехи, результаты продвижения научных достижений в массы крестьянства на конец 1920-х гг. были весьма скромные. Помимо перечисленного выше, каждая станция сталкивалась и с проблемами иного характера. Так, Тулунская селекционная станция не могла обеспечить территорию всей Восточной Сибири необходимыми сортами пшеницы, озимой ржи, проса. Имеющиеся сортовые посевы были сосредоточены в основном в Прибайкалье. По этой причине в Забайкалье сорта не поступали. Сотрудники Сретенского опытного поля, располагавшегося на территории Забайкалья, не смогли достичь успехов в разведении местных сортов [2, л. 3–5]. Низкие темпы работы по внедрению результатов научных достижений в массы Наркомзем связывал не только с недостаточным уровнем общей и агрономической культуры крестьянства, отсутствием материально-финансовых возможностей для укрепления базы сельскохозяйственного производства, но и с неэффективной работой соответствующего аппарата в структуре опытной организации, который бы осуществлял «обратную связь» между опытными ячейками и крестьянством [9, с. 126]. Совершенствованию структуры и интенсификации деятельности опытных учреждений препятствовали их слабое материально-финансовое обеспечение, малочисленность научных кадров. В условиях восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства возможности финансирования научно-опытных работ были ограничены.

Вопрос о научных кадрах был не менее острым. В дореволюционной Сибири отсутствовала единая система подготовки специалистов сельского хозяйства. Небольшое число специальных учебных заведений, открытых до 1917 г., подчинялось различным ведомствам на огромной территории без всякого плана и учета хозяйственных нужд. Основанные на территории Восточной Сибири сельскохозяйственные вузы — Бурят-Монгольский зооветеринарный институт (1931) и Иркутский сельскохозяйственный институт

(1934) — на первоначальном этапе не были обеспечены учебно-материальной базой и научно-педагогическими кадрами [4, с. 6]. Краевое совещание по опытному делу (январь 1927 г.) выявило слабость материально-финансового обеспечения: не хватало помещений и лабораторного оборудования, препаратов, сельскохозяйственного инвентаря, машин.

В 1920-е гг. в Сибири впервые была создана централизованная сеть научно-опытных учреждений, ядро которой составляли сельскохозяйственные областные опытные станции. В их число входили Тулунская селекционная станция, Баяндаевское и Сретенское опытные поля. Значительно расширилась и углубилась тематика сельскохозяйственных исследований, была выработана и окрепла тенденция к прочному соединению научной работы с запросами крестьянского производства. Несмотря на достигнутые успехи, сохранялась значительная диспропорция в научном обеспечении сельского хозяйства Сибирского региона по сравнению с европейской частью страны.

На деятельности сибирских областных станций отрицательно сказывались и такие негативные моменты, как стихийность формирования территориальной структуры опытной сети, слабость материально-технической базы, недостаток квалифицированных научных кадров, нескорректированность планов научно-опытной работы с хозяйственными запросами местного крестьянства и др.

Со второй половины 1930-х гг. XX в. отчетливо стала проявляться научная деятельность высшей сельскохозяйственной школы Бурят-Монгольской АССР. До этого времени в связи с организационным периодом и многими другими трудностями научная работа в высшем сельскохозяйственном учреждении не была развернута в полном планируемом объеме. Причины такого положения были следующие: слабая материально-техническая база института — вуз продолжительное время не имел необходимых помещений для учебной, научной и производственной деятельности, лабораторий, общежитий, столовой. Отсутствовали технический инвентарь, инструменты, препараты и многое другое.

По мере становления агропединститута (1931) — сельхозинститута (1933) — зооветинститута (1935) — сельхозинститута (1960 г.), ввода в строй новых учебных корпусов открывались новые кафедры и лаборатории. Постепенно складывается профессорско-

преподавательский состав, приходят опытные ученые, представляющие различные школы и направления, что закладывало прочную основу для подготовки высококвалифицированных специалистов сельского хозяйства, таких как К. М. Крамм, Т. М. Омельченко, С. Н. Мачульский, В. Я. Суетин, Р. П. Пилданов, А. А. Баертуев и многие другие.

Выполнение I пятилетнего плана развития народного хозяйства Бурят-Монгольской АССР потребовало активизации работы по изучению производительных сил республики. Именно в эти годы (1928–1933 гг.) в Бурятии были открыты научные учреждения и опытные станции. В 30-е гг. XX в. в республике работают экспедиции Совета по изучению производительных сил АН СССР.

Итоги научного исследования Бурятии были подведены на I конференции по изучению производительных сил БМАССР, организованной АН СССР и БМАССР в Ленинграде в апреле 1934 года. Важное место в программе всестороннего научного изучения Бурятии отводилось преподавателям и сотрудникам агропединституты. Изучением вопросов, связанных с развитием сельского хозяйства, занимались кафедры зооветеринарного института, опытная станция «Иро» по животноводству, Онохойская селекционная станция и ветеринарно-бактериологическая лаборатория. Темы научных исследований были связаны с основными направлениями научно-исследовательской работы, проводившейся в сельскохозяйственных учреждениях и на опытных станциях. Это, прежде всего, диагностика и ликвидация инфекционных болезней животных; организация и выведение новых высокопродуктивных сортов, улучшение местных сортов и обеспечение семеноводческих хозяйств высококачественными семенами районированных сортов; племенная работа в животноводстве, контрольно-семенное дело, работа по составлению агрохимических карт [1, с. 3].

Большая работа по ветеринарии была начата в ветеринарно-бактериологической лаборатории (1926). В 1928 г. на базе этой лаборатории был открыт клинично-бактериологический ветеринарный институт НКЗ БМАССР, где проводилась научно-исследовательская и научно-производственная работа. Первые научные исследования в этом институте выполнили профессор И. И. Архангельский и ветврач В. Я. Суетин. Институт готовил сыворотку против сибирской язвы, формолвакцину против оспы овец,

которыми обеспечивал производственные нужды животноводства не только Бурятии, но и Якутской АССР, Иркутской и Читинской областей, а также МНР.

С открытием Бурят-Монгольского зооветеринарного института научные исследования по ветеринарии велись под руководством профессора И. А. Спирюхова — изучение закономерностей роста и развития органов, систем домашних животных республики в историческом и функциональном аспекте. Другое направление основано профессором В. Я. Суетиным — изучение гистохимии половой системы и морфофункциональных особенностей продуктивных и промысловых животных, разводимых в Забайкальском регионе [12, с. 69; 8, с. 6].

Научное исследование велось Ф. А. Чиркиным по теме «Распределение солей магния по различным органам и тканям животного организма» (кафедра биохимии); кафедра общей химии — «Изучение химического состава лекарственного растения (кровохлебка)» у В. М. Кузнецова — «Сорнополевая растительность Бурят-Монголии», П. А. Ковальского — «Хромогенная система» и др.

Несмотря на все трудности и препятствия, организация и проведение научной работы в сельскохозяйственном вузе Бурят-Монгольской АССР получили свое дальнейшее развитие. В конце 30-х годов XX в. в работе кафедр БМЗВИ наметилась определенная системность и плановость, что положительным образом повлияло на организацию научных исследований в институте. Вуз стал осуществлять разработку комплексных тем, в выполнении которых принимали участие научные работники практически всех кафедр зооветеринарного института.

Таким образом, изменение социально-производственной базы сельскохозяйственных исследований неминуемо вело к изменению целевых установок научно-опытной работы, ориентации на производственные нужды, главным образом, коллективных хозяйств. На рубеже 1920–1930-х гг. XX в. опытное дело в стране вступает в следующую фазу развития. Областные опытные станции были реорганизованы в специализированные отраслевые институты и зональные станции. В Восточной Сибири появляется Государственная селекционная станция (1937) на базе Сретенского опытного поля и укрепленный селекционный отдел при Тулунской опытной станции. В наибольшей степени научные исследования при БМЗВИ были

направлены на решение практических задач сельскохозяйственного производства, способствовали не только обобщению передового опыта, решению актуальных хозяйственных вопросов, но и распространению научных знаний в области сельского хозяйства. Несмотря на дефицит научных кадров и материальные трудности, которые сдерживали развитие науки, исследовательская работа в Бурят-Монгольском зооветеринарном институте не прекращалась. Расширялась и углублялась тематика, появились новые направления научных исследований, продолжали формироваться новые кадры сельского хозяйства, создавались научные школы анатомов, почвоведов, растениеводов и селекционеров.

Литература

1. Бурятская сельскохозяйственная опытная станция как комплексное научно-исследовательское учреждение прикладного характера организовалась на базе Онохойской селекционной станции в 1956 г. // Труды Бурятской сельскохозяйственной опытной станции. Вып. IV. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. с. 60.
2. Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. Р-1110. Оп. 2. Д. 45. Л. 5.
3. Зайцева Л. А. Агропединститут — сельскохозяйственная академия (1931–2001 гг.) // История факультетов и кафедр: очерки истории. Вып. 3. Улан-Удэ, 2001. С. 3; Зайцева Л. А., Попов А. П. Ректоры первого вуза Бурятии: очерки истории БГСХА. Вып. 1. Улан-Удэ, 2001. С. 6.
4. Зайцева Л. А., Попов А. П. Ректоры первого вуза Бурятии: очерки истории БГСХА. Вып. 1. Улан-Удэ, 2001. 260 с.
5. КПСС в резолюциях. 9-е изд. М., 1984. Т. 5.
6. Краткая сводка данных полевых опытов Тулунского и Баяндаевского опытных полей. Иркутск, 1922.
7. Осташко Т. Н. Областные опытные станции как форма организации сельскохозяйственных научных исследований в Сибири в 20-е гг. // Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект. Новосибирск, 1988.
8. Осташко Т. Н. Организация сельскохозяйственной науки в Сибири в 20–30-е гг. // Развитие науки в Сибири: методология, историография, источниковедение. Новосибирск, 1986.
9. Осташко Т. Н. Сельская интеллигенция Сибири, конец 1919–1927 г. Новосибирск, 1988. 19 с.
10. Писарев В. Е. Пшеница в Иркутской губернии. Сводка работ по селекции пшеницы Тулунской сельскохозяйственной опытной станции за 1914–1921 гг. Иркутск, 1922; Ловенецкий А. С. Как разводить многолетние

травы в Иркутском округе. Иркутск, 1930; Быков И. Г. Культура озимой ржи в условиях Восточной Сибири. Иркутск, 1930.

11. Сельскохозяйственное опытное дело РСФСР в 1917–1927 гг. Л., 1928.

12. Цыдыпов Р. Ц., Васильев К. А. Развитие ветеринарной науки на факультете ветеринарной медицины // Проблема и перспективы ветеринарии в XXI в.: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию факультета ветеринарной медицины БГСХА им. В. Р. Филиппова (15–19 июня 2005 г.). Улан-Удэ, 2005. С. 15–17.

УДК 002-63 (091)

ЗНАЧЕНИЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ПРОПАГАНДЕ АГРАРНЫХ ЗНАНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© *Дамбаев Дмитрий Николаевич*

аспирант кафедры истории,

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия

им. В. Р. Филиппова,

Россия, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, д. 8

E-mail: dima.dambaev92@mail.ru

Статья посвящена пропаганде аграрных знаний через периодическую печать, которая в начале XX века получила широкое распространение на территории Сибири. Дан анализ деятельности специализированных сельскохозяйственных журналов «Иркутский хозяин» и «Забайкальский хозяин».

Ключевые слова: периодическая печать; сельскохозяйственное образование; просвещение; «Иркутский хозяин»; «Забайкальский хозяин».

THE IMPORTANCE OF THE PERIODICAL PRINTING FOR THE PROPAGATIO OF AGRARIAN KNOWLEDGE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Dmitriy N. Dambaev

Graduate stud.,

Buryat State Agricultural Academy V. R. Phillipova,

8, Pushkin, Ulan-Ude 670034, Russia

E-mail: dima.dambaev92@mail.ru

The article is devoted to the propagation of agrarian knowledge through periodic press, which in the beginning of XX century became widespread in the territory of Siberia. The analysis of the activities of specialized agricultural magazines «Irkutsk owner» and «Transbaikalian owner».

Keywords: Periodical press; agricultural education; enlightenment; «Irkutsk owner»; «Zabaikalsky owner».

Одним из основных проводников сельскохозяйственного просвещения в Байкальском регионе в конце XIX — начале XX вв. была периодическая печать. В дореволюционной России периодические издания были разнообразны по видам, направлениям и темати-

ке (общие и отраслевые), их перечень многочисленный и непостоянный: возникали новые, исчезали уже существовавшие, а общее количество увеличивалось. В 1894 г. в России печаталось 804 периодических издания, в 1900–1902, всего с учетом динамики в 1901–1916 гг. в России выходило более 14 тыс. различных газет и журналов [4, с. 81]. Так, к 1914 г. в России общее число периодических изданий, которые были посвящены сельскохозяйственным вопросам и общественной агрономии или же, уделяющих на своих страницах достаточно значительное внимание этим вопросам, достигло 352. Из 237 изданий свыше 67% относились к категории исключительно сельскохозяйственных. В том числе 135 — по вопросам сельского хозяйства вообще и общественной агрономии и 102 — по отдельным отраслям сельского хозяйства (животноводству, садоводству, пчеловодству и пр.). Далее, 83 издания, или 24%, были посвящены отраслям, тесно соприкасающимся с сельским хозяйством, как например, ветеринария, сельская кооперация, рыболовство и рыбоводство, лесное дело, кустарная промышленность и т. д. Наконец, 32 издания, или 9%, являлись изданиями общего характера, уделяющими значительное внимание сельскому хозяйству и близким к нему вопросам [3, с. 75]. К ним можно отнести местную периодическую печать, издания по исследованию местных хозяйственных, природных и экономических условий и пр.

Благодаря развитию общественных инициатив, открытию в сибирских городах сельскохозяйственных обществ, кооперативных союзов и потребительских товариществ, развертыванию их культурно-просветительских начинаний в ряде городов Сибири на рубеже XIX–XX вв. начали выходить периодические издания, посвященные вопросам сельского хозяйства и экономики деревни.

Сельскохозяйственная печать являлась самым массовым типом специализированной повременной печати в дореволюционной Сибири. В конце XIX — начале XX вв. выходило около 30 периодических изданий, так или иначе связанных с сельскохозяйственной тематикой [8, с. 50–53].

Начало развития такой печати в Сибири можно отнести к 1895 г., когда в виде приложения к «Тобольским губернским ведомостям» под редакцией первого в Сибири правительственного агронома Н. Л. Скалозубова стал выходить «Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности» [13, с. 126–128].

Начало массового издания периодической печати сельскохозяйственной направленности относится к первым пятнадцати годам XX века. Практически все сельскохозяйственные общества Сибири и крупные союзы кооперативов имели тогда свой печатный орган: «Восточно-Сибирский сельскохозяйственный листок» (Красноярский отдел Московского общества сельского хозяйства, 1906–1907); «Сибирское сельское хозяйство» (Западно-Сибирское сельскохозяйственное общество; Томск, 1912–1917; в 1907–1911 гг. оно же издавало журнал «Сибирский земледелец и садовод»); «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» (Омский отдел Московского общества сельского хозяйства, 1913–1916) [11, с. 73]. Важнейшую роль в распространении сельскохозяйственных знаний в Байкальском регионе играли журналы «Иркутский хозяин» и «Забайкальский хозяин», основанные местными сельскохозяйственными обществами.

В 1912 году основали первый специализированный журнал по сельскому хозяйству в Забайкальской области — «Забайкальский хозяин». Он появился благодаря усилиям местного сельскохозяйственного общества и Войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска. В феврале 1913 г. в Иркутской губернии был издан журнал по сельскому хозяйству — «Иркутский хозяин», появился по инициативе иркутского правительственного агронома Р. И. Ефимова, который сам деятельно участвовал в подготовке материалов для журнала [12, с. 107]. Основные задачи и тематические направления этих двух журналов заключались в изучении местного быта, широком распространении сельскохозяйственного просвещения, достижений агрономической науки, освещении деятельности опытных учреждений и наиболее значимых вопросов сельского хозяйства. Таким образом, издательства журналов заботились не только об освещении насущных вопросов в аграрном секторе, но и о сельскохозяйственном просвещении читательской аудитории.

В 1916 г. в состав редакционного комитета журнала «Иркутский хозяин» входили такие сотрудники, как Христиан Зиверт, являвшийся управляющим Иркутской низшей сельскохозяйственной школы и известный биолог-селекционер, генетик В. Е. Писарев [2, с. 100]. Важным является то, что на страницах журнала часто появлялись статьи агрономов и инструкторов по отдельным отрас-

лям сельского хозяйства. Например, о развитии земледелия писал губернский правительственный агроном Р. И. Ефимов, о молочном хозяйстве и маслоделии — агроном В. Соколов, о полеводстве — А. П. Попов [7, а: с. 20; б: с. 17, 25]. Аналогичные статьи можно встретить и на страницах журнала «Забайкальский хозяин», где о развитии пчеловодства писал А. С. Кокорин, о молочном хозяйстве и маслоделии — А. Плятер-Плохоцкий, Е. И. Кабанов, о полеводстве и льноводстве — В. П. Фатеев, А. И. Венске, Н. С. Иконников [6, а: с. 40; с. 56, 39; г: с. 28]. В целом над изданием журналов работали специалисты различных направлений: агрономии, лесного хозяйства, горного дела, что позволяло охватывать широкий спектр задач, одной из которых стало сельскохозяйственное просвещение местного населения.

Говоря о сельскохозяйственном просвещении через периодическую печать, необходимо вспомнить, что в конце XIX — начале XX вв. в сфере сельского хозяйства Байкальского региона провели ряд важных мероприятий, создавших основу агрономической системы. Так, в регионе были учреждены агрономические организации, основаны агрономические пункты с прокатными станциями сельскохозяйственной техники, рассадниками свиней, организованы склады сельскохозяйственной техники, учебно-показательные поля и станции. Важнейшей задачей этих учреждений являлось переустройство сельского хозяйства, составлявшего основу экономики региона, на рациональных началах, вследствие чего на смену патриархальному земледелию и животноводству приходили многополье, пар, стойловое содержание и кормление скота по нормам. Этот комплекс мероприятий, способствующий развитию культурного сельского хозяйства, называли агрономическими улучшениями. Им уделяли большое значение в «Иркутском хозяине» и «Забайкальском хозяине». Одновременно с этим редакции журналов знакомили читателей с деятельностью агрономических организаций региона, тем самым изменяя стереотипы местных жителей, а в некоторых случаях, разрушая их негативное представление об агрономах, помогали специалистам наладить связь с населением. Например, с этой целью в «Забайкальском хозяине» публиковали статьи о деятельности Онохойского и Верхне-Унгургинского опытных полей, которые сосредоточивались на наиболее значимых про-

блемах сельского хозяйства Забайкалья: борьбе с засухой, сельскохозяйственными вредителями.

Принимая во внимание то, что большая часть специализированной литературы рассматривала вопросы развития сельского хозяйства в масштабах Европейской России, природно-климатические условия которой существенно отличались от Байкальского региона, издания журналов, обобщавшие основные исследования в сфере сельского хозяйства, проводимые с учетом местных условий, становились важным подспорьем не только для местных жителей, но и агрономических кадров. Таким образом, журналы выполняли еще одну важную функцию, выражавшуюся в консолидации специалистов, и давали им возможность обмениваться опытом, при этом не только научно-исследовательским, но и педагогическим, так как на страницах журналов нередко печатались статьи о проводимых в регионе сельскохозяйственных курсах, лекциях, чтениях и беседах. Кроме того, сельскохозяйственные общества Иркутской губернии и Забайкальской области обменивались своими журналами с различными изданиями, среди которых: «Приморский хозяин», «Якутский хозяин», «Сибирская деревня», «Сельскохозяйственная жизнь» [Подсчитано по: 11, с. 49–97].

Просветительская деятельность журналов «Иркутский хозяин» и «Забайкальский хозяин» стала особенно важной, когда стала активно развиваться сельскохозяйственная кооперация. Из-за отсутствия специальной литературы неопытные кредитные товарищества, маслодельные артели, потребительские объединения остро нуждались в практических и теоретических рекомендациях и советах. Именно в этих журналах они могли найти необходимую информацию. Таким образом, специализированные журналы сельскохозяйственных обществ Иркутской губернии и Забайкальской области охватывали все сферы сельского хозяйства, уделяя особое значение проблеме развития скотоводства и рациональным способам его ведения, к которым относились: «лучшее его кормление», «бережный уход за приплодом», «лучшее содержание скота». Важно отметить, что специалисты видели главную причину низких показателей в области скотоводства и других отраслей сельского хозяйства не в материальной необеспеченности крестьян, недостаточной поддержке со стороны государства и местных властей, а в недостаточной инициативе самого населения. На страницах сельскохозяй-

ственных журналов агрономы, инструкторы по сельскому хозяйству писали, что крестьяне сами могли бы создать необходимые условия для повышения доходности хозяйств, лишь правильно их организовать. Так, статьи об улучшенных способах ведения скотоводства содержали следующие инструкции: кормление скота по нормам, учитывавших его направление (молочное, мясное, рабочее), строительство помещений для скота, выбор и наблюдение за производителями [6, б: с. 32; 7, в: с. 10–11].

Редакции сельскохозяйственных журналов, кроме обучающих статей по рациональному ведению хозяйства, поддерживали связь с местным крестьянским населением, т. е. с непосредственной читательской аудиторией. «Забайкальский хозяин» имел своих корреспондентов в лице сельских и станичных жителей, которые посылали в редакцию журнала небольшие заметки о рядовых событиях и проблемах своего района. Так, благодаря сотрудничеству с местным населением редакция получала необходимые сведения, которые касались различных условий ведения и развития сельского хозяйства и кооперации в области. Например, присылались письма, в которых сообщалось о погодных условиях в разных районах области. Эти сведения были весьма важными и ценными для изучения изменчивого местного климата Забайкалья [6, в: с. 26; с. 19]. «Иркутский хозяин» так же вел непосредственную связь с местным населением, называя их «деятельными сотрудниками журнала» [7, б: с. 3].

«Забайкальский хозяин» в целях просветительской деятельности организовал специальную рубрику «Вопрос — ответ», благодаря которой местное население могло получить ответ на свои наблевшие вопросы. Как правило, в номере размещали по 4–5 вопросов и ответы на них. Вопросы охватывали разную тематику, среди которых: полеводство, ветеринария, пчеловодство, кооперация и т. д. В годы войны рубрика стала вестись с перерывами, большинство ответов подготавливались несвоевременно, так как отсутствовали специалисты, которые были вынуждены пойти в армию [10, с. 341]. В это время на страницах «Забайкальского» и «Иркутского» «хозяина» появляются публикации, где освещается положение на фронтах. Некоторые статьи затрагивали проблемы ведения хозяйства в условиях войны. Например, такие статьи как «Об откорме скота, предназначенного на нужды армии», «Некоторые данные о хозяй-

ственном положении семей, призванных на войну» [6, д: с. 15; 7, г: с. 27].

Основную массу читательской аудитории сельскохозяйственных журналов составляли крестьяне, казаки, поселковые и станичные атаманы, кредитные товарищества. Также подписчиками журналов являлись различные начальные училища и общественные библиотеки. Тем не менее, читательская аудитория была небольшой. Так, например, в 1914 г. журнал «Забайкальский хозяин» издавался в количестве 346 экземпляров. В 1915 г. его тираж повысился до 954 экземпляров. Однако тут нужно учесть, что его увеличение вызвала подписка статистического бюро Забайкальского переселенческого района. В этом же году журнал стал издаваться не один, а два раза в год, увеличилась подписная плата, из-за увеличения стоимости типографических работ [1, с. 135]. Нужно отметить, что менталитет сельского населения и его неграмотность, проявлявшаяся в патриархальности агрикультуры, ориентированной на проверенные временем методы ведения хозяйства, существенно влияли на тираж журнала. Но, несмотря на это, потребность в издании специализированных журналов в регионе доказала, что здесь есть представители прогрессивных хозяев, применяющие улучшенные способы земледелия, скотоводства. Они и являются основной читательской аудиторией журналов. Однако, после революционных событий 1917 г., в условиях нестабильной социально-экономической обстановки и коренных преобразований, редакции журналов «Иркутского» и «Забайкальского» «хозяинов», наряду с другими периодическими изданиями царской России, закрыли

Кроме двух специализированных журналов по сельскому хозяйству «Иркутского хозяина» и «Забайкальского хозяина» в Байкальском регионе сельскохозяйственной тематике так или иначе уделяли внимание и другие периодические издания, такие как: «Иркутские губернские ведомости» (Иркутск), «Иркутский кооператор» (Иркутск), «Забайкальские епархиальные ведомости» (Чита), «Забайкальские областные ведомости» (Чита), «Забайкальская новь» (Чита), «Сибирская жизнь» (Иркутск), «Вестник» (Верхнеудинск), «Жизнь на восточной окраине» и др.

Значительное внимание сельскому хозяйству и аграрному просвещению уделяла забайкальская газета «Жизнь на восточной окраине», на титульном листе которой значилось: «Общедоступная,

сельскохозяйственная, торгово-промышленная, политико-экономическая газета на русском и монголо-бурятском языках». Фактически она являлась первой газетой на бурятском языке. Основал газету в 1896 г. выходец из агинских бурят Жамцаран Бадмаев — основоположник тибетской медицины в России [9, с. 52]. В газете «Жизнь на восточной окраине» были представлены хроники местной жизни, домоводства, промышленности и торговли, публиковались ценные сведения об экономическом положении русских деревень, бурятских улусов, рабочих рудников Забайкалья, а также сведения по сельскому хозяйству. Уделялось значительное внимание аграрному просвещению местного населения. Так, членом Императорского московского общества сельского хозяйства Добдинным была подготовлена публикация о результатах употребления сельскохозяйственных орудий. Описан опыт использования сенокосных машин и орудий, приобретенных на «мызе Надеждино», принадлежавшей торговому дому «Бадмаев и Ко». Были приобретены американская сенокосилка завода «Осборн и Ко», конные грабли, двуконные плуги завода «Эккерт», тачкорез завода «Эльдзер и Ко», сенокосилка завода «Деринг и Ко», конные грабли завода «Стодарт и Ко». Оборудование было приобретено в Благовещенске и Риге [5, б: с. 5]. Следует подробное описание того, какие результаты были получены с применением этого оборудования. Приводятся точные сведения об их производительности, доказывається эффективность их работы, даются полезные советы по поводу использования этой техники. Рекомендации автора позволяют осуществить оптимальный выбор тех или иных машин: «Сенокосилка «Деринг и Ко» выкашивала в день от 1 до 2 десятин, судя почему она не может быть рекомендована для наших сельских хозяев. Грабли «Осборн и Ко», несмотря на излишек зубьев, далеко уступают граблям «Стондарт», которые работают гораздо чище, хотя производительность у тех и у других одинакова [5, б: с. 5]. Уделялось внимание животноводству, в газете об этом писалось: «...усиленная вспашка целинных степей сильно сократила пастбища, а алчность человека совсем испортила скотоводческое хозяйство <...> вследствие дороговизны сена, крестьяне и арендаторы кормят своих волов и лошадей соломой не только зимой, но и даже во время производства полевых работ. При таком питании, недостатке удобных помещений и при непрерывной работе вола и ло-

шади еле-еле волочат жалкое существование». Далее следовала рекомендация: «...для восстановления породы измельчавшего и обессилевшего скота необходимо ввести в откорм, кроме хорошего сена, различные корнеплоды, особенно картофель» [5, а: с. 9].

Таким образом, в начале XX в. в Байкальском регионе широкое распространение получила периодическая печать, среди которой особое место занимают сельскохозяйственные издания. Значительный вклад в распространение сельскохозяйственных знаний в регионе внесли два специализированных журнала, издаваемые местными сельскохозяйственными обществами: «Иркутский хозяин» и «Забайкальский хозяин». Важная особенность этих журналов состояла в том, что в их издании принимали участие непосредственно специалисты сельского хозяйства. Журналы вели тесную связь с местным населением, организовывая рубрики, вели переписку по интересующим население вопросам. Тематика журналов практически охватывала все сферы аграрного сектора, тем самым способствовала улучшению хозяйства местного населения и различных сельскохозяйственных объединений, что, в свою очередь, благоприятно влияло на развитие сельского хозяйства в регионе в целом.

Литература

1. Аверьячкина Т. С. Периодическая печать Забайкальской области: вторая половина XIX — февраль 1917 г. Иркутск, 2005. 261 с.
2. Базылева Е. А., Пайчадзе С. А. Книгоиздание научных учреждений и вузов Сибири: вторая половина XIX в. — 1917 г. Новосибирск: Сибирское соглашение, 2003.
3. Волгирева Г. П. Общероссийская сельскохозяйственная печать // Вестник Пермского университета. История. 2010. № 2(14).
4. Горюшкин Л. М. Источники по истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири во 2-й половине XIX — начале XX в.: учеб. пособие. Новосибирск, 1988. 96 с.
5. Жизнь на восточной окраине. а: 1896. 114; б: 168(63).
6. Забайкальский хозяин. а: 1912. №7; 1913. № 3; б: 1913. № 10; в: 1914. № 3; № 5; г: 1914. № 6; д: 1916. №10.
7. Иркутский хозяин. а: 1913. № 9; № 10; б: 1915. № 7; в: 1915. № 2; г: 1916. № 7.
8. Косых Е. Н. Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX века — февраль 1917 г.). Томск, 2001.
9. Намжилова Д. Ц. История периодической печати Бурятии (вторая половина XIX в. — 1937 г.). Улан-Удэ, 1999. 201 с.

10. Очерки истории Забайкальского края. Т. 1–2 / под ред. Н. В. Гордеева. Чита: Экспресс-издательство, 2009. 434 с.

11. Справочник по сельскохозяйственной периодической печати. 1916 г. / под ред. В. В. Морачевского. Петроград: Типография В. О. Кишбаума, 1916. 210 с.

12. Чернигов А. К. Иркутские повествования. 1661–1917 годы: монография в 2-х т. Т. 2. Иркутск, 2003. 432 с.

13. Яковенко А. В. Из истории сельскохозяйственной и кооперативной периодики Сибири начала XX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. 2009. № 1.

УДК 930.25:947.083.78

ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКИХ ИНЖЕНЕРОВ ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ I В ПЕТРОГРАДЕ И 2-Й ЗАПАСНОЙ
ПУЛЕМЕТНЫЙ ПОЛК В НАЧАЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(по архивным материалам)

© *Жуков Вадим Юрьевич*

кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный
университет
Россия, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 2-я Красноармейская, д. 8
E-mail: gratis2002@inbox.ru

Сто лет назад часть революционных войск стала на постой в Петрограде в Институте гражданских инженеров императора Николая I. Впервые уточняется, какого именно полка были солдаты и какой при этом ущерб был нанесен Институту.

Ключевые слова: Февральская революция; Институт гражданских инженеров императора Николая I; 2-й запасной пулеметный полк; постой войск; нанесенный ущерб.

INSTITUTE OF CIVIL ENGINEERS OF EMPEROR NICHOLAS
I IN PETROGRADE AND THE 2nd RESERVE REGIMENT
AT THE BEGINNING OF THE FEBRUARY REVOLUTION
(on archival materials)

Vadim Yu. Zhukov

Cand. Sci. (histor.). A/Prof.,
St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
8, 2nd Krasnoarmeiskaya, 190005 St. Petersburg, Russia
E-mail: gratis2002@inbox.ru

100 years ago the part of the revolutionary troops were billeted in Petrograd at the Institute of civil engineers of Emperor Nicholas I. For the first time the author find out questions: soldiers of which one regiment were billeted there, and the amount of damage which was caused to the institute.

Keywords: the February revolution; the Institute of civil engineers of Emperor Nicholas I; 2nd spare machine-gun regiment; billeting of troops; caused damage.

2017 год — это год 100-летия Русской революции, прошедшей через два этапа: умеренный (буржуазно-демократический) — в феврале и леворадикальный (большевистский) — в октябре 1917 г., и 185-летия Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (СПбГАСУ), который был основан указом императора Николая I в 1832 г. как Училище гражданских инженеров (УГИ). В 1842 г. путем объединения с Архитекторским училищем оно было преобразовано в Строительное училище (СУ), ставшее в 1882 г. Институтом гражданских инженеров (ИГИ), с 1892 г. — императора Николая I. Затем вуз не раз менял название и в 1993 г. получил свое нынешнее наименование. В самом начале Февральской революции ИГИ стал местом расквартирования части революционных войск.

В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) хранятся машинописные журналы Совета Института гражданских инженеров императора Николая I за 1917 г. Из них мы узнаем, что 3 марта 1917 г. на заседании Совета Института присутствовали профессора ИГИ Г. Д. Гримм, А. И. Дитрих, П. И. Дмитриев, А. К. Павловский (инспектор ИГИ), Б. К. Правдзик, В. Н. Соколовский, А. С. Тиханов, Н. К. Чижов и В. В. Эвальд. Председательствовавший на заседании директор ИГИ Вас. А. Косяков довел до сведения Совета пояснение Временного Комитета Государственной думы об учреждении Нового (имеется в виду Временное, появившееся 2 марта) правительства. Совет единогласно постановил «признать законною властью Нового Правительства и подчиниться его распоряжениям, о чем просить Директора довести до сведения Председателя Совета Министров и Министра Внутренних Дел Князя Г. Е. Львова» (журнал № 53) [1, л. 18].

В тот же день 3 марта Вас. А. Косяков доложил Совету, что во вторник 28 февраля утром Институт пришлось закрыть из-за недостатка топлива (а мы думаем, что в первую очередь из-за беспорядков на улицах); а вечером «Исполнительным Комитетом Государственной Думы было предложено Институту предоставить помещения его для II-го Пулеметного полка, часть которого в количестве 2500 человек и заняла помещения Института». Обратим внимание: «II-го» напечатано римскими цифрами, и напомним, что у многих пишущих машинок отсутствует «арабская» единица. Совет принял сообщение директора к сведению, а член совета проф.

Б. К. Правдзик поднял вопрос о месте проведения уже назначенных экзаменов в условиях отсутствия в Институте свободных отопляемых помещений. В связи с этим Совет постановил «разрешить в исключительных случаях проводить экзамены на квартирах гг. профессоров и преподавателей в присутствии ассистентов» (журнал № 54) [1, л. 19].

Отметим, что в двух юбилейных книгах вуза (1926 и 1982 г.) эти документы приведены с искажениями, а журналы Совета названы *протоколами*. Сравним: в книге, посвященной 95-летию вуза, в 1926 г. говорится: «Признать законною властью Исполнительного Комитета Государственной Думы, подчиниться его распоряжениям, о чем просить директора доложить Председателю Совета министров князю Г. Е. Львову». Искажения в заковыченной цитате: вместо Нового (Временного) правительства — Исполком Госдумы, вместо «довести до сведения» — «доложить» (в советской стилистике), не названа вторая должность князя Г. Е. Львова — министр внутренних дел (а именно МВД подчинялся тогда ИГИ). А в отношении второго эпизода сказано: «...предоставляется, по распоряжению Комитета Государственной Думы, для 1-го пулеметного полка помещение на 2500 человек». Искажения в заковыченной цитате: сокращено название Комитета Госдумы, вместо «предложено Институту предоставить помещения его...» — «предоставляется, по распоряжению...», перепутан номер полка (вместо «II-го Пулеметного полка» — 1-й пулеметный полк. Нарушен весь строй текста этой цитаты, фактически она передана в изложении с искажениями [2, с. 9, 10]. Эти же неточные цитаты 1926 г. полностью воспроизведены (тоже с искажениями) и в юбилейной книге 1982 г. к 150-летию вуза [3, с. 28].

А как было на самом деле? Какой же полк квартировал в ИГИ? Но сначала совершим небольшой экскурс в историю, вернувшись на 100 лет назад. Победный исход Февральской революции в Петрограде в 1917 г. во многом решили пулеметные полки 19-й запасной пехотной дивизии, которая была расквартирована под Петроградом в Ораниенбауме, Петергофе и Стрельне. В ее состав входили 1-й (в Ораниенбауме, 19,5 тыс. солдат и офицеров, 1,5 тыс. пулеметов, в основном «Максим») и 2-й (в Стрельне, 9 тыс. человек, вооруженных пулеметами «Кольт») запасные пулеметные полки, пять запасных пехотных полков, другие части.

В понедельник 27 февраля 1917 г. в Ораниенбауме восстал 1-й запасной пулеметный полк и вечером выступил по Петергофскому шоссе на Петроград «помогать рабочим делать революцию». По дороге к нему примкнул 2-й запасной пулеметный полк, другие части. Двигались с пулеметами, в основном пешком, а также с запряженными лошадьми пулеметными двуколками, грузовиками, броневыми автомобилями «Рено», «Паккард», «Остин» и артиллерией. Часть солдат отправилась поездом до Балтийского вокзала и ждала там подхода пеших сил. Движение в целом носило неорганизованный, стихийный характер, солдаты разных полков и частей перемешались, управления не было. По пути останавливались у расположения воинских частей, еще не восставших против царя, наводили на них пулеметы и кричали солдатам: «Выходите! Если не выйдете, будем расстреливать». Все новые солдаты присоединялись к ним.

Ранним утром 28 февраля восставшие солдаты прибыли в Петроград. Последние верные царской власти части были разоружены в тот день в основном к часу дня. После этого повстанцы расправлялись с полицейскими засадами. 28 февраля подпоручик 1-го запасного пулеметного полка большевик А. И. Тарасов-Родионов с командой пулеметчиков отправился в Таврический дворец, где с утра этого дня действовали Временный комитет Государственной думы, взявший на себя восстановление государственного порядка, и Петроградский Совет рабочих депутатов (солдатские депутаты присоединились позднее). Подпоручик установил связь с Временным Комитетом Госдумы, чья Военная комиссия назначила его комендантом Московской полицейской части (Московского района) и Технологического института, в котором разместились часть 1-го запасного пулеметного полка. В тот же день в Таврический пришел с солдатами и командир 4-го батальона 2-го запасного пулеметного полка Н. А. Павлов. Военная комиссия назначила его помощником начальника обороны (охраны) Выборгского района [4, с. 125–146].

Как мы теперь точно знаем в результате более внимательного прочтения архивного источника (журнала Совета ИГИ № 54), в здании ИГИ разместились часть численностью 2,5 тыс. человек не 1-го (его солдаты были неподалеку — в Технологическом институте), а 2-го запасного пулеметного полка. Этот факт малоизвестен историкам.

Как это сказалось на Институте гражданских инженеров? Не лучшим образом. Через две с небольшим недели после занятия солдатами 2-го запасного пулеметного полка ряда помещений Института на заседании Совета ИГИ 16 марта 1917 г. члены Совета С. П. Галензовский, А. И. Дитрих, П. И. Дмитриев, А. К. Павловский (инспектор ИГИ), Б. К. Правдзик, В. Н. Соколовский и А. С. Тиханов под председательством директора ИГИ Вас. А. Косякова рассматривали вопрос: «Ходатайство о казенном пособии в 140 910 р. 73 коп. ввиду недостатка специальных средств».

Докладывал инспектор ИГИ проф. А. К. Павловский. Он говорил, что бюджет Института состоит главным образом из вносимой студентами платы за обучение. А она уменьшится в текущем 1917 г. почти вдвое сравнительно с предыдущими годами, поскольку число студентов из-за мобилизации или добровольного поступления на военную службу сократилось более чем вдвое — почти до 400 человек вместо 900 до войны. На 15 марта 2017 г. (т. е. за день до заседания) студентами было внесено лишь 11 812 руб. 50 коп., из которых уже израсходовано 9984 руб. 58 коп. И в ближайшие месяцы Институту грозит опасность невозможности уплачивать жалованье штатным преподавателям. Главный расход в сумме 89 250 руб. ожидается на топливо вследствие чрезмерного повышения его стоимости, вызванного войной, и потому что с 1917 г. начинает функционировать вновь построенное здание ИГИ.

Из-за того, что помещения Института заняты войсковыми частями, эти помещения и дворы чрезвычайно загружены мусором и фекалиями, переломаны все клозеты и испорчены полы, штукатурка стен и часть чертежных столов и учебной мебели. Поэтому предстоит затратить довольно значительные суммы на ремонт зданий (до 8000 руб.) и мебели (до 3000 руб.), вывоз нечистот и очистку зданий и дворов от грязи (до 3000 руб.). В целом вся сумма ожидаемых в 1917 г. хозяйственных расходов (128 175 руб.) превысит штатное ассигнование на них (24 000 руб.), и так совершенно недостаточное, в 5,3 раза. В результате обсуждения Совет Института постановил просить министра внутренних дел (им был тогда князь Г. Е. Львов) «возбудить ходатайство о казенном пособии Институту в размере 140 910 руб. 73 коп. для покрытия дефицита в 1917 году, придав этому ходатайству спешный характер». На обложке этого журнала от 16 марта наискось от руки написано: «Направить на

рассмотрение Временного Прав[ительст]ва». 21/Ш» и стоит подпись товарища (заместителя) министра внутренних дел С. М. Леонтьева (журнал № 57).

Прошел еще почти месяц, и 14 апреля 1917 г. состоялось очередное заседание Совета № 69 в составе: С. П. Галензовский, Г. Д. Grimm, А. И. Дитрих, П. И. Дмитриев, А. К. Павловский (инспектор ИГИ), Б. К. Правдзик, В. Н. Соколовский, Н. К. Чижов и В. В. Эвальд. Председательствовал директор Вас. А. Косяков. Обсуждался вопрос: «Ходатайство о казенном пособии Институту в 161 710 р. 73 к. вместо 140 910 р. 73 к., предположенных по журналу от 16 Марта 1917 г.». К журналу № 69 приложены: 1) Акт осмотра повреждений, причиненных Институту постоем войск; 2) Опись убытков, причиненных Институту постоем войск; 3) Смета на хозяйственные расходы по Институту гражданских инженеров на 1917 год.

Директор Вас. А. Косяков напомнил членам Совета, что по журналу Совета № 57 от 16 марта 1917 г. «постановлено было возбудить ходатайство об ассигновании Институту из казны 140 910 руб. 73 коп. для покрытия ожидаемых в 1917 году дефицитов по специальным средствам и по средствам, отпускаемым из казны на хозяйственные расходы». В число расходов, составлявших эту сумму, входили 8000 руб. на ремонт зданий, 3000 руб. на ремонт мебели, 3000 руб. на вывоз нечистот и 5500 руб. на освещение. Необходимость трат была вызвана главным образом порчей зданий, дворов и мебели, произведенной войсками, занявшими помещения Института с 1 марта 1917 г. (на самом деле, на день раньше, с 28 февраля. — В. Ж.). Солдаты должны были освободить помещения Института еще в начале второй половины марта, но, несмотря на ходатайство Института и приказы Военной Комиссии Временного Комитета Государственной Думы, а затем Временного Правительства, на момент проведения заседания 14 апреля продолжали занимать помещения Института, «производя дальнейшую порчу частей его и даже уничтожая и расхищая некоторые предметы»: чертежные доски, папки для рисунков, подставки под геодезические инструменты и др.

Вначале внимательно осмотреть помещения для учета повреждений не представлялось возможным. Наконец после проведения более подробного осмотра выяснилось, что повреждения значи-

тельно превышают отмеченные ранее (в журнале от 16 марта). «Ввиду этого действительная сумма, которая потребуется на восстановление испорченных войсками частей, оказывается значительно большею, нежели это было предположено по смете, приложенной к журналу от 16 Марта 1917 года».

Далее директор на основе «Акта осмотра повреждений, причиненных Институту постоем войск» и «Описи убытков, причиненных Институту постоем войск», а также учитывая расценки «стоимости восстановления попорченных и уничтоженных частей», сообщил, что «на одно лишь это восстановление и возмещение убытков» (ремонт зданий и дворов, ремонт и восстановление мебели, очистка дворов, выгребов и проч. и переплата за электрическую энергию) потребуется 30 202 руб. 50 коп. А с учетом обычных хозяйственных расходов их общая сумма в 1917 г. превысит сумму в смете, приложенной к журналу от 16 марта 1917 г., на 20 800 руб. Ввиду этого необходимо «на ту же сумму повысить размер испрашиваемого пособия». Совет, обсудив сообщение директора и учитывая увеличение хозяйственных расходов в 1917 г. на 20 800 руб. из-за повреждений, вызванных постоем войск, постановил: «возбудить пред Временным Правительством ходатайство о казенном пособии Институту в размере 161 710 руб. 73 коп. вместо 140 910 руб. 73 коп., предположенных по журналу от 16 Марта 1917 года» (журнал № 69) [1, к сожалению, номера листов этих двух журналов прочесть и указать не удалось].

Итак, руководство ИГИ в середине апреля 1917 г. оценило ущерб Институту от постоя революционных войск в 30 202 руб. 50 коп. Постараемся представить, что означает эта сумма в современном масштабе цен. Известно, например, что в конце марта 1917 г. 1 фунт (0,45 кг) мяса стоил в Петрограде 60–68 к. (то есть в среднем 64 к.) [5]. Весной 2017 г. при средней цене за 1 кг мяса в Санкт-Петербурге 360 руб. его фунт (0,45 кг) стоит 162 руб. Таким образом, если 64 к. весны 1917 г. = 162 руб. весны 2017 г., то 1 руб. = 253,13 руб. Значит, ущерб, нанесенный Институту постоем революционных войск 100 лет назад, в сегодняшнем масштабе цен измеряется немалой суммой в 7 645 158 руб. 83 к. ($30\,202,50 \times 253,13$).

Источники и литература

1. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 184. Оп. 6. Д. 56. Журналы Совета Института гражданских инженеров (1917). 196 л.
2. Ленинградский институт гражданских инженеров имени Всесоюзного Профессионального Союза Строительных рабочих в 95-ю годовщину его существования. 1830/31 — 1925/26. Л.: ЛИГИ, 1926. 80 с.
3. Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени Инженерно-строительный институт. 1832–1982 / гл. ред. В. П. Ильин. Л.: Стройиздат, 1982. 232 с.
4. Черняев В. Ораниенбаумское восстание: великое и забытое // Звезда. 2017. № 2. С. 125–146.
5. Хроника 1917 г. Март. URL: <http://1917.shpl.ru/category/mart> (дата обращения: 22.04.2017).

УДК 001.89 (470+517.3)

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ РАБОТЫ
СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ в МОНГОЛИИ в 1920–1950-х гг.

Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ
(проект № 16-03-00475а)

© *Юсупова Татьяна Ивановна*

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания
и техники РАН им. С. И. Вавилова Российской академии наук
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5
E-mail: ti-yusupova@mail.ru

В статье освещаются нормативно-правовые акты, регулировавшие взаимодействие Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР в 1925–1950-х гг. Показано, что работа советских ученых в Монголии проходила со строгим соблюдением норм международного права, в рамках межгосударственных соглашений, на основании договоров между Академией наук или ее учреждений (в данном случае Монгольской комиссией) с Комитетом наук (Ученым комитетом). Договоры между Академией наук и Комитетом наук (Ученым комитетом) в первые годы сотрудничества подписывались ежегодно, затем они стали долгосрочными. Эти документы юридически закрепляли формы и содержание сотрудничества и снимали вопросы правового обеспечения работ советских ученых в Монголии. В статье отмечается, что советские исследователи ответственно относились к выполнению обязательств перед Комитетом наук (Ученым комитетом) МНР, что позитивно сказывалось на выстраивании доверительных межгосударственных отношений с Монголией, частью которых являлось и научное сотрудничество.

Ключевые слова: Академия наук СССР; Комитет наук (Ученый комитет) МНР; Монгольская комиссия; договоры о сотрудничестве.

THE LEGAL AND REGULATORY FRAMEWORK
OF SOVIET SCIENTISTS' WORK IN THE 1920S–1950S MONGOLIA

Tatyana I. Yusupova

Doc. Sci. (Hist.), Leading Researcher,
St. Petersburg Branch of the Institute of History of Science and Technology
S. I. Vavilov

5, Universitetskaya nab., 199034, St. Petersburg, Russia
E-mail: ti-yusupova@mail.ru

The article highlights the regulatory legal acts maintaining the interaction between the Academy of Sciences of the USSR and the Committee of Science of the MPR in the 1925s–1950s. It is shown that the work of Soviet researchers in Mongolia was carried out in strict accordance with the norms of international law, within the framework of interstate arrangements, and on the basis of agreements between the Academy of Sciences or its institutions and the Committee of Sciences. The agreements between the Academy of Sciences and the Committee of Sciences in the first years of cooperation were signed annually, then they became long-term. These documents legally secured the forms and content of cooperation and removed the issues of legal maintenance of the Soviet scientists' work in Mongolia. The article notes that Soviet researchers showed a responsible attitude towards fulfilling their obligations to the Committee of Sciences of the MPR, which had a positive effect on the building of trustful interstate relations with Mongolia, including scientific cooperation.

Keywords: Academy of Sciences of the USSR; the Committee of Science (the Scientific Committee); The Mongolian commission, cooperation agreements.

Научные контакты между Россией и Монголией установились в начале 1920-х гг. Продолжительное время главными участниками этого процесса являлись Академия наук СССР и Комитет наук (Ученый комитет, до 1930 г.) МНР — предшественники Монгольской академии наук. В указанный хронологический период взаимодействие Академии наук и Комитета наук (Ученого комитета) координировала Монгольская комиссия АН СССР (1927–1953), которая до этого два года (1925–1926) работала при СНК СССР.

Сотрудничество научных учреждений двух стран проходила со строгим соблюдением правовых норм международного общения и выстраивалось на основе специальных соглашений, заключаемых в рамках межгосударственных договоров. Эти документы юридически закрепляли формы и содержание научных связей, а также взаимные обязательства сторон.

Деятельность Монгольской комиссии также регламентировалась специальными договорами с Комитетом наук (Ученым комитетом), в которых определялись условия работы советских ученых в Монголии. В Улан-Баторе их подписывал по поручению Академии

наук кто-то из руководителей экспедиционных отрядов, направляемых Комиссией в Монголию. Один экземпляр договора затем передавали в Ленинград, где он хранился в делах Монгольской комиссии, другой оставался в Комитете наук (Ученом комитете). Выполнение обязательств советских ученых перед монгольским научным учреждением контролировался советским представительством в Монголии и, соответственно, Наркоматом иностранных дел (НКВД) СССР.

В 1920-х гг. этот вопрос был также на контроле управляющего Совнаркомом СССР Н. П. Горбунова (1892–1938), который курировал работу Монгольской комиссии в правительстве. Такое внимание со стороны директивных органов подтверждало значимость для советского правительства выстраивания доверительных межгосударственных отношений с МНР, частью которых являлось и научное сотрудничество.

Первый договор между Монгольской комиссией СНК СССР и Ученым комитетом о работе экспедиций Академии наук составлен в 1925 г. Он состоял всего из трех пунктов и обязывал советских ученых при проведении работ в Монголии соблюдать ее законы, особенно закон «Об охране памятников старины», и определял условия вывоза собранных коллекций [1, л. 25]. Закон «Об охране памятников старины» был принят монгольским правительством 5 сентября 1924 г., чтобы регламентировать деятельность иностранных ученых на территории страны.

Более детально условия работы и обязательства российских исследователей перед Ученым комитетом были определены в договоре 1926 г. [2, с. 127–129]. От имени Монгольской комиссии его подписали 5 июля 1926 г. в Улан-Баторе «три Бориса» — руководитель этнолого-лингвистической экспедиции монголовед Борис Яковлевич Владимирцов (1884–1931), руководитель геохимической экспедиции Борис Михайлович Куплетский (1894–1964) и руководитель почвенно-географического отряда Борис Борисович Полюнов (1877–1952). Ученый секретарь Ученого комитета Ц. Ж. Жамцарано (1881–1942), отмечая его важность в определении принципов сотрудничества, писал непременно секретарю Академии наук С. Ф. Ольденбургу (1863–1934), что этот договор он считает «тем путем, по которому пойдут последующие экспедиции, снаряжаемые Академией наук» [3, с. 77].

Структурно договор состоял из четырех основных разделов. В первом определялось количество экспедиций, их руководители и районы работы; во втором предписывалось всем участникам экспедиций соблюдать законы Монголии, а для изучения какого-либо памятника старины, заповедника, быта и нравов населения получать особое разрешение местных властей; в третьем разделе регламентировался порядок получения разрешения на вывоз научных коллекций; в четвертом перечислялись материалы, которые необходимо было передать Ученому комитету после завершения работы экспедиций (подробные отчеты, копии карт, фотографий и т. п.). В соответствии с этим договором все собранные на территории Монголии коллекции советские ученые должны были сдавать в Ученый комитет, который определял, какая часть и на каких основаниях будет передана в СССР.

Советские ученые ответственно относились к выполнению условий договора, что позитивно влияло на взаимоотношения с Ученым комитетом. Свидетельством этого являются хранящиеся в архивах Монголии отчеты и материалы их исследований, а в музеях страны — собранные коллекции.

Договоры, заключенные Монгольской комиссией с Ученым комитетом в 1927–1929 гг., по содержанию были примерно такие же, с уточнением по каждому году количества экспедиционных отрядов, их руководителей и районов работы. В 1927 г. договор подписал руководитель геологического отряда И. П. Рачковский (1878–1961) [1, л. 53–55], в 1928 г. — руководитель зоологического отряда А. Я. Тугаринов (1880–1948) [2, с. 155–151], в 1929 г. — также руководитель зоологического отряда, но на этот раз им была Е. В. Козлова (1892–1975) [4, л. 59–60].

27 июня 1929 г. СССР и МНР заключили межправительственное соглашение, которое определило основные принципы взаимоотношений между странами. В этом документе был официально закреплён курс монгольских властей на сотрудничество с СССР «на пути построения социалистического общества через некапиталистический путь развития» [5, с. 118]. Соглашение также предусматривало подписание специальных договоров в тех или иных областях, в том числе в сфере научного сотрудничества. В связи с этим Монгольская комиссия подготовила проект долгосрочного договора о со-

трудничестве между Академией наук СССР и Ученым комитетом МНР.

Для переговоров по его содержанию Академия наук направила в Улан-Батор И. П. Рачковского. Проект договора был рассмотрен 28 сентября 1929 г. на расширенном межведомственном совещании, специально для этой цели созванном правительством Монголии. В заседании, кроме представителей Ученого комитета (его председателя О. Жамьяна (1864–1930) и ученого секретаря Ц. Ж. Жамцарано), участвовали ответственные работники министерства народного просвещения, Экономического совета МНР, министерства народного хозяйства, а также представитель Коминтерна в Монголии М. И. Амагаев (1897–1944) [2, с. 167–169]. Несмотря на ряд высказанных монгольской стороной замечаний, в основном по увеличению количества работ хозяйственно-экономического направления, в целом проект был одобрен.

Договор между Академией наук СССР и Ученым комитетом МНР о совместных научных исследованиях в 1930–1934 гг. был заключен 5 октября 1929 г. в Улан-Баторе. От Ученого комитета его подписали О. Жамьян и Ц. Ж. Жамцарано, от Академии наук — И. П. Рачковский [6]. В документе были подробно прописаны направления совместных исследований, количество экспедиционных отрядов, которые будут направлены Академией наук в Монголию, их руководители, ответственности сторон по проведению работ. Факт заключения первого официального договора между Академией наук и Ученым комитетом явился важным шагом в развитии сотрудничества советских ученых с монгольскими коллегами, юридически закрепляя его характер и содержание.

В начале 1934 г. новый председатель Комитета наук (так с 1930 г. стал называться Ученый комитет) Монголии Л. Дэндэв (1895–1957) высказал непременному секретарю Академии наук В. П. Волгину (1879–1962), сменившему на этом посту С. Ф. Ольденбурга, просьбу продолжить и далее работы по Договору. Одновременно Л. Дэндэв пригласил председателя Монгольской комиссии академика к В. Л. Комарова приехать в Монголию в целях дальнейшего развития и укрепления связи между Комитетом наук и Академией наук и лично подписать договор между ними.

Откликаясь на просьбу Комитета наук, Монгольская комиссия разработала проект нового договора о совместных исследованиях в

1935–1939 гг. с учетом пожеланий монгольской стороны, который был утвержден Президиумом Академии наук 15 октября 1934 г. [7, л. 5].

Но поездка В. Л. Комарова в Монголию не состоялась ввиду его большой загруженности работой как вице-президента Академии наук. Провести переговоры по согласованию договора вновь поручили И. П. Рачковскому, а подписать его от имени Академии наук он должен был вместе с монголоведом Н. Н. Поппе (1897–1991), который был утвержден руководителем этнолого-лингвистической экспедиции. Однако и они не смогли приехать: в 1935 г. экспедиционные исследования Академии наук в Монголии по решению Политбюро ЦК ВКП(б) были прекращены из-за сложного внутри- и внешнеполитического положения Монголии [8, с. 176]. Таким образом этот договор так и остался неподписанным. Тем не менее в переговорах между Комитетом наук и Академией наук в 1940-х гг. о заключении очередного договора стороны ссылались на окончание сроков действия этого документа. По-видимому, и для монгольской, и для советской стороны вполне хватало джентльменских соглашений о научном взаимодействии.

Экспедиционные работы Академии наук в Монголии возобновились только в 1946 г. Определяющую роль в складывании тенденций и особенностей советско-монгольского научного сотрудничества в послевоенный период сыграли изменения в геополитической ситуации в Дальневосточном регионе и укрепление международно-правового положения Монголии после признания мировым сообществом ее независимости. 27 февраля 1946 г. между СССР и МНР был заключен Договор о дружбе и взаимопомощи и подписано Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве. В его рамках планировалось заключить договор о сотрудничестве между Академией наук и Комитетом наук. Для его составления в конце сентября 1946 г. в Москву прибыли председатель Комитета наук Б. Жаргалсайхан (1915–2005) и ректор Монгольского государственного университета Б. Ширендыб (1912–2001). В проекте документа указывалось, что сотрудничество имеет своими основными целями: во-первых, способствовать развитию как совместной работы Академии наук и монгольских научно-исследовательских организаций, так и самостоятельных работ Академии наук на территории Монголии; во-вторых, обеспечивать обмен научной информа-

цией между Академией наук и монгольскими научно-исследовательскими организациями; в-третьих, оказывать монгольским научным организациям помощь в выполнении стоящих перед ними исследовательских задач и в подготовке национальных научных кадров.

Однако и этот документ не был подписан руководством Академии наук. Вместо общего договора между ними было заключено только «Соглашение о совместной работе по написанию одно- и трехтомной «Истории МНР». Оно было подписано 28 декабря 1948 г. президентом АН СССР академиком С. И. Вавиловым (1891–1951) и председателем Комитета наук МНР Б. Жаргалсайханом во время его пребывания в СССР. Документ подтверждал договоренность двух научных учреждений написать в 1948–1949 гг. однотомник «История МНР» и в 1950–1951 гг. провести сбор материалов и подготовительные работы по написанию трехтомной «Истории МНР». Большую часть финансовых расходов брал на себя Комитет наук: он оплачивал все работы по написанию «Истории» на территории Монголии (сбор архивных материалов, их копирование и т. п.), труд авторов, расходы по подготовке рукописи к печати, ее перевод на монгольский язык. В рамках этого проекта была организована монгольская историко-этнографическая экспедиция под руководством С. В. Киселева (1905–1962), которая работала в Монголии в 1948–1949 гг.

Организованные в эти же годы монгольская палеонтологическая (1946–1949) и монгольская сельскохозяйственная (1947–1951) экспедиции были утверждены уже соответствующими постановлениями Совета Министров СССР.

Следующий долгосрочный договор между Академией наук и Комитетом наук был подготовлен только в 1960 г. в рамках действующего межгосударственного «Соглашения о культурном сотрудничестве» между СССР и МНР от 24 апреля 1956 г. С этой целью в Москву прибыла официальная делегация Комитета наук. Договор между Академией наук СССР и Комитетом наук МНР о научном сотрудничестве на 1961–1965 гг. был подписан 12 декабря 1960 г. от имени Академии наук главным ученым секретарем Президиума АН академиком Е. К. Федоровым (1910–1981), от имени Комитета наук — его председателем Б. Ширендыбом [9, с. 398–407].

Договор состоял из шести разделов, в которых были прописаны общие положения, направления сотрудничества (три раздела), финансовые вопросы и заключительные положения, определявшие время его вступления в силу, срок действия (пять лет), порядок внесения изменений и дополнительные, сопровождающие взаимодействия акты (ежегодные планы мероприятий, тематические планы и др.) по его реализации. Этот документ выделил три основные формы научных контактов: проведение совместных работ; обмен научной литературой и информационно-справочными материалами, в том числе содействие в публикации материалов ученых другой стороны в своих изданиях; научные командировки ученых. Это был последний договор с Комитетом наук. В дальнейшем Академия наук СССР заключала договоры о сотрудничестве уже с Академией наук МНР, организованной в 1961 г. на базе Комитета наук.

Анализ содержания нормативно-правового обеспечения работ российских ученых в Монголии показывает, что взаимодействие советских и монгольских исследователей в 1920–1950-е гг. носило взаимовыгодный характер и строилось на принципах взаимного уважения. Сотрудничество с Комитетом наук (Ученым комитетом) МНР предоставило советским ученым возможность реализовать свои личные исследовательские программы, результаты которых внесли существенный вклад в развитие ряда естественно-научных и гуманитарных направлений, решить научные проблемы в области истории, археологии, геологии, биологии, палеонтологии и других научных дисциплин. В свою очередь, монгольские ученые получили возможность развернуть широкое изучение природных особенностей и истории своей страны и помощь в организации собственных исследований и подготовке национальных научных кадров.

Литература

1. Государственный архив РФ. Ф. 8429. Оп. 3. Д. 25.
2. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1. 1921–1940 / отв. ред. Ф. И. Долгих, Г. Цэрэндорж. М.; Улаанбаатар: Международные отношения, 1975.
3. Решетов А. М. О переписке Ц. Ж. Жамцарано с С. Ф. Ольденбургом и Б. Я. Владимирцовым // *Orient. Альманах. Вып. 2–3: Исследователи Центральной Азии в судьбах России* / гл. ред. Е. А. Хамаганова. СПб.: Утпала, 1998. С. 56–89.

4. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 339. Оп. 1–1929. Д. 11.
5. Бойкова Е. В. Некоторые проблемы советско-монгольских отношений в 1930-е годы // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М.: ИВ РАН, 2001. С. 118–132.
6. СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1930. Д. 16. 20 листов.
7. СПФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1934. Д. 8.
8. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922–1991 / 1922–1952 / сост. В. Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000.
9. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. II / ред. И. С. Казакевич. М.; Улаанбаатар: Международные отношения, 1979.

УДК 94:378

БУРЯТ-МОНГОЛЬСКИЙ ЗООВЕТИНСТИТУТ В 1944–1960 гг.:
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

© *Зайцева Любовь Алексеевна*

доктор исторических наук,

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия

им. В. Р. Филиппова,

Россия, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, д. 8

E-mail: klio-1976@mail.ru

В статье дана краткая история Бурят-Монгольского зооветинститута в 1940–1960-е годы. Прослежен путь превращения однофакультетного вуза в крупнейший сельскохозяйственный вуз России. Приведены данные о составе студентов, выпускников, профессорско-преподавательского коллектива и материально-технической базы вуза.

Ключевые слова: зооветеринарный; сельскохозяйственный институт; Бурятия; директор; ректор, студент, профессор, ученый.

BURYAT-MONGOLSKY ZOOVETHINSTITUT IN 1944–1960:
PAGES OF HISTORY

Lubov A. Zaitseva

Doc. Sci. (Hist.),

Buryat State Agricultural Academy. V. R. Filippov,

8, Pushkin, Ulan-Ude 670034, Russia

E-mail: klio1976@mail.ru

The article deals with the brief history of Buryat-Mongolian zoovet institute during 40-60s of the XX century. It shows the development of a single faculty high educational institution into the largest agrarian institution of Russia. The data about students' body, graduates, teaching staff and infrastructure of the institute is given.

Keywords: zooveterinarian; agrarian institute, Buryatia, headmaster, rector, student, professor, scientist.

Шел четвертый год войны. И хотя у Советского государства было много забот, связанных с завершением войны, задачи мирного строительства также получали свое разрешение. В связи с необходимостью восстановления сельского хозяйства в Бурятии, являющегося наиболее трудным и отстающим участком, особую значимость

приобрела проблема подготовки специалистов сельского хозяйства. И вновь встал вопрос о восстановлении Бурят-Монгольского зооветинститута. Руководство республики обратилось с ходатайством в центральные органы. Постановлением СНК СССР № 53 от 19 января 1944 г. Бурят-Монгольский зооветинститут был восстановлен, работу по восстановлению института возглавил врио директора Дмитрий Кириллович Червяков [1, с. 132].

На основании постановления СНК СССР были приняты от воинских частей два учебных корпуса и два общежития, а от сельскохозяйственного техникума — учебное и хозяйственное оборудование. Все находилось в полуразрушенном состоянии. С мая 1944 г. институт возобновил работу, в июне — августе провели капитальный ремонт. В 1941 г. институт сдал имущество и инвентарь сельхозтехникуму на сумму 1758,2 млн р., а в 1944 г. институт принял от последнего имущество на сумму 1061,1 млн рублей, т. е. не получил оборудования на 679,1 тыс. рублей. Особенно пострадала библиотека, из 42 000 сданных книг были возвращены 24 120, в числе утерянных книг оказались наиболее ценные [2, л. 1].

Директором института в июне 1944 г. назначается Тимофей Макарович Омельченко, проработавший в БМЗВИ до 1952 г. [3, с. 132–134].

В институте в эти годы работали 8 кандидатов наук, 1 доцент, 8 преподавателей, ассистентов, не имеющих ученой степени, 10 лаборантов, 4 препаратора. В первый послевосстановительный год были приняты 94 студента: на ветфак 59, на зоофак 35. В условиях военного времени среди принятых больше было девушек — 60, мужчин — 34, более 40% были комсомольцами и членами партии. Среди студентов этого периода многие были из тех, кому война помешала завершить учебу, кто в 1941 г. ушел со студенческой скамьи на фронт или на производство [4, л. 1–2об].

По итогам летней сессии 1944 г. были переведены на 2-й курс 74 студента. В связи с восстановлением института много времени уходило на организацию работы кафедр, на учебный процесс. Отсутствие старших курсов вызывало определенные трудности в проведении воспитательной работы со студентами. Шла постоянная работа по укреплению материальной базы института.

Выполнение учебного плана в этих трудных условиях достигалось четкой организацией преподавания дисциплин. Кафедры, не-

смотря на свою малочисленность, вели методическую работу, руководство института осуществляло постоянный контроль за чтением лекций, проведением семинарских, практических и лабораторных занятий. Преподаванию была придана военно-политическая направленность, во все курсы внесены вопросы, связанные с войной. В политическом воспитании студентов значительное внимание отводилось изучению общественных наук. Преподаватели и студенты оказывали помощь хозяйствам. Работали и в каникулы, и в учебное время: заготавливали дрова, ремонтировали учебные корпуса и общежития, помогали учхозу. Все это выполнялось на общественных началах. Первыми во всех делах были комсомольцы, они же возглавляли шефскую работу, вели агитационную пропаганду. Секретарем комитета ВЛКСМ был Щербаков, а в октябре 1945 г. стал М. Богданов.

В 1944–1946 гг. среди поступивших с институт были бывшие фронтовики, немало было и демобилизованных после тяжелых ранений — М. И. Богданов, М. С. Кобец, К. Е. Ильин, К. Д. Миронов, К. Т. Мункоев, Г. А. Немчинов, Л. И. Этингов, М. А. Карбаинов и др. После разгрома фашистской Германии и окончания войны с Японией вернулись преподаватели и бывшие студенты. Это Е. Аржаев, Г. Тарасов, В. Шапошников, П. И. Суханов, К. А. Васильев, В. И. Шатилов и др. На торжественных заседаниях в дни праздников можно было видеть студентов, преподавателей, грудь которых украшали военные награды — ордена и медали.

В последующие годы большая группа участников Великой Отечественной войны, советско-финской войны и войны с Японией работала в вузе. Среди них В. В. Плишкин, Е. С. Болонев, Г. Ш. Жанчипов, И. А. Ишигенов, В. Н. Мададаев, Н. К. Бережков, С. И. Худаев, К. П. Красинский, А. Г. Давыдов и др. [5, л. 7, 23].

Совместным трудом преподавателей, сотрудников и студентов вуз постепенно восстанавливался.

Из-за слабой материальной базы института и по ряду других объективных причин ежегодной прием студентов в течение ряда лет не превышал 100 человек. В августе 1944 г. были приняты 94 человека. На начало 1948/49 уч. г. контингент студентов составлял 335 человек. Первые послевоенные выпуски составили 59 человек: в 1948 г. — 15 зоотехников; в 1949 г. — 44 ветврача. К 1952 г. было подготовлено 190 ветврачей и 61 зоотехник [6, л. 10, 25, 27; с. 52].

Село остро нуждалось в специалистах, но возвращающиеся с фронта солдаты, молодежь в силу тяжелого материального положения не могли учиться очно. Открытие заочного отделения было выполнением важной государственной политики. В 1955 г. было открыто заочное отделение, в 1962 г. преобразованное в факультет. Краткосрочные курсы переподготовки руководящих работников сельского хозяйства в 1966 г. были реорганизованы в факультет повышения квалификации руководящих работников сельского хозяйства.

Уровень подготовки абитуриентов не всегда отвечал требованиям вуза, поэтому в 1966 г. было открыто подготовительное отделение.

В 1951 г. в зооветинституте обучалось 403 студента. В колхозах и совхозах республики работал 861 специалист сельского хозяйства с высшим и средним образованием и 717 практиков с курсовой подготовкой, потребность же в специалистах составляла 2450 человек [7, с. 282].

Если в первые десятилетия с 1931 г. институт готовил специалистов для одной отрасли сельского хозяйства, то в 1950-е гг. перед коллективом встали задачи расширить специализацию и приступить к подготовке специалистов для всех отраслей аграрного сектора экономики.

1950–1960-е гг. стали для зооветинститута временем превращения небольшого вуза в крупное многофакультетное высшее учебное заведение, осуществляющее профессиональную подготовку кадров для сельского хозяйства практически для всей Восточной Сибири и Дальнего Востока. Вырос престиж вуза как научно-методического центра сельскохозяйственных вузов Сибири и Дальнего Востока, значительно укрепилась материально-техническая база. Главным жизненным принципом института, которому он всегда следовал, было стремление к поиску новых путей развития. Открытие агрономического факультета (1952), технологического факультета (1955), заочного факультета (1962), факультета механизации (1961) и экономического факультета (1962) было требованием жизни.

В 1954 г. состоялось решение Совета Министров СССР о строительстве учебного корпуса вуза в г. Улан-Удэ с тремя факультетами: агрономическим, ветеринарным и зоотехническим на 1500 студентов. Технологический и строительный факультеты, которые в со-

ставе института подготовили три выпуска специалистов. В 1962 г. на их базе был организован Восточно-Сибирский технологический институт [8, с. 154–155; л. 21].

В марте 1960 г. Бурят-Монгольский зооветинститут был переименован в Бурятский сельскохозяйственный институт.

Если в 1935–1941 гг. в институте обучались в среднем от 100 до 120 студентов, то в 1953 г. только на 1-й курс было принято 180 человек. К 1957 г. в БМЗВИ обучалось 1750 студентов очно и 204 — заочно, по сравнению с 1941 г. количество студентов увеличилось почти в 17 раз. В 1957 г. институт осуществил первый выпуск 50 ученых-агрономов, в 1960 г. — первый выпуск 49 инженеров-строителей, в 1966 году — первый выпуск 53 инженеров-механиков, в 1967 г. — первый выпуск 68 агрономов-экономистов и бухгалтеров [9, л. 73, 76].

Состав научно-педагогического коллектива института вырос с 17 преподавателей в 1945 г. до 58 человек в 1952 г., в том числе дипломированных с 9 до 18 человек, к началу 1962 г. он достиг 199 человек, из них 79 кандидатов наук и доцентов, 5 докторов наук и профессоров [10, с. 22].

В 1954–1969 гг. были построены: главный корпус, морфологический корпус, ветеринарные клиники, виварий, механические мастерские, три студенческих общежития, студенческая столовая, полигон для сельхозмашины, тракторов и другой техники в учхозе. К началу 1970-х гг. среди специалистов с высшим образованием, работающих непосредственно в колхозах и совхозах Бурятии, выпускники сельхозинститута составляли: зоотехников — 98%, ветеринарных врачей — 100%, агрономов — 96%, экономистов и инженеров-механиков — 99% [11, с. 22].

Создание новых факультетов, укрепление материальной базы института, строительство нового учебного корпуса, увеличение приема студентов, качественный рост профессорско-преподавательского состава — все эти положительные изменения связаны с деятельностью директоров института: Василия Родионова Филиппова — талантливого организатора, известного ученого, общественного деятеля Бурятии и Николая Васильевича Барнакова, который стоял у истоков рождения Восточно-Сибирского технологического института [12, с. 70].

Под руководством профессоров В. Р. Филиппова, В. Я. Суетина, И. А. Спирухова складывались первые научные школы на востоке нашей страны. Научный потенциал института позволил открыть уже в 1960-е гг. ученый совет по защите кандидатских диссертаций и аспирантуру.

Первый вуз Бурятии может гордиться и тем, что готовил не только кадры специалистов сельского хозяйства, но и тем, что в стенах вуза начинали свою трудовую деятельность шесть будущих ректоров Бурятского государственного педагогического института, два будущих ректора Восточно-Сибирского технологического института.

Лицо вуза определяется прежде всего его выпускниками, тем, сколь успешно они решают производственные, научные, общественные проблемы, как проявляют себя в деловом и профессиональных отношениях. Имена многих выпускников широко известны, среди них и государственные деятели, такие как В. Р. Филиппов, М. А. Худяков, Г. А. Цыденова и др.; известные ученые: К. А. Васильев, Г. П. Гамзиков, А. Г. Дубровская и др.; руководители партийных, хозяйственных органов: А. Н. Цыденов, А. А. Никитин, Г. П. Тюменцев, Л. Я. Гожа, М. А. Спасов, В. Б. Саганов, К. Л. Барьядаев, В. И. Титов и десятки тысяч специалистов сельского хозяйства, чей вклад в развитие аграрного сектора Сибири и Дальнего Востока огромен.

Литература

1. Зайцева Л. А., Попов А. П. Ректоры первого вуза Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2000. 206 с.
2. Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 474. Оп. 1. Д. 189.
3. Зайцева Л. А., Попов А. П. Ректоры первого вуза Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2000. 206 с.
4. ГАРБ. Ф. 474. Оп. 1. Д. 189.
5. ГАРБ. Ф. п. 785. Оп. 1. Д. 19. Л. 7, 23.
6. ГАРБ. Ф. 474. Оп. 1. Д. 189; Бартанов П. И. Высшая школа в годы создания развитого социализма // Становление высшего образования в Бурятии. Иркутск, 1981.
7. Халзанов К. Х. Высшие и средние специальные учебные заведения Бурятии за 50 лет Советской власти // Бурятия от ликбеза до академии наук. Улан-Удэ, 1969.

8. Зайцева Л. А., Попов А. П. Указ. соч. 260 с.; ГАРБ. Ф. 474. Оп. 1. Д. 184.

9. ГАРБ, Ф. 474. Оп. 1. Д. 249.

10. Зайцева Л. А., Попов А. П. Вклад В. Р. Филиппова в развитие сельскохозяйственного образования в регионе // Гордость академии. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2006. С. 13–24.

11. Зайцева Л. А., Попов А. П. Вклад В. Р. Филиппова в развитие сельскохозяйственного образования в регионе // Указ. соч.

12. Нам — 75 лет. История Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова / авт.-сост. Л. А. Зайцева, А. П. Попов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятская ГСХА им. В. Р. Филиппова, 2006. 240 с.

УДК 94:37 (571.54)

ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНИЧЕСКИХ
ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ БРИГАД В БУРЯТИИ В СЕРЕДИНЕ
XX ВЕКА

© *Балакирев Алексей Николаевич*

кандидат исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет,
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а
E-mail: balakirev75@mail.ru

В 1954 г. на Ставрополье возникло движение ученических производственных бригад, которое вскоре превратилось в одну из самых массовых и популярных форм общественно-трудового воспитания в СССР. В статье обосновывается актуальность деятельности УПБ в современной России, рассмотрены некоторые аспекты формирования этого уникального движения, а также проанализированы основные направления деятельности ученических производственных бригад в Бурятии. Материалы статьи могут быть интересны для историков, педагогов, специалистов в области общественных наук, а также для всех, кто интересуется историей нашей страны.

Ключевые слова: ученические производственные бригады; пионерская организация.

FORMATION AND ACTIVITIES OF STUDENT PRODUCTION
TEAMS IN BURYATIA IN THE MIDDLE OF THE 20TH CENTURY

Alexsei N. Balakirev

Cand. Sci. (Hist.), A/Prof.,
Buryat State University,
24a, Smolina, Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: balakirev75@mail.ru

In 1954, production student movement emerged Stavropole brigades, which soon turned into one of the most widespread and popular forms of social and labour education in the USSR. The article substantiates the relevance of the UPB in modern Russia, address some aspects of formation of this unique movement as well as the basic directions of activity are analyzed student production teams in Buryatia. Materials of the article may be inter-

esting for historians, educators, professionals in the field of social sciences, as well as for anyone interested in the history of our country.

Keywords: student production brigade, Pioneers Organization.

Летом 2014 г. в рамках празднования 60-летия со дня создания ученических производственных бригад (УПБ) в Ставропольском крае состоялся Всероссийский слет УПБ. Программа слета включала проведение конкурсов профессионального мастерства, всероссийской научно-практической конференции по теме «Ученические производственные бригады — важный фактор формирования кадрового потенциала аграрно-промышленного комплекса страны», мастер-классы и т. п. В докладе ректора Ставропольского государственного аграрного университета В. И. Трухачева было отмечено, что «...люди, прошедшие УПБ, — это люди из другого "теста"». Ученические производственные бригады стали школой приучения молодежи к труду на земле. Не меньшим оказался и воспитательный эффект. Это воспитание трудовое, патриотическое, коллективистское, экологическое, научное» [1]. В слете приняли участие команды — победители региональных слетов УПБ, представители из 15 субъектов РФ. К сожалению, среди участников не было ребят из Бурятии, а ведь наша республика имеет уникальный и многолетний опыт деятельности таких бригад, нам есть что показать и чем поделиться...

А началось все в середине 1950-х, когда страна дышала оттепелью. В докладе на внеочередном XXI съезде КПСС Н. С. Хрущёв говорил: «Надо, прежде всего, чтобы воспитание было органически связано с жизнью, с производством, с практической деятельностью масс. В центре воспитательной работы партия ставит трудовое воспитание всех людей, развитие сознательного, коммунистического отношения к труду» [2]. По всей стране широкое распространение получило движение за освоение подростками массовых профессий — пионерская организация свои усилия направила на реальную посильную трудовую помощь стране, а не только психологически готовила к самостоятельной трудовой жизни. Труд явился основой воспитания детей и подростков в пионерской организации, что стало характерной особенностью этого периода жизни пионерии. Все шире развешивалось детское техническое творчество, пионерские отряды ближе стали к производству, возникло коллективное шеф-

ство рабочих бригад, началось социалистическое соревнование между отрядами и бригадами, которые стали бороться за коммунистическое отношение к труду. Шефы выделяли умелых рабочих для руководства техническими кружками, а чем ближе отряды были к реальной жизни производственного коллектива, тем значительнее становились результаты воспитания подрастающего поколения.

Участие пионеров и школьников Бурятии в борьбе за тесную связь обучения и воспитания с жизнью в конце 1950-х — начале 1960-х гг. проявлялось в разных формах и видах их трудовой деятельности. Одной из таких массовых форм стали *ученические производственные бригады* учащихся сельских и городских школ. В составе этих бригад работали не только пионеры-старшеклассники, но и учащиеся средних, а иногда и младших классов. Ученические производственные бригады в колхозах Бурятии начали создаваться еще с 1956 г. Инициаторами их создания явились пионерские дружины Корсаковской, Унэгэтэйской, Мухоршибирской, Аргадинской и ряда других школ республики. К 1957 г. количество бригад значительно возросло, они были созданы в Хоринской, Уринской, Сангагинской, Оронгойской, Мало-Куналейской и многих других школах [3]. В 1958 г. число бригад достигло 125, в 1959 г. — 369, а в 1960 г. — 434 [4]. Пионеры и школьники, прежде всего сельских школ, принимали активное участие в различных видах сельскохозяйственного труда. Так, в 1957/58 учебном году ученические производственные бригады в республике насчитывали 3511 человек, ими было выращено корнеплодов на площади 870 га, кукурузы — 400 га, домашней птицы — 49 000 голов. В целом же в различных видах общественно полезного производительного труда ежегодно в республике участвовало более 50 000 детей [5]. Первенство в организации ученических производственных бригад в Бурятии принадлежало Мухоршибири. Еще в 1955 г. местные пионеры и комсомольцы первыми в республике при активной поддержке правления колхоза и первичной парторганизации создали подобную бригаду. Колхоз выделил средства, необходимый инвентарь и стройматериалы на строительство полевого стана для бригады. Затем бригады были созданы во многих семилетних и средних школах Бурятии. Успехами своих бригад известен Селенгинский район. Так, участниками 2-й бригады Загустайской школы за сезон 1958 г. было острижено 5100 овец. Пионеры Лубсанов и Аюшеев остригли за

лето по 300–400 овец, а пионерки Бадмаринчинова и Дальбинова выработали по 350–380 трудодней [6]. Ученические производственные бригады были организованы и в отдалённых районах республики. Например, в 1958/59 г. было создано 9 бригад в Закаменском районе. Ребята принимали участие в электрострижке овец, в выращивании овощей и в их уборке, в уходе за телятами, ягнятами и т. п. Бригада юных строителей Михайловской средней школы пристроила к зданию школы две классные комнаты. Бригада Кабанской школы в 1957/58 уч. г. под руководством агронома колхоза А. Г. Каширихиной и учителей биологии на большой площади стали выращивать овощи. Умело сочетая знание школьной программы с практической деятельностью и несмотря на засушливое лето, ребята собрали хороший урожай: более 110 ц капусты с гектара, 80 ц помидоров [3, с. 12–14]. В 1959 г. в Бурятии работало 369 ученических производственных бригад с охватом 9378 детей, а в 1961 г. — уже 498 бригад, в которых работало 15 393 человека. Общая земельная площадь, обработанная УПБ в 1961 г., составила 2710 га, в том числе под кукурузу — 991, овощи — 291, картофель — 440, сахарную свеклу — 280, зерновые — 161, сенокосы — 547 [5, с. 184]. Труд ребят в составе УПБ давал им возможность углубить полученные в школе знания, учил применять их на практике.

Бурятия в те годы была республикой животноводческой. Многие бригады с энтузиазмом и желанием оказывали помощь животноводам. Большую инициативу проявляли пионеры и школьники средних и младших классов. Они проводили практические занятия на молочно-товарных фермах, работали по графику, составляли рационы кормления, вели табели удоя молока, устанавливали суточный привес телят, помогали в кормлении животных. Кроме того, ребята проводили большую культурно-массовую работу среди животноводов. Бригада Хужирской семилетней школы Закаменского района с увлечением работала на фермах колхоза «Путь коммунизма». Бригада Цолгинской средней школы Мухоршибирского района оказала большую помощь колхозу «Ошон», вырастив за 1958–1960 гг. 925 ягнят, 151 теленка, 9760 голов птицы. Пионеры Хонхойской средней школы Мухоршибирского района Г. Козлова, Л. Стулев, А. Антонов в результате хорошего ухода за 137 телятами получили общий привес в 78 ц [3, с. 17]. В 1961 г. силами ученических производственных бригад в республике было выращено

154 380 голов птицы, 536 телят, 935 кроликов, острижено 38 674 овцы, выращено 627 ягнят [5, с. 185]. Опыт работы УПБ показал, что работа в них помогла найти многим ребятам правильный путь в жизни, положительно влияла на выбор будущей профессии. Немало участников УПБ стали впоследствии известными доярками, чабанами, бригадирами, заведующими фермами, агрономами и т. д. Работа в ученических производственных бригадах не только перевоспитывала недисциплинированных учащихся, но и сплачивала детский коллектив, укрепляла дружбу между мальчиками и девочками. Руководители УПБ отмечали, что коллективный труд пионеров и школьников развивает инициативу и активность, учит детей критически относиться к недостаткам, уважать и ценить общественное мнение, быть требовательными к себе и к своим товарищам.

В середине 1960-х гг. в Бурятии продолжилась активная деятельность ученических производственных бригад. 10 января 1966 г. состоялся Республиканский слёт УПБ, в котором участвовали представители 303 бригад. Делегаты слёта делились опытом, а также подводили итоги предыдущей деятельности. Так, только в 1965 г. бригады республики вырастили 886 поросят, 1 716 телят, 21 676 ягнят и т. д. С начала 1970-х гг. пионерия Бурятии вместе со всей страной жила идеями Всесоюзного пионерского марша. Вплоть до середины 1980-х ежегодно более 25 000 пионеров и школьников республики работали в составе УПБ, начинают появляться и новые формы общественно полезного труда детей. В Бурятии широкое распространение получают летние лагеря труда и отдыха (ЛТО), трудовые объединения старшекласников. Осенью 1980 г. секретарь ОК ВЛКСМ С. Будожаров сообщал в ЦК о том, что «в Бурятии функционирует 289 УПБ, 355 ремонтно-строительных отрядов, 277 бригад по благоустройству и озеленению. Из 144 ЛТО, действовавших летом 1980 г., 55 имели стационарные помещения, причем 32 лагеря были построены за последние 3 года» [7].

Успехи юных тружеников Бурятии были высоко оценены на государственном уровне. Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ и ЦС ВПО им. Ленина были награждены многие пионерские дружины республики, сотни правофланговых отрядов были отмечены почетными лентами ЦС ВПО. За годы Марша сотни пионеров и школьников получили денежные премии и путевки во Всесоюзные пионерские лагеря «Артек», «Орлёнок» и «Океан», а пионерка Кырен-

ской средней школы Тункинского района Наташа Тюменцева была награждена медалью «За доблестный труд» [8].

Литература

1. URL: <http://eco-kem.ru/index.php/329-itogi-vserossijskogo-sleta-uchenicheskikh-proizvodstvennykh-brigad-v-stavropole> (дата обращения: 25.10.17).
2. Внеочередной XXI съезд КПСС: стенографический отчет. М., 1959.
3. Ученические производственные бригады Бурятии. Улан-Удэ, 1960. С. 8.
4. Бадмацыренов С. С., Константинов А. А. Вопросы развития школы Советской Бурятии. Улан-Удэ, 1961. С. 76.
5. Дуринова Г. А. Пионерское движение в Бурятии. Улан-Удэ, 1961. С. 181.
6. Константинов А. А., Бадмацыренов С. С. Организация труда и коллектива в ученических бригадах в колхозах. Улан-Удэ, 1959. С. 77.
7. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 3/1. Д. 341. Л. 98.
8. ГАРБ. Ф. 36. Оп. 7. Д. 18. Л. 3.

УДК 94:24

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ДУХОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ БУДДИСТОВ В 1960–1970-х гг.

Научный руководитель — д-р ист. наук Е. Н. Палхаева

© *Батуева Альбина Бадмаевна*

магистрант,

Бурятский государственный университет,

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а

E-mail: batueva.albina95@mail.ru

Статья посвящена международной деятельности ЦДУБ в 1960–1970-х гг., которая сыграла большую роль в развитии дипломатических отношений СССР с буддийскими странами и организациями Азиатского континента.

Ключевые слова: бодхисаттва; Центральное духовное управление буддистов; всемирное братство буддистов; пандидо хамбо-лама; азиатская конференция по религии и миру.

INTERNATIONAL SPIRITUAL ACTIVITY OF THE CENTRAL
SPIRITUAL OFFICE OF BUDDHISTS IN THE 1960S-1970S.

Albina B. Batueva

Master Sci.,

Buryat State University,

24a, Smolina, Ulan-Ude 670000, Russia

E-mail: batueva.albina95@mail.ru

The article is devoted to the international activity of the Central Dispatch Control Bureau in the 1960s-1970s, which played an important role in the development of diplomatic relations between the USSR and Buddhist countries and organizations of the Asian continent.

Keywords: Bodhisattva, Central Spiritual Office of Buddhists, World Buddhist Brotherhood, Pandido Hambo Lama, Asian Conference on Religion and Peace.

В 1960-х — начале 1970-х гг., в условиях международного сотрудничества и возросшей взаимной ответственности народов за мирное сосуществование, советская власть подвергла пере-

смотрю основные принципы своей внешней и внутренней политики. В международной деятельности СССР не мог учитывать острейший вопрос современности — свободы совести. Поэтому советское правительство активно способствовало выходу Духовного управления буддистов на международную арену, а оно, в свою очередь, включилось в борьбу за мир, оказывая поддержку всем внешнеполитическим инициативам страны.

Согласно идеалу бодхисаттвы, последователь учения Будды должен активно бороться за спасение всех других живых существ, а значит, и за их мир, спокойствие и безопасность. Это положение придает буддийскому пути к миру, спокойствию и безопасности всеобщий, универсальный характер и побуждает буддийских адептов активно служить делу мира во имя и на благо людей, независимо от их национальной или расовой принадлежности, социального положения или идеологических убеждений. Последователь буддизма не может предаваться пассивной бездеятельности и удовлетворяться своими личными достижениями в морально-психическом совершенствовании, если над другими живыми существами нависла угроза уничтожения [1, с. 63].

Принятое в 1969 г. «Положение о буддийском духовенстве СССР» содержало наряду с другими следующие пункты: 1) расширение контактов и поддержки взаимовыгодных связей с неправительственными и другими общественными организациями и движениями всех стран; 2) укрепление связей с главами и представителями других религий мира, выступающих за спасение священного дара от ядерной катастрофы...».

Международная деятельность Центрального духовного управления буддистов сыграла большую роль в развитии дипломатических отношений СССР с буддийскими странами Азиатского континента. Власти разрешили ЦДУБ установить более тесные контакты с крупнейшими буддийскими организациями, такими как Всемирное братство буддистов (далее ВББ). Эта крупная международная организация была создана в 1950 г. в Коломбо (Шри-Ланка), затем ее центр был перенесен в Бангкок (Таиланд). Первым вице-президентом ВББ стал американец Гард при президенте — тайландской принцессе Пун Писмай Дискул [7, с. 172].

Советские буддисты принимали активное участие практически во всех конференциях. Так, на всемирной конференции «Ре-

лигиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами» (Москва, 6–10 июня 1977 г.) приняло участие около 60 буддистов из Вьетнама, Индии, Бангладеш, Лаоса, МНР, Непала, СССР, Шри Ланка, Японии [3, л. 2].

В целом такого рода конференция была первой в мире по своим масштабам, охвату многих религий, континентов и стран (663 делегата из 107 стран, что было отмечено многими делегатами). Большим успехом конференции можно считать обстановку единодушия в принятии окончательных документов. Несмотря на самый широкий диапазон мнений в обстановке полной свободы, волеизъявления, участники конференции были единодушны в главном — в необходимости сохранения и упрочения мира, исключая войны из жизни человечества и создания справедливых условий для народов. В этом видится огромный опыт, умелая и гибкая организаторская работа строителей конференции.

Советские буддисты принимали активное участие практически во всех проводимых ВББ мероприятиях. Так, делегация Центрального духовного управления буддистов принимала участие в делегации буддистов СССР в Индию с 26 по 30 марта 1977 г. В состав делегации ЦДУБ входили: пандито хамбо-лама Гомбоев — глава делегации, Б. Ц. Цыдыпов — переводчик [4, л. 5].

Основной целью визита тибетцев было посещение Ленинградского дацана, оказание помощи по реставрации храма, в подготовке к открытию дацана в этом году [5, л. 18].

Решением буддийских кругов азиатских стран была создана еще одна организация. В декабре 1969 г. в Улан-Баторе собрался подготовительный комитет организации. Он постановил созвать первую азиатскую буддийскую мирную конференцию. Она состоялась 11–13 июня 1970 г. в Улан-Баторе. Конференция приняла «Обращение ко всем буддистам Азии и резолюции» «По Вьетнаму и Индокитаю» и «По развитию сотрудничества между буддистами в интересах мира». Она учредила Комитет содействия сотрудничеству буддистов Азии в борьбе за мир, которому было поручено установление связей с «международными организациями и силами, борющимися за национальную независимость и человеческие права» [2, с. 128].

Конференция избрала президентом комитета главу Духовного совета буддистов МНР хамбо-ламу С. Гомбожава и вице-

президентами Н. Джинаратану (Индия) и М. Суманатиссу (Шри-Ланка). Генеральным секретарем стал профессор Ч. Жугдэр. На третьей генеральной конференции первоначальное наименование организации было заменено новым. Она стала называться Азиатской буддийской конференцией за мир (АБКМ). Под этим названием и продолжается ее работа [6, с. 225–227].

В рамках празднования 250-летия буддизма в России прошла научная конференция, на которой выступили с докладами ученые республики — Р. Е. Пубаев, Г. Л. Санжиев, Ш. Б. Чимитдоржиев, К. М. Герасимова, Т. М. Михайлов и др. Эта конференция, по существу, стала точкой отсчета новых подходов к исследованию проблем буддизма. Сенсацией стало выступление В. Пупышева, рассказавшего вместо заявленного доклада по тибетской медицине о жизни и деятельности Б. Дандарона, репрессированного за «создание тантристской секты буддистов» в 1970-е гг. [8, с. 32–45].

Можно утверждать, что практически с середины 1950-х гг. ЦДУБ было переориентировано на деятельность за рубежом для поддержания версии властей о свободном и благополучном существовании буддийской церкви в социалистическом государстве. Международная деятельность Духовного управления буддистов можно рассматривать как дань лояльности властям, в которой ярко проявилась зависимость церкви от атеистического советского режима, когда религиозное сознание уступало место выполнению государственных директив. Эта деятельность разворачивалась по двум главным направлениям: 1) Борьба за мир и защита интересов социалистического государства перед мировой общественностью; 2) Экуменическая деятельность.

Позиции буддийской церкви, которые формулировались делегациями ЦДУБ практически во всех докладах на крупных международных форумах и других мероприятиях, полностью отвечали задачам советской пропаганды.

Таким образом, «международная деятельность Центрального духовного управления буддистов сыграла большую роль в развитии дипломатических отношений СССР с буддийскими странами Азиатского континента».

Литература

1. Абаев Н., Митыпов В. Актуальные проблемы сегодняшнего дня и буддийский путь к миру // Буддийский мир. 1988. С. 63.

2. Буддизм в Бурятии: истоки, история, современность: материалы конф. 23–24 июня 2001 г., Тамчинский дацан / отв. ред. С. П. Нестеркин. Улан-Удэ, 2002. С. 128.

3. ГАРБ. Ф. Р–1857. Оп. 1. Д. 104. Л. 2.

4. ГАРБ. Ф. Р–1857. Оп. 1. Д. 105. Л. 2.

5. ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 252. Л. 18.

6. Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX — первой половины XX века. СПб.: Наука, 2011. С. 225–227.

7. Корнев В. И. Буддизм и общество в странах Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1987. С. 172.

8. Урбанаева И. С. Духовность как проблема интеллигенции или о путях внутреннего Будды // Национальная интеллигенция и духовенство: история и современность. Улан-Удэ, 2009. С. 32–45.

УДК 008 (571.54+517.3)

ПРОГРАММА КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОРОДОВ-ПОБРАТИМОВ БУРЯТИИ И МОНГОЛИИ

Научный руководитель — д-р ист. наук, доцент Т. В. Паликова

© *Цырендондокова Арюна Соёловна*

магистрант,

Бурятский государственный университет,

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а

E-mail: tsaruna1996@mail.ru

В статье рассматривается побратимское взаимодействие в сфере культуры Бурятии и Монголии на примере двух породненных городов — Улан-Удэ и Дархана. В 1967 г. монгольский Дархан стал первым городом-побратимом Улан-Удэ. Породнение городов, инициированное сверху, с течением времени превратилось во взаимовыгодное партнерство по разным направлениям. Автор обращает внимание на критерии породнения и констатирует расширение форм культурного сотрудничества городов на протяжении полувека.

Ключевые слова: Улан-Удэ; Дархан; город-побратим; культурное сотрудничество.

PROGRAM OF CULTURAL INTERACTION BETWEEN THE SISTER CITIES OF BURYATIA AND MONGOLIA.

Aryuna A. Tsyrendondokova

Master Sci.,

Buryat State University,

24a Smolina, Ulan-Ude 670000, Russia

E-mail: tsaruna1996@mail.ru

The article deals with the twinning of the region of Buryatia and Mongolia, on the example of two twin cities Ulan-Ude and Darhan, since 1967 the Mongolian city of Darkhan is, became the first sister city of Ulan-Ude. After the agreement, delegations from two cities could come to each other, according to a pre-determined plan of events. These events helped the interaction.

Keywords: Ulan-Ude, Darkhan, twinning, cooperation, agreement, sister city, Buryatia, Mongolia.

Выбор в качестве тематики выступления процесса формирования и развития побратимских связей Улан-Удэ с монгольскими городами определяется несколькими факторами: традиционными связями Бурятии с Востоком, полувековым юбилеем международной деятельности города, первенством Дархана в побратимских связях Улан-Удэ, а также современной заинтересованностью России в Азиатском регионе, где Монголия представляется активно развивающейся страной.

Города-побратимы — города, которые заключили соглашение о дружеских связях, которые играют одну из ключевых ролей в поддержании международной деятельности того или иного города, региона, страны. Их значимость усиливается тем обстоятельством, что они возникают по инициативе граждан двух стран. Побратимство предполагает помощь и сотрудничество двух городов в разных сферах городской жизнедеятельности. При установлении контактов учитывается ряд показателей, к главным из которых, на наш взгляд, можно отнести местоположение и степень развития. Для более плодотворного сотрудничества предпочтительны сопредельность или близкое расположение городов, их людность, относительное равенство социально-экономического и культурного уровня. Говоря о движении побратимства в СССР, следует учитывать тот факт, что, как правило, инициаторами его становились руководящие органы, исходящие из сложившейся международной обстановки, а дальнейшее развитие связей координировалось Ассоциацией советских и зарубежных городов (АСЗГ), основанной в 1964 г. Это касается и взаимодействий с городами Монголии, одной из первых стран Востока совершившей народную революцию.

Город Верхнеудинск был заложен в 1666 г. русскими казаками на пересечении водных и гужевых коммуникаций, на пути с запада на восток и обратно. 27 июля 1934 г. на президиуме ЦИК СССР город был переименован в Улан-Удэ (с бур. «Красная Уда» или «Красные ворота») [3, с. 12]. К 1967 г. Улан-Удэ превратился в индустриальный город с мощными предприятиями машиностроения (ЛВРЗ, «Электромашина», «Теплоприбор», Улан-Удэнский приборостроительный, судостроительный, авиационный заводы), энергетики (ТЭЦ-1), пищевой промышленности, научный и культурный центр Западного Забайкалья. Население города в 1967 г. насчитывало 229 600 человек.

Дархан — один из молодых городов Монголии, строительство которого началось советскими специалистами в октябре 1961 г., в том числе и улан-удэнцами с последующей помощью стран соцлагеря. Уже само название (с монг. «кузнец») определяло основную функцию города, который должен был стать и стал индустриальным фокусом Центральной Монголии, промышленным комплексом по производству строительных материалов и конструкций, первенцем монгольской черной металлургии. Его население в 1967 г. составляло 90 400 человек [1, с. 361]. При этом Дархан, так же как и Кяхта, являлся приграничным городом (125 км от советско-монгольской границы) и, как Улан-Удэ (Транссиб), железнодорожным узлом региона (Трансмонгольская магистраль). Более того, Россию и Монголию связывали давнишние военные, экономические, культурные связи [4]. Некоторые традиционно существовавшие в имперское время формы сотрудничества оставались востребованными и в советский период, в частности перегонка скота на монгольские пастбища для откорма в весенне-летний период [5]. Поэтому установление побратимских связей между двумя городами было закономерным результатом дружественных отношений между государствами. При этом думается, что первоначально сотрудничество носило характер помощи строившемуся городу.

Взаимодействие Улан-Удэ и Дархана началось в 1967 г. с подписания соглашения о дружеских связях [1, д. 721, л. 6], которому предшествовала серьезная подготовка с обеих сторон, одобрение побратимских связей высшими партийными инстанциями. Документ о сотрудничестве оговаривал государственное (для обновления соглашения-договора), экономическое, спортивное, культурное направления побратимства и основные формы систематической работы оказания братской помощи. Чтобы представить широту взаимовыгодного сотрудничества, его формы и методы имеет смысл процитировать одно из писем, отправленных Улан-Удэнскому горисполкому Ассоциацией советских и зарубежных городов, в котором помимо директивы «продолжить расширение связей», в частности говорится о наличии подписанного плана работы, в соответствии с которым «город Улан-Удэ принял из г. Дархан делегацию в лице работников хурала народных депутатов, работников коммунального обслуживания, народного просвещения и т. д. Также во время их приезда была проведена неделя Монголии. На встречах

проводились беседы, доклады, в свою очередь посвященные достижениям МНР и укреплению дружбы между странами. Монгольская делегация была заинтересована в научной организации труда, организации социалистических соревнований...» [1, д. 826, л. 5]. Из этой пространной цитаты можно сделать вывод о том, что каждый приезд братской делегации носил тематический характер, был нацелен не только на демонстрацию своих достижений, но и на обмен опытом в различных сферах организации городской жизни.

Безусловно, государственное и социально-экономическое сотрудничество чрезвычайно важно, но мы попытаемся сосредоточиться только на культурных связях, включая спорт.

После заключения соглашения юноши и девушки Улан-Удэ отправлялись в Дархан для работы и учебы. Это помогло дальнейшему развитию и укреплению дружеских связей между жителями городов, в последующем способствовало расширению молодежных контактов обоих городов, тем более что с «взрослением» Дархан превратился во второй по значимости образовательный центр Монголии, а в уровне образовательного пространства Улан-Удэ сомневаться не приходится.

На протяжении всей истории взаимоотношений спорт является важной составляющей побратимства Улан-Удэ — Дархана. Обмен спортивными командами, отдельными спортсменами, тренерами и инструкторами осуществляется ежегодно. Если первоначально бурятские и монгольские спортсмены принимали участие лишь в одиночных турнирах, то сегодня спортивная жизнь городов предоставляет почти неограниченные возможности для состязаний в различных видах спорта. Только в Улан-Удэ ежегодно проводятся кубки горсовета по мини-футболу и самбо им. Николая Петрова, чемпионат города по бурятской национальной борьбе, посвященный памяти пандидо-хамбо лам. Спортивные соревнования являются частью обязательной программы мероприятий, посвященных дням города Улан-Удэ, а также Неделе Бурятии в Монголии или Монголии в Бурятии.

Соглашение 1967 г. на многие годы вперед наметило основные мероприятия в сфере культурного взаимодействия, подтвержденно многократно в последующих соглашениях с некоторыми уточнениями, изменениями в соответствии с меняющимися обстоятельствами, но неизменными в главном. Оно включает обмен произведе-

дениями искусства, литературы, книжными изданиями по истории и культуре обеих стран и городов [1, д. 721, л. 9], творческими колллективами.

По сложившейся традиции Улан-Удэ принимает членов делегаций в Бурятском академическом театре драмы им. Хоца Намсараева, который встречает иностранных гостей спектаклями соотечественников — монгольских авторов. В репертуаре бурятских театров значатся пьесы монгольских деятелей культуры: «Пять пальцев руки» Ж. Лодойдамбы, «Семь небылиц» А. Ойдоба, «На перепутье» Д. Намдага и «Дедушка» Ч. Чимида.

Вклад многих бурятских деятелей культуры и искусства в развитие побратимских связей, знакомство с национальной культурой Бурятии и Улан-Удэ в 1977–1981 гг. был высоко оценен монгольской стороной — вручением медали «Найрамдал» («Дружба») [3, с. 122]. В марте 1983 г. в ходе очередной Недели Монголии и Дней Дархана орденом Ленина были награждены видные артисты Монголии, исполнители ведущих ролей в операх Дж. Пуччини «Чи-чио-сан» и П. И. Чайковского «Евгений Онегин» сопрано Х. Уртнасан [2, с. 94] и баритон Ш. Хаалаш [3, с. 95].

В области художественной литературы 1970–1980-х гг. можно отметить обмен переводами произведений выдающихся прозаиков и поэтов Бурятии — Н. Балдано, Д. Батожабая, Ц. Шанжина, Ж. Тумунова, Ц. Галсанова, М. Степанова, А. Бальбурова, В. Гармаева, А. Гатапова; Монголии — Л. Тудэва «Алтангадас» («Полярная звезда»), Ж. Лодойдамбы «Тунгалаг Тамир» («Прозрачный Тамир»).

Подписание соглашения о сотрудничестве Улан-Удэ и Дархана привело к активизации посещения этих городов горожанами, они получили возможность более глубокого ознакомления с жизнью города-побратима, что внесло в художественное слово Бурятии новую тематику. В 1971 г. увидело свет стихотворение Доржи Гомбоева «Дархан хото», выразившее восхищение автора молодым городом — промышленным центром, сумевшим сохранившим близость с природой.

В настоящее время проводятся дни города Дархан в Улан-Удэ, и дни города Улан-Удэ в Дархане, или, по-другому, дни экономики и культуры г. Дархан и г. Улан-Удэ. Расширяются формы культурного взаимодействия, в частности, в городах появились Дарханская

и Улан-Удэнская улицы, открылись памятные стелы. Дружеские связи между Улан-Удэ и Дарханом служат дальнейшему развитию и укреплению связи между странами. Широким спектром мероприятий отмечен обоими городами полувековой юбилей дружбы и сотрудничества, причем в 2017 г. в Дархане прошли только дни культуры, в которых приняли участие ансамбли «Алтан Булаг», «Угол зрения», а также муниципальный ансамбль «Забава», артисты театров Намхай Мунхзул, Сергей Плотников и Мэдэгма Доржиева [6].

Таким образом, побратимство — взаимовыгодный вид международных отношений, предполагающий равное партнерство во всех сферах жизнедеятельности городов. За полвека существования побратимских связей между Улан-Удэ и Дарханом (1967) культурное взаимодействие реализовывалось в соответствии с ежегодными планами мероприятий, составляемыми и одобренными обеими сторонами, контролируемые специальным органом (АСЗГ, 1964–1991) в рамках нескольких направлений, с выработанными формами работы, адекватными изменявшимся условиям сотрудничества.

Литература

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 661. Оп. 4.
2. Кручкин Ю. А., Бадарч Д. Монголия. Географическая энциклопедия. Улан-Батор, 2009. 361 с.
3. Политов А. А. Из истории русской театральной культуры Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2001. 95 с.
4. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Монгольской Народной Республики об экономическом и техническом сотрудничестве в 1966–1970 гг.: URL: <http://docs.cntd.ru/document/901853871> (дата обращения: 20.11.2017).
5. URL: <http://super-taimen.narod.ru/> (дата обращения: 20.11.2017).
6. URL: <https://www.infpol.ru/news/society/136643-pervyy-pobratim-ulan-ude-rovno-polveka-druzhat-goroda-darkhan-i-ulan-ude/> (дата обращения: 20.11.2017).

УДК 371.893:94 (571.55)

ПОДГОТОВКА К ПРАЗДНОВАНИЮ 60-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ШКОЛАХ г. ЧИТЫ

© *Пряженникова Марина Владимировна*

кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
Россия, 672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, д. 30
E-mail: klichca85@yandex.ru

© *Яремчук Ольга Анатольевна*

кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
Россия, 672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, д. 30
E-mail: oyaremchuk@yandex.ru

В статье на основе ранее неопубликованных материалов Государственного архива Забайкальского края представлена характеристика подготовки школ города Читы к празднованию 60-летнего юбилея Октябрьской революции. Приводится краткий анализ мероприятий, утвержденных и проведенных в 1977 году Городским отделом народного образования в преддверии основных юбилейных торжеств.

Ключевые слова: Октябрьская революция; юбилей; план мероприятий; школа; комсомол; пионерия.

PREPARATION FOR THE CELEBRATION OF THE 60th ANNIVERSARY OF THE OCTOBER REVOLUTION IN THE SCHOOLS OF CHITA

Marina V. Pryazhennikova

Cand. Sci. (Hist.), A/Prof.,
Transbaikal State University,
30, Aleksandro-Zavodskaya, Chita 672039, Russia
E-mail: klichca85@yandex.ru

Olga A. Yaremchuk

Cand. Sci. (Hist.), A/Prof.,
Transbaikal State University
30, Aleksandro-Zavodskaya, Chita 672039, Russia
E-mail: oyaremchuk@yandex.ru

In the article, based on the previously unpublished materials of the State Archives of the Trans-Baikal Territory, a description of the preparation of the schools of the city of Chita for the celebration of the 60th anniversary of the October Revolution is presented. A brief analysis of the activities approved and conducted in 1977 by the City Department of Public Education on the eve of the main anniversary celebrations is given.

Keywords: October revolution; anniversary; an action plan; school; Kom-somol; pioneer.

В 2017 г. в России отмечается 100-летие Великой российской революции. Официальным началом подготовки к этому юбилейному событию в нашей стране можно считать Распоряжение Президента Российской Федерации В. В. Путина «О подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 г. в России» (№ 412-рп от 19.12.2016 г.) [3]. В нем в качестве основного организатора различного рода юбилейных мероприятий, посвященных указанной дате, было рекомендовано выступить ассоциации «Российское историческое общество».

В соответствии с этим распоряжением во всех регионах РФ были разработаны планы основных мероприятий, связанных с празднованием 100-летнего юбилея революции. Не стал исключением и Забайкальский край. Такой план был подготовлен в начале 2017 г. и официально опубликован в газете «Азия-экспресс». Он включил комплекс основных мероприятий, подготовку и проведение которых должны были осуществить образовательные организации, учреждения культуры, теле- и радиокomпании Забайкалья. Среди мероприятий значились демонстрация в теле- и радиоэфирах художественных и документальных фильмов, научно-популярных программ, работа тематических экспозиций в музеях и библиотеках, городские экскурсии по памятным местам, связанным с революционными событиями. Кроме того, было запланировано проведение лекций, классных часов, олимпиад, викторин, конференций, круглых столов и пр. [2, с. 14].

Наиболее массовым участником всех указанных мероприятий, направленных прежде всего на популяризацию отечественной истории, безусловно, стала учащаяся молодежь Читы и Забайкальского края. Это не стало чем-то новым, ведь и в предыдущие годы школьники и студенты были широко вовлечены в проведение юбилейных торжеств, посвященных революции 1917 г. (т. е. событиям, именуе-

мым ранее в исторической литературе Великой Октябрьской социалистической революцией). В связи с этим довольно интересным в этой статье представляется краткий анализ мероприятий, подготовленных в г. Чите в рамках 60-летнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции (1977 г.). В основу публикации были положены материалы юбилейных мероприятий, разработанные городской комиссией, Городским отделом народного образования, Горкомом ВЛКСМ, Дворцом пионеров, в которых предполагалось участие читинских школьников. На примере этого конкретного юбилея стало возможным составить общее представление не только об учебно-воспитательных задачах средних общеобразовательных учреждений в советское время, но и об идеологической составляющей, непременно присутствовавшей в организации подобных значимых для государства мероприятий.

Для проведения 60-й годовщины революции в 1976 г. была создана городская комиссия, разработавшая план, согласно которому отделам горкома КПСС, райкомам партии, парторганизациям следовало активизировать социалистическое соревнование под лозунгом «Юбилейной вахте — ударный финиш». Кроме того, необходимо было подвести итоги соревнований между районами г. Читы, длившихся на протяжении 9 месяцев, определить победителей среди коллективов и трудящихся, вручить памятные знамена и 60 памятных вымпелов, организовать фотографирование победителей соревнований у знамени революционной, боевой и трудовой славы советского народа вместе с участниками революции, Героями Советского Союза и Героями Социалистического Труда.

В соответствии с указанным выше планом 4 ноября 1977 г. предполагалось устроить встречу руководителей г. Читы с непосредственными участниками борьбы за власть Советов в Забайкалье, ветеранами партии и комсомола, Гражданской и Великой Отечественной войны, Героями Советского Союза и Героями Социалистического Труда, полными кавалерами Ордена Славы, передовиками производства. А накануне самого праздника, 6 ноября, планировалось провести совместное торжественное заседание обкома, Читинского горкома КПСС, областного и Читинского городского Совета депутатов трудящихся. Подготовка к этим мероприятиям шла в течение сентября — октября 1977 г. [1, л. 1].

Следующим пунктом в плане мероприятий городской комиссии являлось проведение с 25 октября по 5 ноября 1977 г. районных торжественных заседаний и собраний в коллективах трудящихся и образовательных организациях. В учебных заведениях г. Читы, прежде всего во всех школах и детских учреждениях, предполагалось организовать торжественные вечера, линейки, собрания, встречи с ветеранами партии, войск и труда. В кинотеатрах города для школьников были запланированы тематические показы кинофильмов, киновечеров, кинофестивалей, посвященных юбилею революции.

Во всех домах культуры, клубах планировалось проведение концертов, театрализованных представлений, вечеров, встреч с ветеранами Гражданской войны, передовиками производства. Не менее важными среди культурно-массовых мероприятий стали городской смотр художественной самодеятельности, а также смотр производственных коллективов, домов культуры, клубов. Библиотеки города также должны были организовать тематические вечера, читательские конференции, обзоры литературы, книжно-иллюстрированные выставки, посвященные революционным событиям [1, л. 2].

Отдел культуры горисполкома, райисполкомы, райкомы и горкомы КПСС с начала сентября по 15 октября, в соответствии с утвержденным планом должны были осуществить работу по приведению в порядок памятников города, организовать Почетный караул в дни празднования, а также установить памятник «Борцам за власть Советов в Забайкалье» на площади у строившегося здания Дома советов (ныне — площади Революции). Торжественное открытие памятника намечалось на 6 ноября 1977 г. и состоялось точно в соответствии с графиком юбилейных мероприятий.

В октябре 1977 г. горкомам и райкомам ВЛКСМ следовало организовать торжественную манифестацию молодежи города к памятнику борцам за освобождение г. Читы. Предприятиям города также было необходимо оборудовать стенды почета и отметить на них ветеранов партии, борцов за власть Советов, ветеранов Гражданской и Великой Отечественной войн, Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда, кавалеров Ордена Ленина, орденов Славы трех степеней, передовиков производства девятой пятилетки.

Наряду с коллективами предприятий, учреждений, строек учебных заведений должны были принять участие в месячнике по благоустройству города с 1 октября, а также провести общегородской субботник по санитарной очистке города 8 октября. Руководителям городских торгов, тресту столовых и ресторанов, бытового обслуживания и связи следовало обеспечить четкую организацию праздничной торговли, красочно оформить все торговые предприятия, пункты общественного питания, бытового обслуживания и связи [1, л. 3].

Отдел пропаганды и агитации горкома КПСС, райкомы КПСС, горжилуправление, райисполкомы, первичные парторганизации отвечали за обеспечение праздничного оформления улиц города, площади им. В. И. Ленина, предприятий, учреждений, учебных заведений. Следовало также усилить иллюминацию общественных зданий, расположенных на центральных улицах города, провести ремонт всей световой рекламы до 1 ноября 1977 г.

Значительное внимание уделялось подготовке к торжественной демонстрации 7 ноября 1977 г. Было продумано праздничное оформление колонн, в духе того времени на них были обозначены следующие темы: «Октябрьская революция — главное событие XX века», «В. И. Ленин — вождь и организатор Великой Октябрьской социалистической революции», «Решения XXV съезда КПСС выполним», «10-я пятилетка — пятилетка эффективности и качества», «Народно-хозяйственный план 1977 юбилейного года — досрочно!», «Проект Конституции СССР — одобряем!», «Дадим продукции больше, лучшего качества, с меньшими затратами», «Пятилетке качества — рабочую гарантию», «Подъем сельского хозяйства — дело всенародное», «Внутреннюю и внешнюю политику КПСС — одобряем», «КПСС — ум, честь и совесть нашей эпохи» [1, л. 4].

Для организации праздничной демонстрации была разработана схема этого мероприятия, проведены необходимые репетиции, составлены списки трудящихся, приглашенных на площадь им. В. И. Ленина, отпечатаны пропуска для них, установлены трибуны. Ее трансляция должна была осуществляться по радио и телевидению г. Читы [1, л. 5].

План мероприятий по организации 60-летней годовщины Октябрьской революции одобрили на Совете по народному образова-

нию, а в ноябре 1976 г. его утвердило бюро ГК ВЛКСМ, после чего во всех школах г. Читы были разработаны конкретные мероприятия по подготовке к юбилею. Перед педагогическими коллективами школ города стояли задачи по достойной встрече юбилейной даты, что предполагало улучшение качества учебно-воспитательной работы, обращение к примерам боевых и трудовых традиций советского народа, изучение проекта новой Конституции СССР, материалов XXV съезда КПСС и т. п.

Для решения поставленных задач все школы города были включены в общую программу юбилейных мероприятий в течение 1976–1977 учебного года. К таковым относились цикл бесед по радио и телевидению под рубрикой «Народное образование за 60 лет Советской власти»; 4-я научно-практическая конференция «Роль школы, семьи и общественности в коммунистическом воспитании подрастающего поколения». Педагогические коллективы должны были активизировать при всех школах работу клубов выходного дня с целью вовлечения подростков в кружки, обеспечить занятость детей в субботние в выходные дни.

Предполагалось принять активное участие во всесоюзном смотре сочинений учащихся, всесоюзной неделе науки, техники и производства для детей и юношества; провести городской смотр школьных клубов, городской конкурс «Мое Забайкалье», слет юных туристов-краеведов школ города, эстафету искусств — 77, фотовыставку работ пионеров и школьников «Моя Родина — СССР» и ряд других мероприятий, приуроченных к 60-летию юбилею Октябрьской революции [1, л. 12].

Все средние учебные заведения города участвовали в соревновании за «Школу образцового состояния», по результатам которого к концу 1976–1977 учебного года школы № 14, 19, 33, 36 по многим показателям дали лучшие результаты. Большая роль в этом принадлежала пионерским и комсомольским организациям указанных средних общеобразовательных учреждений.

В свете подготовительных мероприятий к 60-летию революции 1917 г. заметно возросла значимость общественно-политической активности учащихся, организации ученического самоуправления в школах. Например, в средних школах № 19 (директор В. И. Вагин) и № 33 (директор В. И. Сучков) на протяжении ряда лет сложилась определенная система работы комитета комсомола по воспитанию

активности комсомольцев, чувства ответственности за порученное дело, вовлечению учащихся в соревнование за образцовую школу.

Большая заслуга в организации внеклассной работы в школе № 19 Центрального района принадлежала В. П. Никитенко. Почти все старшеклассники имели поручения, 32 комсомольца являлись вожатыми. В комитете комсомола был ответственный на микрорайоне, комсомольцы сами руководили кружками («Малышок», шахматный, вязания, выжигания), было создано 7 разновозрастных отрядов, организовывалась работа по озеленению улиц и дворов. Десятиклассники проводили праздники двора, готовили классные часы, вечера поэзии, активно участвовали в операции «Цветы — Ильичу», занимались поисковой деятельностью в целях сбора материала для школьного музея. В результате включения учеников в соревнование за «Школу образцового состояния» на конец учебного года 16 кабинетов были в хорошем состоянии [1, л. 20].

На протяжении ряда лет школа № 33 работала над введением самоуправления школьников, и в этом отношении многие вопросы здесь решались довольно успешно. К их числу относились трудовое воспитание и профориентация, организация летней трудовой четверти, занятости учащихся во внеурочное время. Последнее выражалось, в частности, в активном участии учеников этой школы в организованной выставке технического творчества учащихся Черновского района.

По многим вопросам инициатива исходила от самих школьников, которые проводили линейки, обсуждали поведение своих товарищей на собраниях, самостоятельно намечали и выполняли планы. Традиционными были «Ленинские уроки», например, по таким темам, как «Ты и пятилетка», «Берем с коммунистов пример» и др. Несколько лет подряд по секциям работал политический клуб «Прометей». В школе имелся действенный комитет комсомола, секретарем которого являлась ученица 8 класса Н. Денешина [1, л. 19].

Совет по народному образованию отмечал, что в школах № 9, 23, 26 и 42 (директора И. Е. Семенов, Ю. К. Товпегин, Ю. Г. Газинский, С. К. Ефимова) и ряде других образовательных учреждений воспитательные мероприятия не были подкреплены конкретной деятельностью коллектива, отсутствовала определенная система в работе по воспитанию общественно-политической активности уча-

щихся, организации ученического самоуправления. Во многих школах города соревнование по борьбе за «Школу образцового состояния» не приняло массового характера среди ученических коллективов. Многие педагогические коллективы слабо использовали ученические комсомольские и пионерские организации в работе с детьми по месту жительства. Недостаточной была трудовая активность, инициатива, самостоятельность в выполнении трудовых дел самих учащихся, не было уделено внимания гласности соревнования [1, л. 17].

В связи со сложившейся ситуацией Совет по народному образованию вынес решение, в котором рекомендовалось заведующим району (К. М. Коноплеву, А. С. Слепцовой, Т. Г. Сердцевой и Л. А. Скидановой), а также директорам школ повысить уровень контроля и руководства по воспитанию общественно-политической активности учащихся и организации ученического самоуправления. Для этого следовало до 1 июля 1977 г. проанализировать и доработать комплексные планы воспитательной работы на предъюбилейный период и предстоящий учебный год, придав им конкретный характер; повысить роль ученического пионерско-комсомольского самоуправления в развертывании соревнования за «Школу образцового состояния». Оговаривалась также необходимость активного включения в работу по месту жительства ученических комсомольских и пионерских организаций; усиления организующей роли и ответственности учащихся-активистов; повышения трудовой активности, собственной инициативы, самостоятельности учащихся в организации трудовых дел школы, при этом придавалось большое значение гласности соревнования. Городскому методическому кабинету (в лице А. С. Кореневой) в 1977–1978 учебном году следовало провести научно-практическую конференцию о развитии общественно-политической активности учащихся в школах города [1, л. 18].

В три этапа проводился конкурс «Мое Забайкалье» Всесоюзной туристско-краеведческой экспедицией пионеров и школьников «Моя Родина — СССР», заключительный городской конкурс состоялся 13 мая 1977 г. Первое место заняли краеведы школы № 1 Ингодинского района, где на протяжении ряда лет осуществлялась активная поисковая работа под руководством учителя истории М. Ф. Гуниной.

Большая заслуга в проделанной работе принадлежала заведующей экскурсионно-туристическим отделом Дворца пионеров Н. С. Желудковой. Все школы города приняли участие в этом конкурсе, в результате школьные музеи пополнились поисковым материалом; учащиеся провели много походов по дорогам боевой славы Гражданской войны, встретились с передовиками производства, интересными людьми Забайкалья. Второе место в конкурсе заняли краеведы школы № 2, третье место поделили школы № 4, 5 и 38 [1, л. 7].

В целях усиления туристической работы в школах города в течение двух лет проводился городской слет туристов, как результат среди учащихся возрос интерес к туризму, а также уровень подготовки. Хорошие результаты в соревнованиях, приуроченных к юбилею революции, показали туристы школ № 4, 2, 12, заняв призовые места.

С большим подъемом в марте — апреле 1977 г. прошла эстафета искусств — 77, посвященная 60-летию Октябрьской революции, под девизом «Идем дорогой Ленина, дорогой Октября» по трем направлениям: художественная самодеятельность, изобразительное искусство и театрализованное искусство. Первое место по городу в эстафете искусств занял Центральный район.

Все школы города принимали активное участие в организованных манифестациях комсомольцев и молодежи города. В районах были проведены совещания актива учителей с повесткой «О ходе подготовки к 60-летию Великого Октября в школах и задачах на оставшийся период».

Кроме того, XXV съезд КПСС определил для школ широкое развитие различных форм общественно-полезного труда: движения ученических производственных бригад, лагерей труда и отдыха, массового распространения таких эффективных форм идейно-воспитательной работы, как школьные музеи, общественно-политические клубы старшеклассников.

В преддверии юбилейной даты в школах проводилась 5-я трудовая четверть под девизом «Мой труд вливается в труд моей республики». Старшеклассники готовили школы к новому учебному году, работали на полях совхозов Читинского района, предприятиях города. Большое внимание было уделено направлению выпускников школ в строительные организации и ПТУ [1, л. 8].

Таким образом, подготовка к празднованию 60-летнего юбилея Октябрьской революции в 1977 г. в школах города Читы проводилась в соответствии с общими установками и решениями XXV съезда КПСС по народному образованию и была направлена на совершенствование системы обучения и воспитания подрастающего поколения. Этому способствовал весь комплекс запланированных юбилейных мероприятий, направленных на вовлечение учащихся в различные соревнования, конкурсы, кружки и клубы, в которых максимально проявлялась их самостоятельность и инициативность. Немаловажным являлось и участие школьников в трудовых мероприятиях, в частности, их работа в строительных бригадах и др.

Подготовке юбилея Великого Октября во всех учебных заведениях города придавалось огромное значение, о чем свидетельствовало четкое планирование мероприятий и контроль со стороны партийных и комсомольских организаций. Таким образом, на примере школ конкретного региона, можно составить представление о специфике учебно-воспитательной работы в 1970-е гг. и, конечно, о неперенном присутствии идеологической составляющей в оценках ключевых событий Отечественной истории начала XX в.

Литература

1. Государственный архив Забайкальского края. Ф. Р-2241. Оп. 2. Д. 2.
2. План основных мероприятий, связанных со 100-летием революции 1917 года в России // Азия-экспресс. 2017. № 16. 27 апреля. С. 14.
3. Распоряжение о подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/53503> (дата обращения: 11.08.2017).

УДК 94 (571.52)

ПАМЯТНИКИ ГЕРОЯМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ТЫВЕ

© *Доржу Зоя Юрьевна*

доктор исторических наук,
Тувинский государственный университет,
Россия, 667000, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36
E-mail: zoyadorzhu@yandex.ru

© *Ондар Омак Николаевич*

кандидат исторических наук, доцент,
Тувинский государственный университет,
Россия, 667000, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36
E-mail: oma-ondar@yandex.ru

Статья посвящена таким крупнейшим политическим событиям XX века в России как Октябрьская революция и последовавшая за ней Гражданская война, коснувшимся Урянхайского края, нынешней Республики Тыва. В период Гражданской войны и иностранной интервенции в Тыве с 1917 по 1921 г. произошли бои Белоцарский с колчаковцами, с белокитайским отрядом в Центральной Тыве и бой на берегу р. Тарлашкын. Народ Тывы дорожит памятью тех, кто отдал свои жизни за народное счастье — на местах этих событий были воздвигнуты памятники.

Ключевые слова: Урянхайский край; революция; партизаны; гражданская война; белогвардейцы; памятник; Белоцарский бой.

MONUMENTS TO THE HEROES OF THE CIVIL WAR IN TYVA

Zoya Y. Dorzhu

Dr. Sci. (Hist.),
Tuva State University,
36, Lenina, 667000 Kyzyl, Russia
E-mail: zoyadorzhu@yandex.ru

Omak N. Ondar

Cand. Sci. (Hist.), A/Prof.,
Tuva State University,
36, Lenina, 667000 Kyzyl, Russia
E-mail: oma-ondar@yandex.ru

The article deals with one of the largest political events in Russia of the XX century, the October revolution and the ensuing Civil war. In a whirlwind of revolutionary events and got Uriankhayskiy edge — now Republic of Tuva. Major events during the Civil war and foreign intervention in the Tuva Republic from 1917 to 1921, began Belozerskiy the fight against Kolchak, belokataiski unit in Central Tuva and the battle on the banks of Taruskin. On the ground of these events was erected the monuments, the people of Tuva cherishes the memory of those who gave their lives for the people's happiness

Keywords: Uriankhayskiy edge; revolution; guerrillas; the civil war; the whites; monument; Belozersky fight.

Октябрьская революция — одно из крупнейших политических событий 20-го столетия, произошедшее в России, за которым последовала Гражданская война. Так как Урянхайский край (так называлась Тыва до 1921 г.) с 1914 г. был под протекторатом России, политические события в ней, хотя и не сразу, но отражались на социально-политической жизни края. Так, из-за саботажа служащих Томского почтово-телеграфного округа весть о Февральской буржуазной революции в Тыву пришла 6 марта 1917 г., а об Октябрьской социалистической революции — в середине ноября 1917 г. [1, с. 69]. Сказалось также и то, что во главе администрации по делам Урянхайского края стояли сторонники Временного правительства (Омск), которые долгое время не разглашали информацию среди местного населения о событиях, произошедших в Петрограде.

Гражданская война не обошла стороной Урянхайский край. После февральской революции и последующего октябрьского государственного переворота в Урянхайском крае закипела политическая жизнь. Тувинское родовое общество и русская община, особенно их политическая элита, раскололись на две противостоящие силы: сначала сторонников Временного правительства и большевиков, а затем части Красной Армии (партизан) и части Белой Армии. Их борьба за власть в Урянхайском крае была фактически определяющей для дальнейшей судьбы Урянхая, на который претендовали Внешняя Монголия и Китай. Представители этих государств все чаще появлялись в Урянхаете, но не осмеливались вступать в открытую вооруженную борьбу с частями русских белых или красных сил.

Временное правительство сразу же подтвердило неизбежность протектората России над Урянхаем. Однако давний друг тувинцев купец И. Г. Сафьянов выдвинул лозунг «Урянхай для урянхов» и стал высказываться за отделение Урянхая от России. Часть тувинской элиты восприняла это как прекращение покровительства России, вследствие чего началось восстание против русского присутствия, грабежи скота русских и угроза мстью кожуунам — сторонникам России. На совместном заседании русского и тувинского населения от 16 июня 1918 г. по вопросу о самоопределении тувинцев была зачитана резолюция русского съезда о признании независимости тувинского народа, где подчеркивалось, что и русские, и тувинцы должны жить в полном согласии.

В конце 1918 г. в Урянхайском крае развернулась вооруженная борьба против власти Временного Сибирского правительства. Наиболее сильным антиправительственным и антирусским движением было в западной Тыве. В начале апреля 1919 г. для подавления хемчикских аратов комиссар А. А. Турчанинов направил в район Чадана сотню казаков и военные дружины, предпринявшие ряд карательных экспедиций.

Именно под влиянием революционного движения в России все слои населения Урянхая были вовлечены в острую классовую борьбу против феодально-клерикальных верхов. Борьба была сопряжена с большими трудностями и имела некоторые особенности. У тувинского народа не было своего рабочего класса, политическая партия еще не сформировалась, что приводило к сравнительно большому влиянию феодально-байских элементов на трудящиеся массы. К трудностям также следует отнести и то, что между жителями различных кожуунов не было достаточного единения, классовой солидарности, кроме того здесь революционная борьба часто захлестывалась столкновением различного рода интересов.

В силу этих и других обстоятельств усилия, направленные на победу социалистической революции в регионе, отличались своеобразием форм и методов. Участие тувинской бедноты в борьбе за свое социальное и национальное освобождение, ее солидарность с русским населением, проживающим в крае, сыграли важную роль в отражении натиска военной интервенции и разгроме внутренней контрреволюции, а также установлении и упрочении советской власти в Тыве.

К началу 1918 г. на территории бывшей Российской империи шла Гражданская война, фактически продолжалась иностранная интервенция и война с Германией. В Сибири при поддержке Японии, Англии и США было сформировано Правительство адмирала Колчака, которое к лету 1919 г. заняло весь Дальний Восток и Сибирь. В этой ситуации Сибирская партизанская армия Александра Демидовича Кравченко и Петра Ефимовича Щетинкина вынуждена была отойти в Тыву. 18 июля 1919 г. партизаны вступили в г. Белоцарск (ныне — г. Кызыл), где простояли больше месяца. По воспоминаниям П. Е. Щетинкина, город был тогда «маленькой деревушкой в 45–40 домов», в связи с чем в нем расположилась часть партизанской армии.

В конце августа 1919 г. к городу по Усинскому тракту подошел двухтысячный отряд колчаковцев под командованием есаула Бологова. На рассвете 29 августа Бологов начал наступление и переправу через р. Енисей. Учитывая громадное численное превосходство белогвардейцев, партизанское командование решило оставить город.

Полки партизан отошли и заняли холмы к югу от г. Белоцарска. Однако к вечеру партизаны, полукольцом окружившие город, перешли в контрнаступление (уничтожив перед этим все переправочные средства колчаковцев). К трем часам ночи бой закончился полной победой партизан.

Колчаковцы были сброшены в р. Енисей. Лишь небольшая часть их перебралась на правый берег. Потери среди белогвардейцев составили: погибших и утонувших более тысячи, новобранцев, сдавшихся в плен — 300 среди; красных партизан — 37 погибших и 44 раненых. Партизанам по разным данным досталось 2 орудия и до 3000 снарядов к ним, 10–14 пулеметов, 2000 винтовок, не считая большого количества патронов [2, с. 135].

П. Е. Щетинкин вспоминал: «Сознавая, что в случае неудачи пощады быть не может, бойцы проявляли невероятную храбрость. Бой был упорный, многочасовой... На рассвете 17 августа (30 августа по новому стилю) нашим глазам представилась следующая картина: берег усеян большим количеством трупов павших в бою, а в прибрежных скалах и камнях валяются утонувшие при попытке переплыть Енисей» [1, с. 103–104]. Во время боя Белоцарск почти весь сгорел. До нашего времени сохранилось лишь два здания:

бывшее здание Переселенческого управления, в дальнейшем там разместилось постпредство Советской России (ныне Станция пере-ливания крови) и дом купца Гусева, в котором позже проходили партийные съезды большевиков.

Белоцарский бой стал самым крупным сражением в Тыве за весь период Гражданской войны (1917–1921 гг.) и существенным образом изменил ситуацию в крае, предотвратив вмешательство иностранных войск в развернувшуюся здесь борьбу. Иностранные войска были представлены в том числе монгольским отрядом во главе с нойоном Хатан-Батором Максаржавом, который попытался занять г. Белоцарск. Узнав о прибытии партизанской армии, он остановился недалеко от города, наблюдал за ходом сражения, чтобы поддержать победившую сторону, но остался ни с чем. В ноябре 1919 г. Монголия лишилась независимости, а его отряд был переподчинен китайскому экспедиционному отряду Ян Шичао, который в декабре того же года занял г. Белоцарск [1, с. 105].

Партизан, погибших в бою, с воинскими почестями похоронили в трех братских могилах на берегу р. Енисей. На могилах, огороженных деревянным штакетником, первоначально было установлено три больших деревянных креста, в ограде укреплен щит с текстом: «Вечная память погибшим за идеалы Советов». Под щитом были написаны имена всех 37 погибших с указанием места рождения.

В 1954 г. на месте захоронения партизан был сооружен новый памятник по проекту скульптора И. И. Шейдеван. Он представляет собой четырехгранный обелиск, завершенный невысокой пирамидой, который увенчан крупной пятиконечной звездой на шпиле. Нижняя расширенная часть обелиска выполняет роль высокого сужающегося кверху мощного цоколя. Впечатление монументальности усиливает подиум с боковыми стенами и трехмаршевыми неширокими лестницами. На южном фасаде обелиска — рельеф, изображающий группу партизан с винтовкой, шашкой и знаменем. Под ним надпись на русском языке: «Вечная память красным партизанам, героически погибшим в 1919 г. за дело Великой Октябрьской социалистической революции», тот же текст на тувинском языке представлен с северной стороны обелиска, обращенной на р. Енисей [3, л. 2–3].

Осенью 1920 г., когда партизанские соединения Тывы ушли в Минусинск для последующей переброски их на южный фронт против Врангеля, в бассейне р. Каа-Хем поднялись банды Ивана Мелегина и братьев Ивана и Еремея Сафроновых. Они громили Советы, издевались над семьями партизан и теми, кого подозревали в сотрудничестве с ними.

В Федоровку и Бояровку, уходя от бандитов, стали стекаться партизаны и сочувствующие советской власти крестьяне, в результате был сформирован отряд под командованием А. Мальшева. В ноябре 1920 г. к нему на помощь вернулись партизаны из Минусинска и отряд усинских партизан под командованием А. Н. Филиппова и П. Н. Козулина.

Объединенный отряд малоенисейских и усинских партизан выступил на Даниловку и Знаменку (ныне Сарыг-Сеп), где находился штаб и усиленный пост белых. К партизанам присоединилась группа малоенисейских аратов, среди которых был и Салчак Тока, будущий руководитель Тывы. Араты помогли провести партизан через горы в тыл Мелегина и сами участвовали в разгроме засевших в Даниловке и Знаменке бандитов. Многие партизаны пали смертью храбрых, они похоронены в братской могиле в с. Сарыг-Сеп. К сожалению, дата установки памятника на братской могиле в сквере главной улицы села, как и его автор, неизвестна. По конструкции и композиционным приемам можно лишь предположить, что он мог быть установлен в 1950-е гг., когда в Тыве были обновлены памятники на многих братских могилах времен Гражданской войны [4, л. 2].

21 мая 1921 г. Р. Ф. Унгерн фон Шернберг, на тот момент фактически правитель Монголии, издал приказ о переходе в его подчинение всех рассеянных по Сибири белых отрядов. В урянхайском направлении действовал отряд генерала И. Г. Казанцева, который, опираясь на поддержку монгольских и тувинских феодалов, с частью своего войска направился на р. Хемчик. Остальные под командованием прапорщика Поползухина задержались в юго-восточной части хребта Танну-оола, нижнем течении речки Тарлашкын.

Штаб объединенного партизанского отряда, получив от аратов-разведчиков донесение о вторжении Казанцева в Тыву и передвижениях его войска, решил начать операцию против оставшихся на

р. Тарлашкын белых, чтобы лишить Казанцева возможности маневра и инициативы.

20 мая 1921 г. на борьбу с белогвардейцами выступили две роты 352-го полка 118-й бригады Красной Армии и партизаны во главе с С. К. Кочетовым. 23 мая 1921 г. произошел бой у р. Тарлашкын. В результате отряд Поползухина был разбит, а самого прапорщика взяли в плен.

На месте захоронения погибших в бою партизан в 1962 г. был установлен памятник по проекту, разработанному в Республиканских художественных мастерских. Памятник расположен у села Бай-Даг Эрзинского кожууна на высокой террасе выше самого населенного пункта. Он представляет собой высокий трехгранный обелиск, поднятый на массивный, квадратный в сечении постамент. Обелиск завершен небольшой пирамидкой и увенчан пятиконечной звездой в лавровом венке [5, л. 2].

Таким образом, вышеперечисленные памятники являются свидетельством огромного влияния Октябрьской революции на судьбу Урянхайского края. Еще в 1918 г. могло состояться самоопределение Тывы, заглушенное затем событиями Гражданской войны. Развернувшаяся в 1917–1921 гг. борьба между белогвардейскими и антисоветскими отрядами с одной стороны и красными партизанами, позже регулярными частями Красной Армии, с другой увенчалась победой последних. Восстановление советской власти в Сибири и русских населенных пунктах Тывы, руководящее влияние РКП(б) в целом и ее Сибирского бюро в частности стали решающими в самоопределении тувинского народа, создании самостоятельной государственности. Очевидно, что важно изучать и беречь памятники. Они выполняют важную социальную функцию по сохранению исторической памяти народа, ибо без знания истории своего края рвется связующая нить между поколениями. Очень быстро можно забыть, ценой скольких жизней была одержана победа.

Литература

1. История Тувы: в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2007. Т. 2. 430 с.
2. За свободу народ: сборник воспоминаний красных партизан Тувы / отв. ред. Н. А. Сердобов. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1957. 272 с.
3. Братская могила красных партизан: паспорт памятника истории и культуры 2.3, индекс 1.67.1 / Министерство культуры РСФСР, Главное

управление по охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры; сост. В. Е. Хаславская // Текущее делопроизводство отдела охраны объектов культурного наследия Службы по лицензированию и надзору отдельных видов деятельности Республики Тыва. Кызыл, 1983. 6 л.

4. Братская могила красных партизан: паспорт памятника истории и культуры 2.3, индекс 1.67.5. / Министерство культуры РСФСР, Главное управление по охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры; сост. В. Е. Хаславская // Текущее делопроизводство отдела охраны объектов культурного наследия Службы по лицензированию и надзору отдельных видов деятельности Республики Тыва. Кызыл, 1983. 5 л.

5. Братская могила красных партизан: паспорт памятника истории и культуры 2.3, индекс 1.67.13 / Министерство культуры РСФСР, Главное управление по охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры; сост. В. Е. Хаславская // Текущее делопроизводство отдела охраны объектов культурного наследия Службы по лицензированию и надзору отдельных видов деятельности Республики Тыва. Кызыл, 1983. 5 л.

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
К ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(по материалам региональных исследований)

© *Куракина Лидия Михайловна*

кандидат филологических наук, доцент,
Самарский государственный технический университет
Россия, 443011, г. Сызрань, ул. Молодогвардейская, д. 244
E-mail: kurakina-lidia-2@mail.ru

В статье анализируется отношение современной студенческой молодежи к Великой российской революции. Это отношение носит колебательный характер. На основе исследований, проведенных в г. Сызрани, делается вывод, что термин «Великая российская революция» мало известен студентам. Октябрьская революция оценивается ими преимущественно негативно, а в оценке ее последствий преобладает позитивный крен: на одного студента, критически относящегося к постреволюционным преобразованиям, приходится почти двое позитивно оценивающих социалистические последствия Октябрьской революции.

Ключевые слова: Великая российская революция; общественное историческое сознание; историческая память; студенческая молодежь.

THE ATTITUDE OF MODERN STUDENT YOUTH
TO THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION
(based on the materials of regional studies)

Lidiya M. Kurakina

Cand. Sci. (Philol.), A/Prof.,
Branch of Samara State Technical University,
244, Molodogvardeyskaya, Sizran 443011, Russia
E-mail: kurakina-lidia-2@mail.ru (kurakinalidia@rambler.ru)

The article analyzes the attitude of modern students to the great Russian revolution. The relationship is oscillatory in nature. Based on research conducted in Syzran, it is concluded that the term «Great Russian revolution» is little known to Russian students. The October revolution is assessed mainly negatively, and the evaluation of its consequences has a positive roll: for a student, and critical to post-revolutionary reforms have almost

two students with positive evaluations of consequences of the socialist October revolution.

Keywords: the Great Russian revolution; social historical consciousness; historical memory; students.

К столетию Октябрьской социалистической революции значительно актуализировался интерес к этому историческому событию, предопределившему ход событий всего XX века не только в нашей стране, но и во всем мире. Отношение к самим революционным действиям 1917 г., а также к послереволюционным изменениям предопределило разделение мнений в оценках этого события. Противостояние «красных» и «белых» в общественном российском сознании до сих пор не преодолено.

Традиционно к сторонникам социализма принято относить пожилых людей, чье воспитание и большая часть жизни были связаны с «социалистическим периодом», которым сложнее других адаптироваться к новым капиталистическим порядкам. А как воспринимает современная молодежь, а именно студенты, революционные события столетней давности? Как оценивает последующие преобразования в нашей стране? На чьей она стороне — на «красной» или «белой»? На эти вопросы мы попытались ответить, опираясь на результаты собственных исследований, проведенных с использованием эмпирических социологических методов, а также на близкие по тематике опубликованные исследования.

Наиболее значительные колебания в оценке Октябрьской революции по оси «положительно — отрицательно» отмечались в общероссийских исследованиях до и после перестройки 1990-х гг. Так, по данным ВЦИОМ, Октябрьскую революцию относили к важнейшим событиям XX века в 1989 г. 63% опрошенных, а в 1994 г. — 49% респондентов [4, с. 3–14].

В последующем, что, вероятно, стало следствием неудавшихся либеральных реформ 1990-х гг., своеобразный маятник в оценке Октябрьской революции качнулся в другую сторону. И, как свидетельствует ряд проведенных в стране локальных исследований, стала расти доля людей, в том числе из студенческой среды, положительно оценивающих Великий Октябрь. В качестве примера можно привести исследования учащейся и студенческой молодежи, проведенные в Нижнем Новгороде в 1997–2007 гг. В 1997 г. только 16%

опрошенных оценивали роль революции положительно; отрицательно — 26%; в 2002 г. соотношение положительных и отрицательных оценок уже сравнялось; а к 2007 г. положительных оценок стало в полтора раза больше, чем негативных [1, с. 71–77]. Близкие результаты были получены в исследованиях, проведенных в г. Таганроге в 2010–2014 гг. [3].

Данные наших исследований в г. Сызрани (исследование городской молодежи в 2012 г. — $n=501$; исследование студенческой молодежи в 2017 г. — $n=102$) подтвердили эту тенденцию. В первом исследовании отношение к Октябрьской социалистической революции выявлялось путем косвенных вопросов об исторических событиях в нашей стране, которыми гордятся наши граждане, либо которые вызывают у них негативное отношение. Среди позитивно оцениваемых событий Великий Октябрь в исследовании 2002 г. занял шестую позицию (4,0%), значительно уступив победам в Великой Отечественной войне (73,6%), войне 1812 г. (11,9%), Второй мировой войне (5,0%), покорению космоса (9,0%) и реформам Петра I (4,7%). При этом оценка таких исторических событий, как свержение монголо-татарского ига, отмена крепостного права, Куликовская битва и других, была менее положительной, чем революции 1917 г.

Более показательными являлись ответы на вопрос о событиях, негативно повлиявших на страну. В ряду подобных событий Октябрьская социалистическая революция заняла второе место (11,6%) после перестройки, которую в 2002 г. 14,7% опрошенных оценивали отрицательно. Менее негативной оценке подверглись такие события, как сталинизм, война в Чечне, распад СССР, война в Афганистане, крепостное право и многие другие. Таким образом, негативно оценивающих Октябрьскую революцию было в 2,9 раза больше, чем ее позитивно настроенных сторонников, хотя в процентном соотношении эта разница все же была не столь велика и составила 7,6%.

В сентябре 2017 г. нами было проведено исследование среди студентов технического профиля филиала СамГТУ в г. Сызрани, направленное на изучение степени знания и понимания термина «Великая российская революция», положительных и отрицательных последствий Великого Октября.

Термин для обозначения революционных событий в России 1917 г. «Великая российская революция» стал использоваться в последние годы и является новым и пока еще мало известным. Его введение связано со сложившейся в мировой революциологии традицией рассмотрения революций как растянутого во времени процесса перехода от одной общественной системы к другой. При этом делается отсылка к предшествующим революциям, в частности, к буржуазным революциям в Нидерландах, Англии, Франции и других странах. Хронологические рамки Великой российской революции даже историками пока еще трактуются по-разному. В основном разногласия связаны с определением времени окончания революционных событий. Так, если начало революционного процесса в большинстве исторических исследований связывается с февралем 1917 г., то завершение одна часть исследователей относит к марту 1921 г., связывая его с Кронштадским мятежом [2], другая — к декабрю 1922 г., когда было создано новое государство — СССР [5; 6]. Встречаются и иные датировки окончания Великой российской революции, связанные либо со временем несостоявшегося Учредительного собрания в январе 1918 г., либо с окончанием Гражданской войны в ноябре 1920 г.

Анализ проведенного нами исследования показал, что большинство опрошенных нами студентов не слышали о новом названии революции 1917 г., но предположили, что это, скорее всего, период революционных событий начиная с Февральской буржуазной революции и до Октябрьской социалистической революции. Такой ответ дали 63,8% опрошенных, 19,1% респондентов связывают это понятие только с Октябрьской революцией; 10,6% — только с Февральской революцией. В оценочно-смысловом аспекте понятие «Великая российская революция» воспринимается подавляющим большинством студентов прежде всего как Октябрьская социалистическая революция. Ни в одном из ответов хронологические рамки данного события не выходили за пределы 1917 г. Из этого можно сделать вывод, что новый термин «Великая российская революция» не стал еще частью исторического сознания студенческой молодежи.

Исходя из того, что студенты понимают Великую российскую революцию как события именно Октябрьской революции, оценка ее положительных и отрицательных последствий нами определялась по отношению к Октябрю 1917 г. К положительным результатам

студенты отнесли в основном достижения нашей страны в индустриализации (30,9%), социальные завоевания (23,4%), равноправие людей в результате ликвидации сословий (20,2%) и др.

По совокупности ответов можно заключить, что приоритетное значение для студенческой молодежи имеют прежде всего социальные достижения, включающие не только расширение трудовых прав и повышение уровня жизни, но и бесплатное образование, медицину, увеличение продолжительности жизни. Такую оценку последствий Октябрьской социалистической революции дало 77,6% опрошенных студентов.

Позитивные политические результаты Октябрьской революции отметило 34,0% респондентов: кроме социального равноправия (20,2%) к политическим достижениям они также отнесли демократизм (7,4%) и проявление большей свободы (6,4%). Каждый десятый опрошенный занял откровенно негативную позицию, ответив, что «никаких плюсов в Октябрьской революции не было».

Среди отрицательных последствий Октябрьской революции студенты назвали, прежде всего, жестокость, гибель огромного числа людей (45,7%); развал экономики, разруху в стране (34,0%); гражданскую войну (26,6%). Суммируя ответы респондентов по близким позициям, таким как проявления террора, кровопролитие, гражданская война, уничтожение интеллигенции (9,6%), царских офицеров (4,3%), беззаконие (2,1%) и т. п., можно заключить, что такая оценка негативных последствий характерна для 88,3% участвовавших в исследовании студентов. Почти каждый шестой из опрошенных (18,1%) в числе отрицательных последствий Октябрьской революции назвал уничтожение религии.

Сравнение некоторых положительных и отрицательных оценок выглядит довольно противоречиво. Это относится прежде всего к экономическим последствиям. Одна часть студентов (30,9%) считает, что революция привела к промышленному росту, другая часть (34,0%) отмечает, что революция стала причиной развала экономики. Это разногласие связано с оценкой разных по удаленности от революционных событий временных отрезков. И если разруха в стране была характерна для революционных и ближайших послереволюционных лет, то экономический подъем, индустриализация страны начались примерно через 10 лет после революции. И нельзя с уверенностью утверждать, что между этими процессами (инду-

стриализацией и революцией) существует прямая причинно-следственная связь.

Как же в целом оценивают Октябрьскую революцию современные студенты? Какие оценки — положительные или отрицательные — являются преобладающими в их субъективном восприятии? Для того чтобы получить ответы на эти вопросы, мы попросили студентов пофантазировать на тему «Что было бы с нашей страной, если бы не было Октябрьской социалистической революции?». Сравнительный анализ полученных ответов показал преобладание положительной оценки произошедших в 1917 г. событий. Соотношение сторонников положительного и негативного развития ситуации в стране в случае, если бы Октябрьской революции не было, составило 58,5 к 33,1%.

Почти каждый третий респондент (29,8%) уверен, что революция была неизбежна и она произошла бы в любом случае. Аргументы студентов, поддерживающих революцию и ее последствия, сводятся к следующему: если бы не было революции, то был бы застой, отсталость от Запада (27,7%); господствовал бы царизм (13,8%); Россия не занимала бы лидирующего положения в мире (7,4%); мы бы проиграли в Великой Отечественной войне (6,4%). Студенты, негативно воспринимающие Октябрьскую революцию, аргументируют свою позицию тем, что если бы не было революции, Россия стала бы «более развитой и комфортной для жизни страной, чем сейчас», не уступающей Великобритании по уровню развития (12,8%); не было бы Второй мировой (11,7%) и Гражданской войн (2,1%); не ликвидировали бы капитализм (3,2%).

Сравнение ответов студентов по данной группе вопросов показывает, что при оценке Октябрьской революции нужно четко разграничивать собственно революционный период и последующее развитие страны, связанное с новым общественным строем, в данном случае с социалистическими преобразованиями. И если сама революция оценивается преимущественно негативно, то в оценке ее последствий преобладает позитивный крен: на одного студента, критически относящегося к постреволюционным преобразованиям (33,1%), приходится почти два студента (1,8%), позитивно оценивающих последствия Октябрьской революции (58,5%). Это свидетельствует о том, что большинство современных студентов под-

держивает не столько саму социалистическую революцию, сколько социалистические преобразования, последовавшие после нее.

В целом, опираясь на результаты локальных социологических измерений, можно заключить, что историческое сознание современной студенческой молодежи характеризуется низким уровнем знания современного понимания революционных событий, отражаемого в научных исторических исследованиях последних лет. Ценностное восприятие Октябрьской социалистической революции большинством современных студентов внутренне противоречиво, размыто, что может стать основанием для последующих идейно-ценностных колебаний. При формировании отношения к Октябрю 1917 г., как и в целом к Великой российской революции, важно четко разграничивать сам революционный процесс как недопустимо радикальный, бесчеловечный и последующие положительные преобразования. Общий акцент в оценке революции 1917 г. все же должен быть сделан на недопустимости подобных потрясений в будущем.

Литература

1. Балабанов С. С., Куконков П. И. Октябрь 1917 г. в сознании учащейся молодежи // Социологические исследования. 2007. № 8. С. 71–77.

2. Крайнов Г. Н. Новые педагогические подходы в изучении Великой российской революции 1917–1921 гг. // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 2.

3. Рачипа А. В., Бурьков В. В. Феномен исторической памяти и проблемы формирования ценностных ориентаций молодежи среднего города России в социологическом измерении (на примере г. Таганрога, 2010–2014 гг.). Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 52.

4. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного сознания // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.

5. Черкасов Г. И. Уроки Великого Октября [Электронный ресурс] / URL: <http://www.politpros.com/journal/read/? ID=6013&journal=202> (дата обращения: 05.08.2017).

6. Шубин А. В. Великая российская революция. Всемирная история: энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: www.histrf.ru/articles/article/show/vielikaia_rossiiskaia_rievoliutsiia (дата обращения: 05.08.2017).

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ СИБИРИ

УДК 378 (092)

СУДЬБА УЧЕНОГО:

К 95-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА Е. Е. ТАРМАХАНОВА

© *Осинский Иван Иосифович*

доктор философских наук, профессор,

Бурятский государственный университет,

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а

E-mail: univer@bsu.burnet.ru

Статья посвящена жизни и творчеству профессора Е. Е. Тармаханова, освещает этапы становления его личности: солдата — защитника Ленинграда, учителя — профессора кафедры истории СССР, созданную и возглавлявшему им много лет, ученого — основоположника научной школы по изучению проблем индустриализации, модернизации национальных районов Сибири, становления и развития в них рабочего класса. В статье использованы воспоминания Е. Е. Тармаханова и материал, собранный автором в ходе интервьюирования.

Ключевые слова: Е. Е. Тармаханов; солдат; профессор; ученый; научная школа.

MAN OF AN UNUSUAL FATE: ON THE 95th ANNIVERSARY
OF THE BIRTH OF PROFESSOR E. E. TARMAKHANOV

Ivan I. Osinsky

Dr. Sci. (Philos.), Prof.,

Buryat State University,

24a, Smolina, Ulan-Ude 670000, Russia

E-mail: univer@bsu.burnet.ru

The article is devoted to the history of life and creativity of Professor E.E. Tarmakhanov, illuminates the stages of the emergence of his personality: a soldier — a defender of Leningrad, a teacher — professor of the Department of History of the USSR, who created and headed for many years, the scientist — the founder of a scientific school to study the prob-

lems of industrialization, modernization of the national regions of Siberia, the formation and development of their working class. The article uses the memoirs of E. E. Tarmakhanov and the material collected by the author during the interview.

Keywords: E. E. Tarmakhanov, soldier, professor, scientist, scientific school.

У каждого человека своя судьба. Она сопровождает его всю жизнь. От нее, как говорят, никуда не уйдешь. В то же время судьба — не что-то данное человеку свыше или независящее от него, это в своей основе создание самого человека. Как верно заметил И. С. Тургенев: «Каждый делает свою судьбу, и каждого она делает». Судьбы бывают разные — обычные и необычные. Человеком необычной судьбы, несомненно, является Ефрем Егорович Тармаханов, фронтовик, известный ученый-историк, подлинный интеллигент, человек, проживший большую жизнь.

Е. Е. Тармаханов родился в 1922 г. в селе под названием Ирхидей Боханского (ныне Осинского) района Иркутской области в семье крестьян-середняков Егора Тармахановича и Екатерины Никоновны Махутовых. Семья была большой, у Ефрема было двое братьев и четыре сестры. После окончания Бильчирской семилетней школы и педагогического рабфака при Бурятском пединституте он готовился к трудовой деятельности. Но началась война, которая нарушила все планы. Он, как и многие его сверстники, ждал призыва в армию. В феврале 1942 г. начался массовый призыв, и 19-летний Ефрем Тармаханов, не дождавшись повестки из военкомата, вместе с односельчанами отправился в Бохан, где и был зачислен в военнослужащие Красной Армии.

О начале армейской жизни он в своих воспоминаниях пишет так: «Сначала служил в г. Улан-Удэ, в Южлаге, в конном депо, осенью этого же года отправили нас на ст. Сохондо Читинской области, а оттуда на станцию Борзя, где набрали монгольских коней для отправки на запад. С конями вместе в товарных вагонах, в тяжелых условиях доехали до г. Коврова Ивановской области, где коней сдали, а сами попали в сформированную стрелковую часть, которая потом была названа 123-й особой стрелковой бригадой. Я попал в роту автоматчиков. Командир взвода был из Барнаула, он очень хорошо, доброжелательно относился ко мне, как к земляку. Я был командиром отделения в его взводе, хотя я не учился на ко-

мандира, но у меня было среднее образование. Тогда в армии в нашем взводе было очень мало людей со средним образованием». Бригада была направлена на Ленинградский фронт. Ленинград в то время находился в военной блокаде, был окружен немецкими, финскими и испанскими (Голубая дивизия) войсками. Она длилась 871 день — с 8 сентября 1941 г. по 27 января 1944 г. (блокадное кольцо было прорвано 18 января 1943 г.). К началу блокады в городе оставались мизерные запасы продовольствия и топлива. Единственным путем сообщения с блокадным Ленинградом было Ладожское озеро, находившееся в пределах досягаемости артиллерии блокирующих войск.

Начавшийся в городе голод привел к сотням тысяч смертей среди жителей. «Смерть, — как свидетельствует английский историк Д. Хосхинг, — настигала людей повсюду: на улице они падали, чтобы никогда больше не подняться; в домах засыпали, чтобы никогда не проснуться; на заводах умирали во время работы. Транспорта не было, и обычно трупы везли на салазках один-два родственника покойного. Часто полностью обессилив на долгом пути к кладбищу, они бросали тело на полдороге. Но, несмотря на огромные жертвы, страдания, Ленинград жил, боролся, проявлял огромную силу воли, упорства, несгибаемости».

Прорыву блокады придавалось огромное значение. Ее должны были осуществить бойцы и командиры Ленинградского и Волховского фронтов. Операция по прорыву блокады тщательно готовилась. В ней, как уже отмечалось, участвовала 123-я стрелковая бригада, в которой служил Ефрем Егорович. О своем дальнейшем пути Е. Е. Тармаханов вспоминает так: «От станции Волхов через Ладогу на корабле попали вовнутрь блокады. Переплыли Ладогу очень удачно ночью, не было ни единого выстрела со стороны немцев. В течение декабря 1942 г. мы жили в лесу в палатках, в каждой палатке была маленькая буржуйка, которая в основном дымила, а не грела. Хотя находились в лесу, но очень туго было с дровами, которые были сырые. При этом нечем было их рубить и колоть. В течение декабря наша часть готовилась к участию в операции "Искра", направленной на прорыв блокады. У нас не было достаточно опыта ведения боев, поэтому командование уделяло большое внимание обучению войск приемам наступательных действий в лесу и способам штурма опорных пунктов и узлов сопротивления противника в

условиях холодной зимы. Наступлению наших войск предшествовала длительная подготовка. Сосредоточивались орудия, минометы и другая военная техника. Среди нас, всех солдат, настроение было напряженное, это состояние скреплялось чувством ненависти к врагу и страхом. Мы все понимали, что нам предстоит участвовать в решающих боях за Ленинград, за прорыв блокады города.

За три дня до начала наступления в частях, в том числе у нас, проводились партийно-комсомольские собрания с повесткой "Задачи коммунистов и комсомольцев в бою". Я был заместителем секретаря комсомольской организации батальона, секретарем был Михаил Барьядаев, мой земляк из Боханского района. Перед солдатами прочитали обращение Военного совета Ленинградского фронта, где говорилось, что "67-я армия с честью и умением выполнит свой долг перед Родиной. Дерзайте в бою, равняйтесь только по передовым, проявляйте инициативу, хитрость и сноровку! Смерть немецким мерзавцам!". Наступление наших войск началось утром 12 января 1943 г. Снаряды и мины с огромной силой обрушивались на позиции противника. Бои шли жестокие. В результате первого наступления из 27 солдат нашего взвода осталось в строю только 7 человек, остальные или погибли, или были ранены. Я отделался незначительной царапиной лица осколком мины. Остался жив и командир взвода, к сожалению, забыл его фамилию. Мы перебросились словами: "Слава Богу, остались живыми".

Мне показалось, что только против нас немцы открыли такой ураганный огонь из пулеметов, минометов и орудий, что почти невозможно было поднять голову. Лежал и думал, останусь ли живым, увижу ли своих родных, свою деревню, свой край. Для выхода из войны тогда было два пути: или быть тяжело раненым, или быть убитым, третьего пути не было. Под ураганным огнем из пушек, пулеметов, мин мы с трудом по глубокому снегу продвигались вперед ползком, перебежками. Нам приходилось преодолевать упорные сопротивления и яростные контратаки немцев. И только 18 января опять утром на окраине рабочего поселка наши войска, то есть войска 123-й стрелковой бригады Ленинградского фронта соединились с частями Волховского фронта. Эта встреча для нас была полна радости и ликования. Солдаты крепко, по-братски обнимались, плакали от радости, не обращая внимания на артиллерийский об-

стрел противника. Откуда-то появились фотокорреспонденты газет. Нас фотографировали, но я не видел ни газет, ни фотографий.

В тот день, то есть 18 января, после упорных уличных боев был полностью освобожден от вражеских войск г. Шлиссельбург. В этих боях мы не участвовали, но знали, что к концу дня южное побережье Ладожского озера было освобождено, и Ленинград получил сухопутную связь со страной шириной 8–10 км. Блокада Ленинграда была прорвана. Так свершилось то, о чем мечтал каждый житель Ленинграда, этого случая ждали и мы, солдаты Ленинградского и Волховского фронтов, вся страна. В адрес участников прорыва блокады Ленинграда шли письма с выражением благодарности и признательности.

Некоторые письма нам зачитывали. 30 января 1943 г. я был тяжело ранен в левую ногу осколком мины, которая взорвалась недалеко от меня. Этим взрывом были ранены кроме меня заместитель командира взвода и мой земляк Николай Данилов из Боханского района. Нас троих увезли на санях в медсанбат, после соответствующей медицинской обработки ран нас отправили в Ленинград» [1].

Немцы беспрерывно обстреливали и бомбили город, и Е. Е. Тармаханов после трехнедельного лечения в Ленинграде был эвакуирован по Дороге жизни на противоположный берег Ладожского озера, а оттуда — по железной дороге в г. Сокол Вологодской области. После длительного лечения в различных госпиталях воин в августе 1943 г. вернулся в родной Ирхидей. Увиденное дома, как вспоминает Е. Е. Тармаханов, страшно его расстроило. В деревне не хватало рабочих рук, работали одни женщины, подростки и старики, плохо было с продуктами. В то лето была страшная засуха, все сгорело. Трава под ногами хрустела, как снег в зимнюю стужу. Семья была большой, все трудились. Ефрем Егорович с сожалением пишет о том, что был не в состоянии помочь семье — ходил с трудом на костылях. Но времени зря не терял: старался читать, готовиться к поступлению в вуз.

К счастью, в августе 1944 г. он встретился в Бохане с директором Бурятского пединститута А. А. Дуриновым, который убедил его учиться на педагога и вручил вызов для получения пропуска на въезд в г. Улан-Удэ (тогда была пропускная система).

В 1944 г. он становится студентом Бурятского пединститута. После окончания войны при содействии родственника, ученого Д. А. Алексева, Ефрем Егорович переводится на исторический факультет Ленинградского университета. Особую роль в этом сыграло и то, что он был награжден медалью «За оборону Ленинграда». После окончания в 1950 г. исторического факультета ЛГУ Е. Е. Тармаханов остался там же для продолжения учебы в аспирантуре. Одновременно он работал учителем истории в средней школе. В 1953 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социалистическая индустриализация Бурят-Монгольской АССР в годы предвоенных сталинских пятилеток». Это было первое исследование, посвященное истории становления и развития промышленности и транспорта Бурятии. В том же году он был приглашен в качестве преподавателя на кафедру истории СССР Бурятского государственного педагогического института, которую возглавлял доцент В. П. Тюшев.

Деканом историко-филологического факультета с сентября 1961 г. по февраль 1968 г. работал доцент М. П. Хабаев. В середине 1960-х гг. Е. Е. Тармаханов был назначен заведующим кафедрой истории СССР. Одновременно он продолжал разрабатывать избранную еще в Ленинграде тему научного исследования, которая вылилась в изданную им в 1968 г. монографию «Развитие промышленности Бурятской АССР за годы строительства социализма (1917–1941)», а в 1969 г. Е. Е. Тармаханов защитил докторскую диссертацию. В том же году в Ленинградском государственном университете защитил докторскую диссертацию и его коллега, доцент Д. Б. Улымжиев. Это было значимым событием для Бурятского пединститута, да и для Бурятии в целом. Сразу в один год БГПИ получил двух докторов исторических наук, оба — воспитанники известной Ленинградской исторической школы, прошедшие в ней путь от студентов до докторов наук.

Диссертации Е. Е. Тармаханова и Д. Б. Улымжиева получили высокую оценку на заседании ученого совета исторического факультета ЛГУ (председатель проф. В. В. Мавродин). Оппонентами выступали известные историки: В. З. Дробижев (МГУ), Н. А. Карнатовский и В. А. Ежов (ЛГУ), которые определили труд Ефрема Егоровича как крупный вклад в историческую

науку Сибири. В начале 1970-х гг. ему было присвоено звание профессора.

Все последующие годы Е. Е. Тармаханов осуществлял активную целенаправленную научную деятельность. Им написано более 150 работ. Получили признание среди специалистов его монографии «Промышленность и рабочий класс Советской Бурятии. 1938–1958 гг.» (Новосибирск: Наука, 1979), «Историко-география индустриального развития национальных районов Сибири (1917–1987)» (Улан-Удэ, 1990) и др. Он принимал активное участие в написании третьего тома «Истории рабочего класса Сибири» (1984), являлся членом редколлегии этого выпуска.

Так была создана известная в Сибири научная школа, основным направлением которой стали проблемы индустриализации, модернизации национальных районов Сибири, становления и развития их рабочего класса. Под руководством Е. Е. Тармаханова выросла целая плеяда ученых-историков, насчитывающая 22 кандидата и три доктора наук (А. В. Саункин, Л. А. Зайцева и Д. К. Чимитова).

Е. Е. Тармаханов известен в университете как опытный руководитель. В течение 26 лет он заведовал кафедрой истории СССР, стремился создать благоприятные условия для плодотворной научной, учебно-методической, воспитательной работы преподавателей. На кафедре всегда царила творческая атмосфера, отношения между ее членами были уважительными. Демократичность разумно сочеталась с требовательностью и взыскательностью ее руководителя. Члены кафедры работали над кандидатскими, докторскими диссертациями, монографиями и другими видами научных исследований. Под руководством Е. Е. Тармаханова издан коллективный труд «Рабочий класс Бурятской АССР (1917–1985)», получивший высокую оценку специалистов.

Плодотворную научную деятельность профессор Е. Е. Тармаханов успешно сочетал с учебной, педагогической работой. Автору этих воспоминаний в период студенчества довелось слушать лекции Ефрема Егоровича. Они всегда были глубокими, интересными, насыщенными богатым фактическим материалом, доступны для восприятия. Преподаватель был прост в общении, неизменно доброжелателен.

Наше последующее многолетнее общение с Ефремом Егоровичем, которое всегда было теплым, дружеским, уважительным, подтвердило мнение о нем как об очень деликатном, скромном, добром человеке, коллеге, учителе. Он обладал качествами истинного российского интеллигента.

Ефрем Егорович на протяжении всех лет работы в БГПИ, а затем БГУ принимал активное участие в различных формах общественной жизни. Около 10 лет он был председателем диссертационного совета на историческом факультете БГУ, членом диссертационных советов на истфаке Иркутского университета и Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Неоднократно возглавлял ГЭК историко-филологического факультета БГПИ.

В советское время важной сферой общественной деятельности являлось участие в работе партийной организации. Е. Е. Тармаханов избирался секретарем партбюро исторического факультета. В середине 1970-х гг. являлся первым заместителем секретаря парткома БГПИ. Прилагал много усилий к повышению качества подготовки специалистов, совершенствованию методов учебно-воспитательного процесса, развитию творческого потенциала будущих учителей, укреплению материально-технической базы вуза и др.

Профессор Е. Е. Тармаханов принимал деятельное участие в работе республиканского отделения Всесоюзного общества «Знание», многие годы возглавлял Советскую районную организацию этого общества в г. Улан-Удэ, выступал с лекциями на исторические темы перед интеллигенцией, рабочими города. Надежной опорой Е. Е. Тармаханова все эти годы была его жена Ольга Даниловна, с которой он познакомился еще во время учебы в аспирантуре. Она тогда училась на монгольском отделении Восточного факультета ЛГУ. В последующем многие годы трудилась в библиотеке.

К сожалению, в 2013 г. в результате тяжелой болезни Ольги Даниловны не стало. Через три года умер и Ефрем Егорович. Семейные и профессиональные традиции продолжают его дочери — Татьяна Ефремовна и Екатерина Ефремовна, обе закончили историко-филологический факультет БГПИ. Татьяна Ефремовна — доктор исторических наук, профессор. Многие годы заве-

довала кафедрой истории и культуры Бурятии. Екатерина — кандидат исторических наук, доцент, работала в Музее истории Бурятии им. Хангалова, позже — в БГСХА доцентом, деканом. Внучка Сэржена, внуки Александр и Илья пошли по той же трудовой стезе. Дело, которому посвятил свою жизнь Ефрем Егорович, продолжается. Ратные и трудовые дела воина и ученого получили высокую оценку со стороны общества и государства. Е. Е. Тармаханов был награжден Орденом Отечественной войны 1-й степени, орденами «Знак Почета» и Дружбы, многими медалями. Ему присвоены почетные звания Заслуженного деятеля науки Российской Федерации и Республики Бурятия.

Литература

1. Тармаханов Е. Е. Навечно в памяти людской. Воспоминания преподавателей пединститута, ветеранов Великой Отечественной войны. Улан-Удэ, 1995. С. 23–26.
2. Тармаханов Е. Е. Промышленность и рабочий класс Советской Бурятии. 1938–1958 гг. Новосибирск: Наука, 1979.
3. Тармаханов Е. Е. Историография индустриального развития национальных районов Сибири (1917–1987). Улан-Удэ, 1990.

УДК 66 (091) (470.5)

РАЗРУШЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА НА МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ЗАВОДАХ УРАЛА КАК ПРИМЕР РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕСТРУКЦИИ

Исследование выполнено по теме НИР

«Регион в контексте российской истории: ландшафты и акторы
(концептуально-методологические и источниковедческие аспекты)»

© *Алексеева Елена Вениаминовна*

доктор исторических наук, профессор РАН,

ведущий научный сотрудник,

Институт истории и археологии УрО РАН

Россия, 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16

E-mail: alekseeva167@mail.ru

В статье показан масштаб разрушений на металлургическом комплексе Урала в результате революции 1917 г. Ущерб, причиненный революционной сменой власти и ее последствиями, оценивается как катастрофический. Производственная деструкция совпала с хитросплетениями человеческих судеб, оказала влияние на жизни отдельных личностей, в числе которых оказался белый офицер М. Г. Колганов, связавший свою жизнь с внучкой П.-Э. Мартена.

Ключевые слова: революция 1917 г.; Урал; металлургическое производство; П. Мартен.

DESTRUCTION OF PRODUCTION AT THE METALLURGICAL PLANTS OF THE URALS AS AN EXAMPLE OF REVOLUTIONARY DESTRUCTION

Elena V. Alekseeva

Dr. Sci. (Hist.), Prof. RAS, Senior Researcher Inst. of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

16, S. Kovalevskaya, Yekaterinburg 620990, Russia

E-mail: alekseeva167@mail.ru

The article shows the scale of destruction in the metallurgical complex of the Urals as a result of the revolution of 1917. The damage caused by the revolutionary change of power and its consequences considered as catastrophic. Industrial destruction coincided with the intricacies of human destinies, one of which became a kindred union of the white officer and granddaughter of P.-E. Martin.

Keywords: revolution of 1917; the Urals; metallurgical production; P. Martin.

События Октябрьской революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны оказали негативное воздействие на экономическое развитие России в целом и на сформировавшийся к началу XX в. индустриальный ландшафт в частности. В наибольшей степени деструктивные тенденции проявились в развитых промышленных регионах империи, таких как Урал. Производственные процессы были заблокированы институционально и физически, что привело к катастрофическим последствиям на металлургических предприятиях.

Правление горнопромышленных обществ Урала в ответ на введение рабочего контроля на предприятиях прекратило перевод денег на заводы для оплаты рабочим, что создало острый денежный кризис. В конце ноября — начале декабря 1917 г. В. И. Ленин написал А. Г. Шляпникову и Ф. Э. Дзержинскому записку о состоянии уральской промышленности и национализации заводов: «Вопрос на Урале очень острый: надо здешние (в Питере находящиеся) правления уральских заводов арестовать немедленно, погрозить судом (революционным) за создание кризиса на Урале и конфисковать все уральские заводы» [1, с. 13]. 27 декабря 1917 г. (9 января по новому стилю) был принят декрет СНК «О конфискации всего имущества акционерного общества Кыштымского горного округа». Ввиду отказа подчиниться Декрету СНК о введении рабочего контроля над производством за ним последовал декрет СНК «О конфискации всего имущества акционерного общества Сергинско-Уфалейского горного округа» [1, с. 14]. 24–29 января 1918 г. (6–11 февраля) 3-й Уральский областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов принял решение об управлении промышленностью на Урале, согласно которому все казенные и национализированные заводы образовывали один областной трест (для организации продажи и сбыта), а управление заводами производилось деловыми советами (из представителей рабочих, служащих и технического персонала) [1, с. 17].

К июлю 1918 г. собственностью советской республики стало 76 металлургических заводов и 200 рудников. Национализация промышленности на Урале была проведена раньше, чем в других райо-

нах страны [2, с. 510]. Однако к нормализации работы это не привело, напротив, летом 1918 г. в условиях полыхавшей здесь Гражданской войны многие из заводов остановились: продолжало в той или иной степени работать 80 металлургических предприятий Урала, 125 перестали функционировать [3, с. 140–141]. Оборудование простаивало — в мартеновском производстве из 88 печей использовалось только 59 (67%) [2, с. 511]. Хозяйственный развал в результате войны и революции грозил катастрофическим разрушением экономики страны. 24 сентября 1918 г. ВСНХ принял постановление «Об утверждении национализации и организации управления предприятиями Урала», согласно которому частные предприятия считались национализированными со дня их фактической национализации областным СНХ Урала, последнему поручалась организация управления ими, за исключением предприятий, находившихся в непосредственном ведении ВСНХ [1, с. 29].

Несмотря на попытки нормализовать ситуацию, она только усугублялась: в начале 1919 г. из каждых пяти заводов действовал только один [2, с. 515], производство железа и стали упало до 9% уровня довоенного 1913 г., по всему Уралу работало лишь 10 мартенов [4, с. 52]. Многие рабочие деклассировались, их количество в промышленности сократилось на 20% [5, с. 89]. «Колчаковцы, отступая с Урала, разрушали промышленные предприятия, транспорт, мосты, затопили водой рудники и шахты, увезли с собой все, что смогли: станки, оборудование, инструменты, документацию, значительное число квалифицированных рабочих и почти весь инженерно-технический персонал» [2, с. 515]. Журнал «Народное хозяйство» приводил факты варварского разорения при оставлении белыми Урала: они вывозили части машин (например, из Мотовилихи), уничтожали сырье и жидкое топливо (в Усолье в Каму была выпущена нефть), увозили или уничтожали конторские книги, мобилизовали и увозили специалистов (в некоторых местах до 100%), квалифицированных рабочих и конторских служащих (с Чусовского завода, содового завода), эвакуировали или сжигали заводские цеха и т. д. [6, с. 15]. На 1 июля 1920 г. на Урале действовало всего 5 доменных и 6 мартеновских печей [2, с. 517]. Ситуация в регионе была лишь малой частью катастрофы общероссийского масштаба. По данным ЦСУ, производство стали в стране в 1920 г. составило 194 тыс. т, или 5% по сравнению с 1913 г. [1, с. 67].

В результате революционных событий 1917 г. не только было прервано поступательное экономическое и технологическое развитие России, но оказался нарушен привычный устой общественной жизни, частной жизни миллионов людей. По разным оценкам, в первые годы после революции Россию вынужденно покинули от 1,6 до 2,5 млн человек [7, с. 43; 8]. Среди эмигрировавших во Францию оказался и Михаил Георгиевич Колганов. Имеющиеся о нем сведения крайне скупы. Известно, что он родился на Украине, где его семья владела землей и угольными шахтами на Донбассе, в 1918 г. добровольно вступил в казачий полк, позднее присоединившийся к армии генерала А. Деникина [9]. На чужбине судьба свела Михаила Колганова с Фиби Мартен — внучкой выдающегося французского изобретателя-металлурга Пьера Эмиля Мартена. Способ получения литой стали, реализованный П. Э. Мартеном в 1864 г., стал кардинальной технологической инновацией, широко распространившейся в мире в течение буквально пары десятилетий; в начале XX в. в мартеновских печах выплавляли уже около 50% мировой стали, а сам способ производства стал преобладающим среди других с 1900 по 1970-х гг. [10, р. 48]. Принадлежа к семье крупных землевладельцев, М. Колганов не уступал по уровню образования, богатству и социальному статусу членам семьи Мартен, которые могли бы «служить моделью для описания образа жизни высшего слоя буржуазии девятнадцатого столетия» [11, р. 17]. В браке у М. Колганова и Ф. Мартен родилось три дочери. Судьба одной из них, Катерины, оказалась отчасти связана с Россией.

Таким образом, ураган революции, разрушивший производство и наложивший отпечаток на судьбы людей, удивительным образом соединил в одной семье крупных промышленников России и Франции. Это повлияло на роль мартеновского производства в отечественной экономике, истории и культуре. Значение стального производства для модернизации России трудно переоценить: стальные рельсы, мосты, пароходы связывали огромные пространства гигантской страны; стальные конструкции в строительстве коренным образом изменили облик крупных российских городов. С мартеновским производством связаны жизнь и труд нескольких поколений, «мартеновские печи» воспеты советскими художниками в многочисленных картинах, скульптурах, кинофильмах («Весна на Заречной улице» и др.) и песнях (самая известная — «День Победы»).

Человеческие и материальные ресурсы, в том числе основной потенциал металлургии рубежа веков — мартиновское производство — были разрушены русской революцией 1917 г. Потребовались огромные усилия и годы аврального труда сотен тысяч людей, чтобы на оставленной ею пустоши поднялись новые, современные заводские цеха.

Литература

1. Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1965 / гл. ред. С. Г. Струмилин. М.: Советская энциклопедия, 1967. Кн. 1.
2. Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008.
3. Запарий В. В. Черная металлургия Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург: БКИ, 2001.
4. История Урала. XX век. Екатеринбург, 1998.
5. Кобелева Е. А. Забастовка в Мотовилихе как проявление общенационального кризиса 1921 г. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2011. Т. 2.
6. Народное хозяйство. 1919. № 8.
7. Ионцев В. А., Лебедева Н. М., Назаров М. В., Окоороков А. В. Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах русских репатриантов, 2001.
8. Жуковская Д. Причины и судьбы эмиграции после 1917 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.historicus.ru/sudba_emigratsii (дата обращения: 01.08.2017).
9. Généalogie de Bernard IMHAUS 917 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://gw.geneanet.org/bernardimhaus?lang=fr&pz=bernard+didier+hugues&nz=imhaus&ocz=0&p=mikhail+gueorgueievitch&n=kolganoff> (дата обращения: 01.08.2017).
10. Duffaut F. Du fer a l'acier. Coexistence et remplacement, place éminente du four Martin dans cette histoire // Marteau Pilon. Juillet 2014. Tome XXVI.
11. Kolganoff C. Pourquoi j'ai voulu une commémoration pour Pierre Martin a Moscou // Marteau pilon. Juillet 2014. Tome XXVI.

УДК 94 (571.54)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УРЯНХАЙСКОЙ ТАМОЖЕННОЙ ЗАСТАВЫ
(1915–1921 гг.)

© *Харунова Марианна Монге-Байыровна*

кандидат исторических наук,
Тувинский институт гуманитарных исследований,
Россия, 667000, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36
E-mail: ondar18@mail.ru

В статье рассматривается история создания таможенных учреждений на юге Енисейской губернии в 1915 г.: Минусинской таможни, Урянхайской таможенной заставы и Усинского таможенного поста, порядок их работы, правила таможенного досмотра и торговли.

Ключевые слова: таможенная застава; товары; Урянхайский край; таможенные пошлины; протекторат; инструкция; циркуляр.

THE ACTIVITIES OF THE URYANKHAI CUSTOMS OUTPOST
(1915–1921)

Marianna M.-B. Harunova

Cand. Sci. (Hist.),
Tuva Institute of Humanitarian Studies,
36, Lenina, 667000 Kyzyl, Russia
E-mail: ondar18@mail.ru

The article is devoted to studying the history of setting up customs offices in the south of the Yenisei province in 1915: Minusinsk customs, Uryankhaysky customs outpost and Usinsk customs post. In the article are studied their routine, rules of customs inspection and trade.

Keywords: customs outpost, goods, Uryankhaysky Kray, customs duties, protectorate, instruction, circular.

В начале XX в. в условиях кризиса самодержавия и обострения международной обстановки накануне Первой мировой войны таможням отводилась особая роль во внешней политике Российской империи. Таможенные посты боролись с контрабандой, устанавливали порядок на границе, способствуя развитию стабильных торговых отношений между соседними странами.

Особая роль в этом отводилась Семипалатинской таможене, которая еще к сер. XIX в. по сумме пошлинных сборов была наиболее крупной. Именно через таможенные заставы Восточного Казахстана Российская империя пыталась укрепить свое влияние в Китае и сопредельных государствах. По Петербургскому договору 1881 г. с Китаем Россия добилась права на беспошлинную торговлю по всей территории Монголии и учреждения русских консульств в Кобдо и Улясутае. Товары доставлялись в Монголию по четырем маршрутам: из Усть-Каменогорска и Семипалатинска до Кобдо; из Бийска по Чуйской дороге до Кобдо и Улясутая; из Минусинска в Урянхайский край; через Забайкалье и Амурский край в Кяхту и далее в Монголию.

После реформирования таможенной структуры в 1913 г. в Восточной Сибири было образовано 4 инспекторских участка. Иркутский участок объединял Иркутскую таможню и 6 таможенных застав, Читинский участок — Маньчжурскую, Сретенскую и Кяхтинскую таможни, 6 застав и 26 таможенных постов, Хабаровский участок — 3 таможни, 7 застав и 26 постов, Владивостокский участок — 2 таможни, 10 застав и 19 постов.

По предложению Государственной думы и Особого совещания по монгольским делам, состоявшегося в 1913 г. под председательством Иркутского генерал-губернатора Князева Леонида Михайловича (военный генерал-губернатор в период с 24 июля 1910 г. по февраль 1916 г.), было решено учредить таможенный надзор на юге Енисейской губернии в Урянхайском крае. Актуальность проведенных мер усилилась с установлением в 1914 г. протектората России над Урянхаем (Тывой). В качестве одного из условий протектората, объявленного чиновникам и населению Урянхая, выдвигалось следующее: не иметь никаких сношений с иностранными государствами, в том числе и с Монголией. Таковые сношения, если потребуется, должны были вестись только через представителя российского правительства в Урянхайском крае [4, с. 362].

В предписании Департамента таможенных сборов от 31 марта 1915 г. № 7504 на имя Семипалатинского таможенного инспектора говорилось о том, что министр финансов рапортом от 9 марта 1915 г. № 5936 донес правительствующему сенату, что необходимо опубликовать сведения об учреждении Минусинской таможни II класса, Урянхайской таможенной заставы и Усинского таможен-

ного поста во исполнение пожеланий Государственной думы и Особого совещания по монгольским делам. Также семипалатинскому таможенному инспектору поручалось разработать проект «Инструкции для действий вновь открываемых таможенных учреждений» [2, л. 8].

Таким образом, в составе Семипалатинского таможенного участка для надзора за товарным движением в 1915 г. 8 июля была учреждена таможня в г. Минусинске, 22 августа — Урянхайская таможенная застава в г. Белоцарске, 7 октября этого же года — Усинский таможенный пост в п. Моховском (Усть-Усинском). В каждое из этих учреждений были назначены управляющие и по три таможенных досмотрщика. Управляющему Минусинской таможни выделялось 2200 р., контролеру 5-го разряда — 1700 р., управляющему Урянхайской таможенной заставы — 1400 р. и 300 р. на разъезды, управляющему Усинского поста — 1200 руб. и на разъезды 300 р. [2, л. 8]. Министерство финансов признало возможным назначение трех досмотрщиков с окладами содержания 1-го разряда, согласно классификации действовавшей в таможенных учреждениях Европейской России. Досмотрщикам выделялось 600 р. на четыре лошади (по 150 р. на каждую).

11 ноября 1915 г. товарищем министра финансов Вл. Кузьминским была утверждена «Инструкция для действий таможенных учреждений, расположенных в Енисейской губернии и Урянхайском крае», состоящая из 20 параграфов [2, л. 106–107]. Имеющиеся в архиве г. Минусинска материалы, которые содержат переписку, различные справки, формы, образцы заявлений и др., свидетельствуют, что данная инструкция являлась одним из основных документов, регулировавших деятельность новых таможенных учреждений. Так, основной целью их работы был надзор за товарным движением из России в Урянхайский край и обратно. Товары, разрешенные к вывозу, пропускались беспошлинно, без таможенных формальностей. Досмотр товаров, подлежащих акцизному сбору, производился в Минусинской таможне чиновниками акцизного надзора, которые выдавали пропускные ярлыки для предъявления в Урянхайскую таможенную заставу, где после сверки ставилась отметка с датой проверки, возвращавшаяся снова в Минусинскую таможню. Минусинская таможня, получив обратно пропускной ярлык

с отметками Урянхайской таможенной заставы, выдавала зачетную квитанцию или свидетельство для пропуска товара за границу.

Товары китайского и монгольского производства, за исключением чая, освобождались от оплаты таможенной пошлины. Остальные же товары подлежали оплате по общему тарифу европейской торговли, в соответствии с которым было запрещено ввозить хлебное вино, водку и другие товары.

Минусинская таможня и Урянхайская таможенная застава могли досматривать товары, подлежащие обложению таможенной пошлиной на любую сумму, тогда как Усинский таможенный пост пользовался правом досмотра товаров на сумму пошлины до 15 р. на одного человека.

Кроме этого таможенные учреждения обеспечивали беспрепятственное пассажирское движение при соблюдении паспортного режима, если это требовалось местной администрацией.

Необходимо отметить, что деятельность только что созданных таможенных учреждений строго отслеживалась. Так, через несколько месяцев после их открытия, 30 ноября 1915 г., в Минусинскую таможню поступило отношение от Иркутской контрольной палаты за подписями управляющего, старшего ревизора и помощника ревизора с требованием сообщить в общих чертах, в чем выражается их деятельность, количество досмотра товаров, конфискации и т. п., какие товары поступают из-за границы, какие вывозятся из империи и каковы, по мнению Минусинской таможни, перспективы трех открытых таможенных учреждений [2, л. 92].

Особенности политического и экономического положения Урянхайского края в 1915 г. определили условия деятельности Урянхайской таможенной заставы, которая сотрудничала с Минусинской таможней. Так, например, в фондах архива г. Минусинска хранится служебная записка управляющего Урянхайской таможенной заставой Дорошенко, написанная им непосредственно в Минусинскую таможню 4 сентября 1915 г. из г. Белоцарска: «Урянхайская застава имеет честь сообщить, что действия ее открыты с 22 августа сего года» [1, л. 16].

Несмотря на то, что Урянхайская таможенная застава подчинялась Семипалатинскому таможенному участку, на Минусинскую таможню, расположенную в городе, где имелось казначейство, были возложены обязанности по распоряжению кредитами Урянхай-

ской таможенной заставы и Усинского поста. Являясь распорядительницей кредитов, назначенных на содержание Урянхайской таможенной заставы и Усинского поста, и выписывая их в расходы, Минусинская таможня отчитывалась перед Государственным контролем. На нее возлагалось предоставление в установленные сроки ведомостей о состоянии порученных кредитов Урянхайской таможенной заставы и Усинского таможенного поста. Также на Минусинскую таможню возлагались обязательства по проверке доставленных Урянхайской таможенной заставой и Усинским таможенным постом документов [2, л. 14].

В вопросе распоряжения расходами эти учреждения были самостоятельны и не зависели от Минусинской таможни, которая обязывалась принимать все меры к своевременному удовлетворению личного состава Урянхайской таможенной заставы и Усинского поста причитающимися им выплатами и расходами.

В условиях военного времени деятельность таможенных пунктов строго регламентировалась Циркуляром Департамента таможенных сборов от 2 марта 1916 г. за № 7472 о товарах, разрешенных к вывозу в Маньчжурию, Монголию и Западный Китай министерством финансов [3, л. 79–80]. В список разрешенных товаров входили продукты питания, например, макароны, чай, сахар, соль, молочные продукты, рыба, птица, дичь, рис, овощи, хлеб, рожь, пшеница, овес, ячмень, фасоль, горох, бобы, картофель, мука, уксусная кислота. Также циркуляром регламентировался вывоз промышленных товаров и изделий. К разрешенным товарам относились кожаные изделия и изделия из шкуры; цемент, известь, нефть, керосин; войлок, ткани, готовые платья; изделия из металлов, кроме платины, золота и меди; писчая бумага, мешки, брезенты и др.

10 мая 1916 г. таможенный инспектор Семипалатинского участка телеграммой объявил перечень товаров, разрешенных к вывозу в Урянхайский край, с просьбой довести его до сведения лиц, ведущих торговлю в Урянхае. В письменном объявлении управляющего Минусинской таможней стоят подписи ознакомившихся, в числе которых исполняющий обязанности контролера, представители Торгового дома С. И. Рогазинского и Компании, Русско-Азиатского банка, Сибирской компании, купцов Иванова, Вильнера, Смирнова, Савельева, Строганова [3, л. 108].

21 октября 1916 г. в телеграмме Департамента таможенных сборов было сообщено, что по ходатайству Иркутского генерал-губернатора на вывоз товаров в Урянхайский край действие вышеупомянутого циркуляра от 2 марта 1916 г. не распространялось.

После революции 1917 г. советским правительством были закрыты границы. В период Гражданской войны в 1918–1920 гг., когда торговля практически не велась, наблюдение за провозом товаров осуществлялось только Усинским таможенным постом. Из г. Белоцарска Урянхайская таможенная застава была перенесена в с. Верхне-Усинское, но она совсем не работала. Лишь в мае 1920 г., когда были возобновлены переговоры с Монголией о торговле, Минусинская таможня ходатайствовала перед Минусинским уревкомом и Семипалатинским таможенным округом о переносе ее ближе к границе для предотвращения контрабандного ввоза. 18 марта 1921 г. Минусинскую таможню упразднили. Урянхайская таможенная застава также была ликвидирована и перенесена в с. Верхне-Усинское, куда перевели на службу сотрудников бывшей Минусинской таможни [2, л. 1].

Таким образом, в период российского протектората над Урянхаем одним из результатов пограничной деятельности империи было открытие Урянхайской таможенной заставы в г. Белоцарске (ныне г. Кызыл). О значимости данного участка границы и важности торговли с Китаем и Монголией свидетельствует тот факт, что было организовано три таможенных учреждения на юге Енисейской губернии — Минусинская таможня, Урянхайская таможенная застава и Усинский таможенный пост. После их создания на протяжении всех сухопутных границ Сибири действовали таможенные пункты, представлявшие собой единую целостную структуру и контролировавшие порядок пересечения государственной границы, торговые отношения с соседними странами.

Литература

1. Архив г. Минусинска. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2.
2. Архив г. Минусинска. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3.
3. Архив г. Минусинска. Ф. 46. Оп. 1. Д. 9.
4. История Тувы: в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. Т. 1. 367 с.

УДК 94 (571.55)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЧАЛЬНИКА НЕРЧИНСКОГО ОКРУГА
К. Н. ТУЛЬЧИНСКОГО ПО РЕОРГАНИЗАЦИИ
ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗАБАЙКАЛЬЯ В 1917 г.

© *Мясников Алексей Владимирович*

архивист 1-й категории,
Государственный архив Забайкальского края,
Россия, 672021, г. Чита, ул. Бутина, д. 21
E-mail: avmyasnikov1980@yandex.ru

В данной статье на основе архивных документов освещена деятельность горного инженера К. Н. Тульчинского на посту начальника Нерчинского горного округа. Впервые приводятся сведения о его проектах преобразования горной промышленности Забайкалья.

Ключевые слова: Нерчинский горный округ; К. Н. Тульчинский; 1917 год.

ACTIVITY BY OF THE HEAD OF THE NERCHINSK DISTRICT
K. N. TULCHINSKY FOR THE REORGANIZATION
OF MINING INDUSTRY OF TRANSBAIKAL IN 1917

Aleksei V. Myasnikov

Archivist of the 1-st category, the State Archives
of the Trans-Baikal Territory,
21, Bytina, Chita 672021, Russia
E-mail: avmyasnikov1980@yandex.ru

This article on the basis of archival documents shows the activity of a mining engineer K. N. Tulchinsky on the post of the head of Nerchinsk mining district. Information about his projects for transformation of the mining industry of Transbaikal region is given in the article for the first time.

Keywords: Nerchinsk mining district, K. N. Tulchinsky, 1917.

До революционных событий 1917 г. значительную часть современного Забайкальского края занимал Нерчинский горный округ ведомства Кабинета Его Императорского Величества (Кабинет ЕИВ). Это было особое территориально-административное и хозяйственное образование, земельный фонд которого насчитывал более 24 млн десятин². На землях Императорского кабинета находились

богатые лесные угодья, золотые прииски, работал Петровский желе-
зоделательный завод. В годы Первой мировой войны Нерчинский
округ являлся основным поставщиком вольфрама, необходимого
для нужд военной промышленности. С 1903 г. резиденцией админи-
страции Нерчинского горного округа была столица Забайкальской
области — город Чита.

События Февральской революции стали для руководства
Нерчинского округа настоящим потрясением. Первые известия о
ней в Читу поступили 2 марта. Многие забайкальцы с радостью и
надеждой восприняли новости из Петрограда. Уже 4 марта в Чите
были сформированы органы революционной власти — Советы, а
5 марта был учрежден орган Временного правительства — Забай-
кальский областной комитет общественной безопасности (КОБ).
7 марта исполняющий обязанности начальника Нерчинского горно-
го округа, горный инженер М. И. Дементьев заявил о своей готов-
ности подчиняться Временному правительству [6, л. 4].

Однако никаких распоряжений от Временного правительства по
поводу судьбы Нерчинского округа не поступало. 27 марта новая
власть приняла постановление о передаче в казну земель Кабинета
ЕИВ. Но организация и порядок работ в Нерчинском округе остава-
лись прежними. Это вызвало волну негодования рабочих. На рудни-
ках и приисках Забайкалья регулярно проходили митинги, на кото-
рых звучали призывы добиваться введения 8-часового рабочего дня,
повышения зарплаты, улучшения жилищных условий и организа-
ции культурного досуга трудящихся [8, л. 107].

В столь непростое время Забайкальский областной КОБ решил
доверить руководство Нерчинским округом окружному инженеру
Западно-Забайкальского горного округа Константину Николаевичу
Тульчинскому. Его кандидатуру одобрил министр торговли и про-
мышленности А. И. Коновалов и 8 апреля назначил его исполняю-
щим обязанности начальника округа. На это решение, очевидно,
повлияли авторитет и известность Тульчинского.

Константин Николаевич родился 16 февраля 1865 г. в семье чи-
новника. В 1888 г. после окончания физико-математического фа-
культета Казанского университета устроился работать младшим
штатным контролером Казанского акцизного управления, однако он
там не задержался. Уже в 1889 г. его по собственному желанию уво-
лили с формулировкой «для продолжения образования в Горном ин-

ституте». В 1895 г. Тульчинский окончил институт и получил специальность горного инженера. После этого в качестве рядового рабочего трудился на заводах Франции, где на практике изучал машиностроение. В сентябре 1895 г. приказом горного ведомства был направлен для «технических занятий» на завод машиностроительного общества в Николаевске. Затем работал в Бюро исследований почвы, горно-промышленных товариществах. В 1905 г. изучал Чукотский полуостров, состоял членом комиссии по рассмотрению проекта сооружения железной дороги от Канска к Беренгову проливу. В 1906 г. исследовал месторождения острова Сахалин. Результатом этой поездки стал труд «Очерки полезных ископаемых русского Сахалина» (1907). В 1908 г. был председателем комиссии по обустройству Сучанского каменноугольного предприятия (Владивосток), обследовал Ямаровский минеральный источник. В 1912 г. будучи окружным инженером Витимского горного округа пытался урегулировать конфликт рабочих Ленских приисков с приисковой администрацией. К 1917 г. Тульчинский имел различные награды: ордена Св. Станислава III и II ст., Серебряную медаль в память царствования императора Александра III и медаль Красного Креста за участие в деятельности общества во время русско-японской войны.

В телеграмме о назначении в Нерчинский горный округ, которую он получил 9 апреля 1917 г. в Верхнеудинске, содержалось указание принять экстренные меры для восстановления нормального хода работ [2, л. 2].

20 апреля в обращении к служащим, мастеровым и рабочим К. Н. Тульчинский обещал прилагать усилия к изучению и исследованию минеральных богатств края, к устройству горно-технических курсов и школ, заботиться об охране труда [6, л. 126–127].

Вскоре после вступления в должность он решил для прекращения волнений на приисках и обсуждения насущных проблем жизни округа созвать в середине мая съезд рабочих и служащих.

Это важное в жизни округа мероприятие началось 16 мая 1917 г. Председателем съезда был Тульчинский. В приветственной речи он отметил, что созывом съезда претворяет в жизнь программу своей деятельности, изложенную в обращении от 20 апреля и заверил, что рабочие могут рассчитывать на него. На заседаниях съезда Тульчинский сделал несколько важных заявлений. Он объявил, что планирует создать при Управлении Нерчинского округа особый отдел, обя-

занностью которого станет систематизация и описание всех известных в крае месторождений полезных ископаемых. Затем поддержал идею эсера Н. П. Пумпянского о национализации золотых промыслов и организации народного контроля за добычей золота, высказался за то, что добыча драгоценного металла должна вестись артелями с использованием поденного и сдельного труда. Обещал добиться выделения 50 000 р. из средств бывшего Кабинета на организацию Политехнического техникума в Чите и тем самым хоть отчасти загладить вину бывшего владельца Нерчинских земель, «который не стремился к созданию новых специальных школ в округе» [7, л. 40].

Работа съезда завершилась 26 мая. Его участники выработали нормы оплаты труда, договорились о внедрении 8-часового рабочего дня, улучшении условий жизни рабочих. Тульчинский в заключительном слове выразил удовлетворение тем, что все заседания прошли единодушно. «Мы все чувствовали себя гражданами и свободными говорили», — сказал он [7, л. 70об.].

После съезда на приисках временно установилось затишье. Однако уже в июле на некоторых промыслах рабочие стали требовать повышения зарплаты сверх норм, установленных съездом.

Закрыв съезд, Тульчинский приступил к масштабной реорганизации округа. Он считал, что его управление должно базироваться на демократических принципах. Следуя этому замыслу, Константин Николаевич организовал Совет при Главном управлении Нерчинского округа. Его первое собрание состоялось 31 мая. На нем была одобрена идея Тульчинского создать разведочный отдел при управлении, а также принято решение о подготовке материалов к межведомственному совещанию по вопросу о выделении земельного отдела Нерчинского округа в самостоятельную структуру.

Тогда же Тульчинский просил областной КОБ назначить в Управление Нерчинского горного округа своего комиссара. В докладной записке он объяснил, что это необходимо для организации общественного контроля за мероприятиями Нерчинского округа [5, л. 4]. 7 июня комитет уведомил его, что комиссаром выбран Н. П. Пумпянский.

С 6 по 26 июня в Чите проходило межведомственное совещание. По результатам работы его комиссий было решено с 1 июля передать в ведение министерства земледелия леса Нерчинского горного

округа и создать Нерчинский земельно-лесной округ. Его руководителем стал заведующий переселением и землеустройством в Забайкальском районе А. М. Ярмош. Сам же Нерчинский горный округ оставался в ведении министерства промышленности и торговли [5, л. 28].

27 июня по инициативе Тульчинского состоялось совещание по организации разведочного дела при будущем Забайкальском горном управлении. На первом же заседании участники совещания постановили, что все вопросы, связанные с разведкой полезных ископаемых, должны решаться коллегиально под руководством начальника управления. Совещание также определило ближайшие задачи разведочного отдела: «обработка имеющегося материала по произведенным в прошлом разведкам, систематизация всего получаемого текущего разведочного материала, как то шурфовочных и буровых данных, разрезов, планов, профилей и технических отчетов» [4, л. 2об.].

3 июля Тульчинский познакомил участников совещания со своим проектом Забайкальского горного управления. По его плану в сферу компетенции будущего управления должны были войти Нерчинский горный округ, Восточно-Забайкальский и Западно-Забайкальский горные округа. В Совете управления должны были быть представлены промышленные и рабочие организации, профсоюзы. Надзор за частной горной и золотой промышленностью он предполагал возложить на четырех окружных горных инженеров. Казенными предприятиями должен был весть отдельный инженер с правами горного начальника. При управлении Тульчинский хотел наряду с разведочным отделом создать топографический отдел и отдел Петроградского геологического комитета [4, л. 3].

10 июля Комитет общественной безопасности утвердил Положение о Забайкальской горной промышленности, в котором были изложены основные принципы управления горным делом края. Согласно этому документу, общий надзор и ведение всеми горными предприятиями и недрами Забайкалья должны были быть сосредоточены в руках Забайкальского горного управления, организованного на широких демократических началах. До его создания перечисленные функции переходили к Совету при Управлении Нерчинского округа. Частные золотопромышленники,

арендаторы, концессионеры были отстранены от золотого дела на территории округа. Всеми предприятиями округа должен был управлять избираемый советом и независимый от начальника Забайкальского горного управления человек. Срок его полномочий ограничивался тремя годами [5, л. 36–36об.].

21 июля Тульчинский подписал проект Забайкальского горного управления. В нем было указано, что Забайкальское горное управление — особая область, сформированная из Нерчинского, Западно-Забайкальского и Восточно-Забайкальского горных округов. Управление Нерчинского горного округа теперь также должно было именоваться Забайкальским горным управлением. При управлении должны были состоять совет, разведочный, маркшейдерский отделы, химическая и золотосплавочная лаборатории, библиотека, горно-промышленный музей, архив и отдел Петроградского геологического комитета. Всеми предприятиями управления должны были весть начальник или его заместитель. Надзор и общее руководство рудниками и приисками в удаленных местах края, по проекту, возлагалось на окружных инженеров и их помощников [1, л. 4–5].

Реализация этого проекта представлялась членам администрации Нерчинского округа делом будущего. Они составляли сметы на слудующий год, решали вопрос о разграничении полномочий горного департамента и местной горной власти в области добычи редких металлов. Тульчинский в этих дискуссиях призывал избегать двоевластия [4, л. 16].

Осенью под его руководством началась техническая модернизация предприятий округа. Управление решило заказать в США новые машины, а Петровский завод полностью переоборудовать.

Великая Октябрьская социалистическая революция, известие о которой пришло в Читу в ночь на 26 октября, не сразу сказалась на работе Нерчинского округа. Только в ноябре под влиянием революционных настроений рабочих Совет округа рассмотрел их требования о повышении зарплаты на 120%. Тульчинский предупредил членов совета, что имеющихся средств едва хватает на покрытие текущих расходов при сохранении прежних норм оплаты труда. Тем не менее после обсуждения совет признал необходимым ввести повышенные расценки с 1 декабря 1917 г. и преду-

предить рабочих и служащих, что с будущего года округ, возможно, не сможет оплачивать их труд [3, л. 70об.].

Нерчинский округ переживал кризис. Новую попытку его реорганизации предпринял Народный совет, созданный в Чите 31 декабря 1917 г. из представителей съездов сельского населения, городских самоуправлений, а также советов рабочих и солдатских депутатов. Теперь контроль над Главным управлением Нерчинского горного округа возлагался на Комиссариат по финансово-экономическим делам. В конце января Народный совет разработал положение о Забайкальской горной палате — новом учреждении, которое должно было управлять горной промышленностью края.

Но правление Народного совета оказалось непрочным. В феврале 1918 г. в Забайкалье установилась советская власть. Тульчинский не принял ее. 18 февраля он написал заявление комиссару по финансово-экономическим делам Комитета советских организаций Забайкальской области: «Ввиду создавшегося политического положения в Забайкальской области я нахожу, что по своим политическим убеждениям я не могу и не имею права оставаться на вверенном мне посту начальника Нерчинского горного округа» [2, л. 26]. Просьба эта была удовлетворена. 9 марта 1918 г. комитет принял положение об управлении государственными горными предприятиями Забайкальской области и утвердил состав областного горного совета. В соответствии с указанными решениями должность начальника Нерчинского горного округа была упразднена.

Тульчинский, покинув пост, уехал в Бодайбо. После временного падения советской власти в Забайкалье он вновь стал исполнять обязанности начальника Нерчинского округа, а позднее занимался организацией горного надзора в советской Сибири. В 1937 г. его арестовали по обвинению в пособничестве царскому режиму, а в 1939 г. он скончался.

Приняв управление Нерчинским горным округом в военное и революционное время, Тульчинский не допустил его развала, попытался реорганизовать и сохранить стратегически важные предприятия. В кризисный 1917 г. Нерчинский округ под его руководством принес стране 1 093 490 р. дохода.

Многие идеи Тульчинского относительно организации горного дела в Забайкалье оказались востребованными и в послереволюционный период.

Литература

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 210. Оп. 1. Д. 58.
2. ГАЗК. Ф. 210. Оп. 3. Д. 560.
3. ГАЗК. Ф. 210. Оп. 1. Д. 1897.
4. ГАЗК. Ф. 210. Оп. 1. Д. 1901.
5. ГАЗК. ф. 210. Оп. 1. Д. 1913.
6. ГАЗК. Ф. 210. Оп. 1. Д. 1992.
7. ГАЗК. Ф. 210. Оп. 1. Д. 1996.
8. ГАЗК. Ф. 210. Оп. 1. Д. 19.

УДК 332 (091) (571.54)

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ

© ***Будаева Татьяна Владимировна***

кандидат исторических наук,

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия

им. В. Р. Филиппова,

Россия, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, д. 8

E-mail: tan.budaeva@gmail.com

В статье рассматриваются преобразования земельных отношений после Октябрьской революции 1917 г., новое законодательство в области землепользования и землеустройства, документы Бурят-Монгольской автономной области Дальневосточной республики, анализируется политическая и хозяйственная обстановка в период существования автономной области.

Ключевые слова: землепользование; декрет о земле; национализация земли; земельные нормы; Гражданская война; Бурят-Монголия; законодательство; самоопределение.

LAND RELATIONS IN THE BURYAT-MONGOL AUTONOMOUS REGION OF THE FAR EASTERN REPUBLIC

Tatyana V. Budaeva

Cand. Sci. (Hist.), A/Prof.,

Filippov Buryat State Agricultural Academy

8, Pushkin, Ulan-Ude 670034, Russia

E-mail: tan.budaeva@gmail.com

The article deals with the transformation of land relations after the October Revolution of 1917, the new legislation in the field of land use and land management, documents of the Buryat-Mongolian Autonomous Region of the Far Eastern Republic, analyzes the political and economic situation during the existence of the autonomous region.

Keywords: land use; the decree on the Earth; nationalization of the land; land regulations; Civil War; Buryat-Mongolia; legislation; self-determination.

После Октябрьской революции 1917 г. и до образования Бурят-Монгольской автономной социалистической советской республики

земельные отношения в России претерпели значительные изменения. В дореволюционный период землепользование было представлено как русским, так и бурятским хозяйствами. Русское население занималось в основном пашенным земледелием, бурятское — кочевым и полукочевым скотоводством и небольшая его часть — земледельческим хозяйством.

Для Бурят-Монгольской республики после Октябрьской революции наступает сложный период. В 1918 г. началась Гражданская война и иностранная интервенция, во время которой, ее территория была поделена на две автономные области: так западная часть входила в состав РСФСР, восточные же районы стали частью Дальневосточной республики, последняя была создана как буферная зона во время войны.

Земельные отношения стали реформироваться после того как был принят Декрет о земле [6, с. 4]. Он отменял помещичью собственность на землю без какого-либо выкупа, предусматривал свободу выбора форм землепользования, которая по решению большинства могла быть подворной, хуторской, артельной, общинной.

В 1917 г. было принято «Положение по регулированию земельными комитетами земельных и сельскохозяйственных отношений» [6, с. 5]. Документ предусматривал определенные льготы при создании артелей.

ВЦИК в декрете «О социализации земли» от 19 февраля 1918 г. определил, что «земля переходит в пользование всего трудового народа» [6, с. 352]. Преимущество отдавалось развитию коллективных хозяйств, которые должны были стать основой социалистического сельского хозяйства [6, с. 353].

В Сибири начинается национализация в пользу трудового крестьянства кабинетских, казенных, войсковых, монастырско-дацанских земель, а также принадлежащих частным лицам. На II общесибирском съезде Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов в Иркутске в феврале 1918 г. было провозглашено, что теперь не существует частной собственности на землю, вся земля в государстве переходит в пользование трудового народа без всякого выкупа и налога, распределять ее будут местные Советы, наемный труд при обработке земли запрещен. Также были определены земельные нормы — трудовая и потребительская, а землепользование признано уравнительным.

В марте состоялся II съезд «представителей трудового народа Прибайкалья» в г. Верхнеудинске, а с конца марта по апрель 1928 г. в г. Чите прошел III съезд «представителей рабочих, крестьян, казаков и бурят Забайкалья», где было решено принять Декрет о земле, который давал бурятскому народу право на самоопределение.

Национализацией земли, ее перераспределением, нормами наделения занимались Советы крестьянских депутатов, Советы бурятских и казачьих депутатов.

Процессу перераспределения земли и ее национализации помешала начавшаяся в крае Гражданская война. За это время были возвращены старые порядки, землю вернули ее прежним владельцам.

В 1921 г. было принято решение о создании Дальневосточной республики (ДВР), которая стала буферной зоной между РСФСР и Дальним Востоком. Поскольку на территории РСФСР уже установилась советская власть, а на Дальнем Востоке продолжалась Гражданская война, ДВР большевики рассматривали как временное образование.

В Дальневосточную республику входила вновь образованная Бурят-Монгольская автономная область (БМ АО), в нее вошли территории, заселенные только бурятским населением. Таким образом, территория БМ АО не была сплошной, единой, а представляла собой разрозненные районы. Бурятское и русское население было размежевано, что отразилось на земельных отношениях. Усугублялось положение еще и тем, что в ДВР не было земельного законодательства, которое бы регулировало земельные отношения.

14 декабря 1921 г. Учредительным собранием был принят Закон о земле, по которому регламентировались земельные отношения в ДВР. В соответствии с законом земля объявлялась государственной, частная собственность на землю отменялась [1, с. 32].

Положения Закона о земле были общими, поскольку правительство не имело возможностей его осуществления. В основном земельные органы занимались межселенным землеустройством и почти не касались вопросов внутриселенного землеустройства. За время существования Бурят-Монгольской автономной области ДВР земельные отношения в ней не изменились, по-прежнему было неравенство в землепользовании между различными земельными обществами.

К началу Октябрьской революции на одно хозяйство у казаков приходилось 123,18 десятины земли, у бурят и эвенков — 80,07 десятин, у крестьян — 42,41 десятин. Неравномерное землепользование, существовавшее до образования ДВР, не было урегулировано. Так, нормы удобной земли на одного едока были в Баргузинском аймаке у бурятского населения 12–15 десятин, русского — 3 десятины; в Хоринском аймаке у бурят 10–12 десятин, у русских 7–8 десятин, в Троицкосавском аймаке — 14 десятин и 11 десятин соответственно; в Агинском аймаке разница земельных норм по сомонам составила на одного едока от 11 до 140 десятин. Средняя норма обеспеченности землей у бурятского и русского населения была 2:1 [5, с. 87].

Неупорядоченные земельные отношения и неравенство в землепользовании приводили к конфликтам населения, все чаще носившим вооруженный характер. Русские крестьяне самовольно захватывали земли фактического пользования бурятских земельных обществ. Эти захваты оправдывались малоземельем русских крестьян и тем, что у бурят было много пустующих земель. Действительно, буряты имели гораздо больше земли, чем русские, но это объяснялось формой хозяйствования, так как для экстенсивного скотоводства требовались значительные пространства.

Для того чтобы прокормиться маломощные бурятские хозяйства вынуждены были отдавать в аренду русскому населению часть своих земель, порой за низкую плату. Так же поступали и неимущие казаки. Постепенно арендаторы переставали платить за участок, фактически захватывая его. Захваты крестьяне оправдывали тем, что бывшие владельцы не обрабатывали участки в течение долгого времени. За 1918–1922 гг. под лозунгом поравнения между скотоводами и земледельцами последними было захвачено до 80 тыс. десятин земли [2, л. 51]. В большинстве случаев захваты делались чересполосно.

В 1922 г. Центральная правительственная земельная комиссия, работая на местах, рассмотрела 45 таких дел. Были произведены отрезки из землепользования бурятского населения на площади 12 508 десятин [2, л. 51]. Захваты ликвидировались, но по большей части дел не было вынесено решений, которые устраивали бы обе стороны, ситуация так и осталась неопределенной. Наиболее обостренными земельные отношения были в районах и хошунах:

Кижингинский, Батанай-Харганатский, Гочитский, Чикойский, Баргузинский [3, л. 251]. Самыми жесточенными были земельные конфликты в Батанай-Харганатском хошуне, где не только захватывались земли у бурятского населения, но и в отношении них совершались грабежи и убийства. Некоторые бурятские общества совсем лишились покосов. Например, Зангин-Кундуевский сомон остался без покосных угодий в результате самовольных захватов со стороны жителей с. Гашей. Крестьяне с. Куналей заняли покосы Галтайского и Сутайского сомонов. Хонхойцы захватили угодья Баумского сомона. Крестьяне с. Никольского лишили покосных угодий Чулутай-Тугнольский сомон. Таким образом, в результате самовольных захватов крестьянами сел Ключевского, Барыкина, Гашея, Подлопатов, Ново-Загана, Харашибери, Куналея, Никольского, Десятникова, Хандагатая в общей сложности бурятские общества потеряли 33 357 десятин удобных земель [3, л. 251].

В 1921 г. под угрозой оказались и земли фактического пользования бурят. Самовольные захваты и земельные конфликты приняли столь широкий и острый характер, что в августе 1921 г. правительство ДВР издало Закон об учреждении Центральной правительственной земельной комиссии по урегулированию земельных отношений между бурятским и русским населением (сокращенно — Чикойская комиссия) [4, л. 7]. Задачи комиссии заключались в следующем: а) рассмотрение и разрешение на месте всех заявлений и претензий на пользование сенокосными и другими угодьями; б) принятие всех необходимых мер к восстановлению нарушаемых земельных границ; в) разработка проектов окончательного решения длительных земельных споров; г) расследование случаев убийств бурят-монголов; д) предупреждение конфликтов и столкновений.

Для осуществления возложенных на Чикойскую комиссию задач ей предоставлялось право производить опрос частных и должностных лиц, принимать необходимые меры против правонарушителей, требовать полное содействие со стороны должностных лиц, пользоваться всеми видами связи и сообщения за счет соответствующих ведомств. В качестве примера работы межведомственной комиссии можно привести постановление, принятое в отношении населения Бичурской волости, которое стало настойчиво добиваться через заведующего волостным земельным отделом И. Ф. Петрова земельных уступок со стороны бурят, проживающих в соседних

сомонах — Хайцагорском, Алтачейском, Барун-Нарым-Гутайском и Больше-Гутайском; переговоры велись настойчиво, без учета мнения хошуных, аймачных управлений и земельных отделов. Буряты, помнившие массовые грабежи и убийства в Чикойском аймаке, постепенно склонялись к уступкам. Сначала они отдали земли, граничившие с Бичурской волостью, что не удовлетворило бичурян, которые хотели получить лучшие земли — покосы и пашни вместе с оросительными каналами, речками, огороженной территорией. В результате переговоров в 1918 г. жители сел Бичурской волости захватили 7300 десятин земли, в том числе 130 десятин на острове Каринский по р. Хилок, 1200 десятин на урочище Белеевка. Уступки были сделаны сомонами: Хайцагорским на 1300 десятин, Алтачейским — на 3000 десятин, Барун-Нарым-Гутайским — на 1670 десятин. Из-за захватов была создана чересполосица бурятских владений [4, л. 12].

По окончании работы комиссия предоставила полный отчет о своей деятельности межведомственному совету, сдала дела и переписку по описи министерству по национальным делам, после чего была ликвидирована. За период своей деятельности с 1921 по 1922 г. комиссия рассмотрела 43 больших дела [4, л. 12].

Самовольные захваты порой были вынужденными, поскольку русские крестьяне имели в своем распоряжении лишь небольшие участки земли и страдали от малоземелья. Из созданного земельного фонда ДВР обеспечивали землей старожильческое население, имевшее небольшие земельные наделы.

Недостатком было и то, что отсутствовало разграничение между Бурят-Монгольской автономной областью и другими областями в составе ДВР — Прибайкальской и Забайкальской. Из-за отсутствия четкого разграничения порой трудно было судить о том, на чьей территории находятся земельные участки.

Землепользование внутри бурятских обществ также являлось неупорядоченным, происходившие переделы были незначительными. Несмотря на принятый закон, земля оставалась в руках прежних владельцев.

Крупными собственниками земли были дацаны и церкви на территории ДВР. Всего в распоряжении 21 дацана и 8 тыс. лам находилось около 17 тыс. десятин земли. В начале 1918 г. была

инициирована кампания по изъятию ламских и церковных земель, но до конца она завершена не была.

Правительство ДВР не имело возможности существенно влиять на земельные отношения. Земельные органы испытывали недостаток в специалистах, техническом и материальном обеспечении, работали в сложных условиях. В итоге земельные отношения так и не были урегулированы, остались нерешенными вопросы внутреннего землеустройства и малоземелья. Несмотря на значительный, казалось бы, земельный фонд, количество пригодных для сельскохозяйственного производства угодий было недостаточным.

После изгнания белогвардейцев с территории Дальнего Востока, 14 ноября 1922 г., Народное собрание ДВР провозгласило на всем русском Дальнем Востоке советскую власть и обратилось во ВЦИК с просьбой о присоединении ДВР к РСФСР. 15 ноября 1922 г. ВЦИК РСФСР принял декрет, согласно которому вся территория ДВР вошла в состав РСФСР. Министерство народного хозяйства автоматически утратило свои функции. Дела министерства перешли в ведение промышленного бюро Дальневосточного революционного комитета РСФСР [4, л. 12].

Литература

1. Собрание указаний и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 4–5.
2. Бурят-Монгольская автономная область ДВР. Чита, 1923. С. 32.
3. Мангутов Н. Р. Ликвидация дореволюционных земельных отношений в Советской Бурят-Монголии (1917–1933 гг.). Иркутск, 1958. С. 87.
4. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 248. Оп. 1. Д. 531. Л. 251.
5. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 616. Оп. 1. Д. 23. Л. 7.

УДК 94 (571.52)

ТУВА В СИСТЕМЕ ТРЕХСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ, МОНГОЛИИ И КИТАЯ В 1918–1921 гг.

© *Василенко Виктория Александровна*

кандидат исторических наук, доцент,
Иркутский государственный университет,
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла-Маркса, д. 1
E-mail: vasil-vic79@yandex.ru

В статье на основе имеющегося материала представлен краткий анализ событий, связанных с проблемой национального и политического самоопределения Тувы после Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Особое внимание уделяется участию России и Монголии в решении «урянской проблемы», актуального для российско-китайских и российско-монгольских отношений первой четверти XX в. Представлен анализ стенограммы прений по «урянской проблеме», прозвучавших в рамках российско-монгольской конференции от 30 октября 1921 г., а также других архивных документов.

Ключевые слова: Тува; Урянхай; Монголия; Китай; русско-китайские, русско-монгольские отношения.

TUVA IN THE SYSTEM OF TRILATERAL RELATIONS BETWEEN RUSSIA, MONGOLIA, CHINA, IN 1918–1921

Victoria A. Vasilenko

Cand. Sci. (Hist.), A/Prof.,
Irkutsk State University,
1 Karla-Marksa St., Irkutsk 664003, Russia
E-mail: vasilenko@mail.ru

In article on the basis of the available material presented a brief analysis of the events related to the problem of national and political self-determination of Tuva after the February and October revolutions of 1917, Special attention is paid to involving Russia and Mongolia to «orangeism question» in the first quarter of the twentieth century, special attention is paid to the analysis of Russian-Chinese and Russian-Mongolian contradictions in Tuva, the analysis of the transcripts of the debate on «uriankhay question», delivered at the Russian-Mongolian conference on October 30, 1921, and other archival documents.

Keywords: Tuva, Uryankhay, Mongolia, China, Russian-Chinese, Russian-Mongolian relations.

Территориальная близость Тану-Урянхая к России, Монголии и Китаю, его статус лимитрофа стали главными причинами соперничества за регион в разные исторические периоды. Синьхайская революция 1911 г. стала важным шагом, побудившим тувинский и монгольский народы освободиться от власти Китая. Правительство Богдо-гегена проводило ряд кампаний по объединению Халхи, Урянхайского края и Барги в единое государство. Однако объявление протектората России над Тывой и последующее заключение Тройственного соглашения в 1915 г. оставили идею создания «Великой Монголии» нереализованной. Вопрос о правовой принадлежности края обсуждался с новой силой в 1921 г. В период действия российского протектората Урянхай по-прежнему оставался в сфере интересов Китая и Монголии. По мере ослабления позиций России на фронтах Первой мировой войны в крае активизировались китайские и монгольские чиновники, а в тувинском обществе усиливались промонгольские и прокитайские настроения [8, с. 85].

Присутствие интересов других государств сохранялось и с приходом к власти большевиков в 1917 г. Руководствуясь принципом права наций на самоопределение, советская власть в июне 1918 г. объявила об освобождении Тывы от российского протектората, однако уже в июле 1918 г. была восстановлена власть Временного Сибирского правительства. Последнее стремилось закрепить свои позиции в регионе, ориентируясь на поддержку части тувинской элиты и духовенства, старалось не вмешиваться в самоуправление. Данная политика проводилась с целью укрепления авторитета тувинского общества и его расположения к русским властям [там же, с. 85].

Однако китайская и монгольская стороны по-прежнему сохраняли свои претензии на край. Летом 1918 г. в край прибыла китайская делегация с целью изучения политического положения Урянхая, а также «для пропаганды перехода урянхов к Китаю, для собирания прошений» [1, л. 24]. В одном из сообщений в российское консульство отмечалось, что китайские чиновники были намерены остаться в Урянхае до прихода китайского отряда [1, л. 24]. Под предлогом отсутствия виз российских консулов китайская де-

легация была выдворена с территории края, что стало отдельным предметом дипломатической дискуссии. Следующим шагом китайской стороны стала попытка военной интервенции: в конце июля в край начали стягиваться китайские и монгольские отряды. Поскольку авторитет власти Временного правительства в крае был довольно силен среди тувинских чиновников, многие из них сохранили прорусские настроения. До февраля 1919 г. китайский отряд во главе с Ян Шичао не смог проникнуть вглубь Урянхай [6, с. 177]. Но монгольским отрядам под предводительством комиссара Итигемиджита удалось проникнуть в южные районы Тывы. Следует отметить, что китайское правительство было заинтересовано в том, чтобы Урянхай вошел в состав Монголии, поскольку после этого в крае возможно было усилить свое влияние. Владение тувинским рынком для китайцев также имело немаловажное значение. В ноябре 1918 г. в край стали проникать китайские купцы, что вызывало серьезную обеспокоенность со стороны российского правительства.

В этот период торговая экспансия Китая была особенно сильной: китайские товары стоили достаточно дешево по сравнению российскими. Наложение запрета на въезд в Урянхай китайских купцов, товарный дефицит, частые конфликты между местным населением и русскими купцами, непопулярные меры, проводимые в свое время большевиками, и прочие причины привели к обострению внутривосточной ситуации. В крае вспыхнуло антирусское восстание. Самое крупное сражение русских войск и объединенных отрядов тувинцев, монголов и китайцев произошло 13 июля 1919 г. Вооруженные силы русских потерпели поражение. Правительство Колчака не в силах было удержать позиции в крае. Ситуация усугубилась с приходом в край отрядов П. Е. Щетинкина и А. Д. Кравченко. Наряду с ликвидацией белого движения партизанам необходимо было решать задачи взаимодействия с руководством китайских и монгольских отрядов в Тыве. Несмотря на обращение представителей враждующих сторон, как партизан, так и колчаковцев, к Монголии с просьбой оказать поддержку в борьбе, последняя сохраняла нейтралитет. Результатом вооруженного противостояния стала победа партизанских отрядов под г. Белоцарском. Партизаны вынуждены были формально признать Тану-Урянхай находящимся в составе Халха-Монголии. Несмотря на короткий период пребывания в крае, партизанские отряды решили важные задачи: ликвида-

ция Белого движения обеспечила нейтральное отношение к советской власти среди тувинского населения. С приходом Красной армии в край были нейтрализованы остатки китайских и монгольских вооруженных формирований.

После ликвидации Белого движения перед Россией и Монголией встали новые задачи: необходимо было решить комплекс проблем, связанных с определением границ, вопросы о ратификации предыдущих соглашений, определить формат сотрудничества государств и прочие. Одними из важных моментов были территориальные вопросы, в том числе «урянхайский». С отказом революционного правительства от сюзеренитета Китая российско-монгольские отношения вышли на новый уровень, и вопрос о статусе Урянхайского края был очень важным.

15 августа на Всетувинском учредительном хурале была принята первая Конституция Республики Танну-Тува улус. В первом параграфе принятой съездом конституции было записано, что «Республика Танну-Тува улус является свободным, ни от кого не зависящим в своих внутренних делах самоуправлением народа Танну-Тува. В международных отношениях республика выступает под покровительством Советской России» [3, с. 425].

Один из важных вопросов, обсуждаемых на хурале, касался законодательного закрепления границ. Поскольку среди присутствующих были представители пяти тувинских кожуунов — Оюннар, Салчак, Тоджа, Даа, Бээзи и соединенных поселений Маады и Чооду, а делегатов от кожуунов Хасутского, Шалык и Сартул не было, хурал вынес следующее решение: «Хасутский хошун, живущий в Монголии, исключить из состава народа Танну-Тува, а Шалык и Сартул объединить в один Шалык-Сартульский хошун». В последствии такое решение вызвало недовольство со стороны Монголии, вопрос правового закрепления границы между Тывой и Монголией оставался нерешенным на протяжении долгого времени [7].

Сформулированный в Советской России принцип права наций на самоопределение вплоть до образования самостоятельного государства распространялся и на Танну-Туву. Однако предоставление права выбора тувинскому народу оставляло вопрос о дальнейшей аннексии региона соседними странами (Монголией и Китаем) открытым. Споры о будущем Танну-Туву велись и на российско-

монгольской конференции, где обсуждались основные положения соглашения о сотрудничестве Советской России и Монгольской Народной Республики.

Ниже приведен анализ стенограммы прений по «урянской вопросу» от 30 октября 1921 г. В процессе обсуждений монгольская сторона изначально была против шестого пункта проекта соглашения, в котором Танну-Тува объявлялась самостоятельным государством. По мнению Данзана, Танну-Урянхайский край должен считаться «неотъемлемой частью Монгольского государства, родственной ему прежде всего по религии, а затем по обычаям и культуре, и рассматривать его как особое территориальное целое они (члены монгольской делегации — В. В.) не могут [2, л. 2]. К мотивам претензий на край также относились утрата Китаем юридического права на Урянхай, неясность в вопросах реализации Кяхтинского соглашения 1915 г. В проекте этой же статьи монгольской делегации говорилось следующее: «Ввиду того, что Урянхайский край является исконно владением Срединного государства, то с этого момента правительство Советской России не будет ни в коем случае предъявлять претензии на владение Урянхайским краем, и по-прежнему Урянхайский край будет находиться под управлением Монгольского народного правительства» [2, л. 4].

Поскольку политические ориентации тувинского народа были неоднородны (кто-то тяготел к Монголии, кто-то — к России, кто-то — по-прежнему к Китаю или Монголии), во избежание самоопределения тувинцев в пользу Китая Данзан предлагал «урянский вопрос ясно и определенно разрешить на этой конференции», то есть в пользу Монголии [2, л. 6]. Духовский возражал, на конференции им было заявлено, что «Российская Советская Республика не считала Урянхайский край своим, а считало его своим царское правительство. Мы отказались от этой политики, клеймим ее и заявляем о том, что мы Урянхайский край не считаем своим краем, а чтобы не было никаких сомнений на этот счет в своей ноте Урянхайскому народу мы подтверждаем, что не имеем никаких видов на этот край. Больше мы ничего не можем сделать, распорядиться судьбой урянхайского народа мы не можем, решать вопрос о присоединении Урянхайского края к Монголии, что является делом соглашения Монгольского правительства с Урянхайским народом, мы также не можем. <...> И единственное, что мы могли бы добавить,

это то, что мы Урянхайский край считаем по культуре и быту и т. д. связанным с Монголией, а в дальнейшем это дело монгольского и урянхайского народа» [2, л. 7].

По мнению Данзана, «Урянхайцы <...> ни в коем случае не смогут сами быть автономным самостоятельным государством, так как их всего 50 тысяч человек. Так что об их самостоятельности говорить серьезно не приходится, он (край — *В. В.*) должен или присоединиться к России, или к Китаю, или к Монголии <...> Допуская, что Урянхайский народ, пользуясь принципом самоопределения, захочет присоединиться к Китаю, мы считаем, что это было бы вредно и для России, и для Монголии [2, л. 11].

Во время прений был поднят также вопрос о ликвидации волнений и беспорядков в Тыве, вспыхнувших по причине столкновений большевиков и местного населения и негативного восприятия тувинцами агитационной политики, проводимой как монголами, так и большевиками в лице И. Г. Сафьянова. В связи с этим монгольская сторона на конференции обратилась к России с просьбой «восстановить в крае порядок и спокойствие» [2, л. 13]. По замечанию Шумяцкого, поддержание в крае порядка военными силами является для российской стороны «величайшим несчастьем» [2, л. 13], и следовало бы монгольскому правительству «заняться организацией урянхайского народа не сверху, не путем присоединения, а путем привлечения самого населения к этой работе, и чтобы этот вопрос был скорее разрешен» [2, л. 13].

Прения завершились тем, что обе стороны, признавая сложность внешнеполитической обстановки, принимая непризнание советского правительства рядом государств, равно как и статуса Монгольской Народной Республики, согласились не включать в соглашение вопрос о Танну-Тове. Таким образом, на протяжении 1918–1921 гг. Танну-Урянхай по-прежнему оставался объектом территориальных претензий со стороны России, Монголии и Китая. Мотивы у каждой из сторон по аннексии края были различными: создание буферной территории для охраны границ, наличие выгодного рынка сбыта товаров, образование объединенного государства в рамках «Единой Монголии» и ряд других. Смена политических режимов и форм государственного правления фактически не влияла на мотивы претензий. Стремление монгольского народного правительства овладеть краем также не противоречило идее панмонго-

лизма, провозглашенной Богдо-гегеном в свое время. В связи со сложной международной обстановкой, наличием фактора риска обострений отношений с Китаем было принято решение не включать вопрос о Танну-Урянхае в соглашение от 5 ноября 1921 г. Он оставался одним из самых «неудобных вопросов» в системе трехсторонних отношений еще долгое время.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 200. Оп. 1. Д. 477.

2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 111. Политическое управление Наркомата (Министерства) путей сообщения. Оп. 2

3. Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем — Тувой (к 100-летию исторического события). Кызыл, 2014. 479 с.

4. Белов Е. А. Борьба за Урянхайский край в 1915–1919 гг. // Отечественная история. 1998. № 1. С. 55–56.

5. Ганин А. Урянхайский поход Бакича [Электронный ресурс] // Родина. 2014. № 4. URL: <http://istmat.info/files/uploads/45490/bakich.pdf>. (дата обращения: 27.09.2016).

6. Дацьшен В. Г., Ондар Г. А. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл: Республиканская типография, 2003. 284 с.

7. Минаев А. М. Тува далекая и близкая [Электронный ресурс] // Красная звезда. 14 октября 2009. URL: http://old.redstar.ru/2009/10/14_10/2_05.html (дата обращения: 26.10.2016).

8. Молчанов Л. А. Урянхайский край под протекторатом антибольшевистских властей Сибири (1918–1919 гг.) [Электронный ресурс] // Новый исторический вестник. 2012. № 33. URL: http://www.nivestnik.ru/2012_3/14.shtml (дата обращения: 27.09.2016).

УДК 94 (517.3)

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В
ПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ МОНГОЛИИ (1921–1990)

© *Энхбаяр Бямбаноров*

кандидат исторических наук, профессор,
факультет гуманитарных наук, институт науки,
Монгольского государственного университета
Монголия, 14201330, г. Улан-Батор, Бага тойруу, 47
E-mail: byambaenkh@yahoo.com

© *Мэнд Зориг*

научный сотрудник,
институт международных отношений,
Академия наук Монголии,
Монголия, 14201187, г. Улан-Батор, Улан-Батор, 38
E-mail: zorigmend@yahoo.com

Работа советских специалистов в Монголии является темой и монголоведения, и россиеведения. В данной статье рассмотрены вопросы о советских специалистах, прибывших в Монголию по приглашению Правительства Монголии и работавших в отрасли промышленности Монголии в 1921–1990 гг. Авторами сделана попытка выявить основные функции советских специалистов, проанализировать изменение и расширение их деятельности в разные периоды развития промышленности, рассмотреть положительные и отрицательные стороны их помощи и показать репутацию и авторитет специалистов среди монголов. Новизна данной темы состоит в том, что она не была специально изучена и в научный оборот введены не опубликованные ранее архивные материалы.

Ключевые слова: советский; специалисты; промышленность; роль; вклад; помощь; обучение; приглашение.

ON THE ACTIVITIES OF SOVIET SPECIALISTS IN INDUSTRIAL
COMPLEX OF MONGOLIA (1921–1990)

Enkhbayar Byambanorov

Cand. Sci. (Hist.), Prof. Division of Humanities, School of Arts and Sciences, National University of Mongolia
47, Baga toiruu, Ulaanbaatar 14201 330, Mongolia
E-mail: byambaenkh@yahoo.com

Mend Zorig

Master Sci. (Philos.) Research fellow, Inst. of International Relations,
Academy of Mongolian Sciences

47, Baga toiruu, Ulaanbaatar 14201–187, Mongolia

E-mail: zorigmend@yahoo.com

The topic is issue of both Mongolian studies and Russian studies. The paper examines the problems related to “soviet” specialists’ activities in the industrial field, who worked in Mongolia between 1921–1990 at the invitation of the Mongolian government. The author has tried to explore main objectives of their work, to describe the changes in their activities which were occurring during the development of the industry, to review their reputation and prestige among Mongolians, to reveal positive and negative effects of their work and to analyze and compare number, work activities and responsibilities of the specialists in different periods. The topic is comparatively new and has never been studied. In the paper, there are many archival materials which have been involved into the research circulation for the first time.

Key words: soviet, specialists, industry, role, contribution, assistance, training, invitation.

Тема помощи советских специалистов — общая и для монголоведения, и для россиеведения. Она является одной из малоизученных, даже, можно утверждать, совсем не изученных в области монголо-российских отношений и истории Монголии, поэтому здесь нам хотелось бы затронуть аспекты, до сих пор не утратившие своего значения. На наш взгляд, сегодня, в ситуации, когда Монголия все больше расширяет и обогащает многостороннее сотрудничество со многими странами мира в разных сферах общества, специалиасты и волонтеры (добровольцы) из других стран стали работать в Монголии, опыт специалистов из бывшего СССР и извлекаемые из него уроки по-прежнему актуальны.

Причина определения их словом «советские» объясняется тем, что по приглашению правительства МНР в страну приехали не только русские, но и представители других национальностей Советского Союза.

Как мы все знаем, было время, когда исследования гуманитарных наук, в т. ч. истории Монголии, проводились с идеологических позиций; с 1990-х гг. появилась возможность основы-

вать исследования на подлинных исторических источниках. К сожалению, вместе с критикой предыдущих исследований частыми стали искажения исторической действительности, отрицание роли Советского Союза в достижениях развития Монголии, обвинение его в застойном положении нашего общества, что никак не отвечает методике проведения научных исследований и реальной действительности.

Поднимается вопрос о пересмотре многих аспектов этой темы, в частности о роли и помощи советских специалистов, работавших по приглашению правительства Монголии.

Всем известно, что в Монголии не было ни одной отрасли, где не работали бы советские посланцы и где бывший СССР не оказывал бы свою помощь и поддержку.

В нашей же статье будет затронут вопрос о советниках, инструкторах и специалистах, работавших только на промышленных предприятиях, и сравнении их деятельности на разных этапах развития промышленности. Не следует равнять советских специалистов, выполнявших свой долг не щадя сил, работая в той или иной отрасли Монголии, с партийным и государственным руководством СССР того времени и их посланцами – советниками и инструкторами, насаждавшими свою идеологию и политику через специалистов.

Что касается причин приглашения специалистов в условиях, когда в стране еще не были развиты другие отрасли народного хозяйства, кроме кочевого скотоводства, и отсутствовали национальные кадры, невозможно было выполнить новые задачи, поставленные перед страной, без помощи извне. Несмотря на то, что руководители Монголии того времени придерживались различных позиций по вопросу о внешней опоре, в конечном счете пришлось опираться на помощь Советского Союза и советских специалистов, чему способствовало и географическое положение, и политика Советской России по отношению к Монголии. Между тогдашней МНР и СССР были заключены соответствующие договоры и соглашения о сотрудничестве, включая несколько документов, касавшихся «советских специалистов» (1929, 1934, 1951, 1954 и т. д). Одним из них является Договор о советниках и инструкторах из СССР [16, с. 37], основанный на Соглашении об основных принципах отношений между двумя странами»,

подписанном в 1929 г. В этих соглашениях были отражены все вопросы, связанные с правами и обязанностями советских специалистов, условиями их работы и обеспечением материальных сторон, хотя, на наш взгляд, в основном в них соблюдались учитывались и оговаривались, государственные интересы Советского Союза.

Как показывают архивные материалы и другие документы, советские специалисты играли огромную роль в развитии не только промышленности, но и других отраслей Монголии. Деятельность и количество советских специалистов были неодинаковыми на разных этапах развития монгольской промышленности.

В 1930-е гг. при помощи Советского Союза были сданы в эксплуатацию шерстомойное предприятие в Хатгале, промышленный комбинат и электростанция в Улаан-Баатаре. Несмотря на небольшую мощность, в то время предприятия входили в разряд крупных. В топливно-энергетической промышленности начала развиваться добывающая отрасль. В рамках монгольско-советского экономического сотрудничества важную роль сыграла акционерная форма предприятий, как и помощь самих советских специалистов и рабочих, пополняют ряды национальных кадров, которых катастрофически не хватало на новых предприятиях.

Более 400 специалистов [17, с. 35], приглашенных из Советского Союза, помимо участия в строительстве промкомбината и монтаже оборудования обучали монгольских рабочих непосредственно на производстве и на различных курсах при предприятиях, где проводились теоретические занятия, давались необходимые знания.

Специалисты в 1920–1930-е гг. трудились добросовестно, с честью и старанием относились к работе. Велико было значение советских специалистов, которые для бесперебойного производства и монтажа оборудования проявляли инициативу, стараясь изготовить или заменить необходимые детали на основе местных материалов придерживаясь принципов выполнения своих обязательств согласно соглашению. Помимо этого они подчинялись внутреннему распорядку предприятия и выполняли обязанности, связанные с конкретной организацией, что мы редко видим

сегодня. Со становлением промышленности началось рождение рабочего класса, что явилось большим успехом этого периода.

Советники и специалисты, занимавшие руководящие должности во время строительства промкомбината, не только сами работали и показывали пример другим, но и предъявляли высокие требования ко всем советским специалистам и инструкторам. Во время пожара в этом комбинате именно советские специалисты засучив рукава, рука об руку произвели его ликвидацию.

Для специалистов 1930–1940 гг. характерно было то, что они не только выполняли свой профессиональный долг, но и с энтузиазмом участвовали и помогали в любой работе. Их самоотверженный труд, несмотря на препятствия и нужды, возникавшие из-за особенностей развития и специфических природных и климатических условий страны, объясняется тем, что психология людей того времени и их отношение к любому делу отличались от нынешнего поколения.

Структуру специалистов составляли в основном технические работники, механики, слесари, электрики, шоферы, токари, монтажники, ремонтники и т. д.

Следует отметить, что 20–30-е годы отличались тем, что государственные и партийные руководители Монголии того времени, высоко оценивая работу советских специалистов, одновременно критиковали негативные явления с их стороны и неоднократно выражали свои мнения и недовольство (Бодоо, Данзан, Амар, Ц. Дамбадорж) [1, с. 98; 9, с. 58 и 92; 11, с. 15; 15, с. 58]. Они были против чрезмерно большого количества специалистов, пребывание которых требовало лишних затрат и расходов, непосильных для государства того времени.

В 1940-х гг. промкомбинат начал перевыполнять производственный план, увеличилось количество продукции. Число советских специалистов в это время уменьшилось, остались в основном национальные рабочие. К 1940 г. промышленность стала одной из новых отраслей народного хозяйства.

С конца 40-х гг. создаются новые отрасли народного хозяйства: пищевая промышленность, разработка металлов, добыча нефти, горнодобывающая промышленность, строительное производство, коммунальное хозяйство, домостроение, эксплуатация железной дороги, мостостроение и т. д. С 1942 г. вводятся в эксплуатацию

мясокомбинат, пиво-водочный завод, спиртовой завод, ставшие крупными предприятиями пищевой промышленности. В аймаках действуют пищевые комбинаты.

Начиная с 40-х гг., в политику правительства по вопросу о советских специалистах были внесены некоторые изменения и фактически сведено на нет негативное отношение к их присутствию. Именно с этого времени особое внимание стало уделяться быту и материальному снабжению специалистов [20, с. 287]. По постановлению Совета Министров МНР из-за острого недостатка национальных кадров снова стали приглашаться специалисты из Советского Союза, в том числе специалисты для 15 пищекомбинатов в аймаках, на каждом пищекомбинате работал главный инструктор и по одному инструктору молочно-масляного завода.

Положение на электростанциях было иное, там не хватало квалифицированных монгольских кадров, и основной контингент инженерно-технических работников составляли советские кадры (40 чел.) [20, с. 287].

В министерствах и организациях работало достаточное количество советников и инструкторов. К примеру, в 1947 г. общее количество специалистов составляло 921, из них 719 работали в Улаан-Баатаре, 202 специалиста — в аймаках и сомонах, 180 — на промышленных предприятиях [20, с. 12].

С созданием промышленных предприятий и появлением первых монгольских рабочих число специалистов из Советского Союза постепенно сокращалось, особенно с конца 40-х и к середине 50-х гг.

В 60-е гг., когда перед МНР встали задачи построения новых, расширения и обновления старых предприятий, количество советских специалистов вновь стало увеличиваться.

Как свидетельствуют исторические документы, в период деятельности советских специалистов по вине той или иной стороны возникали разногласия, конфликты и различные проблемы. Тем не менее советские представители вносили реальный вклад в развитие индустриализации страны и подготовку кадров для нее. Одной из значительных заслуг советских посланцев было в том, что они знакомили монголов с русской культурой и бытом.

10 февраля 1950 г. вышло специальное постановление Совмина МНР об уменьшении количества специалистов в министерствах, ведомствах, на предприятиях с целью улучшения подготовки национальных кадров, могущих заменить специалистов и работать самостоятельно. В результате количество специалистов уменьшилось, однако обучение было неэффективным и не было видно результатов работы людей, практиковавшихся у советских наставников.

В конце 50-х гг. численность специалистов стабилизировалась, что свидетельствовало о том, что они сумели подготовить квалифицированные национальные кадры, способные самостоятельно управлять производством и хозяйством. Промкомбинат к этому времени был оснащен новейшим оборудованием, и на нем уже не было ни одного советского специалиста.

Рабочий класс МНР рос в количественном и качественном отношении, передовые рабочие не только выполняли и перевыполняли производственные планы, но и начали внедрять опыт советских передовиков производства. Значительное внимание уделялось условиям работы и быта советских специалистов. Помимо предоставления бесплатного жилья для них были организованы специальные столовые, магазины, обеспечивающие качественным товаром, специальные цеха по пошиву одежды только для специалистов, детские сады для их детей, транспортные средства для работы.

С началом 60-х гг. увеличилось не только количество советских специалистов, но стали прибывать посланцы из других социалистических стран. Была поставлена задача обеспечить дальнейшее развитие промышленности, опираясь на технико-экономическую помощь и взаимное сотрудничество с Советском Союзом и другими социалистическими странами. В целях ее претворения были построены и сданы в эксплуатацию сотни предприятий и хозяйственных организаций с помощью Советского Союза и других стран. За это время были еще более расширены монголо-советские производственные союзы, имевшие целью создание предприятия и хозяйственных организаций. В страну стали приезжать целыми коллективами строительные организации, тресты, экспедиции и другие. Все это способствовало обеспечению

трудовыми ресурсами, которых не хватало в стране в то время. Из 2,6 тыс. всех специалистов, приглашенных в 1965–1970 гг. на подведомственные предприятия Министерства топлива и энергетики, более 1600 были советскими [17, с. 35]. Однако это были специалисты, приехавшие по приглашению правительства Монголии. Если же считать всех приехавших работать на совместных предприятиях в порядке обмена рабочей силой между государствами, то это число увеличится в 2–3 раза.

МНРП и Правительство МНР уделяли особое внимание обучению у специалистов, приехавших из Советского Союза и других социалистических стран, принимали специальные постановления и инструкции об улучшении работы по наставничеству иностранных специалистов, проверялось их выполнение.

Содержание и формы обучения у специалистов все более совершенствовались, организовывалось проведение совместных совещаний и митингов, обмен опытом, ежеквартальное заслушивание предложений и советов руководителей, индивидуальное и групповое наставничество, ежегодное утверждение наставников и обучение по специальной программе, причем администрации предприятий проверяли ход обучения и итоги наставничества, вели тетради обучавшихся. Уровень общего и технического образования служащих и рабочих в то время резко повысился, по сравнению с предыдущим периодом, появились первые инженерно-технические работники-монголы с высшим и средним образованием. В результате в структуре промышленности произошли качественные изменения, были созданы такие новые промышленные центры, как Дархан, Эрдэнэт, Чойбалсан.

Множество советских специалистов, достигших больших успехов в работе и обучении национальных кадров, были награждены государственными орденами и медалями МНР.

В 1960–1970-х гг. стало наблюдаться восхваление и переоценивание деятельности приглашенных наставников, благоговение перед всем, что называлось советским, пассивное и слепое подражание всему советскому, что привело к тому, что определенное число советских специалистов, не имевших высокого уровня знаний и квалификации, стали работать хуже, бездельничали, превыше всего ставили свои интересы и привилегии. Но так как все еще ощу-

шался недостаток в рабочих и инженерно-технических сотрудниках, которые могли осваивать новую технику и оборудование, в 1970–1980-х гг., систематически приглашались десятки тысяч рабочих, инженерно-технических работников и специалистов из СССР и сотни — из социалистических стран, работающих совместно с монгольскими рабочими и вносивших свой вклад в дело повышения их квалификации и навыков. Они приезжали работать в таких материально-производственных отраслях, как промышленное производство, строительство и сельское хозяйство. В министерствах и ведомствах служили не только советники, но и уполномоченное представительство Советского Союза. Число приезжавших работать в топливно-энергетической и горной отраслях, было относительно больше, чем в легкой и пищевой промышленности. В частности, по нашим расчетам, в 1970–1980-х гг. в легкой и пищевой промышленности работали более 800 специалистов из Советского Союза. Если сравнить их с числом, данным историком Б. Тудэвом, оно занимает мизерную долю. Согласно утверждению бурятского историка В. И. Ганжурова, число советских специалистов превышало более 10 тыс. только за один год, хотя понятно, что эта цифра охватывает людей, приезжавших отрядами, трестами и организациями.

В 1970–1980-е гг. содержание и форма обучения у советских специалистов изменились: если раньше один специалист был наставником одного или двух монгольских рабочих, то в данный период в наставничество включались целыми группами, бригадами и цехами. Обучение у советских специалистов превратилось во всеобщее движение, организовывались бригады и команды под именами «интернационал», «найрамдал» и «дружба», заключались договоры между учителями и учениками. В то время наставничество было самой подходящей формой обучения монгольских рабочих и освоения ими определенной профессии.

Все перечисленные выше меры не только приблизили монгольских рабочих к уровню советских специалистов в отношении дисциплины, организации, профессионализма и производительности труда, но и оказали заметное влияние на их быт и интеллектуальное развитие. Хотя такие формы работы были явлениями идеологии, выдвижения пустых лозунгов, приукрашивания и преувеличения, все же можно считать, что именно они

сильно содействовали установлению близких отношений между ними.

Однако работа по обучению у советских специалистов не была безупречной на всех предприятиях: все еще проявлялись такие недостатки, как отсутствие систематической организации в обучении монгольских рабочих, контроля за этой работой, самотёк, неполучение отчетов от специалистов, отсутствие мер по соответствующей подготовке их смены.

1970–1980-е годы были периодом, когда число советских специалистов достигло максимального уровня. В 1980–1990 гг. к ним ежегодно прибавлялось по 6–7 тыс. специалистов [2, с. 230].

Начиная с конца 1980-х гг., когда начался процесс перестройки в экономических отношениях двух стран, число советских специалистов начало постепенно уменьшаться.

Двадцатый век считается временем великого построения: были созданы большие центры-города, промышленные предприятия, во всех городах и аймаках создавались пищевые и мукомольные комбинаты, мясные и молочные заводы и т. д., и все это благодаря бывшему Советскому Союзу и его специалистам.

Несмотря на многочисленные достижения за прошлый век, во всех отраслях народного хозяйства все же отмечались такие недостатки, как нерациональное планирование количества специалистов и неполное использование их потенциала. Как видно из истории, на предприятиях, эксплуатировавшихся много лет, в достаточном количестве было своих национальных кадров и приглашение специалистов зачастую было излишней тратой средств.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Советские специалисты, работавшие в Монголии, выполняли две основные функции: а) непосредственное участие и содействие в развитии промышленности на всех исторических этапах, б) подготовка национальных кадров, т. е. рабочего класса, по требованиям того времени.

2. Реализация этих функций зависела от многих факторов, в числе которых следует назвать политику тогдашних МНР и СССР в отношении специалистов, особенности развития страны в данное время, условия работы, отношение монголов к специалистам, ответственность и дисциплину самих специалистов.

3. Монгольский рабочий класс перенял у приглашенных наставников опыт и традиции советского рабочего класса.

4. Отдельные пункты договоров и соглашений двух стран о советских специалистах на деле, бывало, неоднократно нарушались.

5. В нынешних условиях развития многоопорного сотрудничества у нас есть возможность и необходимость извлечения уроков из богатого опыта работы с советскими специалистами. За прошедший период во всех отраслях народного хозяйства отмечены такие недостатки, как нерациональное планирование их числа и неполное использование их потенциала.

6. Следует преодолеть недооценку своих кадров и явное предпочтение иностранных специалистов.

7. Организации и частные лица, приглашающие специалистов, превыше всего должны ставить национальные интересы.

Литература

1. Бат Очир Л. Из биографии Х. Чойбалсана. Улан-Батор, 1996.
2. Ганжуров В. Ц. Россия—Монголия: история, проблемы, современность. Улан-Удэ, 1997.
3. Гүрбадам Ц. К истории индустриализации Монголии. Улан-Батор, 2004.
4. Иваненко В. И. Советский человек за рубежом. М., 1981.
5. История Монголии: в 5 т. Т. 5. Улан-Батор, 2004.
6. История монголо-советских отношений. Улан-Батор, 1981.
7. Капица М. Л., Иваненко В. И. Дружба, завоеванная борьбой. Улан-Батор, 1966.
8. Коминтерн и Монголия: сб. документов. Улан-Батор, 1996.
9. Конституции и протоколы съездов МНР. Улан-Батор, 1956.
10. Легкая промышленность Монголии: традиция, развитие и тенденция. Т. 1. Улан-Батор, 2004.
11. Лонжид З., Батсайхан О. Данзан Соли. Улан-Батор, 1996.
12. Монголия XX века. Улан-Батор, 1995.
13. Пищевая и легкая промышленность МНР. Улан-Батор, 1980.
14. Развитие топливно-энергетической промышленности МНР. Улан-Батор, 1982.
15. Рошин С. К. Политическая история Монголии. М., 1982.
16. Современная Монголия. 1936. № 4.
17. Түдэв Б. История рабочего класса Монголии (1921–1952). Улан-Батор, 1963.

18. Фонд Министерства торговли и промышленности в Национальном архиве Монголии.
19. Хусайн Х. Некоторые вопросы политики МНРП по индустриализации на современном этапе. Улан-Батор, 1986.
20. Центральный исторический архив Монголии. Ф. 1. Оп. 6. Д. 346.

УДК 930.2

СОВЕТСКАЯ ДЕРЕВНЯ НАКАНУНЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

© *Карпова Ирина Георгиевна*

ассистент кафедры истории,

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия

им. В. Р. Филиппова,

Россия, 67003, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, д. 8

E-mail: kilo1976@mail.ru

Рассматриваются работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные исследованию советской доколхозной деревни. Приведены точки зрения В. В. Кондрашина, М. Левина, В. П. Данилова, С. А. Никольского и др. о состоянии советской деревни в 20-е гг. XX в.: о социальном составе, о крестьянском хозяйстве, о крестьянских традициях.

Ключевые слова: крестьянин; доколхозная деревня, коллективизация, социальный состав деревни, крестьянское хозяйство.

SOVIET VILLAGE ON THE EVE OF THE PERIOD
OF THE COLLECTIVIZATION IN WORKS OF DOMESTIC
AND FOREIGN RESEARCHERS

Irina G. Karpova

Assistant of Department of History,

Buryat State Agricultural Academy. V. R. Filippov,

8, Pushkin, Ulan-Ude 670034, Russia

E-mail: kilo1976@mail.ru

The article deals with the works of the Russian and foreign researchers dedicated to the condition of the prekolhoz village. The author studies points of view of such researchers as V. V. Kondrashin, M. Lewin, V. P. Danilov, C. A. Nikolsky and others on the soviet village condition in the 1920th specifically about social structure of the peasant community, peasant households, peasants traditions.

Keywords: a peasant; prekolhoz village; collectivization; social structure of the peasant community; peasant household.

Коллективизация в советском сельском хозяйстве — процесс неоднозначный, вызывающий дискуссии в обществе. Изучению истории коллективизации посвящены работы многих ученых, как отечественных, так и зарубежных. На протяжении почти векового периода истории, экономисты, социологи исследуют природу советского колхоза, с разных точек зрения анализируя причины, механизмы существования и результаты деятельности коллективных хозяйств. Исследователь сельской жизни, публицист, ученый, экономист, лидер Трудовой крестьянской партии С. С. Маслов писал, что «русский колхоз — оригинальное явление, т. к. он не похож на ранее существовавшие формы совместной хозяйственной деятельности людей» [8, с. 86]. Коллективизация явилась значимым событием для советского крестьянства в первой трети XX в. Одни называют ее революцией, другие — реформой. С. С. Маслов относится к первой группе исследователей и считает коллективизацию «величайшей революцией в селе», т. к. она в корне изменила существующий уклад жизни — «почти исчез хозяйственно свободный и самостоятельный крестьянский двор» и личное хозяйство крестьянина было «лишь придатком к колхозному», крестьянин был «загнан в колхоз», но работал там нехотя, часто с ненавистью, «все его хозяйственные понятия, навыки и технические приемы были насильственно сломаны», имущество было отобрано и передано в чужие руки, которые им и распоряжаются. Все это произошло «на пространстве одной шестой части земли, среди людского океана в 120 миллионов человек и свершилось всего в три-четыре года» [8, с. 85–86]. В оценке коллективизации как революции с С. С. Масловым солидарен американский исследователь советской России М. Левин [6, с. 85]. Российский исследователь философ С. А. Никольский [9] называет коллективизацию 30-х гг. реформой и поясняет, что реформа требует объявленной идеологии, отвечает требованиям заинтересованных социальных слоев населения и имеет проработанные механизмы своего осуществления. Для того чтобы реформа осуществилась, необходимы государственная воля, дееспособные органы власти и материальная поддержка. Он отмечает также, что реформа призвана решать коренные проблемы, которые не могут быть решены при естественном развитии событий. Коллективизация отвечала всем этим требованиям: «идеология, на которой строилась коллективизация, учение о победе социализма в

одной стране, социальные силы, двигавшие реформу, коммунистическая партия, силовые структуры, заинтересованное городское население, также имела активная пропаганда и материальные источники для осуществления коллективизации» [9, с. 223–224].

Точка зрения В. П. Данилова более взвешенна, он определяет коллективизацию как модернизацию — процесс, который изменил сельское хозяйство; целью обновления стало ускорение развития не только аграрного сектора, но и промышленного комплекса страны. Анализируя аграрные преобразования в России с 1861 г., он отмечает их перманентный характер — они возникали вновь и вновь, и аграрный вопрос даже в XXI в. считается одним из самых важных для России [2].

Создание колхозов было масштабным явлением, оно коснулось каждого жителя огромной страны, определило дальнейшее развитие не только сельского хозяйства, но и России в целом. Американский историк, изучавший историю России и Советского Союза, — М. Малиа называет преобразование сельского хозяйства России в 30-е гг. XX в. беспрецедентным по масштабу, с применением методов уникальных и преступных, но все же событием грандиозным и эпичным [7, с. 204].

И отечественные, и зарубежные авторы подчеркивают, что Россия в досоветский и доколхозный период оставалась преимущественно крестьянской страной. Так, по данным статистического ежегодника за 1914 г., на сельских территориях проживало 85% населения страны, в то время как горожан было лишь 15%; в 1916 г. количество городского населения незначительно снизилось, до 14,8%, и сельское население оставалось доминирующим, хотя стоит отметить, что в 1926 г. процент городских жителей составил 18%, сельское же население уменьшилось до 82% [11].

Советская деревня накануне коллективизации представляла собой огромный живой организм, живущий по своим законам, согласно сложившимся обычаям, традициям, которые регулировали все стороны жизни сельского населения: быт, хозяйственную деятельность, отношение к власти, односельчанам, работе и т. д.

Перефразируя Фукидида, можно сказать, что деревня — это люди, а не дома, поэтому одной из задач ученых являлось изучение социального состава деревни в первой трети XX в. В работах М. Левина, С. С. Маслова, В. В. Кондрашина, М. Малиа, в коллек-

тивной монографии «История Бурятии» и др. показан образ жизни доколхозной деревни, ее социальная структура, которая в 1920-х гг. включала три основных класса: бедняков, середняков и зажиточных крестьян. Основное внимание исследователей обращено на крестьянское хозяйство и землепользование. Историки сходятся во мнении, что сельское хозяйство страны в начале 1920-х гг. находилось в состоянии упадка? и тому были объективные причины — революции, первая мировая война, гражданская война. Эти события требовали не только человеческих ресурсов, но также материальных и продовольственных, что сказывалось на состоянии сельского хозяйства.

М. Левин, рассматривая социальное расслоение деревни, указывает на существование трех классов, но отмечает, что после аграрной революции 1917–1921 гг. «резко сократилось расстояние между кулаками на верхушке деревенской лестницы и бедняками у ее подножия», таким образом, большая часть крестьян стали середняками. Автор рассуждает, к чему могло бы привести такое уравнивание — «либо к рывку в развитии, либо к какому-то крепостному состоянию» [6, с. 86–87]. Левин подчеркивает, что, несмотря на расхожее мнение о низком культурном и политическом уровне крестьянства, необходимо рассматривать его как «нацию внутри нации», ибо крестьянство — это «мощный фактор, формирующий сам облик государства», и это замечание кажется нам справедливым, ведь крестьяне составляли большую часть населения страны, и в период НЭПа все чаще стали звучать протесты крестьян по поводу ограниченных их свобод [6, с. 93]. Чтобы лучше понять природу крестьянства, его реакцию на те или иные события, автор предлагает обратиться к религии, как «ключевому компоненту социального и культурного мира крестьянства, который помогал выжить и сохраниться в тяжелых условиях» [6, с. 94].

Показывая условия жизни крестьян в начале века, М. Левин отмечает, что деревня была лишена электричества, не было достаточного количества сельскохозяйственных машин, не вносились удобрения, даже «плуг еще не стал основным сельскохозяйственным орудием», сохранялась трехпольная система земледелия и избы отапливались по-черному, жизнь людей напрямую зависела от собранного урожая [6, с. 87]. Говоря о хозяйственной деятельности крестьян в доколхозный период, он подчеркивает, что «весь произ-

водственный процесс зависел от капризов погоды», технологические нововведения и совершенствование производства требовали немалой степени риска, к чему рядовой крестьянин был не готов, т.к. это могло сказаться на урожае. Все события начала века, несмотря на «консерватизм и неизменность русского мужика», оказали на него «огромное влияние и принесли перемены» [6, с. 85]. Автор раскрывает зависимость «сельскохозяйственного календаря» от календаря религиозных дат и празднеств, когда весь свой сельскохозяйственный календарь крестьян строил не по часам и минутам, а согласно религиозному календарю, который «давал ориентиры в сельскохозяйственной деятельности», например, крестьяне точно знали, какие сельскохозяйственные работы надо проводить «от Покрова до Евдокии» (с 14 октября по 14 марта) [6, с. 88]. Изменения же режима труда, вызванные коллективизацией, становились причинами нарушения быта, образа жизни, отсюда массовые недовольства в деревне, которые выливались в крестьянские восстания и волнения. В период НЭПа волнения и восстания продолжались; из хроники известно, что «настроение крестьян хоть и спокойное, но не лишено враждебного отношения к власти», общая картина — оскудение сельского хозяйства. Жизненный уровень народа к концу 20-х гг., немного улучшившийся во время НЭПа, снижался.

С. С. Маслов в работе «Колхозная Россия» освещает вопросы коллективизации, беря за основу рассказ «молодого русского крестьянина», бежавшего из родного села в разгар сплошной коллективизации в 1931 г., дополняя его фактическим материалом. Значительное внимание С. С. Маслов уделяет отношению власти к разным слоям деревни. Он отмечает, что вслед за В. И. Лениным руководство страны по-разному строило отношения с разными классами крестьян — бедняцкие хозяйства считались «опорой партии в деревне», со средним деревенским классом следовало находить соглашения, с зажиточными крестьянами, как оплотом капитализма, необходимо было вести борьбу, т. к., будучи наиболее просвещенными, они могли оказать сопротивление политике руководства страны [8, с. 96]. Неодинаковое отношение власти к разным слоям советской доколхозной деревни может быть проиллюстрировано примером: «при распределении кредитных средств соблюдался классовый принцип: большая часть беднякам, меньшая — середнякам, почти ничего — кулакам» [4, с. 74]. Маслов считал кулаков

наиболее просвещенным и трудолюбивым классом, что и позволяло им добиваться положительных результатов своего хозяйствования. Определяя численность населения доколхозной деревни, он отмечал, что по сравнению с 1914 г. оно к 1929 г. увеличилось на 15 млн человек, подчеркивал, что к 1928 г. крестьянин имел меньше избирательных прав, чем рабочий, крестьяне не имели права на собственную политическую партию и союзы для защиты экономических интересов [8, с. 90]. Анализируя состояние сельского хозяйства, С. С. Маслов показывает, что к 1922 г. наблюдалось сокращение на 40% скотоводства и на 34% посевных площадей, по сравнению с 1916 г., что стало ответом на революционный передел земель. При этом автор отмечает, что в период НЭПа хозяйственная деятельность села возродилась, и «в 1928 г. посевная площадь в России приблизилась к довоенным показателям, а скотоводство даже переросло довоенные размеры (115 млн голов в 1916 и 121 млн голов в 1928 г.)» [8, с. 115]. Крестьяне стали зажиточнее, а вследствие недостатка продуктов легкой промышленности, начали сами восполнять недостаток фабричных изделий. Все это привело, как указывает Маслов, к росту политической сознательности деревни, ее обособлению и независимости от промышленности.

М. Малия в работе «Советская трагедия» подчеркивает, что крестьяне считали взаимозависимость кулака и бедняка нормальным явлением, более того, предприимчивый крестьянин становился образцом для остального крестьянства, а не классовым врагом [7, с. 154–155]. Автор рисует доколхозную деревню так: к 1927 г. в экономике России почти завершился период послереволюционного восстановления и уровень сельскохозяйственного производства составил около 90% от довоенного. При этом он подчеркивает, что такой высокий рост стал возможен по причине низкого исходного уровня производства, обосновывает причины введения НЭПа и констатирует, что к 1924 г. у русского крестьянина впервые после 1913 г. появился достаток [8, с. 190].

Особый интерес вызывает работа российского историка В. В. Кондрашина «История села Лох». Село Лох расположено на северо-востоке Саратовской области и в досоветский период население села составляли не только крестьяне. Оно делилось на приписное к сельскому обществу и неприписное. По мнению автора, зажиточными становились самые трудолюбивые, и, ссылаясь на

мнение старожилів села, «в досоветський і доколхозний період в селі считалось, що головним джерелом багатства крест'янина являється його праця, і лише в цьому випадку відношення до багатим односельчанам було поважливим» [5, с. 186–187]. При цьому «факт матеріального нерівності не породив гострих соціальних протиріччій всередині лоховського сільського суспільства до початку ХХ століття» [5, с. 186]. Любою бідняк, будучи працелюбивим, міг вибитися в середняки. Що стосувалося соціального розшарування Лоха, то, за Всеросійської сільськогосподарської переписі 1916 р., в сільській громаді села Лох існувало кілька груп крест'янських господарств: перша не мала посівів і худоби (23%); друга група крест'ян, найбільша, мала до 2 коней, до 3 голів великої рогатої худоби, 54% посівів; третя група, яка складала 23%, мала до 3 коней, до чотирьох голів великої рогатої худоби, овець, свиней, до 9 до 30 десятин посівів [5, с. 184]. В. В. Кондрашин відзначає той факт, що малоимущі сім'ї були невеликими за кількістю осіб, в той час як кількість зажиточних сімей складала від 5 до 12 осіб.

Населення села в середині 20-х рр. ХХ ст. складало 7 тис. осіб, матеріальне і соціальне розшарування крест'ян залишилося майже незмінним, порівняно з досоветським періодом. За свідченням очевидців стає зрозуміло, що «єдиноличники жили дуже добре», в той час як бідняки «не жили, а мучилися» [5, с. 194]. Господарська діяльність жителів села Лох була обумовлена природно-географічними особливостями, і основним заняттям було зернове виробництво і пов'язане з ним тваринництво, здійснювані в межах індивідуального крест'янського господарства. Рівень землеробства того періоду не дозволяв крест'янам успішно протистояти капризам погоди, що відбивалося на врожайності. Як відзначає автор, православний церковний календар був орієнтиром, згідно з яким крест'яни проводили сільськогосподарські роботи. З кінця 1918 р. в історії села починається період створення соціалістичного сектора економіки, пригноблення зажиточного класу, жорстка податкова політика. В 1919 р. в селі почали створюватися коммуні, в 1926 р. організуються перші ТОВ. До кінця 20-х рр. близько 20% крест'янських господарств Лоха вибирають виробничу кооперацію, при цьому автор підзначає, що найбільше поширення отримали такі

формы кооперации, как ТОЗы и артели, которые не требовали полного обобществления земель, скота и инвентаря, коммуны же не получили широкого распространения. Хотя, по воспоминаниям старожилов, до коллективизации существовали «группы» или «десятидворки», члены которых объединяли скот, землю, инвентарь, но, по мнению активистов кооперативного движения, в «20-е гг. главным тормозом в организации колхозов была недостаточная их материальная поддержка со стороны государства» [5, с. 192]. В это время в селе существовало 2 вида кооперативных объединений, и «сельские коммунисты, руководствуясь установками вышестоящих партийных и советских органов», в первую очередь кредитовали коммуны, сельхозартели и бедняцкие хозяйства. Автор заключает, что «развитие кооперации в Лохе в доколхозный период носило социальную направленность» [5, с. 193].

Исследователи А. М. Плеханова, Д. К. Чимитова, В. В. Номогоева [10], авторы коллективной монографии «История Бурятии» [4] рассматривают доколхозную деревню на примере национальной республики — БМАССР. Авторы отмечают, что к моменту введения новой экономической политики Бурятия оставалась в большей степени сельскохозяйственным регионом, где более 90% населения было занято в сельском хозяйстве. Л. А. Зайцева [3], Т. В. Будаева [1] указывают, что решение вопроса о земле оставалось главным и насущным в республике, т. к. существовал ряд проблем — дальнотемелье, чересполосица, острые земельные споры между бурятским и русским населением, нехватка кадров для проведения землеустроительных работ, и от результатов аграрных преобразований зависело развитие экономики всей республики.

К 1923 г. сельское хозяйство БМАССР находилось в стадии наибольшего упадка, причиной чего стали как революция и войны, а также голод, вызванный неурожайными годами, так и политика, проводимая государством — продразверстка, отнимавшая немалое количество продуктов.

Рассматривая вопросы кооперативного строительства в доколхозный период, А. М. Плеханова, Д. К. Чимитова, В. В. Номогоева отмечают, что до 1928 г. колхозное строительство шло медленно, т. к. проводилось на добровольной основе, основной состав колхозов представляли батраки, бедняки и рабочие, чем объясняется слабая мотивационная база. Первые колхозы были мелкими, плохо

машинизированы и мало чем отличались от единоличных хозяйств [10, с. 86].

Доколхозная деревня в работах исследователей изучается в нескольких направлениях. Во-первых, авторы пытаются провести анализ социального состава населения советской деревни накануне коллективизации и приходят к выводу, что это был сложный механизм, который имел собственную классовую структуру и включал три социальных слоя — бедняков, середняков и зажиточное крестьянство, которое в массе своей не выказывало вражды по отношению друг к другу, возможно, этому способствовала жизнь и ведение хозяйства в общине. Как отмечает В. В. Кондрашин, неприязнь беднейших слоев населения к более успешным хозяйствам начала проявляться только в 30-е гг., когда руководство страны начало проводить целенаправленную политику по уничтожению кулачества как класса. Во-вторых, рассматривая крестьянское хозяйство и землепользование сельского населения в доколхозный период, авторы отмечают спад после событий начала века и заметный подъем в период НЭПа. В их хозяйственной деятельности М. Левин и В. Кондрашин отмечают тот факт, что крестьяне опирались на традиции, обычаи, формировавшиеся в крестьянской среде на протяжении веков, и их связь с календарем православных дат. Кроме того, указывается и ориентирование крестьян на законы и декреты Советской власти, когда создаются первые коммуны, артели и ТОЗы, начинается кредитование крестьянских хозяйств.

Становится понятным, что при изучении доколхозной деревни нельзя ограничиться исследованием только одной ее составляющей, необходимо узнать и проанализировать уникальную культуру, характер, историю крестьянства, для того чтобы картина всех изменений и ответ на них были полными и исчерпывающими.

Литература

1. Будаева Т. В. История земельных отношений в Бурят-Монголии в 20–30-е гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 160 с.
2. Данилов В. П. Аграрные реформы и крестьянство в России (1861–1995 гг.) // [Электронный ресурс]. URL: <http://fadr.msu.ru/archives/mailling-list/priv-agr/art-rus/msg00000.html> (дата обращения: 02.09.2017).
3. Зайцева Л. А. Сельское хозяйство Бурятии в XX веке: опыт и проблемы развития: монография; М-во сельского хоз-ва РФ, ФГОУ ВПО «Бу-

рятская гос. с.-х. акад. им. В. Р. Филиппова». Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2011. 319 с.

4. История Бурятии: в 3 т. Т. 3: XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 464 с.: ил.

5. Кондрашин В. В. История села Лох // Крестьяноведение. Теории. История. Современность. Ежегодник. 1997 / Т. Шанин [и др.]; под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. С. 176–217.

6. Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи / Крестьяноведение. Теории. История. Современность. Ежегодник. 1997 / Т. Шанин [и др.]; под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. С. 84–128.

7. Малиа М. Советская трагедия: история социализма в России. 1917–1991 / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2002. 584 с.

8. Маслов С. С. Колхозная Россия // Ин-т экономики РАН. М.: Наука, 2007. 302 с.

9. Никольский С. А. Коллективизация и деколлективизация: сравнительный анализ процессов, последствий, перспектив / Крестьяноведение. Теории. История. Современность. Ежегодник. 1997 / Т. Шанин [и др.]; под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. С. 223–240.

10. Плеханова А. М., Чимитова Д. К., Номогоева В. В. Бурят-Монгольская АССР в условиях новой экономической политики. Кн. 1. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. 214 с.

11. Статистический ежегодник России 1914 г. (год 11-й). Вып. 1. М.: Типография Моск. Сов. раб., солд. и кр. деп., 1909 [Электронный ресурс]: URL: <http://istmat.info/node/25514> (дата обращения: 02.09.2017). С. 61; Статистический ежегодник России 1916 г. (год 13-й). Вып. I. М.: Типография Моск. Сов. раб., солд. и кр. деп., 1916 [Электронный ресурс]: URL: <http://istmat.info/node/25529>. С. 49; Российский статистический ежегодник-2014 (дата обращения: 02.09.2017). М.: Росстат, 2014 [Электронный ресурс]: URL: <http://istmat.info/node/46367> (дата обращения: 02.09.2017).

УДК 930.25

БАЙКАЛЬСКАЯ ЛИМНОЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ АН СССР:
ПЕРВЫЙ СПИСОК ПЕРСОНАЛЬНОГО СОСТАВА
(по документам Санкт-Петербургского филиала архива РАН)

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 15-06-99604

© *Бондарь Лариса Дмитриевна*

кандидат исторических наук,

ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Архива РАН,

Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 1

E-mail: l007@list.ru

На основе архивных документов реконструируется первый штатный состав Байкальской лимнологической станции АН СССР в 1929 г., включающий научных сотрудников и технический персонал. Максимально полно, насколько позволяют документы, представлено описание работы на станции каждого сотрудника.

Ключевые слова: Байкальская лимнологическая станция; персональный состав; исследование Байкала.

BAIKAL LYMNOLOGICAL STATION OF THE USSR AS:
THE FIRST LIST OF PERSONAL STAFF

(on documents of Saint-Petersburg branch of archives of the RAS)

Larisa D. Bondar

Cand. Sci. (Hist.),

Academic Secretary of the St. Petersburg Branch of the RAS Archive,

1, Universitetskaya nab, St. Petersburg 199034, Russia

E-mail: l007@list.ru

On the basis of archival documents is reconstructed the first staff of the Baikal Limnological Station of the Academy of Sciences of the USSR in 1929, including research assistants and technical staff. As fully as possible is presented the history of the work in the Station for each employee.

Keywords: The Baikal Limnological Station; the personnel; the study of the lake Baikal.

Байкальская лимнологическая станция (БЛС; сначала — Байкальская станция), предшественница Лимнологического института СО РАН, была основана в 1929 г., явившись, в свою очередь, пре-

емницей Комиссии по изучению оз. Байкал ИАН (КИБ), организованной в 1916 г. Благодаря деятельности КИБ, были снаряжены первые целенаправленные академические экспедиции по изучению оз. Байкал, продолжавшиеся до начала 1930-х гг., пока Байкальская лимнологическая станция не стала самостоятельно работать на регулярной основе. БЛС имела две исследовательские базы: в Ленинграде и собственно на Байкале — изначально в поселке Маритуй, вскоре — в Лиственничном (современная Листвянка).

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФРАН) хранится небольшой фонд БЛС (№ 74), документы которого по персональному составу позволяют реконструировать штат БЛС и круг исследователей, принимавших участие в ее работе.

Среди бумаг 1929 г. имеется документ, отражающий первоначальный штатный состав станции. В этом документе нет имен, перечислены только должности. Оригинальное название этого документа — «Временное штатное расписание. Комиссия по изучению оз. Байкал с состоящей при ней Байкальской станцией» [1, л. 12]. Штат был немногочисленным и состоял из председателя, ученого секретаря, заведующего станцией, научного сотрудника II разряда, механика, лоцмана и служителя. Архивные документы позволяют персонифицировать это штатное расписание.

Председатель комиссии хорошо известен — это академик В. Л. Комаров (1869–1945), который, однако, с работой собственно Байкальской станции тесно связан не был. Хорошо известен и как ученый с мировым именем, и как организатор науки первый заведующий станцией, лимнолог Глеб Юрьевич Верещагин (1889–1944), остававшийся бессменно на этом посту вплоть до своей смерти. Он был утвержден в должности на общем собрании АН 7 марта 1929 г. [2, л. 24]. Биография Г. Ю. Верещагина в значительной степени изучена, поэтому выдающемуся ученому здесь не будет уделено особого внимания. Речь пойдет о рядовых служащих и менее именитых ученых, начавших изучение Байкала на БЛС.

Известно имя ученого секретаря, указанного в штатном расписании. Это Александр Алексеевич Захваткин (1900–1931). Он упоминается лишь в двух документах по персональному составу: за 1929 г. [1, л. 13; см. ниже] и 1930 г. [3, л. 1]. Биографические сведения о А. А. Захваткине можем почерпнуть из сохранившихся его личного дела и трудового списка [4; 5]. Сведения не богаты, однако

достаточно, чтобы получить представление о драматической судьбе исследователя, прожившего недолгую, но активную жизнь и разделившего участь многих ученых того времени — 20–30-х гг. XX в.

Целый ряд фактов узнаем из имеющейся в деле автобиографии. А. А. Захваткин родился 20 июня 1900 г. в поселке Анненковском Кузнецкого уезда Томской губернии. Его детство прошло в Барнауле, где в 1917 г. он окончил реальное училище и поступил на физико-математический факультет Томского университета. В 1922 г. он перевелся на факультет рыбоведения Петровской сельскохозяйственной академии, переименованной в конце 1923 г. в сельскохозяйственную академию им. К. А. Тимирязева. Как указывает А. А. Захваткин в автобиографии, к этому шагу его подтолкнуло то, что только в Москве функционировала тогда кафедра гидрологии. Уже во время учебы А. А. Захваткин принял участие в работе двух экспедиций: в июне и сентябре 1923 г. он работал на Всеукраинской черноморско-азовской научно-промышленной станции, а в июне — августе 1924 г. — в составе Белорусской рыбохозяйственной экспедиции.

После окончания академии в 1925 г. А. А. Захваткин был оставлен аспирантом при кафедре гидробиологии, однако «поработать не пришлось»: вскоре он был арестован и отправлен в Соловецкие лагеря сроком на три года (документы СПбФ АРАН не указывают причину ареста). Отбывая наказание, А. А. Захваткин, благодаря поддержке созданного в 1924 г. Соловецкого общества краеведения [6; 7] и других научных кругов, провел исследование «озер и луж» Соловецкого острова (как указывает А. А. Захваткин в автобиографии). Результаты исследований публиковались в «Материалах Соловецкого общества краеведения». В конце 1926 г. при его участии на острове была организована биологическая станция, и А. А. Захваткин оставался ее официальным заведующим до своего отъезда с острова (1926–1927 гг.), о чем сделана отметка в его трудовом списке. А. А. Захваткин указывает, что результаты работ этих лет помещены в отчете о работе станции за 1927 г.

После отъезда с острова молодой ученый был зачислен научным сотрудником (с 1 марта по 3 июля 1928 г.), а вскоре назначен заведующим Костромской биологической станцией, где и проработал до 15 декабря 1928 г. К тому времени он опубликовал 6 научных работ, перечень которых можно найти в автобиографии [4, л.

6]. С 1 октября 1928 г. с него досрочно было снято территориальное ограничение и разрешено свободное проживание на территории СССР (в личном деле имеется подтверждающая справка губернского отдела ГПУ в Костроме от 2 октября 1928 г. [4, л. 9]). «Вследствие этого, — сообщает другой документ, — в ноябре 1928 г. он был зачислен в ЦКУБУ [Центральная комиссия по улучшению быта ученых. — Л. Б.] и в настоящее время обладает всеми правами для занятия государственной должности» [4, л. 7].

А. А. Захваткин прибыл в Ленинград и 7 марта 1929 г. был зачислен в КИБ в должности ученого секретаря (в анкете имеется адрес его проживания в Ленинграде на момент поступления в КИБ: ул. Садовая, д. 11, кв. 59; тел. 4-64-64). В этой должности он отправился на Байкальскую станцию в Маритуй на постоянное место жительства [4, л. 12]. На Байкале А. А. Захваткин работал в должности ученого секретаря, а также принял участие в качестве научного сотрудника в экспедиции 1930 г.: в период с 10 февраля по 1 апреля и 14 мая по 1 октября [4, л. 17, 19]. В документе 1931 г. [4, л. 21; см. ниже] А. А. Захваткин назван заведующим станцией, при этом Г. Ю. Верещагин именуется в документах того времени как директор. Очевидно, в это время А. А. Захваткин фактически замещал Г. Ю. Верещагина.

Как свидетельствуют источники, это было время, требовавшее для организации работы станции больших усилий. В 1929 г. в распоряжении станции было одно судно, называвшееся «Чайка». К концу 1929 г. начались работы по расширению воднотранспортной базы. Сохранился договор о постройке для Байкальской станции нового судна, подписанный в Маритуге 5 декабря 1929 г., где от имени БИК в качестве подрядчика выступил А. А. Захваткин (бригада рабочих значится в следующем составе: Даниил Павлович Мыскин (старший артели, проживавший по адресу: г. Иркутск, ул. Лассалья, 33), Анатолий Яковлевич Латуин, Николай Елисеевич Кашеев, Иван Сергеевич Сиресенко, Иван Ильич Бахтин). Из текста договора имеем некоторые данные о судне: длина 16,5 м, ширина 3,3 м, «на дубовых шпангоутах <...>, с установкой усиленных шпангоутов, с увеличенным сечением». На судне предполагалось устройство «служебного, машинного отделений и других надстроек со всей необходимой мебелью, а также установка мачты и рангоута». По договору работы, оцененные в 4 тыс. руб., должны были

быть завершены к 1 июня 1930 г. [1, л. 13–13об.]. Очевидно, речь идет о судне, которое работало на станции долгие годы и хорошо известно по документам, — о катере «Дыбовский», названном в честь известного российско-польского исследователя Байкала, члена-корреспондента Императорской академии наук — Б. И. Дыбовского [8; 9].

В это же время начались работы по перемещению станции: в Маритуе не оказалось удобной стоянки для исследовательских судов, и в 1930 г. станцию передвинули восточнее, к Лиственничному заливу в устье Ангары, в поселок Лиственничный. Заботы по переезду также легли на плечи А. А. Захваткина: как сообщают записи личного дела, из-за постройки судна и переезда станции ему не удалось использовать отпуск за 1930–1931 гг. Очевидно, совокупность всех жизненных пережитий оказалась тягостной для молодого человека, и 17 апреля 1931 г. в Академии наук было доложено о кончине заведующего БЛС А. А. Захваткина. В своем письме по этому поводу Г. Ю. Верещагин сообщает, что 1 апреля 1931 г. А. А. Захваткин покончил жизнь самоубийством, «утопившись в проруби Байкала. Из оставленных родным и сослуживцам писем ясно, что причины, заставившие его искать смерти, явились следствием тяжелой психологической депрессии, от которой он не смог освободиться и не находил сил для жизни. Перед смертью, под предлогом ухода со службы на станции, А. А. Захваткин сдал все дела и денежную отчетность научному сотруднику Ф.[В.] Крогиус, и, таким образом, все его дела в порядке. Личную библиотеку, рукописи и материалы он передал станции, о чем меня извещает. Кроме того, А. А. Захваткин прислал мне прилагаемое заявление, в котором он просит выдать своей матери причитающееся ему за неиспользованный отпуск вознаграждение. Очень прошу со своей стороны удовлетворить его последнее желание» [4, л. 22–22об.]. Последний документ дела — упомянутая Г. Ю. Верещагиным лаконичная записка-заявление А. А. Захваткина, написанная карандашом на небольшом листке бумаги: «В связи с моим вынужденным уходом со станции прошу компенсировать мне не использованный мною 2-месячный отпуск за 1930–1931 гг.» [4, л. 23]. По решению руководства Академии наук матери А. А. Захваткина была выдана зарплата за апрель и компенсация за неиспользованный отпуск [4, л. 20]. Такова жизненная история и история службы на Байкальской станции ученого,

имя которого так скупо упоминается в документах по персональному составу БЛС.

Не так очевидна ситуация со ставкой научного сотрудника II разряда, упоминаемого в рассматриваемом списке за 1929 г. Ни один из документов по персональному составу фонда не называет конкретного имени. В процитированном выше письме Г. Ю. Верещагина [4, л. 22–22об.] названо имя преемницы А. А. Захваткина — ихтиолога Фаины Владимировны Крогиус (1902 — ?). Документы указывают прямо, что после смерти А. А. Захваткина она была назначена временно исполняющей обязанности заведующего станцией [4, л. 21]. Из личного дела, прежде всего из имеющейся в нем автобиографии [10, л. 2–2об.], можем почерпнуть некоторые биографические сведения о ней. Ф. В. Крогиус родилась 21 марта 1902 г. в Петербурге. Ее отец был преподавателем математики в средней школе и Женском политехническом институте (до 1917 г.), затем — в Институте им. А. И. Герцена и Институте коммунального строительства. Сама Ф. В. Крогиус в 1918 г. окончила среднюю школу и в 1918–1922 гг. работала учителем в школе первой ступени в Лужском уезде, а в 1922 г. была командирована Лужицким отделом народного образования для обучения в географическом институте. Во время учебы Ф. В. Крогиус смогла пройти практику: летом 1924 г. — на Мурманской биологической станции, осенью — на оз. Имандра; там она проводила ихтиологические и гидробиологические исследования также в 1925, 1926 и 1927 гг. Затем была вынуждена на время прервать учебу и защитила диплом в 1928 г. на географическом факультете ЛГУ. В 1929–1931 гг. Ф. В. Крогиус была аспиранткой Исследовательского института географии при ЛГУ, в 1928–1929 гг. смогла принять участие в экспедиции на Байкал: изучала ил реки Баргузин и Чивыркуйского залива. В 1930 г. по предложению колонизационного отдела Мурманской железной дороги организовала под методическим руководством Института рыбного хозяйства Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (куда была зачислена временной внештатной сотрудницей) экспедицию на оз. Имандру и Умбозеро по выяснению промысловых возможностей этих озер. К 1931 г. Ф. В. Крогиус имела уже 5 печатных работ.

30 октября 1930 г. Ф. В. Крогиус подала заявление о принятии ее на БЛС, в должности научного сотрудника I разряда для занятий

по ихтиологии и рыболовству [10, л. 3]. Президиум Академии наук не сразу дал разрешение о принятии ее на работу; Г. Ю. Верещагину пришлось в решительном тоне писать 4 января 1931 г. в президиум: «В утвержденный план станции входят две ответственные работы (по изучению биологии и систематике сигов Малого моря и по изучению условий захода омуля в Селенгу), которые смогут быть выполнены лишь при условии замещения имеющейся вакансии. Найти же специалиста по ихтиологии, который был бы достаточно опытен для того, чтобы самостоятельно вести работу и даже руководить работой целого отряда экспедиции, вообще крайне трудно, особенно ввиду того, что работа на станции требует длительного пребывания на Байкале. Ф. В. Крогиус имеет еще то преимущество, что она уже два года работала в составе Байкальской экспедиции АН и в настоящее время занята обработкой материалов по сигам Байкала, так что плановая работа станции составляет продолжение ее работ на Байкале» [10, л. 9]. Президиум тут же утвердил Ф. В. Крогиус в должности с 15 января 1931 г. Известен ее адрес в Ленинграде на момент принятия в Академию наук: ул. Бронницкая, д. 16, кв. 4 (тел. 97–10); на ее иждивении находился в то время один член семьи. Ф. В. Крогиус была командирована на Байкал, в Лиственничное, однако проработала в этой должности недолго: 15 апреля 1932 г. уволилась по собственному желанию [10, л. 12, 14].

Таким образом, у нас есть имя научного сотрудника станции, принятого в штат лишь в 1931 г. Была ли закрыта и кем закрыта ставка научного сотрудника в 1929 г. — документы фонда сведений не дают.

Технический персонал БЛС, согласно рассматриваемому списку, представлен тремя должностями: механик, лоцман и служащий. Эти имена известны.

Список служащих 1930 г. называет в качестве механика Анатолия Николаевича Антонова [3, л. 1], а его трудовой список указывает, что на этой должности он работал с 15 сентября 1929 г. [11]. Из трудового списка получаем и некоторые биографические сведения. А. Н. Антонов родился 29 октября 1900 г., окончил ремесленное училище, овладев специальностями моториста, токаря, слесаря и работал токарем на чугунолитейном механическом заводе в Иркутске (1918–1919 гг.), помощником машиниста на бондарном за-

воде в том же Иркутске (1921–1923 гг.); в 1927–1928 гг. работал шофером (не указано, где). В одном из списков БЛС дан стаж его работы в Академии наук на 1933 г. — 6 лет [10, л. 3], соответственно, его работа шофером в 1927–1928 гг. также могла быть связана с байкальскими экспедициями АН. В феврале 1933 г. А. Н. Антонов был исключен из числа штатных сотрудников, но не уволен, а переведен на финансирование из целевых средств (финансирование станции осуществлялось не только из бюджетных средств: в начале 30-х гг. это были две организации: Бюро ангаро-енисейской проблемы (Ангарстрой) и Центральное бюро водного кадастра) [14, л. 26]. С 15 февраля 1935 г. он вновь переведен на штатную должность по госбюджету, в 1935 г. назначен ответственным за механическое оборудование станции [13, л. 28–29об.]. Однако вскоре история его работы на станции завершилась: 1 октября 1935 г. он был уволен (за вождение в нетрезвом виде, «чем подверг опасности научных работников, ехавших в машине, и целость самой машины» [13, л. 36–37]). С 1933 г. он значится в списках как механик катера «Дыбовский» [12, л. 3], но, судя по формулировке приказа об увольнении, а также по содержанию других документов, функции А. Н. Антонова должны были распространяться также на обслуживание автомашины станции.

1 декабря 1929 г. была заполнена ставка лоцмана, которым стал Денис Григорьевич Есипов [1, л. 11]. В своей автобиографии Д. Г. Есипов сообщает о предыдущем опыте работы: в 1910–1916 гг. он работал боцманом на ледоколе «Байкал», затем до 1920 г. — помощником командира на пароходе «Лейтенант Шмидт», командиром на пароходах «Трудящийся» (до 1923 г.), «Интернационал» (до 1924 г.), затем — водоливом, помощником командира и рулевым на пароходе «Кругобайкалец» (1927–1929 гг.). На БЛС Д. Г. Есипов проработал до 1 июня 1933 г. — до увольнения по собственному желанию; в списках 1931 г. он значился еще лоцманом, в 1933 г. — командиром судна.

И последняя ставка — служитель. С 15 ноября 1929 г. служителем БЛС был назначен Елиферий (Елевферий) Васильевич Иванов (1872–1938) [1, л. 7]. История его работы на Байкальской станции была многолетней и драматичной. Е. В. Иванов родился 15 декабря (согласно архивной справке из ФСБ РФ (см. ниже) — 17 декабря) 1872 г. в селе Ясиноватая Бахмутского уезда Екатеринославской

губернии. Образование имел низшее, в 1884 г. окончил трехклассное уездное Бахмутское приходское училище [15, л. 1, 16].

До работы на БЛС служил десятником по земельным работам в Иркутской городской управе (1900–1903 гг.), помощником машиниста на Забайкальской железной дороге (1904–1907 гг.), а с 1908 г. — наблюдателем в Иркутской магнитной метеорологической обсерватории и на 1928 год, согласно анкете, еще в ней состоял. 20 октября 1928 г. товарищ председателя КИБ Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля (1864–1937) и Г. Ю. Верещагин обратились в президиум Академии наук с просьбой выделить ставку младшего служителя зоологического музея для обслуживания дома в Маритуе, лаборатории и для охраны имеющегося на станции имущества [17, л. 2–2об.]. На эту должность был рекомендован Е. В. Иванов [17, л. 3], на что Управление делами АН прислало свое согласие 26 октября 1928 г. Он стал числиться младшим служителем зоологического музея с 1 октября 1928 г. [17, л. 4] и проводил гидрометеорологические наблюдения в Маритуе [1, л. 7]. Из этой же переписки узнаем, что с Академией наук Е. В. Иванов сотрудничал уже с 1 июня 1925 г., в академической Байкальской экспедиции, из чьих средств производилась оплата его работы [17, л. 3]. Этот факт зафиксирован и в другом документе от 1935 г., где указано в качестве срока работы в Академии наук 10 лет [12, л. 3]; таким образом, и эти сведения относят начало его сотрудничества с зоологическим музеем на 1925 г. С 15 ноября 1929 г., как было указано выше, Е. В. Иванов был назначен служителем, а на 1 декабря 1930 г. он состоял уже в должности старшего служителя и был переведен на должность наблюдателя [17, л. 7]. С 1933 г. в документах по персональному составу Е. В. Иванов проходит как старший наблюдатель.

На БЛС в разное время работали члены семьи Е. В. Иванова. Его супруга Екатерина Андреевна Иванова родилась в 1876 г. в городе Иркутске, 4 года проучилась в прогимназии, затем нигде не работала и, будучи домохозяйкой, жила, как сама указала в анкете, на иждивении мужа [18; 19]. На БЛС служила наблюдателем по рейке водоизмерения с 11 апреля 1934 г. [15, л. 3] и была уволена с 1 января 1935 г. «ввиду изменения характера работ» [12, л. 9]. Их дочь Антонина (на обложке ее личного дела написано Антанида [20]) носила по мужу фамилию Молоткова. А. Е. Молоткова роди-

лась, согласно анкете (единственному документу, сохранившемуся в ее личном деле), 13 июня 1910 г. в Иркутском уезде, считала себя малограмотной и до поступления на БЛС работала (выполняя, очевидно, обязанности технического персонала) в школе и интернате при станции Маритуй. 9 мая 1935 г. была зачислена на должность уборщицы БЛС [21, л. 1], а 16 марта 1936 г. уволена [20, л. 2].

1 декабря 1934 г. на станцию приходит работать сын Е. В. Иванова — Николай Елиивфериевич Иванов [13, л. 15] (родился в 1903 г. на ст. Могзон), сначала в качестве рабочего, матроса, затем рулевого катера «Чайка» [12, л. 59], впоследствии — командира судна «Дыбовский». В соответствии с архивной справкой ФСБ РФ (Управление по Иркутской области) от 20.03.2017 № 10/2-И-193, любезно предоставленной членами семьи Е. В. Иванова, реконструирующими сегодня свою историю (Мария Георгиевна Иванова, Марина Сергеевна Игошина (Иванова)), в семье Ивановых было еще три дочери: Елизавета, Зинаида, Екатерина, которые на БЛС, как кажется, не работали.

Роковым в судьбе Е. В. Иванова оказался 1937 год. В фонде БЛС находится приказ от 29 ноября 1937 г.: «Наблюдатель станции Елиивферий Иванов уволен от должности с 9 ноября вследствие его ареста органами НКВД» [22, л. 76]. В его личном деле имеется справка из поселкового Совета Лиственничное от 15 ноября 1937 г., подтверждающая, что Е. В. Иванов был арестован НКВД и увезен из пределов поселка Лиственничное [23]. Как указывает упомянутая архивная справка, Е. В. Иванову было предъявлено обвинение в том, что он «принимал участие в контрреволюционной организации и в проведении контрреволюционной агитации и пропаганды». На его место на должность наблюдателя был принят сын, Н. Е. Иванов, «с одновременным освобождением его от должности командира судна» [15, л. 76]. Арест Е. В. Иванова был произведен 6 ноября 1937 г., а уже 27 мая 1938 г. он скончался в Иркутской тюремной больнице. Е. В. Иванов был реабилитирован постановлением УКГБ Иркутской области 1 сентября 1965 г. [24] «за отсутствием события преступления».

Литература

1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 74. Оп. 1. Д. 70.

2. СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 219.
3. СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 257.
4. СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1460.
5. СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 5148.
6. Смирнова М. А. 80 лет Соловецкому обществу краеведения // Памятные даты Архангельской области, 2004 год. Архангельск, 2004. С. 81–85.
7. Смирнова М. А. Формы гражданской активности в рамках краеведческой работы [Электронный ресурс] // Соловецкое общество краеведения и его деятельность. URL: <https://refdb.ru/look/3106730.html> (дата обращения: 06.10.2017).
8. Бондарь Л. Д., Бишофф У. Российско-польский ученый Б. И. Дыбовский (1833–1930) как исследователь Сибири и Камчатки // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2016. Вып. 3 (55). С. 12–18.
9. Бондарь Л. Д. Экспедиции Б. И. Дыбовского. 1867–1876, 1879–1883 гг. // Актуальное прошлое. Взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в.: очерки истории. Кн. 2 / сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2016. С. 1216–1225.
10. СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1988.
11. СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4806.
12. СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 193.
13. СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 192.
14. СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 141.
15. СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 3423.
16. СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 5177.
17. СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1974.
18. СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4418.
19. СПбФ АРАН. Ф. 74 Оп. 2. Д. 32.
20. СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 3440.
21. СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 2. Д. 39.
22. СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 256.
23. СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 2. Д. 31.
24. Жертвы политического террора в СССР (база данных) [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.openlist.wiki/1872> (дата обращения: 06.10.2017).

УДК 930.1:94(571.5)

ОБРАЗ БАМА В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
(на материалах работ К. Уарда)

© *Байкалов Николай Сергеевич*

кандидат исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет,
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а
E-mail: baikalov@bsu.ru

Байкало-Амурская магистраль вызывала интерес зарубежных исследователей с начала ее возведения. С окончанием сооружения дороги и одновременным распадом СССР количество исследований, посвященных истории БАМа, за рубежом сократилось. В настоящее время намечился новый подъем активности иностранных ученых. Среди них одно из центральных мест занимает американский историк К. Уард, работы которого посвящены советскому периоду строительства и эксплуатации БАМа. Данная статья посвящена анализу основных публикаций ученого, описанию проблемно-тематического поля исследований, выявлению тенденций, характерных для зарубежной историографии. В заключении сделан вывод присутствия в современной западной историографии БАМа советологической традиции второй половины XX в.

Ключевые слова: Байкало-Амурская магистраль; развитой социализм; позднесоветская модернизация; застой; историография; советология.

THE BAM IMAGE IN FOREIGN HISTORIOGRAPHY
(based on the works of K. Ward)

Nikolai S. Baikalov

Cand. Sci. (Histor.), A/Prof.,
Buryat State University,
24a, Smolina, Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: baikalov@bsu.ru

The Baikal-Amur Mainline has attracted interest from foreign researchers since the beginning of its building. With the end of the construction and disintegration of the USSR, the number of abroad studies connected with the history of BAM has decreased. At present, a new upsurge in the activity of foreign historians has begun. American historian Chr. Ward occupies one of the central places among them. His works are devoted to the Soviet

period of construction and operation of the Mainline. This article analyzes the main publications of the historian, describes the problem-thematic field of research, identifies the trends of foreign historiography of the BAM. The author concludes there is Sovietological tradition of the second half of the 20th century in the contemporary historiography of the BAM.

Keywords: Baikal-Amur Mainline; developed socialism; late-Soviet modernization; «zastoi»; historiography; Soviet studies.

История БАМа занимает одно из центральных мест в зарубежной историографии развитого социализма в СССР. Интерес исследователей к данному проекту был обусловлен желанием оценить эффективность позднесоветской системы и определить перспективы ее развития.

В зарубежной историографии БАМа можно выделить три периода: 1970–1980-е гг.; 1990 — начало 2000-х гг.; 2000–2010-е гг. На первом этапе на содержание работ оказало влияние идеологическое противостояние западного и советского блоков, политика «железного занавеса». Авторы пытались критически переосмыслить советские пропагандистские и публицистические тексты о БАМе, понять «истинные» причины строительства и мотивы приезда строителей. В 1990-е гг. интерес к БАМу как со стороны отечественных, так и зарубежных историков упал. Многие работы этого времени были сконцентрированы на изучении сталинского БАМлага, что было связано с открытием доступа к ранее засекреченным архивам. На современном этапе история советского и постсоветского БАМа вновь привлекает исследователей. В работах осуществляется пересмотр принятых ранее оценок, расширяется набор междисциплинарных подходов и методов анализа, в том числе социальной антропологии, гуманитарной географии и т. д.

Одним из наиболее крупных современных исследователей БАМа является американский историк Кристофер Уард (1). Специализируясь на периоде позднего социализма, он рассматривает данное время в рамках концепции «застоя». Хронологически работы Уарда охватывают период строительства магистрали с середины 1970-х гг. до укладки «золотого звена» и открытия сквозного рабочего движения в 1984 г.

В основе теоретических построений ученого лежит категория мифа. Опираясь на дискурс-анализ документальных и периодических источников, местной публицистики и опубликованных воспо-

минаний, автор описывает структуру и способы конструирования советского мифа о БАМе.

Этот миф, по мнению Уарда, включал такие атрибуты: торжество строителей над суровой природой Севера, многонациональный характер стройки, молодежный образ БАМа, историческую легитимацию брежневского проекта и т. д. В конечном счете он был направлен на достижение счастливого коммунистического будущего. «Бамовские авторы скроили «миф», обращенный ко множеству потенциально разочаровавшихся групп населения, включая национальные меньшинства, женщин, молодежь, тех, кто пережил форсированную сталинскую индустриализацию и Вторую мировую войну, — в надежде, что их объединенная поддержка проекта укрепит коллективную веру в советскую модель государственного социализма» [6, с. 76–77].

Отсюда становится понятным, почему исследователь фокусируется на нетрадиционных для отечественной историографии БАМа проблемах: «прометеанизм» проекта и зарождение экологического движения, интернационализм и межэтнические противоречия «стройки века», проблемы гендерного неравенства, положение женщин на магистрали, преступность и коррупция в бамовских сообществах и т. д.

Идея прометеанизма, состоящая в триумфе человечества над природой, по наблюдениям Уарда, пронизывала официальный бамовский нарратив. Бамовцы характеризовались как первопроходцы, часто сравнивались журналистами с покорителями Сибири XVII века или строителями Транссибирской магистрали. В описаниях «стройки века» использовались военные аналогии. Строителей именовали «бойцами», коллективы рабочих — «десантами» и «отрядами», сама стройка провозглашалась «ударной», а магистраль должна была стать «плацдармом» для освоения минеральных ресурсов. Начиная с тридцатой годовщины Победы в 1975 г. репортеры посвящали почти каждую вежу в строительстве БАМа памяти о войне. Советские СМИ «изображали бамовцев как военный авангард, занятый в эпическом сражении против вечной мерзлоты зоны БАМа» [6, с. 78–79]. На практике советский прометеанизм имел обратный эффект, вызвав к жизни первые экологические движения, прежде всего, связанные с защитой Байкала [1, с. 50–56; 5, с. 63–67].

Советский тезис об интернациональном характере стройки, по мнению К. Уарда, нуждается в пересмотре. Автор отмечает, что национальный состав рабочих, прибывших из союзных республик, был преимущественно славянским. При этом «журналисты редко называли национальность строителя, если он являлся русским, украинцем или белорусом. Упоминание родной республики любого бамовца неславянского происхождения становилось предметом особой заботы репортеров». В условиях возрастания скрытой напряженности в межэтнических отношениях, особенно в Средней Азии и на Кавказе, правительству было важно подчеркнуть сотрудничество республик СССР в сооружении БАМа [1, с. 114–125; 5, с. 156–186].

Укрепление международного авторитета СССР после Пражской весны и ввода войск в Афганистан осуществлялось в том числе путем привлечения представителей преимущественно социалистических стран на БАМ. «Стройка века» была своеобразной витриной развитого социализма. Регулярно в зону строительства привозили зарубежных музыкантов, журналистов, лидеров рабочего движения и пр. [4, с. 286–294].

Концепция БАМа как молодежной стройки реализовывалась в многочисленных рассказах о романтике таежного быта, развитой социальной инфраструктуре рабочих поселков, примерах карьерного роста передовиков стройки. «В то время, как в действительности ежедневная жизнь бамовцев состояла из перебоев с продовольствием, нехватки электроэнергии, серьезных холодов зимой и орд насекомых летом, бамовские мифологи привлекали внимание к почти идиллическому существованию «первопроходцев», желая в условиях отсутствия сталинского принуждения привлечь на БАМ рабочие руки» [6, с. 80–82].

Особое внимание К. Уард уделяет проблеме гендерного неравенства на БАМе. Женщинам было сложнее устроиться на работу, претендовать на бамовские надбавки к зарплате и прочие льготы, получить место в рабочем общежитии, сделать карьеру руководителя и т. д. Вопреки декларируемому равноправию полов, на практике женщина выступала оплотом традиционных семейных ценностей, «гордой и ответственной матерью будущего бамовского поколения». Согласно наблюдениям ученого, такое патриархальное культурное явление было характерно не только для БАМа, но и для все-

го советского общества периода позднего социализма [1, с. 84–112; 5, с. 191–199].

Тема преступности на БАМе является еще одной сферой интересов американского историка. На основе архивных данных и публикаций в СМИ (так называемая «мягкая критика») он рассказывает о коррумпированности комсомольских организаций БАМа, спекуляциях дефицитными товарами и целевыми чеками на автомобили, к которым имели доступ бамовцы. Из-за отсутствия или неудовлетворительного состояния культурно-досуговых учреждений и непродуманной социально-культурной политики, по мнению Уарда, в районах возведения магистрали широко распространились девиантные формы поведения (алкоголизм, воровство, изнасилования). В результате бамовцы не превратились в образцовых строителей коммунизма, а стройка века стала антипанацеей советской системы [2, с. 58–79; 3, с. 126–153].

Оценивая БАМ в целом, К. Уард считает, что проект не достиг ни одной из поставленных задач. Он не смог стимулировать экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока, не укрепил веру советских граждан в коммунистические идеалы, и, в конечном счете, не помог выйти системе государственного социализма из состояния стагнации и кризиса. В заключении своей монографии автор отмечает, что «опыт БАМа не имел значения в аспекте материальных достижений, ни одно из которых не состоялось... Отношения БАМа и общества показали чрезвычайный недостаток чувствительности советского бюрократического аппарата к растущему числу скрытых социальных и культурных проблем, так же, как и внутренних противоречий в развитии государственной машины... Хотя «миф» о БАМе оставался застойным, реальный мир вокруг этого «мифа» таковым не являлся. Возможно, это помогает понять, почему события брежневской эры... представляют прелюдию заключительного акта в драме советского государственного социализма» [1, с. 166–171].

Таким образом, исследовательская стратегия К. Уарда строится на типичном для западной историографии противопоставлении официально насаждаемого «сверху» образа БАМа и практического опыта строителей магистрали. Последний реконструируется по тем же текстам, что и «советский миф». «Разоблачительный» пафос, присутствующий в большинстве работ ученого, приводит к пони-

манию «мифа», как не имеющего отношения к «реальной действительности». В результате из инструмента исследования бамовский миф у К. Уарда превращается в инструмент государственной идеологии, культурно-антропологический ракурс исследований смещается в плоскость традиционной «советологии».

Примечание

В 2002 г. К. Уард защитил докторскую диссертацию по теме ««Path to the Future» or the Road to Nowhere? A Political and Social Examination of the Construction of the Baikal-Amur Mainline Railway (BAM), 1974–1984» («Путь в будущее или дорога в никуда? Политическое и социальное исследование строительства Байкало-Амурской магистрали, 1974–1984») в Университете Северной Каролины (Чапэл Хилл, США). В 2009 г. на основе диссертационного исследования была подготовлена монография «Brezhnev's Folly: The Building of BAM and Late Soviet Socialism» («Поражение Брежнева: строительство БАМа и поздний советский социализм»). Всего автор имеет около 30 публикаций, посвященных позднему социализму, включая статьи, материалы конференций, обзоры и рецензии. В Клайтонском университете он является главным редактором продолжающегося издания «The Soviet and Post-Soviet Review».

Литература

1. Ward Chr. J. Brezhnev's Folly: The Building of BAM and Late Soviet Socialism. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2009. 256 p.
2. Ward Chr. J. Building Socialism?: Crime and Corruption During the Construction of the Baikal-Amur Mainline Railway // Global Crime. 2007. № 1. P. 58–79.
3. Ward Chr. J. Detours along the 'Path to the Future': Crime and Corruption during the Construction of the Baikal-Amur Mainline Railway (BAM), 1974–1984 // Acta Slavica Iaponica. 2003. March 20. pp. 126–153.
4. Ward Chr. J. Laying the Rails of 'Fraternal Cooperation': Soviet Citizens and Foreigners in the Construction of the Baikal-Amur Mainline Railway (BAM), 1974–1984 // Problemy slavianovedeniia. 2002. № 4. P. 286–294.
5. Ward Chr. J. «Path to the Future» or the Road to Nowhere? A Political and Social Examination of the Construction of the Baikal-Amur Mainline Railway (BAM), 1974–1984. PhD Dissertation. Chapel Hill: University of North Carolina. 2002. 281 p.
6. Ward Chr. J. Selling the 'Project of the Century': Perceptions of the Baikal-Amur Mainline Railway (BAM) in the Soviet Press, 1974–1984 // Canadian Slavonic Papers. 2001. №1 (March). P. 75–95.

УДК 94 (571.54)

ПОДГОТОВКА МЕХАНИЗАТОРСКИХ КАДРОВ
В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР (1930–1960 гг.)

© *Яковлев Алексей Леонидович*

кандидат исторических наук, доцент,
Бурятская сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова,
Россия, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, д. 8
E-mail: klio-1976@mail.ru

В статье рассматривается подготовка механизаторских кадров в Бурят-Монгольской АССР (с 1958 г. Бурятская АССР).

Ключевые слова: система подготовки; кадры; МТС; школы механизации; курсы; тракторист; механизатор.

PREPARATION OF MACHINE-BUILDING PERSONNEL
IN THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR (1930–1960)

Alexsey L. Yakovlev

Cand.Sci. (Hist.),
Buryat State Agricultural Academy. V. R. Filippov,
8, Pushkin, Ulan-Ude 670034, Russia
E-mail: klio1976@mail.ru

The article deals with the training of mechanization personnel in the Buryat-Mongolian ASSR (Buryat ASSR from 1958).

Keywords: training system, staff, MTS, mechanization school, courses, tractor-driver, mechanic.

В 1929 г. началась массовая поставка сельскохозяйственной техники в деревню. С 1930 г. начинают работать машинно-тракторные станции (МТС). В Бурят-Монгольской АССР первые МТС и машинно-сенокосные станции (МСС) были организованы в 1931 г. [1, с. 21].

Для успешного внедрения механизации в сельское хозяйство увеличивалась потребность в кадрах, однако поставка техники началась в условиях практически полного отсутствия системы подготовки механизаторских кадров. Обучением механизаторов занимались Красная Армия, промышленные предприятия, профсоюзы города.

В 1932 г. постановление СНК РСФСР определило систему обучения без отрыва от производства. В нее были включены агротехнические школы для подготовки бригадиров по отдельным отраслям, звеньевых, счетоводов-механиков, трактористов, комбайнеров со сроком обучения от 2 лет до 2,5; в дальнейшем они стали называться школами механизации [1, с. 25].

В 1934 г. в республику стали поступать новые марки тракторов. Для подготовки механизаторов к работе на более совершенной технике на базе Селенгинской МТС в 1934 г. была открыта республиканская школа трактористов [1, с. 22], в феврале 1936 г. реорганизованная в школу комбайнеров и шоферов.

Несмотря на открытие школ при МТС, механизаторских кадров в республике не хватало. Приумножить количество выпускаемых квалифицированных специалистов было решено через краткосрочные курсы, ускоренные выпуски профтехшкол, техникумов, школ механизации. В 1939 г. открывается Илькинская школа механизации сельского хозяйства [2, с. 194]. Затем открылись Татауровская и Селенгинская механизаторские школы. В школы принимали колхозников, проработавших на тракторе не менее одного сезона и имевших 7-летнее образование, а также учащихся старших классов, прошедших сельхозобучение [1, с. 24].

Существовавшие при каждой МТС краткосрочные курсы были нацелены на массовую подготовку механизаторских кадров. Так, в 1938 г. при МТС было подготовлено механизаторов различных специальностей 1674, в 1939 г. — 2917, но потребность в трактористах не была удовлетворена в силу большой текучести кадров [3, с. 103].

Великая Отечественная война помешала завершению построения единой системы сельскохозяйственного образования. В годы войны пополнение механизаторских кадров осуществлялось за счет подготовки женщин и невоеннообязанных мужчин. Обучение велось на промышленных предприятиях, в учреждениях, школах, на курсах и без отрыва от производства в сельских районах. В 1942 г. для массовой ускоренной подготовки были созданы двадцатидневные курсы [4, с. 36].

Необходимость пополнения сельского хозяйства специалистами с технической и инженерной подготовкой хорошо понимали и в 1940-е годы. Однако МТС Бурят-Монгольской АССР механизаторскими кадрами высшей и средней квалификации не пополнялись, за

исключением трех инженеров-механиков, направленных в республику в 1948 г. из центральных регионов [5, л. 99]. До 1960 г. Бурят-Монгольский зооветеринарный институт, образованный в 1931 г., массовую подготовку квалифицированных специалистов в области механизации сельского хозяйства не проводил. В 1949 г. из 194 механиков, работающих в 36 МТС, только двое имели высшее образование и четверо — среднее техническое, а 188 механиков имели лишь курсовую подготовку [5, л. 99].

Острая нужда в квалифицированных механизаторских кадрах еще больше увеличивалась в связи с введением в МТС должности главного инженера — заместителя директора по технической части, старшего механика по механизации трудоемких работ в животноводстве и механика-контролера.

Секретарь Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) Лобсанов и заместитель председателя Совета Министров республики Антонюк обратились с просьбой об оказании помощи сельскому хозяйству республики кадрами специалистов к заместителю Председателя Совета Министров Союза ССР Г. М. Маленкову. Георгий Максимальнович откликнулся на эту просьбу. Министерство сельского хозяйства СССР выделило для Бурят-Монгольской АССР 18 молодых специалистов, окончивших учебные заведения в 1949 г., в том числе 8 инженеров, электриков и гидротехников и 10 техников-механиков [5, л. 100].

В послевоенные годы в Бурят-Монгольской АССР подготовка механизаторских кадров проводилась в трех школах механизации сельского хозяйства: Илькинской, Селенгинской, Татауровской. В 1950 г. была открыта школа механизации сельского хозяйства в Мухоршибирском аймаке, а в 1951 г. — в селе Петропаловка Джидинского аймака [6, л. 1, 25]. В этих школах готовили трактористов гусеничных тракторов, бригадиров тракторных бригад, комбайнеров, механиков и шоферов.

Срок подготовки по специальностям был различный — от 18 месяцев до 12 часов. Так, механики МТС обучались 18 месяцев, бригадиры — 5, комбайнеры — 6, шоферы — 5, трактористы гусеничных тракторов — 2, трактористы-универсалы — 5, ремонтники (разные) — 6, помощники комбайнера — 2, сельхозученики — 12 часов [7, с. 230].

Количество школ механизаторских кадров увеличивалось, однако план подготовки кадров по отдельным профилям все-таки не выполнялся. Так, например, в 1952 г. при Татауровской школе подготовка бригадиров тракторных бригад по существу была сорвана. При плане 67 человек обучались всего 14 [7, с. 230].

До 1953 г. основными формами подготовки механизаторских кадров были школы механизации сельского хозяйства, находившиеся в ведении Министерства сельского хозяйства СССР, и курсы непосредственно при МТС и совхозах, причем массовая подготовка проводилась на курсах [8, с. 73], и квалификация выпускников-механизаторов была крайне низкой. Они, как правило, умели только управлять машиной, но были совершенно беспомощны при ее остановке. Поэтому тракторист, окончивший курсы при МТС, как правило, первые месяцы работы «дообучивался» в поле [7, с. 231]. Курсы и школы отставали от уровня технического прогресса в сельском хозяйстве. Они не имели достаточно квалифицированных преподавателей, не располагали надлежащей учебно-материальной базой, были краткосрочными и готовили механизаторов узких специальностей.

Решениями сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС подготовка механизаторских и других квалифицированных кадров для сельского хозяйства была поручена системе Трудовых резервов СССР. Ранее существовавшие школы механизации сельского хозяйства, подчинявшиеся местным земельным органам, были реорганизованы в училища механизации сельского хозяйства (УМСХ) со сроком обучения от 6 месяцев до 1 года.

УМСХ готовили трактористов и машинистов широкого профиля с квалификацией слесаря для работы на дизельных тракторах, комбайнах и сложных сельскохозяйственных машинах; в них осуществлялась годичная переподготовка бригадиров тракторных бригад и их помощников [9, с. 57].

Однако учебно-материальная база в училищах оставалась очень слабой. Например, до 1957 г. для практического обучения учащихся ни одно из четырех УМСХ Бурят-Монгольской АССР не имело учебного хозяйства [10, л. 23].

В 1954–1955 гг. в системе Трудовых резервов СССР были организованы технические училища, как следствие широкого развития среднего образования. В них уже велась подготовка машинистов

паросиловых и дизельных установок, машинистов экскаваторов с квалификацией тракториста дизельных тракторов, электромехаников и радиомехаников сельской электрификации и радиофикации и других наиболее сложных профессий.

В декабре 1958 г. государственные Трудовые резервы были преобразованы в Государственную систему профессионально-технического образования. По линии сельскохозяйственных органов создается новая форма подготовки механизаторских кадров — четырехмесячные курсы. Стационарные училища системы профтехобразования и четырехмесячные курсы, организованные по линии сельскохозяйственных органов, должны были покрыть дефицит механизаторских кадров. Непосредственное обучение в колхозах и совхозах на курсах без отрыва от производства являлось главным условием решения этой задачи. В Бурятской АССР эта форма обучения осуществлялась с 1960 года.

В 50-е гг. XX в. в республике также сохранялась острая необходимость в специалистах сельского хозяйства высокой квалификации. Особенно мало было инженеров и техников.

В феврале 1960 г. Совет Министров Бурятской АССР обращается в Совмин РСФСР с обоснованием необходимости открытия факультета механизации сельского хозяйства в Бурят-Монгольском зооветинституте, который планировалось открыть с 1961/62 учебного года.

В истории Бурятского сельскохозяйственного института — так стал называться БМЗВИ — 1961 год стал знаменательным. Приказом Министерства сельского хозяйства за № 218 от 17 июня 1961 г. в БСХИ открылся факультет механизации сельского хозяйства (ФМСХ). План набора студентов на 1-й курс составил 100 человек. Факультет механизации сельского хозяйства был призван готовить инженеров-механиков — квалифицированных специалистов для производственно-технологической, организационно-управленческой и исследовательской деятельности в области механизации процессов сельскохозяйственного производства, разработки технологии и организации ремонта сельскохозяйственной техники.

С первых лет основания факультет механизации сельского хозяйства стал центром подготовки квалифицированных кадров инженеров-механиков сельского хозяйства не только для Бурятии, но

и для Читинской и Иркутской областей, Республики Тыва, Саха-Якутии и других регионов [11, с. 113].

Таким образом, подготовка механизаторских кадров в рассматриваемый период характеризуется кардинальными переменами, которые произошли в связи с поиском и внедрением различных форм обучения. В Бурят-Монгольской АССР в 1930–1950-е гг. были предприняты необходимые меры по массовому охвату тружеников села механизаторским обучением, в чем были достигнуты существенные сдвиги. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. проводилась значительная работа по укомплектованию колхозов и совхозов высококвалифицированными специалистами. Механизация и электрификация производственных процессов на селе и достигнутые на этой основе рост культуры земледелия и животноводства, увеличение объема производства сельскохозяйственных продуктов были бы невозможны без подготовки инженерно-технических работников.

Литература

1. Зайцева Л. А. Подготовка и повышение квалификации кадров сельского хозяйства Бурятии в 1920–1950-е годы // Институт дополнительного и профессионального образования и инноваций БГСХА им. В. Р. Филиппова (история формирования системы подготовки и повышения квалификации кадров сельского хозяйства Бурятии (20-е годы XX — нач. XXI в.). Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2008. 224 с.
2. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 18. Д. 140. Л. 220.
3. Зайцева Л. А. Сельское хозяйство Бурятии в XX веке: опыт и проблемы развития: монография. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2011. 280 с.
4. Зайцева Л. А. Вклад тружеников деревни Бурят-Монголии в продовольственно-сырьевое обеспечение страны (1941–1945) // Тыл — фронту. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2005. 224 с.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 24. Д. 110. Л. 190.
6. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 691. Оп. 7. Д. 4709. Л. 90.
7. Яковлев А. Л. Подготовка механизаторских кадров в Байкальском регионе: 1930-е — 1950-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4/1 (72/1). С. 228–335.

8. Яковлев А. Л. Сельское хозяйство Забайкалья в 50-е годы XX века. Улан-Удэ: Изд-во Бурятская ГСХА им. В. Р. Филиппова, 2006. 128 с.

9. Смекалов П. В. Организация профессиональной подготовки кадров на селе. Л.: Колос, Ленингр. отд-ние, 1981. 210 с.

10. ГАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5836. Л. 224.

11. Нам — 75 лет: История Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова / сост. Л. А. Зайцева, А. П. Попов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятской ГСХА им. В. Р. Филиппова, 2006. 240 с.

УДК 327. (47+57 : 517.3)

СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОСВОЕНИИ ЦЕЛИННЫХ ЗЕМЕЛЬ

© *Даваажав Баяртогтох*

аспирант,

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия

им. В. Р. Филиппова,

Россия, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, д. 8

E-mail: togtox19@mail.ru

Статья посвящена советско-монгольскому сотрудничеству в области сельского хозяйства. Рассмотрена деятельность сельскохозяйственной экспедиции МСХ СССР по выявлению целинных и залежных земель в Монголии. Показана значимость финансовой и экономической помощи Советского Союза при освоении целинных земель, проанализирован опыт работы советских специалистов, особенно в подготовке монгольских кадров для сельского хозяйства.

Ключевые слова: советские сельскохозяйственные экспедиции; земледелие; Монголия; Советский Союз; освоение целины; специалисты.

SOVIET-MONGOLIAN COOPERATION IN THE DEVELOPMENT OF VIRGIN LANDS

Davaažav Bayartogtokh

Graduate stud.,

Buryat State Agricultural Academy. V. R. Filippov,

8, Pushkin, Ulan-Ude 670034, Russia

E-mail: togtox19@mail.ru

The article is devoted to the Soviet-Mongolian cooperation in agriculture. The activity of the agricultural expedition of the Ministry of agriculture of the USSR for detection of virgin and fallow lands in Mongolia was considered. The significance of the financial and economic support of the Soviet Union during the development of virgin lands and experience of the Soviet professionals in the coaching of Mongolian specialists for agriculture are analyzed.

Keywords: Soviet agricultural expeditions; agriculture; Mongolia; the Soviet Union; the development of virgin land; a specialist.

Начало сотрудничества между Монголией и Россией в области ветеринарии, образования, экономики, культуры было положено до революции 1917 г. и успешно продолжалось в советский период. МНР была второй социалистической страной в мире, помощь и поддержка Советского Союза играли существенную роль в становлении экономики страны. Изучение истории сотрудничества между МНР и СССР рассматривается в работах советских и российских историков, экономистов, дипломатических представителей — В. Д. Дугарова, Н. Ц. Сагаева, С. Б. Чимитдоржиева, Л. М. Гатауллиной, В. В. Грайворонского и др. [1]. Советские, российские историки А. В. Голых и С. К. Рощин в своих работах уделяли внимание изучению сотрудничества Советского Союза и МНР в освоении целинных и залежных земель [2]. В данной статье использован материал монгольской комиссии АН СССР (1925–1953 гг.), где В. Ф. Шубиным, Н. Д. Беспаловым, П. А. Деревянко дан анализ развития земледелия Монголии, почвенного покрова страны и сельскохозяйственного водоснабжения [3]. Изучены также документы Государственного Центрального архива Монголии и Центрального архива Монгольской народно-революционной партии, где имеются данные о деятельности сельскохозяйственной экспедиции МСХ СССР и госхозов, совхозов, сельскохозяйственных объединений, отчеты и рекомендации советских специалистов, работавших в МСХ МНР.

Актуальность данной темы вызвана тем, что после 1991 г. в Монголии изменилась собственность и остро встал вопрос о продовольственной безопасности. В его решении важным является изучение опыта освоения целинных земель, анализ помощи Советского Союза Монголии в 50–60-е гг. XX в. Освоение целинных земель в Монголии с технической и финансовой помощью Советского Союза позволило стране решить зерновую проблему. Анализ целинного опыта позволяет не только учесть положительное, но и извлечь уроки из недоработок. В основу изучения истории освоения целины легли исследования Монгольской комплексной сельскохозяйственной экспедиции АН СССР (1947–1952 гг.). Анализ работы опытных станций позволил прийти к выводу, что земледелие в Монголии способно обеспечить внутренние потребности страны в зерновых и овощных продуктах, значительно расширить кормовую базу за счет

зернофуражных и концентрированных кормов для животноводства. Для освоения целины вполне подходил бассейн Орхона и Селенги на севере Монголии, котловина больших озер на западе и Восточно-Монгольская равнина на востоке, которые считались в стране земледельческими районами [4].

В 1959 г. между правительствами Советского Союза и МНР было подписано соглашение, в котором определялась дата командировки в МНР экспедиции сроком до 10 месяцев для выявления и отбора целинных земель. Сельскохозяйственная экспедиция МСХ СССР в составе 37 человек во главе с А. Старковым, главным инженером М. Гейнце, руководителем работы Г. Елизаровым прибыла в Монголию [5, л. 2]. Экспедиция была обеспечена автотранспортом, инструментами, лагерным оборудованием и полностью финансировалась СССР. Планом МСХ МНР предусматривалось выявить и отобрать целинные земли на площади 361,1 тыс. га, в том числе: а) для существующих госхозов — 230 тыс. га; б) для новых госхозов — 131,1 тыс. га (из них 99,3 тыс. га для госхозов, организованных в 1959 г.) [4, л. 3]. Созданная правительственная комиссия предварительно определяла земельные массивы, подлежащие включению в землепользование новых госхозов, а также массивы с целинными землями для передачи их существующим госхозам. Земли были определены для госхозов Алтанбулак, Амгалан, Архустай, Байдраг, Бат-Сумбэр, Баруун-Туруун, Борнуур, Дархан, Ероо, Жаргалант, Зуунбурэн, Зуунхараа, Зэлтэр, им. Чойбалсана, Керулэн, Онон, Орхон, Тариалан, Тувшруулэх, Тумэн-Цогт, Ундурхан, Хар-Хорин, Цагаан-Толгой, Чулуун-Хороот, Эгнур и птицефабрики [4, л. 3]. Для проведения указанных работ сельскохозяйственная экспедиция совместно со специалистами Министерства сельского хозяйства МНР разработала инструкцию по выявлению и отбору целинных и залежных земель, пригодных для посевов сельскохозяйственных культур, которая 14 апреля 1959 г. была утверждена МСХ МНР. Отбор производился бригадами в составе специалистов сельскохозяйственной экспедиции, представителя соответствующего госхоза и техника-землеустроителя отдела землеустройства МСХ МНР. Всего было организовано 10 бригад. В состав бригад экспедиции, направленных на отбор целинных земель для трех новых госхозов, были дополнительно включены агрономы,

гидротехники и зоотехники. В самом начале работ правительственной комиссией было установлено, что в план отбора целины по госхозам необходимо внести некоторые поправки, поскольку в ряде госхозов пригодной земли под посев сельскохозяйственных культур не было. По предложению МСХ МНР, Совет Министров МНР разрешал произвести работы на землях сельскохозяйственных объединений и госземфонда. С этой целью была создана специальная правительственная комиссия. В целях максимального расширения посевов зерновых в северной зоне Монголии, где были наиболее удобные земли, Совет Министров МНР определяет провести сплошное обследование земель, независимо от того, в чьем пользовании они находятся. Юридическое оформление прирезок земель госхозам было возложено на отдел землеустройства МСХ МНР. Из общей площади целины, предназначенной для новых госхозов, экспедицией было отобрано 272 212 га [6, с. 3]. Учитывая опыт освоения целинных и залежных земель Казахстана, где природные условия были схожи с монгольскими, советские специалисты МСХ СССР разработали агротехнические основы освоения целины [7]. Кроме того, были учтены результаты исследований советской сельскохозяйственной экспедиции, научные идеи советских ученых Т. Д. Лысенко, Н. Д. Беспалова, В. Ф. Шубина, а также местный опыт. В рекомендации была дана краткая характеристика почвенно-климатических условий, способов обработки целинных земель в первые и последующие годы их эксплуатации, размещения сельскохозяйственных культур по природным зонам страны, агротехнические основы семеноводства, давались советы по результатам внедрения рекомендуемых агроприемов. С помощью агротехнических основ были разработаны перспективы дальнейшего развития земледелия в МНР. При проверке госхозов советскими специалистами в сентябре 1955 г. было рекомендовано: 1) организовать 5–6-месячные курсы по подготовке директоров госхозов, их заместителей, партторгов; 2) для подготовки кадров массовой квалификации организовать постоянно действующий учебный комбинат для подготовки трактористов, комбайнеров, полеводов; 3) в зимний период организовать техническую учебу механизаторов, для чего разработать программы и учебные пособия; 4) оказать рабочим и служащим госхозов помощь в

строительстве собственных домов. В 1961 г. правительство СССР оказало дополнительную помощь в выявлении и отборе целинных земель, пригодных для возделывания зерновых и других культур, а также для сенокосных угодий. Специалисты МСХ СССР совместно с заместителем министра СХ МНР Лоохуузом проверили состояние дел в 23 госхозах, 2 машинно-животноводческих станциях и 2 опытных станциях [14]. Они осуществляли оперативное руководство на месте, оказывали помощь госхозам в организации уборки хлебов, правильного распределения запчастей и обслуживания новой техники. В первые три года в целинных госхозах работали советские трактористы, комбайнеры и другие специалисты. С 1959 г. число советских специалистов резко возросло. В 1962 г. в аппарате Минсельхоза работали 10 специалистов, в аймачных управлениях сельского хозяйства — 70, на машинно-животноводческих станциях — 40, в гидрологической экспедиции — 60, сельхозинституте — 16, учебном комбинате и профтехучилище — 13, научно-исследовательских институтах — 2 и в госхозах — 261 [8, с. 73]. В 1960–1961 гг. вышли постановления № 286, 367/250 Совета Министров МНР, согласно которым монгольские работники должны были прикрепляться к приглашенным специалистам из социалистических стран [9, л. 25]. Из-за отсутствия достаточного количества монгольских инженерно-технических кадров и зачастую недостатка опыта работы имеющихся кадров МНР каждый год приглашала советских специалистов по земледелию. Большую помощь в подготовке монгольских кадров и повышении их квалификации оказывали советские специалисты, работавшие в Минсельхозе МНР и в хозяйствах, организованных при поддержке Советского Союза. Только за 1978 г. было обучено в госхозах «Алтанбулак» — 132, «Баруунхараа» — 930, «Орхонтуул» — 163, «Халхын гол» — 167 человек [10, с. 130]. В большинстве хозяйств, созданных при поддержке Советского Союза, было организовано постоянное закрепление за советскими специалистами всех категорий монгольских специалистов с целью передачи опыта работы. Для этого составлялись годовые и квартальные планы совместной работы и устанавливался строгий контроль за их выполнением. Советские специалисты, работавшие в аппарате Минсельхоза: А. В. Волков, Н. Ф. Тарасенко, Ф. Т. Афонин, А. Н. Ембулатов,

В. Х. Москаленко и другие разрабатывали мероприятия по повышению эффективности сельскохозяйственного производства. Эти хозяйства являлись предприятиями совершенно иного типа. Были построены целые агрогорода, тепличные комбинаты, благоустроенные культурно-бытовые и жилищные объекты [11, с. 45]. Только в годы шестой пятилетки (1976–1980) при содействии СССР было построено и сдано в эксплуатацию 9 целинных госхозов, 3 кормовых хозяйства, 14 животноводческих и овощеводческих хозяйств, свыше 20 комбикормовых заводов и цехов, более 20 предприятий и цехов по ремонту сельскохозяйственной техники, оросительной системы инженерного типа на 8 тыс. га [12, с. 225]. В 1976–1980 гг. в земледелие Монголии было вложено свыше 1 млрд тугриков, по линии кредита в течение 1971–1978 гг. поставлено свыше 5 тыс. тракторов и комбайнов, свыше 4,5 тыс. автомобилей. Советский Союз внес значительный вклад в освоение целинных земель и в развитие земледелия в МНР, оказал крупную финансовую помощь, взял на себя обязательства на поставку сельскохозяйственных машин и оборудования.

Литература

1. Дугаров В. Д., Сагаев Н. Ц. Советско-монгольское сотрудничество в области образования и науки в 1921 — начале 1990-х годов в современной монголоведной историографии. Улан-Удэ: Бэлиг, 2014. 152 с.; Чимитдоржиев С. Б. Россия и Монголия М.: Наука, 1987. 233 с.; Гатауллина Л. М. Монгольская Народная Республика: проблемы некапиталистического развития. М.: Наука, 1971. 438 с.; Грайворонский В. В. От кочевого образа жизни к оседлости. М.: Наука, 1979. 179 с.
2. Голых А.В. Советско-монгольское сотрудничество в освоении целинных земель и развитии земледелия в МНР (1959–1985 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1997. 27 с.; Роцин С. К. Сельское хозяйство МНР на социалистическом пути / АН СССР, Институт востоковедения. М.: Наука, 1971. 292 с.
3. Шубин В. Ф. Земледелие МНР. М.: АН СССР, 1953. 346 с.; Беспалов Н. Д. Почвы МНР. М.: АН СССР, 1951. 318 с.; Деревянко П. А. Сельскохозяйственное водоснабжение МНР. М.: АН СССР, 1959. 132 с.
4. Монгол Улсын Ундэсний Тув архив (МУУТА). Ф. 15. Оп. 1. Ед. 971. Л. 2. 179 л. (Государственный Центральный архив Монголии).

5. Монгол Улсын Ундэсний Тув архив (МУУТА). Ф. 15. Оп. 1. Ед. 886. Л. 2. 104 л. (Государственный Центральный архив Монголии).
6. Монгол Улсын Ундэсний Тув архив (МУУТА). Ф. 15. Оп. 1. Ед. 971. Л. 179 (Государственный Центральный архив Монголии)
7. Монгол Улсын Ундэсний Тув архив (МУУТА). Ф. 15. Оп. 1. Ед. 970. Л. 109, 179. (Государственный Центральный Архив Монголии).
8. МАХН Тув архив. Ф.4. Оп. 26. Ед. 141. Л. 306.
9. МАХН Тув архив. Ф. 4. Оп. 26. Ед. 535. Л. 110.
10. Монгол Ардын Хувьсгалт Намын Тув Архив (МАХН ТА). Ф. 4. Оп. 23. Ед. 358. Л. 86. (Центральный архив Монгольской народно-революционной партии (ЦА МНРП)).
11. Улсын Тув архив. Ф. 15. Оп. 3. Ед. 310. Л. 310.
12. Монгол улсын шинжлэх ухаан. Газар тариалангийн ухаан. УБ: Согоо нуур хэвлэх уйлдвэр, 2008. 192 с.
13. Ургамал газар тариалангийн сургалт эрдэм шинжилгээний хурээлэнгийн туухэн замнал 45 жил. Дархан: Мунхийн усэг групп, 2008. 182 с.
14. Институт востоковедения АН СССР. МНР. М.: Наука, 1986. 439 с.
15. УГТЭШХ Туухийн жимээр. Дархан: Мунхийн усэг ХХК, 2013. 317 с.
16. Советско-монгольские отношения. 1921–1972. Документы и материалы. Т 2. Ч. 2. М.: Международные отношения, 1979. 610 с.

УДК 94 (571.54)

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДЖИДИНСКОГО ВОЛЬФРАМОВО-МОЛИБДЕНОВОГО КОМБИНАТА

© *Гельман Вячеслав Александрович*

доктор исторических наук, профессор,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий
и управления,

Россия, 670033, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 406

E-mail-wigdan@mail.ru

В статье анализируются экономические преобразования в Закаменском районе на примере истории становления и развития Джидинского вольфрамово-молибденового комбината. Изучение социально-экономических процессов дает возможность управления этими процессами, понимание характера происходящих в них изменений на территориальном уровне, факторов и перспектив их развития как с теоретических, так и с практических позиций. Основное внимание автор акцентирует на строительстве Джидинского вольфрамово-молибденового комбината в Закаменском районе, который предопределил современные социально-экономические тенденции развития района.

Ключевые слова: экономика; социально-экономические преобразования; полезные ископаемые; вольфрам; производительность труда; Закаменский район.

HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE DZHIDINSKY TUNGSTEN-MOLYBDENUM COMBINE

Vladimir A. Gelman

Doc. Sci. (Hist.), A/Prof.,

East-Siberian State University of Technology and Management,

40 b., Klyuchevskaya, Ulan-Ude 670033, Russia

E-mail-wigdan@mail.ru

Article analyzes economic transformations to Zakamenskom of the area on the example of history of formation and development of Dzhidinsky volframo-molybdenum plant. Studying of social and economic processes gives the chance of management of these processes, understanding of nature of the changes happening in them, at the territorial level, factors and the prospects of their development, both with theoretical, and from practical positions. The author focuses the main attention in work to a storoitelstvo of

Dzhidinsky volframo-molybdenum plant in Zakamenskom of the area which has predetermined current social and economic trends of development of the area.

Keywords: economy; social and economic transformations; minerals; tungsten; labor productivity; Zakamensky district.

В последние годы процесс восприятия истории нашего государства предстает в необычном ракурсе. Отечественными исследователями немало сделано для изучения истории индустриального развития страны, в т. ч. истории развития цветной металлургии. Опубликовано большое количество работ, характеризующих различные аспекты этой проблемы, и немало основательных, фундаментальных исследований. Поэтому очень важно именно сейчас, пока живы очевидцы многих событий, пока сохранились какие-то документы, попытаться восстановить хронологию событий, найти подтверждение важным историческим фактам. Современную историческую науку характеризует пристальное внимание к просчетам и достижениям советской экономики. Однако необходимо отметить, что добывающая промышленность и ее кадровый потенциал не стали объектом специального исследования, а в исторической литературе рассмотрены лишь ее отдельные аспекты. При рассмотрении истории становления и развития Джидинского вольфрамомолибденового комбината мы можем проанализировать его роль в социально-экономическом развитии города и всего Закаменского района.

Изучение Закаменского района на предмет наличия полезных ископаемых началось еще в XIX в., но затруднялось отдаленностью от центра, отсутствием дорог и тяжелыми климатическими условиями. Первая геологическая экспедиция под руководством опытного рудознатца И. С. Поялкова была организована только в августе 1867 г., которая из Тунки по р. Зун-Мурин пришла в поселок Ключевской (теперь Санага) и дальше до Цакира. Эта разведка была хорошо оснащена и дала положительные результаты по россыпному золоту.

Значительный вклад в освоение района внесла экспедиция корпуса военных топографов 1912–1913 гг., которой были произведены топографические съемки, определены высоты над уровнем моря, составлены карты двухверстного масштаба [1].

С 1917 по 1923 г. какие-либо организованные золотодобычные работы в Цакирском золотоносном районе вообще прекращаются в связи с нестабильной политической и экономической ситуацией в стране. Только в 1922 г. в Закамну направляется партия геологоразведочного института цветных металлов под руководством А. В. Арсентьева. Цель партии — детальное изучение Цакирского золотоносного района на предмет открытия новых залежей золотоносных песков. В своем отчете о геологоразведочных работах в Джидинском районе в 1929 г. А. В. Арсентьев писал: «Кроме золота при геологических обследованиях обнаружен ряд других месторождений полезных ископаемых. Так, при детальной геологической съемке Цакирского золотоносного участка в долине Мэргэн-Шана, выше Глафирина прииска, среди галечного отвала обнаружены глыбы и мелкие куски кварца с изогнутыми шестоватыми кристаллами вольфрамита. Поиски его среди выбросов Глафирина прииска умножили наши находки. Тем не менее до сих пор о нахождении вольфрамита в этом районе не упоминалось... Присутствие золота в вольфрамоносном кварце делает открытие вольфрамита тем более интересным, и было бы крайне желательно произвести более основательное опробование такого кварца как в отвалах, так и из выбросов канав, и в случае благоприятных результатов произвести разведки на вольфрамит». Таким образом, А. В. Арсентьев первым сделал предположение о вольфрамовом месторождении в Закамне.

После окончания гражданской войны началось восстановление промышленности, и уже 3 апреля 1927 г. на II Всесоюзном совещании по цветным металлам председатель Госплана СССР Г. М. Кржижановский подчеркивал: «Металл — наиболее узкое место всего нашего промстроительства, а цветные металлы — самое слабое место всего нашего металлургического фронта и притом особо связанное и с вопросами валюты, и с вопросами всей энергетической установки. Мы ждем от товарищей нужнейшей действительной помощи» [1].

В Иркутске было организовано Восточно-Сибирское геологическое управление, которое сыграло решающую роль в изучении полезных ископаемых Восточной Сибири. В 1932 г. в Закаменский район были направлены четыре геологоразведочные партии, одну из которых возглавила геолог Мария Васильевна Бесова.

Партия М. В. Бесовой вела поисково-разведочные работы на губнерит в пади Гуджирка, где, по предположению А. В. Арсентьева, должно находиться неизвестное ранее коренное месторождение вольфрама. 9 июля 1932 г. была вскрыта кварцевая жила мощностью полтора метра с крупными кристаллами вольфрамита, названная «Первая». 9 июля 1932 г. следует считать днем открытия Джидинского вольфрамового месторождения.

Кроме геологов-поисковиков большой вклад в открытие Джидинского вольфрамово-молибденового месторождения внес местный приискатель Александр Иванович Юрьев. Он ходил с геологами с первых дней работы партии в Закаменске и был их первым помощником.

Неоценимую помощь оказали геологам местные охотники-следопыты Ш. Ямпиллов и Р. Эрдынеев, которые на лошадях и пешком добирались до самых недоступных сопок и падей и доставляли ценные геологические образцы.

Курс на социалистическую индустриализацию, который был принят еще на XIV съезде ВКП(б), состоявшемся в декабре 1925 г., и проводился в жизнь в годы предвоенных пятилеток, серьезно изменил страну в целом и ее регионы. Открытие вольфрамового месторождения заинтересовало приискателей, и они сыграли значительную роль в быстрейшем изучении и разведке, а также в попутной добыче вольфрама для нужд страны. А нужда в вольфраме и молибдене в стране была огромной. Чтобы осознать его роль в промышленности, следует немного рассказать о вольфраме и его значении для металлургии и народного хозяйства [2]. Впервые он был открыт в 1781 г. Сплав вольфрама с железом дает высококачественную инструментальную легированную сталь. В военной промышленности эта сталь идет на изготовление броневых плит, солдатских касок и щитков пулеметов, пушек, деталей радиоламп, применяется в танко- и самолетостроении. Вольфрам также использовался в сердечниках подкалиберных снарядов, пробивавших крепкую броню хваленых гитлеровских «тигров», «пантер» и «фердинандов».

Обогащение руды является последним звеном в технологической цепочке любого горнодобывающего предприятия. Добыча первых килограммов вольфрамового концентрата производилась из песков и россыпей с применением простых лотков. Но при такой примитивной технологии нельзя было удовлетворить возрастаю-

шую потребность в металле, поэтому уже в 1937 г. на инкурских россыпях устанавливаются бутары, что увеличивает объем производства продукции. На эти простейшие обогатительные аппараты пески и россыпи доставлялись автомашинами, конными грабарками и ручными тачками. Чтобы увеличить промывочный сезон, бутары начали утеплять, а с 1938 г. их механизмируют, устанавливая отсадочные машины, дробильные валки, концентрационные столы. Такое усовершенствование позволило резко поднять производительность труда и увеличить выпуск концентрата.

1 июля 1939 г. была пущена в эксплуатацию обогатительная фабрика для переработки вольфрамовой руды с рудника Холтосон. Об этом событии центральная газета «Правда» опубликовали небольшую заметку: «В Джидинском вольфрамовом комбинате (Бурят-Монгольская АССР) 17 мая 1939 года началось опробование обогатительной фабрики. В ближайшие дни она выпустит первый промышленный концентрат» [3].

Фабрика была сдана в эксплуатацию без дробильного отделения, что снижало ее эффективность. Руду с рудника Холтосон сначала возили на автомашинах, а после пуска узкоколейной железной дороги — на платформах. Разгрузка руды производилась вручную. Производительность фабрики была рассчитана на 250 т россыпной руды в сутки.

В 1941 г. начинается вскрытие Первомайского молибденового месторождения и строится деревянная фабрика, которая была запущена только в 1942 г. Уже в 1941–1942 гг. добыча вольфрамового концентрата возросла против 1940 г. в 1,5 раза, и несмотря на уход в ряды Советской Армии большого количества квалифицированных кадров рабочих и инженерно-технического персонала, плановые задания 1943 г. были выполнены на 124%, 1944 г. — на 142,5% и 1945 г. — на 115,6% [4]. В военный период здесь сложился коллектив из 3 тыс. человек, без учета спецконтингента (заключенных). Несмотря на тяжелое экономическое положение, правительство страны за период 1941–1945 гг. выделило на строительство комбината более 90 млн руб. На отпущенные государством средства строили в основном то, что позволяло в ближайшей перспективе увеличить добычу вольфрама и молибдена. В результате реконструкции и повышения качественных показателей уже в 1946 г. производительность фабрики доведена до 550 т в сутки, т. е. вдвое больше проект-

ной. Дальнейшее ее увеличение стало невозможным из-за нехватки производственных площадей для установки нового технологического оборудования. Поэтому на вольфрамовой фабрике возводится пристройка, что позволяет увеличить производительность на 15%.

В послевоенные годы широко внедряется механизация разгрузки руды с бортовых автомашин и платформ узкоколейной железной дороги, монтируется более производительное оборудование. Благодаря этим мерам, на имеющихся производственных площадях резко увеличивается добыча вольфрама и молибдена. Так, в сравнении с 1947 г., выпуск вольфрамового концентрата поднялся на 23,6%, а молибдена — на 144,8%. Но для дальнейшего роста выпуска продукции нужно было искать пути совершенствования технологии, вовлечения в процесс обогащения бедных по содержанию руд, поэтому назрела необходимость строительства новой, мощной фабрики. Делается попытка внедрения суспензионного метода обогащения и строится опытно-промышленный цех.

В последующие годы предприятие становится градообразующим в Закаменском районе. Продукция комбината являлась стратегическим сырьем, которое использовалось в оборонной промышленности. Поэтому комбинату всегда оказывалась государственная поддержка. Развитие производственных мощностей осуществлялось за счет централизованных источников. С разрушением плановой экономики и введением рыночных отношений такая поддержка прекратилась. Полный обвал экономики страны в начале 1990-х гг., просчеты в ценовой политике, конверсия оборонной промышленности отразились на жизнедеятельности предприятия. Потребление вольфрама в стране сократилось более чем на 60%. Ранее дефицитный вольфрамовый концентрат стал никому не нужен. Вследствие отсутствия рынка сбыта продукции предприятие лишилось оборотных средств, поэтому было вынуждено сокращать объемы производства. В 1997 г. АО «Джидинский вольфрамово-молибденовый комбинат», коллектив которого в 1991 г. насчитывал 3253 человека, признано банкротом [5].

Джидинский комбинат был одним из трех крупнейших горно-обогатительных предприятий цветной металлургии союзного значения. У него была собственная большая производственная и социальная инфраструктура. Город Закаменск развивался вместе с ним. И все-таки промышленный гигант не смог выбраться из пучины пе-

рестроечных лет, оказался несостоятельным в условиях рынка и, пройдя процедуру банкротства, стал частью истории. И пусть сегодня предприятия нет, но перспективы будущего развития города и района велики. В целом по республике, несмотря на наследие экономических реформ и социальных потрясений, потенциал развития есть, но необходима последовательность и стратегическая направленность на реформы самих республиканских властей. Все это приведет к повышению инвестиционной привлекательности Закаменского района и даст возможность стратегического прорыва во всех областях социально-экономического развития.

Литература

1. По документам Национального архива Республики Бурятия 1927–1960 гг. / сост. Д. С. Абагаева, Н. К. Сафонова, Л. В. Филиппова, Л. А. Шапхоева. Закаменск, 2002.
2. Бесова М. В. Как мы открывали Джиду // Знамя труда. 1972. № 38–40.
3. Правда. 1939. № 42.
4. Наш Городок. Закаменску 60 лет // Знамя труда. 2004. С. 47.
5. ГАРБ. Ф. Р. 853. Оп. 1. Д. 2056. Л. 3–16.

УДК 930.2

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПОВСЕДНЕВНОСТИ
РАБОЧЕГО КЛАССА в 50–60-е гг. XX в.

© *Очирова Валентина Николаевна*

аспирант,

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия

им. В. Р. Филиппова,

Россия, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, д. 8

E-mail: ochvalentine@mail.ru

В статье рассматриваются работы, посвященные истории рабочего класса 50–60-х гг. XX в., а также влиянию индустриального развития на образ жизни советского рабочего.

Ключевые слова: рабочий класс; индустриализация; Сибирь; повседневность; 50–60-е гг. XX в.; советская историография.

SOVIET HISTORIOGRAPHY ON THE DAILY WORKING CLASS
IN THE 50–60s OF THE TWENTIETH CENTURY

Valentina N. Ochirova

Doc. Sci. (Hist.),

Buryat State Agricultural Academy. V. R. Filippov,

8, Pushkin, Ulan-Ude 670034, Russia

E-mail: ochvalentine@mail.ru

The article deals with works devoted to the historiography of working class of 50–60s of the XX century, and the influence of the industrial development on the everyday life of the soviet worker.

Keywords: working class; industrialization; Siberia; everyday life; 50–60s of the XX century; soviet historiography.

История повседневности, как новое направление в истории, начала интенсивно разрабатываться в историографии с 1980-х гг. Предметом изучения повседневности «является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах» [1, с. 7]. Согласно словарю русского языка, слова «повседневность», «будничность», «ежедневность», «обыденность» являются синонимами [2]. Хотя термин «повседневность» вошел в научный оборот отече-

ственной истории в конце XX в., «повседневность» исследовалась советскими историками и в более ранний период: изучался образ жизни советских людей, быт рабочих и крестьян, условия труда, организация досуга и т. д.

Значительное количество научных работ, посвященных индустриальному развитию, адресовались 50–60-м годам XX в., связанным с огромной работой по перестройке народного хозяйства — переходом на производство мирной продукции с одновременной реконструкцией, внедрением достижений науки в производство, повышением производительности труда, с массовым трудовым героизмом, нашедшим свое выражение в социалистическом соревновании. Мероприятия, проводимые властью, влекли за собой изменения в образе жизни, в общественном сознании советских людей и культуре. Исторические исследования о данном периоде в основном рассматривают вопросы индустриального развития в целом и различных отраслей в частности; количественный и качественный состав рабочего класса, источники его формирования и пополнения, изменения в культурно-техническом уровне и материальных условиях жизни рабочих [3].

Советские историки проделали огромную работу по накоплению и обобщению материалов, связанных с историей рабочего класса СССР. Среди коллективных трудов советских историков следует выделить многотомный обобщающий труд «История советского рабочего класса». Опираясь на официальные документы и материалы статистических сборников, авторы рассмотрели важнейшие проблемы послевоенного развития промышленности, дали всестороннюю характеристику рабочего класса в сопоставлении с предшествующими этапами его развития, проанализировали количественные и качественные изменения в его составе [4]. Работы В. С. Лельчук, Е. Э. Бейлиной, Л. А. Остапенко, Е. И. Пивовара и др. связаны с изучением проблем индустриализации, научно-технического прогресса и его влиянием на развитие производства в целом и на рабочий коллектив в частности [5].

Важным направлением исследований советских историков было изучение деятельности фабрик и заводов, начатое в 1930-е гг. по инициативе А. М. Горького и возобновленное с конца 1950-х гг., когда стали появляться новые книги, рассказывающие о прошлом и настоящем ряда крупных советских заводов. В период 1956–1962 гг.

издано более 200 сборников документов, научных и научно-популярных очерков и брошюр о фабриках и заводах. В отличие от изданий 30-х гг., где подавляющее их большинство освещали лишь досоветский период, главное внимание исследователей периода 50–60-х гг. было обращено на историю предприятий после Октябрьской революции [6].

В отдельную группу можно выделить исследования, посвященные различным видам социалистического соревнования, которое фактически является частью производственной повседневности советского рабочего. В работах Е. Э. Бейлиной и А. А. Пряжникова достаточно много внимания уделено положительным моментам организации и проведения социалистического соревнования, рассматриваются вопросы, связанные с повышением качества продукции и эффективности производственного процесса, распространением передового опыта, внедрением научной организации труда [7]. Т. А. Дмитренко, В. Г. Смольковым, Н. Б. Лебедевой проанализированы не только положительные стороны социалистического соревнования, но и определены недостатки: погоня за массовостью, плюрализм, формализм. В целом многие работы освещают только трудовую деятельность и борьбу трудящихся за повышение производительности труда, улучшение качества продукции, экономию сырья и материалов, а производственный быт и условия труда участников соревнований оставались вне рамок исследования [8].

В трудах по социально-экономической истории СССР на большом фактическом материале проанализированы основные изменения в социально-экономической сфере страны, непосредственно влиявшие на материальное положение рабочих. Основное внимание исследователей было уделено вопросам заработной платы, улучшения жилищных условий, потребления продовольственных и промышленных товаров [9].

Работы, освещающие социально-экономическое развитие районов Сибири, можно выделить в отдельное направление. Располагая огромным экономическим потенциалом в виде сырьевых и человеческих ресурсов, Сибирь играет стратегически важную роль в жизни страны. Научные исследования региональных историков, рассматривающих развитие промышленности, нашли свое отражение в коллективной монографии «История Сибири». Работа над «Историей Сибири» послужила толчком для дальнейших исследований по

проблемам индустриального развития региона и его национальных районов. Значительный вклад в изучение жизни рабочего класса Сибири внес М. М. Ефимкин. Рассматривая социально-классовые источники и формы пополнения рабочего класса Сибири, он анализирует уровень материального благосостояния рабочих [10]. Сравнительный анализ региональных особенностей жизненного уровня рабочих Сибири, описание основных тенденций роста народного благосостояния раскрыты в работе С. С. Букина [11]. Г. А. Пруденским на материалах Сибири и Урала рассмотрены проблемы вне рабочего и свободного времени. Автор показал вне рабочее время как резерв роста производительности труда [12].

Вопросами индустриального развития национальных районов, в частности Восточной Сибири, занимался Е. Е. Тармаханов. Его исследования освещают вопросы индустриализации национальных республик Сибири, формирования отряда рабочего класса у коренных народов, подъема культурно-технического уровня рабочих, освоения новых специальностей [13]. В работах ученых-историков Бурятии Т. Е. Санжиевой, М. М. Халбаева, М. Н. Балдано были определены общие закономерности и особенности социально-экономического, политического развития национальных районов Сибири, сформулированы основные направления дальнейшего изучения исторических проблем [14].

История рабочего класса, его становление и развитие являлись одной из значимых и центральных тем научных исследований советских историков. Индустриальная модернизация 1950–1960-х гг.: строительство крупных предприятий, привлечение кадров рабочих из коренных народов, рост уровня материального положения — стали предпосылками изменений в образе жизни рабочего класса. Хотя повседневность не была отдельной темой исследования коллективных трудов и монографий, составить общую картину образа жизни советского рабочего можно по работам, описывающим социально-экономическую, культурную, этническую и другие сферы жизни.

Литература

1. Пушкирева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы анна-

лов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2014. № 1(4). С. 7–21.

2. Абрамов Н. (Переферкович Н. А.). Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5 тыс. синонимических рядов, более 20 тыс. синонимов. 8-е изд., стер. М.: Русские словари [и др.], 2008. 667 с.

3. Лельчук В. С., Бейлина Е. Э. Промышленность и рабочий класс в условиях НТР. М., 1982; Ефимкин М. М. Источники и формы пополнения рабочих Западной Сибири в условиях социализма. Новосибирск, 1979; Пивовар Е. И. Советские рабочие и НТР: по материалам автомобильной промышленности СССР, 1966–1975 гг. М., 1983.

4. История советского рабочего класса. В 6 т. Т. 4–5. М., 1987–1988.

5. Лельчук В. С., Бейлина Е. Э. Промышленность и рабочий класс в условиях НТР. М., 1982; Пивовар Е. И. Советские рабочие и НТР: по материалам автомобильной промышленности СССР, 1966–1975 гг. М., 1983.

6. Тарле Г. Я. Ранние опыты организации собирания материалов по истории фабрик и заводов // ИСССР. 1959. № 2; А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов: сб. док-тов и мат-лов. М., 1959; Создадим историю заводов Ленинграда. Л., 1958; Рогачевская Л. С. Некоторые итоги истории фабрик и заводов // ВИ. 1963. № 3; Тармаханов Е. Е. Гигант Буралии. Историко-экономический очерк Улан-Удэнского ордена Ленина паровозо-вагонного завода. Улан-Удэ, 1960.

7. Бейлина Е. Э. Рабочий класс и новые формы соревнования (1959–1965 гг.). М., 1970; Пряжников А. А. Коммунисты машиностроительных предприятий Урала — организаторы социалистического соревнования за ускорение научно-технического прогресса (1971–1975) // Деятельность партийных организаций по развитию промышленности Урала в период развитого социализма: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Пермский университет, 1984. С. 329–340.

8. Смольков В. Г. Социалистическое соревнование и движение за коммунистическое отношение к труду. М.: Профиздат, 1972. 32 с.; Лебедева Н. Б., Шкаратан О. И. Очерки истории социалистического соревнования. Л., 1966; Дмитренко Т. А. Соцсоревнование в развитом социалистическом обществе // Вопросы истории. 1976. № 1. С. 3–8.

9. Фигурнов С. П. Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР в 1951–1958 гг. М., 1960; Левский А. А. На путях решения жилищного вопроса в СССР // История СССР. 1962. № 4. С. 3–25.

10. Ефимкин М. М. Источники и формы пополнения рабочих Западной Сибири в условиях социализма. Новосибирск, 1979; он же. Социальное развитие рабочего класса Сибири. 1959–1980 гг. Новосибирск, 1989.

11. Букин С. С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946–1960 гг.). Новосибирск, 1984.

12. Пруденский Г. А. Вне рабочее время трудящихся. Новосибирск, 1961; он же. Время и труд. Новосибирск, 1961.

13. Тармаханов Е. Е. Индустриальное развитие национальных районов Сибири в 1946–1960 гг. // Вопросы социально-экономического развития Восточной Сибири (XIX–XX вв.). Чита, 1989; Он же. Промышленность и рабочий класс Советской Бурятии (1938–1958 гг.). Новосибирск: Наука, 1979.

14. Санжиева Т. Е. Электрификация Советской Бурятии (1923–1983 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986; Халбаев М. Н. Деятельность КПСС по развитию промышленности в национальных районах Сибири в условиях коммунистического строительства (1959–1970 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск [б. и.], 1979. 36с.; Балдано М. Н. Рабочий класс и развитие промышленности Бурятской АССР. Улан-Удэ, 1984.

УДК 94 (571.54)

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ БУРЯТИИ В ЗЕРКАЛЕ ПОЗДНЕЙ
СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ: 1970–1980-е гг.

© *Боронова Маргарита Максимовна*

доктор исторических наук, профессор,
Бурятский государственный университет,
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а
E-mail: mboronova@yandex.ru

Освещается процесс индустриального развития Бурятии в последние десятилетия советской истории. В этот период, несмотря на нарастание кризисных тенденций в экономике и общественной жизни страны, значительно возрос индустриальный потенциал республики. Однако в постсоветский период лишь отдельные предприятия смогли продолжить свою деятельность.

Ключевые слова: промышленность; потенциал; строительство; предприятие; развитие, модернизация.

INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF BURYATIA IN THE MIRROR
OF LATE SOVIET HISTORY: 1970–1980

Margarita M. Boronova

Doc. Sci. (Hist.),
Prof. Buryat State University,
24 Smolina, Ulan-Ude 67000, Russia
E-mail: mboronova@yandex.ru

In the article the author shows the process of industrial development of Buryatia in the last decades of the Soviet history. During this period, despite of the growing crisis tendencies in the economy and social life of the country, the industrial potential of the Republic significantly increased. However, in the post-Soviet period only a few companies were able to continue their activities.

Keywords: industry; potential; building; enterprise; development, modernization.

Последние десятилетия советской истории обычно называют эпохой «застоя и стагнации». Безусловно, темпы общественного развития в эти годы неуклонно снижались, что в итоге привело к началу общесистемного кризиса государства. Вместе с тем, при

сравнении 1970–1980-х годов прошлого века с современным периодом хорошо виден огромный разрыв в уровне развития производительных сил страны в целом и каждого отдельного региона в частности.

Наглядным примером может служить опыт индустриального развития Бурятии в последние десятилетия советского периода. В эти годы индустриальный потенциал республики существенно возрос. Были построены десятки новых промышленных предприятий. Бурятия превратилась в развитый индустриально-аграрный регион на востоке страны.

Одним из крупных предприятий, вступивших в строй в этот период, стал Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат. Строительство комбината началось в 1959 г. Выбор места строительства на р. Селенге был обусловлен наличием в республике достаточных лесосырьевых ресурсов, отсутствием потребителей древесины, развитой транспортной сетью, имеющимися строительными материалами и близостью месторождения угля. Сооружение комбината было объявлено ударной комсомольской стройкой.

В ходе строительства проектное задание неоднократно корректировалось, проходило ряд экспертиз. Географическое положение предприятия обуславливало пристальное внимание к нему экологов. Требования к природоохранным мероприятиям постоянно возрастали, что не могло не сказаться на увеличении сроков строительства комбината.

30 июня 1973 г. была запущена в эксплуатацию первая очередь предприятия с объемами производства 145 тыс. т целлюлозы и 140 тыс. т картона в год. Эта дата стала днем рождения Селенгинского ЦКК [1]. В последующие годы комбинат стабильно развивался, наращивая объемы производства, расширяя номенклатуру и повышая качество своей продукции. Картон марки К-2 и К-1, выпускаемый комбинатом, пользовался спросом не только на внутреннем рынке, но и поставлялся на экспорт. Комбинат производил также оберточную бумагу, гофропродукцию и различные лакокрасочные материалы.

В 1976 г. на предприятии был сдан в эксплуатацию завод по переработке побочных продуктов от варки целлюлозы. Впоследствии он был преобразован в цех по производству лесохимиче-

ской и лакокрасочной продукции. Цех работал с высокой рентабельностью, производил олифу, лаки, эмали и другую продукцию, востребованную на рынке.

В 1980-х гг. на предприятии был осуществлен большой объем работ по модернизации производства, сокращению вредного воздействия на окружающую среду, переходу к замкнутой системе водооборота, не знавшей аналогов в мировой практике. Это позволило комбинату внедрить принципы экологобезопасного производства и стать одним из передовых предприятий своей отрасли в СССР [2, с. 26].

В 1970-х гг. отрасль машиностроения и металлообработки республики пополнилась двумя новыми предприятиями — заводом мостовых металлических конструкций (ЗММК) и заводом сельскохозяйственного машиностроения «Бурятферммаш». Строительство ЗММК завершилось в 1974 г. Завод специализировался на выпуске мостовых конструкций для железных и автомобильных дорог Сибири и Дальнего Востока. Для хозяйственного освоения этого обширного региона с многочисленными водными преградами сооружение мостов имело особенно важное значение. Продукция предприятия использовалась в ходе строительства Байкало-Амурской магистрали, при сооружении мостов на основных реках страны — Лене, Енисее, Иртыше, Оби, Томи, Днепре и др. Из металлоконструкций улан-удэнского предприятия строились путепроводы, мосты, эстакады по всему Советскому Союзу. Продукция завода поставлялась и на экспорт — в Сирию, Лаос, Камбоджу, Китай, Вьетнам, Монголию и другие страны [3].

Завод сельскохозяйственного машиностроения «Бурятферммаш» представлял базу производства комплексного оборудования для механизации животноводческого производства. Первая очередь завода была запущена в 1975 г. Предприятие выпускало сельскохозяйственную технику (кормораздатчики, навозопогрузчики, шнековые насосы и т. д.), а также запасные части к сельхозмашинам. Помимо основной продукции завод производил товары культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода.

Объемы и ассортимент производимой в республике промышленной продукции нарастал не только благодаря пуску в эксплу-

атацию новых предприятий, но и за счет освоения новой продукции на уже действующих. Так, на улан-удэнском заводе «Теплоприбор» впервые в Советском Союзе было освоено серийное производство авторегуляторов для автоматизации работы тепловых сетей. Продукция предприятия поставлялась не только для отечественной промышленности, но и в 38 стран мира. Например, электромагнитные клапаны для компрессорных установок экспортировались в Объединенную Арабскую Республику, сигнализаторы падения давления — в Польшу, поворотнорегулирующие заслонки для газовых и других магистралей — в Болгарию. Это предъявляло высокие требования к качеству продукции и требовало постоянного внимания к повышению технического уровня производства [4, с. 4].

Весомых результатов в освоении выпуска новой продукции добился Новобрянский механический завод. На предприятии была проведена коренная реконструкция, позволившая перейти на ремонт тракторов ДТ-75 и автомобилей ГАЗ-51. В 1968 г. по заданию «Россельхозтехники» завод перешел к серийному производству тракторных самосвальных прицепов 2ПТС-4 грузоподъемностью 4 т [5, с. 127]. Для налаживания выпуска новой продукции на предприятии была введена в строй поточная линия сборки прицепов производительностью 9 тыс. штук в год с передвижным конвейером, кантователями, покрасочными и сушильными камерами. Освоение серийного производства прицепов осуществлялось в содружестве с Улан-Удэнским авиационным, локомотивовагоноремонтным, судостроительным заводами, заводом «Электромашина», которые приняли активное участие в подготовке производства — в изготовлении оснастки, штампов, приспособлений. На этих же предприятиях было организовано изготовление поковок, штамповок, отливок и поставка их по кооперации Новобрянскому заводу. В результате проделанной работы тысячи прицепов с маркой Новобрянского механического завода использовались в народном хозяйстве республики, обеспечивали перевозку грузов во многих областях Сибири и Дальнего Востока. Продукция завода поставлялась в 23 области страны.

В 1970-х гг. Новобрянский механический завод перешел к серийному производству кузовов автомобилей ГАЗ-69, а также поковок и штамповок автомобильных деталей. На предприятии

производился капитальный ремонт тракторов Т-100 и их двигателей, а также капитальный ремонт автомобилей ГАЗ-53.

Улан-удэнский завод «Электромашина» в 1970-х гг. освоил производство нового автомобильного крана КС-3561 грузоподъемностью 10 т и электродвигателей новой единой серии АОЗ, ВАСО-10-19-16 [6, с. 116]. Новая серия электродвигателей завода «Электромашина» по надежности, материалоемкости, мощностным показателям отвечала требованиям лучших мировых образцов, а по некоторым показателям превосходила их. 13 типам электродвигателей был присвоен «Знак качества». Продукция предприятия пользовалась высоким спросом не только внутри страны, но и на мировом рынке. Завод поставлял электродвигатели в 30 зарубежных государств: в социалистические страны, а также Францию, Финляндию, ФРГ, Италию, Швецию и др. Электродвигатели улан-удэнского завода «Электромашина» получали высокую оценку на международных ярмарках в Лейпциге, Тегеране, Брно, Пловдиве, Алжире [6, с. 117].

Наряду с основной продукцией завод выпускал и товары народного потребления. Большим спросом у населения в республике и за ее пределами пользовались электрические кипятильники и чайники. По отзывам потребителей, их отличало хорошее качество, надежность и долговечность в эксплуатации.

Таким образом, 1970–1980-е годы стали важным этапом в дальнейшей индустриализации народного хозяйства Бурятии. Значительно возрос индустриальный потенциал республики, ее вклад в развитие общесоюзного народного хозяйства.

Однако общее кризисное состояние в экономике страны не могло не повлиять на темпы индустриального развития республики. Надежды на преодоление деструктивных тенденций в экономике посредством «перестройки» не оправдались. Коренного перелома в развитии промышленности Бурятии во второй половине 1980-х гг. не произошло. Распад СССР имел катастрофические последствия для экономики страны. В 1990-е гг. промышленность Бурятии переживала состояние глубочайшего кризиса и фактически оказалась на грани исчезновения. Лишь отдельные предприятия смогли удержаться на плаву, большинство из них просто обанкротилось и закрылись. Поэтому сегодня перед республикой стоит сложнейшая задача: восстановить хотя бы часть

того индустриального потенциала, каким она владела в поздний советский период.

Литература

1. URL: <http://www.sckkbur.ru/about/history>
2. Политический собеседник. 1989. № 14.
3. URL: <https://uusm.ru/>
4. Очерки истории завода «Теплоприбор». Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974.
5. Продайвода К. М. Республика индустриальная // Под знаменем Октября. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1977.
6. Продайвода К. М. Индустриальная поступь Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974.

УДК 323 (98)

ОСВОЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ
И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ СЕВЕРА

© *Карпов Виктор Петрович*

доктор исторических наук,
Тюменский индустриальный университет,
Россия, 625000, Тюмень, ул. Володарская, д. 38
E-mail: 7654321.58@mail.ru

© *Гаврилова Надежда Юрьевна*

доктор исторических наук,
Тюменский индустриальный университет,
Россия, 625000, Тюмень, ул. Володарская, д. 38
E-mail: 7654321.58@mail.ru

Природные ресурсы Севера — вода, рыба, пушнина, олени — не смогли радикально изменить его экономический статус. Все пошло по-другому с открытием уникальных нефтяных и газовых месторождений. Их освоение стало первоочередной задачей государства, что нанесло урон традиционным отраслям хозяйства Севера, а значит, и образу жизни аборигенов. Обращается внимание на экологические последствия формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Ключевые слова: Арктика; природные ресурсы; освоение; экология; коренные народы.

THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ARCTIC
AND THE PRESERVATION OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE
NORTH

Viktor P. Karpov

Doc. Sci. (Hist.),
Tyumen Industrial University,
38, Volodarsky, Tyumen 625000, Russia
E-mail: 7654321.58@mail.ru

Nadezhda YU. Gavrilova

Doc. Sci. (Hist.),
Tyumen Industrial University,

38, Volodarsky, Tyumen 625000, Russia
E-mail: 7654321.58@mail.ru

The natural resources of the North – water, fish, furs, deer — could not change economic status of the North radically. Everything has changed with the discovery of unique oil and gas fields. Their development became the primary task of the state, which led to the decline of the traditional branches of the economy, and hence the traditional way of life of the aborigines. Attention is drawn to the ecological consequences of the formation of the West Siberian oil and gas complex.

Keywords: Arctic, natural resources, development, ecology, indigenous peoples.

Перспективы развития российского сектора Арктики нельзя рассматривать без учета демографических процессов в регионе, т. к. деградация «социального скелета» арктических территорий обернется потерей человека в этом стратегически важном регионе. А потерять человека — значит потерять все. В документах российской арктической политики демонстрируется понимание важности сохранения в Арктике постоянного населения, иначе задачи масштабных проектов в макрорегионе окажутся невыполнимыми.

Законодательно арктическая зона (АЗ) РФ в настоящее время включает полностью или частично территории 8 субъектов. Здесь проживает более половины всего арктического населения мира. Почти 90% жителей АЗ России сосредоточено в городах, что обусловлено масштабным индустриальным освоением циркумполярных территорий во второй половине XX в., но основу сельского населения российской АЗ составляют, главным образом, коренные малочисленные народы Севера (КМНС).

В 1989–2002 гг. общая численность населения в АЗ РФ сократилась на 1,6 млн чел. (с 9,4 млн до 7,8 млн), за 2002–2014 гг. — еще на 3 млн, т. е. в целом население российской Арктики сократилось практически вдвое [9]. На фоне сокращения общей численности коренные этносы за межпереписной период (2002–2010) выросли на 3,2 тыс. и составили 88,3 тыс., увеличив свой удельный вес с 3,2 до 3,6% [13, с. 14]. Это во многом обусловлено позитивными сдвигами в экологической политике в 2000-е годы.

КМНС за период многовековой адаптации к суровым природно-климатическим условиям Арктики накопили уникальный опыт по-

стоянного проживания и сбалансированного природопользования в регионе. 90% всех саами РФ проживают в Мурманской области, 80% всех чукчей РФ — в Чукотском АО, 67% всех ненцев РФ и 60% всех КМНС–кочевников — в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО). Важная роль ненецкого населения РФ в положительной динамике численности КМНС обусловлена, прежде всего, высокой долей ненцев, ведущих традиционный образ жизни.

В таблице 1 показана доля кочевого населения в ЯНАО в разрезе отдельных районов округа за 40 с лишним лет. В наиболее удаленных от «большой земли» Пуровском, Ямальском, Тазовском районах доля кочевников в постсоветский период выросла и составила значительную, если не большую, часть населения. В Приуральском районе, по данным на 2008 г., кочевали более 30% жителей, в Пуровском — почти 35%, в Надымском — более 50%, а в Тазовском — более 70%. В целом по ЯНАО доля кочевников превысила 40%. Таким образом, ненцы сохранили самобытный образ жизни, несмотря на все испытания советского времени. Однако индустриальное вторжение в ямальскую тундру поставило аборигенов на грань выживания, ибо оленеводство для них — не только традиционный промысел, но и образ и смысл жизни.

Таблица 1

Доля кочевников среди аборигенов ЯНАО в 1965–2008 гг., %
[14, с. 94]

\ Год	1965	1970	1975 1980		1986	2001	2008
Район							
Шурышкарский	5,2	1,1	1,0	1,5	5,8	3,6	1,3
Красноселькупский	32,8	13,1	16,8	9,6	11,7	8,2	21,4
Приуральский	43,7	32	22,2	18,4	23,3	31,3	31,2
Надымский	50,9	45,6	38,6	36,3	32	21,3	28
Пуровский	58,1	37	29,8	45,8	32,5	42,3	34,8
Ямальский	69	53,5	53,5	51,1	48,7	50,1	52,2
Тазовский	87,4	87,9	80,2	70,8	62,5	76,1	70,2
Итого	53,3	40,3	37	38,8	36,8	41,6	41

А нефтегазовое освоение тюменского севера обернулось для территории проживания и кочевания КМНС экологической катастрофой.

Чистая Арктика нужна всему обществу, но в первую очередь — КМНС, потому что индустриальное наступление сужает их жизненное пространство.

В СССР загрязнение природной среды, сокращение биологических ресурсов и угроза традиционным отраслям хозяйства были вызваны централизованным подходом к управлению, вследствие чего региональные органы власти не могли проводить самостоятельную политику, в т. ч. в сфере природопользования. Региональная экополитика основывалась на представлении о региональных органах власти как периферийных ответвлениях центрального государственного аппарата. Их роль сводилась к выполнению распоряжений центра и исполнению правовых норм. Считалось, что принципы социалистического природопользования по умолчанию позволяют решить все экологические проблемы.

Между тем проблема сбалансированного развития, основанного на рациональном использовании природных ресурсов (ПР) и охране природы, в стране с большим разнообразием природно-географических условий носит преимущественно региональный характер. Каждый регион, обладая неповторимой географической, климатической и экологической характеристикой, требует соответствующей системы правового регулирования использования ПР и охраны природной среды.

В конце 1980-х гг. начался процесс формирования новой экологической политики: роль государства в использовании ПР и охраны природной среды стала оцениваться более реалистично, без идеологического клише: социалистические принципы природопользования позволяют решить все экологические проблемы. Региональный компонент экополитики стал более выраженным. Улучшение экологической ситуации стало возможным в условиях самостоятельного определения Севером приоритетов региональной политики с учетом местной специфики, получило развитие собственное экологическое законодательство. В 1996 г. в ХМАО был принят закон «О недропользовании», в 1998 г. — закон «Об охране окружающей природной среды и экологической защите населения автономного округа». В ЯНАО закон «Об охране окружающей среды» был принят в 2008 г. [10, с. 197].

В 1990–2000-е гг., несмотря на децентрализацию управления охраной природной среды и ориентацию на экономические, правовые методы регулирования природопользования, экологическая политика оставалась малоэффективной. Невозможно было сразу преодолеть психологию «покорителей природы» и, что еще хуже, психологию временщиков, которая была особенно характерна для работающих на севере вахтовым методом. Нефтяники и газовики за десятилетия привыкли, что им многое прощалось за производственные достижения и рекорды. Агрессивное отношение к природе объяснялось и экологической безграмотностью. Даже сегодня далеко не всем известно, что безжизненность тундры — это миф. В ней обитают 227 видов позвоночных животных, 150 видов птиц. На Ямале и в Тазовской тундре пасутся самые большие в мире — до 200 тыс. голов — стада оленей [12, с. 14].

Медленное улучшение экологической ситуации объясняется, в числе прочих причин, тем, что сложно, а порой невозможно оценить нанесенный природе ущерб, правильно определить объем имущественной ответственности «вредителя». Неопределенность в отношении объемов возлагаемой имущественной ответственности за экологические правонарушения вызывает большую настороженность инвесторов и прибрежных государств. Так, недавние проверки экологического состояния строящегося трубопровода и завода СПГ в заливе Анива в рамках проекта «Сахалин-2» показали полную неготовность как государства, так и недропользователей к обоснованию реальных оценок экологического ущерба и к урегулированию возникающих проблем такого рода [5, с. 164].

Тем не менее в 2000–2010-е гг. появляется все больше отдельных свидетельств того, что ситуация с охраной окружающей среды улучшается. Так, при строительстве нефтепровода «Заполярье — Пурпе» протяженностью в 525 км (завершено в декабре 2016 г.) осуществлялся многоступенчатый контроль за воздействием стройки на природные объекты. Прежде чем приступить к строительству, ОАО «Сибнефтепроводстрой» провел в ЯНАО ряд общественных слушаний, был изучен опыт американцев, работающих на Аляске, привлечены ученые РАН. На слушаниях представителям компании пришлось в подробностях объяснять местному населению, как строители будут переходить через реку Таз, где ямальцы ведут промышленный лов рыбы. Нефтяники доложили, где труба будет

уходить в землю, уступая путь оленям. Рассказали, какие технологии применят при строительстве, чтобы не нанести вред грунтам, местной флоре и фауне. Слушания шли сложно, но в итоге проект был доработан с учетом требований местных жителей. И только после этого началось строительство.

Значительная часть транспортной системы прошла по многолетним мерзлым грунтам, поэтому сотни километров трубопровода — впервые в отечественной практике — построили над землей. При этом максимально бережно отнеслись к тундре. Строители учли естественные пути оленьих стад, спроектировали места для их прохода протяженностью не менее 100 м. На участках надземной прокладки, пересекающих оленьи тропы, обустроили пропуски — труба либо уходит под землю, либо поднимается над тундрой на высоту в 2 м от снежного покрова. Чтобы не повредить хрупкую местную биосферу, работы на трассе проводились только зимой — с мая по сентябрь в тундре запрещено движение любой тяжелой техники. Особое внимание уделялось охране водных ресурсов. Забор воды для нужд строителей из поверхностных источников разрешался лишь в светлое время суток. Водяные насосы изолировали от водоемов и окружали бонами — для предотвращения разлива топлива, масел и смазки. Использовались рыбозащитные устройства и сетки.

Департамент природно-ресурсного регулирования, лесных отношений и развития нефтегазового комплекса ЯНАО регулярно информирует окружных депутатов об исполнении государственной программы «Охрана окружающей среды на 2014–2020 гг.». В ее рамках осуществляется мониторинг водных объектов, экологическая реабилитация поверхностных водных источников. Расчищено более 15 тыс. метров рек, объем финансирования составил 231 млн руб. В планах реализации 23 проекта по расчистке русел водных объектов, подъему затонувших плавательных средств и другого имущества, расчистке и берегоукреплению. В начале 2017 г. в ЯНАО принят закон «Об аквакультуре (рыбоводстве), рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов на территории ЯНАО». В нем отражены новые подходы и направления дальнейшего рыболовства и аквакультуры на Ямале с учетом интересов лиц, ведущих традиционный образ жизни [3, с. 3].

С 2012 г. в ЯНАО началась реализация целевой программы сохранения традиционного образа жизни, культуры и языка коренных народов Севера. Объем финансирования — 810 млн руб. Власти самого успешного в РФ Арктического региона осознают угрозу деградации и вырождения уникальных этносов. Тундровиков всячески поддерживают, обеспечивают мини-электростанциями, спутниковыми телефонами, медицинскими аптечками. Компенсируют большую часть стоимости горючего, помогают в приобретении необходимых в хозяйстве товаров. Открывают фабрики и стремятся сделать оленеводство рентабельным. Для этого строят современные цеха по забою животных и переработке диетического мяса. «Без оленя мы потеряем северный народ, и тогда Ямал станет просто хранилищем углеводов», — говорит президент Союза оленеводов России Д. Хороя [8, с. 15].

Растущие масштабы освоения Ямала увеличивают техногенную нагрузку на природу Севера и на коренное население, численность которого к 2020 г., по расчетам правительства ЯНАО, должна прирасти на 10%. Поэтому при освоении месторождений региона предусмотрена реализация целого комплекса мероприятий по защите окружающей среды, предотвращению и минимизации возможного воздействия на экосистему в процессе проведения строительных работ и эксплуатации. Эти мероприятия, в частности, включают:

- проведение постоянного экологического мониторинга в периоды строительства и эксплуатации месторождений;
- разработку технологических и специальных мероприятий, обеспечивающих снижение негативного воздействия на приземный слой атмосферы;
- использование замкнутых систем водоснабжения, обеспечивающих недопущение загрязнения поверхностных водоемов и почвы;
- применение специальных технологий, снижающих тепловые и механические воздействия на мерзлые грунты;
- применение технических решений, позволяющих уменьшить площадь изымаемых из оборота земель, а также их техническую и биологическую рекультивацию;
- недопущение проведения СМР в период весеннего гнездования птиц;

- осуществление забора воды с использованием рыбозащитных устройств;
- организацию беспрепятственной миграции стад северных оленей с помощью специальных переходов через линейные коммуникации.

Предусмотрено обеспечить сохранение традиционных видов деятельности коренного населения, гарантированное возмещение КМНС ущерба от хозяйственной деятельности недропользователей. К 2020 г. инвестиции, направленные на охрану окружающей среды, должны вырасти до 3 млрд руб. Вдвое увеличится площадь рекультивированных земель. Уровень утилизации попутного газа достигнет 95% [11].

В январе 2002 г. администрацией ЯНАО и ОАО «Газпром» был подписан меморандум о взаимодействии по комплексному освоению месторождений п-ва Ямал и прилегающих акваторий. В соответствии с ним среди основных задач «Газпрома» в социальной сфере — охрана мест традиционного хозяйствования, археологических и культурных памятников коренного населения; строительство комплексов по переработке оленины и рыбы для обеспечения вахтового персонала продукцией высокого качества, трудоустройство на эти комплексы коренного населения; организация эффективного взаимодействия между недропользователями, осуществляющими деятельность на территории ЯНАО, и оленеводами п-ва Ямал. Газовый концерн и его дочерние общества будут оказывать содействие в транспортном обеспечении کوچующего населения, оленеводческих и рыболовецких бригад, предприятий агропромышленного комплекса округа. Компания обеспечит использование местным населением автомобильных дорог ОАО «Газпром»: поселок Уренгой — Южно-Русское месторождение и поселок Коротчаево — поселок Уренгой — Заполярное месторождение — поселок Тазовский [2, с. 2].

Власти округа понимают: у «Газпрома» широкие перспективные проекты, связанные с освоением полуострова (лицензии на разработку Бованенковского, Харасавэйского, Новопортовского, Крузенштернского, Северо-Тамбейского, Тасийского и Малыгинского месторождений принадлежат «Газпрому»). В соответствии с соглашением о сотрудничестве компенсационные выплаты предприятий «Газпрома» муниципальным образованиям ЯНАО могут составить

до 7,5 млрд руб. Эти средства будут, в частности, направлены на строительство жилья, детских садов, школ, интернатов, больниц, котельных, электростанций, тепло- и электросетей, водопровода, комплексов по переработке оленины и рыбы, а также на рекультивацию пастбищ [17].

За полвека контактов с индустриальным обществом материальная и духовная культура, быт ямальских оленеводов изменились. В тундре стало обычным явлением наличие современных транспортных средств, портативных бензиновых электростанций, телевизоров, DVD-проигрывателей, сотовых телефонов. Но и сегодня многие оленеводы считают, что продавать живых оленей можно только в тяжелой жизненной ситуации. «Мы оленей не продаем, это же наше богатство. Это только в крайнем случае, — приводит свидетельство одного из оленеводов филолог Елена Мартынова. — Один мужик в Гыде продал оленей и купил квартиру. Теперь у него оленей мало, он бедный...» [6, с. 47].

Несмотря на то, что сегодня тюменский север известен, в первую очередь, своими нефтегазовыми богатствами, в регионе сохранились и развиваются традиционные отрасли хозяйства, в которых заняты, главным образом, КМНС. В их числе — ненцы, продолжающие вести традиционный образ жизни, основанный, прежде всего, на оленеводстве. Непосредственно за счет этой отрасли в округе живут более 3 тыс. семей, почти 15 тыс. человек [7, с. 97].

В организационном плане оленеводство представлено тремя системами хозяйствования — предприятиями (акционерными обществами или муниципальными предприятиями, возникшими на базе совхозов), общинами и личными (семейными) хозяйствами. Поскольку оленеводство предполагает кочевой образ жизни, в округе проживает наибольшая часть кочевников РФ. Больше всего их в Ямальском и Тазовском районах, лидирующих не только по числу оленеводческих хозяйств, но и по добыче нефти и газа. Если права крупных предприятий как-то защищены в условиях промышленного наступления на тундру, то ситуация с оленеводами-частниками и общинами часто носит конфликтный характер.

За рубежом пренебрежительное отношение компаний-недропользователей к аборигенам и их родовым угодьям сегодня недопустимо. С нарушителем не согласятся работать инвесторы. Так, Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) отказыва-

ет в кредитах компаниям, не получившим согласия коренных народов, чьи интересы затрагиваются при разработке земель. Это не блажь банка, кредитующего самые крупные промышленные проекты, а исполнение предписания ООН [15, с. 28]. Техногенная нагрузка на хрупкую северную природу растет, а рисковать здесь нельзя. Ученые утверждают, что разработки мер по высокотехнологичной ликвидации возможных аварий и чрезвычайных ситуаций в Арктике по-прежнему невелики [1, с. 10]. Поэтому, по мнению властей ЯНАО, наиболее актуальны сегодня проблемы обеспечения экологической безопасности всех крупных инфраструктурных проектов, включая освоение шельфовой зоны Баренцева и Карского морей, «Ямал-СПГ» (СПГ — сжиженный природный газ), освоение Бованенковского нефтегазоконденсатного месторождения (БНГКМ), сооружение порта «Сабетта», Северного широтного хода и других промышленных гигантов полуострова. Не случайно третий международный форум «Арктика — территория диалога», посвященный экологическим проблемам в Арктике, прошел в 2013 г. в столице ЯНАО Салехарде.

В мире накоплен серьезный опыт освоения Севера. Схожесть природно-климатических, географических и экономических условий северных территорий РФ, Канады, США, Норвегии дает возможность провести параллели, сравнить как характер, так и конечные результаты процессов освоения малообжитых районов. Очевидно, что условия капиталистической экономики уже в XX в. лучше учитывали специфику Севера, чем мобилизационная экономика СССР. Почти 70 лет назад в Дании вышла книга об экономической политике администрации в Гренландии, где описана стройная система государственного регулирования в этом арктическом районе, в основе своей сохраняющаяся до сегодняшнего дня: тарифы, цены, нормативы эффективности капиталовложений, амортизация, налоговые и рентные платежи, уровень зарплаты и всякого рода социальные меры — все поставлено в зависимость от географического положения, климата, сезонов года, торгово-хозяйственной конъюнктуры. Помощь государства многогранна: налоговые и другие льготы населению и предпринимателям, опережающее развитие инфраструктуры за счет государства, прямые дотации в местный бюджет, составляющие в некоторых случаях до 60–70% всего бюджета, высокие социальные пособия [1].

Успешность развития российской Арктики во многом будет определяться динамикой численности населения в арктических городах и поселках. Полезным в разработке и реализации северной и национальной политики РФ может стать обмен опытом с другими государствами Арктики и субарктической зоны, изучение скандинавского подхода к решению проблем КМНС. Демократический строй с традициями прозрачности государственных институтов и контролем со стороны общества и СМИ стал гарантией против «плохих» решений в сфере ресурсной политики. Доходы от нефти и газа превратились в основу национального богатства, а не в источник обогащения номенклатуры. Поэтому скандинавская модель сегодня столь притягательна для многих сырьевых стран. Нефтяные, газовые и иные ресурсы являются национальным достоянием и должны приносить максимальную пользу обществу, которое вправе знать, какой доход дает освоение месторождений и как обеспечивается справедливое и правильное распределение этих средств.

Критериальной основой скандинавской модели освоения Севера стала защита «базисных природных ресурсов, важных для экономической активности, культурного наследия и традиционных занятий коренного населения». Сохранность и здоровье экосистем Арктики является не только гарантией воспроизводства биоресурсов, составляющих основу жизнедеятельности КМНС, но и критерием оценки допустимых пределов воздействия на эти экосистемы со стороны любой осуществляемой здесь экономической деятельности. Таким образом, благополучие КМНС, важное само по себе, в силу гуманитарных обязательств, становится также чувствительным индикатором и критерием экологической сбалансированности всей политики освоения северных территорий. «В этом новом контексте аборигенное население рассматривается уже не только как объект государственного патернализма, но и как ключевой элемент всей политики освоения Арктики, — по крайней мере, ее гораздо более тонкой и тщательной, чем прежде, «настройки» на экологически ответственное и социально-ориентированное развитие», — отмечает К. И. Зубков [4, с. 21]. В этой связи в «Стратегии для Крайнего Севера» правительства Норвегии отмечается, что именно аборигены «обладают важным багажом знаний о природе, климате, окружающей среде и традиционных практиках» Крайнего Севера, «являются проводниками культурных ценностей и уникальными обладателями

специализированных знаний о способах выживания при минимуме средств в трудных субарктических условиях». В шведской арктической стратегии прямо заявлено о том, что саамы, чья повседневная культура базируется на тесном единении человека и природы, «образуют соединительное звено между Швецией и Арктикой» [там же].

Новый этап освоения российского сектора Арктики следует проходить с учетом накопленного исторического опыта, рассматривая современные программы развития северных территорий как необходимость формирования новых, взаимовыгодных отношений между двумя секторами северной экономики — индустриальным и традиционным. Без конструктивного диалога культур и учета различных экономических интересов в пространстве Крайнего Севера невозможно представить устойчивое развитие региона, а следовательно, и эффективную реализацию арктических программ.

Литература

1. Агранат Г. А. Жаркие проблемы Севера // ЭКО. 2004. № 1.
2. Взаимодействие не отменяется // Тюменская правда. 2010. 24 дек.
3. Горелова А. Законодательные идеи рождаются на встречах с избирателями // Тюменские известия. 2017. 21 февр.
4. Зубков К. И. Коренные народы и стратегии освоения Севера: скандинавский подход // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2014. № 2.
5. Карпов В. П. Экологическая политика на Тюменском Севере (исторический аспект) // Геология и нефтегазоносность Западно-Сибирского мегабассейна (опыт, инновации): материалы международной научно-технической конференции. Т. 3. Тюмень: ТИУ, 2016.
6. Мартынова Е. П. Оленеводы Ямала и рыночная экономика: взгляд антрополога // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2014. № 1.
7. Мартынова Е. П. Оленеводы Ямала: социальное неравенство в условиях интенсивного промышленного освоения региона // Этнопанорама. 2011. № 3–4.
8. Меньшиков А. В тундре исчезает ягель // Российская газета. 2012. 19 января.
9. Официальный сайт государственной комиссии по вопросам развития Арктики / URL: arctic.gov.ru/News/47831610-8ef3 (дата обращения: 08.2017).

10. Приходько Ю.С. Этапы развития экологической политики на севере Западной Сибири во второй половине XX — начале XXI в. // Экологическая история сибирского Севера: перспективные направления исследований: материалы всерос. науч. семинара (15–16 октября 2015, г. Сургут) / отв. ред. Е. И. Гололобов. Сургут: РИО СурГПУ, 2015. С. 197.
11. Стратегия-2020: невыполнимых задач нет // Тюменские известия. 2011. 29 июля.
12. Тюменские известия. 2016. 17 декабря.
13. Холодилова К. А. Актуальные проблемы народонаселения в регионах российской Арктики // Горные ведомости. 2017. № 2. С. 81.
14. Холодилова К. А. Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов севера Западной Сибири как основа сохранения этноса // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 3.
15. Фальшунова Н. Как уважению стать законным // Ямальский меридиан. 2012. № 5.
16. Фальшунова Н. Арктическая шапка Мономаха // Ямальский меридиан. 2013. № 5.
17. URL: <http://www.gazprom.ru/production/projects/mega-yamal/> (дата обращения: 11.2014).

УДК 902

РЕЗУЛЬТАТ ПОИСКА ВОЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ОТРЯДА «РЫСЬ» ЗА 2017 год

Научный руководитель — д-р ист. наук Е. Н. Палхаева

© *Васюткин Александр Александрович*

магистрант,

Бурятский государственный университет,

Россия, 67000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: alex_shaman95@bk.ru

В работе освещен анализ работы экспедиции за сентябрь 2017 г. Республиканский поисковый отряд «Рысь» Республики Бурятия в течение 10 лет ведет поисковые работы и раскопки останков бойцов 266-й дивизии, которая была сформирована преимущественно из жителей Бурят-Монголии и в 1939 г. вела боевые действия на территории Монголии, а также поиск бойцов 93-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, которая воевала в 1941 г. в Подмосковье. В Монголии воевали 15 тыс. уроженцев Бурятии, из них 2 тыс. числятся пропавшими без вести. Республиканский отряд уже 12 раз выезжал в Подольск, 10 раз — на места боев на реке Халхин-Гол.

Ключевые слова: военная археология; поисковые работы; поднятие.

RESULTS OF THE SEARCH FOR MILITARY-ARCHEOLOGICAL EXPEDITIONS OF THE SQUAD «LYNX» FOR 2017

Alexsandr A. Vasutkin

Master Sci.,

Buryat State University,

24a Smolina, Ulan-Ude 67000, Russia

E-mail: alex.shaman@mail.ru

In the work the analysis of the expedition in September 2017 Republican search group «LYNX» Republic of Buryatia in the period of 10 years is exploration and excavation of the remains of the soldiers of 266 division, which was formed mainly from residents of Buryat –Mongolia in 1939, led the fighting on the territory of Mongolia and searching for the 93 soldiers of the East Siberian rifle division, which fought in 1941 in the suburbs. In Mongolia fought 15 thousand natives of Buryatia, from them 2 thousand are

missing. The Republican party is already 12 times traveled to Podolsk, and for the tenth time traveled to places fighting on Khalkhin Gol.

Keywords: military archeology; search work; lifting.

Актуальность статьи заключается в раскрытии проведения поисковых работ, их важности в судьбе без вести пропавших бойцов, поднятие и увековечивание их останков. Также военно-археологические экспедиции в Монголию позволяют подрастающему поколению двух стран обмениваться культурными ценностями, что, в свою очередь, укрепляет наследие советского народа.

31 августа 2017 г. республиканский поисковый отряд «Рысь» в количестве 25 человек выехал в экспедицию на территорию Монголии, в их числе были сотрудники Федеральной службы судебных приставов по РБ, студенты Бурятского государственного университета, учащиеся других образовательных учреждений республики. Маршрут экспедиции проходил через г. Улан-Батор, г. Чойбалсан и конечную точку аймак Сумбер (Халхин-Гол). Продолжительность экспедиции составила 13 дней с учетом проезда. 3 сентября 2017 г. в городе Чойбалсан отряд принял участие в параде, посвященном 79-летию города, мы возложили венок «С благодарностью от народа РБ» на памятнике, посвященном маршалу Чойбалсану.

Основная цель данного сообщения — раскрыть историю поисков в Монголии, увековечить память о подвиге советских и монгольских воинов, одержавших победу на Халхин-Голе, воспитывать у подрастающего поколения двух стран основы патриотической, интернациональной и нравственной культуры, а также раскрыть историческую правду о событиях лета 1939 г.

Как участник и командир отряда могу сказать, что за 12 лет деятельности республиканского поискового отряда было найдено около 300 солдат, 257 бойцов поднято в Подольском районе и 47 — на Халхин-Голе. Лично мною за 2014 год в Монголии было поднято 3 солдата РКК и 1 монгольский цирик.

Необъявленный пограничный конфликт, переросший в полномасштабную войну, привлекает в последние годы внимание не только профессиональных историков. По данным военной статистики, в самые тяжелые дни боевых действий 6-я японская армия насчитывала 2 пехотные дивизии, 1 пехотную бригаду, 2 танковых полка, 4 отдельных батальона и 3 кавалерийских полка. При этом

общая численность японских сил составляла 75 тыс. человек, 500 орудий, 182 танка, свыше 300 самолетов.

Противостоящая им советско-монгольская группировка войск составляла около 57 тыс. человек, с 498 танками, 385 бронемашинами, 542 орудиями и минометами, 515 самолетами. Всего с мая по сентябрь 1939 г. потери японских войск составили около 61 тыс. убитыми, ранеными и пленными, потери советско-монгольских войск — свыше 18,5 тыс. чел.

С 4 по 8 сентября 2017 г. проходили поисковые работы на местах боев 1939 г. на сопке Зеленая. К сожалению, 4–5 сентября поисковые работы были безуспешны, итогом этих дней были лишь незначительные артефакты (гильзы, пули, РГД и т. д.).

6 сентября, сменив место поисковых работ, бойцы отряда нашли останки и установили личность бойца РККА, вместе с останками был найден личный котелок красноармейца с выцарапанной на нем фамилией — Головин. По антропологическим чертам можно с полной уверенностью утверждать, что красноармеец Головин был европеоидной расы, по зубам мудрости и кариесу на одном из нижних зубов предполагаем, что ему было 30–40 лет. Смерть красноармейца наступила от попадания пули в лицевую часть, о чем свидетельствует оставленный пулей след в черепе. Если же предположить, что смерть стала результатом осколочного ранения, то в месте попадания мы не увидели дробления кости, да и вокруг на расстоянии 20 метров не было замечено ни одной воронки.

С бойцом были подняты личные вещи, по ним ведется экспертиза, добытые военные артефакты переданы музею Победы аймака Сумбэр. На бойце был кожаный ремень с патронташем (сумка для хранения патронов), но не было ни ружья, ни гильз, что говорит о том, что в момент смерти не было боя. Как показывает наш опыт, в землях Монголии кожаные изделия сохраняются, но ботинок на бойце обнаружено не было, возможно, их сняли, так же как и забрали его ружье. Возникает вопрос: почему тогда оставили ремень с патронташем, но, к сожалению, на него ответа не находим.

По данным Книги памяти РБ, боец Головин не призывался с территории республики. Данные для установления личности отправлены во все поисковые отряды России.

В заключение можно отметить, что за все восемь лет моей поисковой деятельности только останки поднятого бойца Головина

сохранились в хорошем состоянии, не были утрачены даже мельчайшие кости, к примеру, фаланги пальцев, в отличие от останков, поднятых в другие годы. Нахождение частичных останков бойцов может свидетельствовать о далеко не лучшей работе членов поисковых отрядов, поэтому советую при раскопках использовать правила археологии.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 4

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИБИРИ

<i>Дугаров В. Д.</i> Великий Октябрь: его всемирно-историческое значение в социально-экономических реформах в монголоязычном мире в первой половине XX века в отечественной монголоведной историографии и трудах Е. Е. Тармаханова	6
<i>Тугужекова В. Н.</i> 1917 год: национальный вопрос в Минусинском уезде	14
<i>Малыгина О. А.</i> Политическая обстановка в Забайкальском трансграничье накануне 1917 года.	19
<i>Санжиева Т. Е.</i> Национальное движение бурят в 1917–1918 гг.: выбор пути.	24
<i>Цыбенков Б. Д.</i> Участие в Бурятском съезде 1918 г. даурского деятеля Мэрсэ	32
<i>Чимитдоржиев Б. Б.</i> Национальное движение народов Восточной Сибири в 1917 г.	38
<i>Батуева И. Г.</i> Селенгинский аймак в период установления советской власти	44
<i>Евтехов Р. А.</i> Деятельность верхнеудинской полиции в начале XX в. по сохранению стабильности в городе	51
<i>Паликова Т. В.</i> Влияние Октября 1917 г. на городское законодательство	56
<i>Красовская А. А.</i> Источниковедческий анализ темы «Деятельность городского управления в г. Верхнеудинске в 1920-е гг.»	65
<i>Евтерев А. А.</i> Органы государственной власти Бурят-Монгольской АССР в 1941–1953 гг.	73
<i>Протасов Е. Т.</i> Роль органов государственной власти в общественно-политическом и экономическом развитии Бурятии во второй половине 1970-х годов.	83
<i>Жукова Н. Е.</i> Роль оборонных массовых организаций в общественной жизни постреволюционной Бурятии в 1920-е гг.	91
<i>Куфтарева В. В.</i> Вопрос влияния Октябрьской революции 1917 года на события в Монголии 1920-х гг. в работах академика Базарын Ширендыба	97
<i>Фартусов Д. Б.</i> Формирование правовой основы политических репрессий (1936 г.)	103
<i>Шагдурова И. Н.</i> К проблеме интеграции бурят в состав Российской империи	108

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.: ПРОБЛЕМЫ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Яковлева О. Н.</i> Народное образование в Западном Забайкалье в 1917–1930-х гг.	116
<i>Полянская О. Н.</i> Жизнь, судьба и научное наследие монголоведов России после 1917 г.: А. М. Позднеев (1851–1920)	124

<i>Дамбаева В. Б.</i> Первые буддийские храмы Забайкалья: особенности строительства и ремонта в XIX в.	134
<i>Дроботушенко Е. В., Ланцова Ю. Н.</i> К вопросу о существовании Забайкальской епархии в 1920 — середине 1930-х гг.	141
<i>Федоров М. А.</i> Призыв к все церковному покаянию свт. Тихона, Патриарха Московского.	149
<i>Зангеева Л. Р.</i> Развитие сельскохозяйственной науки в Сибири в начале XX в.	157
<i>Дамбаев Д. Н.</i> Значение периодической печати в пропаганде аграрных знаний в начале XX веке	167
<i>Жуков В. Ю.</i> Институт гражданских инженеров императора Николая I в Петрограде и 2-й запасной пулеметный полк в начале Февральской революции (по архивным материалам)	177
<i>Юсупова Т. И.</i> Нормативно-правовые основания работы советских ученых в Монголии в 1920–1950-х гг.	185
<i>Зайцева Л. А.</i> Бурят-Монгольский зооветинститут в 1944–1960 гг.: страницы истории.	194
<i>Балакирев А. Н.</i> Формирование и деятельность ученических производственных бригад в Бурятии в середине XX века.	201
<i>Батуева А. Б.</i> Международная деятельность Центрального духовного управления буддистов в 1960–1970-х годов.	207
<i>Цырендондокова А. С.</i> Программа культурного взаимодействия городов-побратимов Бурятии и Монголии.	212
<i>Пряженникова М. В., Яремчук О. А.</i> Подготовка к празднованию 60-летнего юбилея Октябрьской революции в школах г. Читы.	218
<i>Доржу З. Ю., Ондар О. Н.</i> Памятники героям Гражданской войны в Тыве	228
<i>Куракина Л. М.</i> Отношение современной студенческой молодежи к Великой российской революции (по материалам региональных исследований)	236

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ СИБИРИ

<i>Осинский И. И.</i> Судьба ученого: к 95-летию профессора Е. Е. Тармаханова	243
<i>Алексеева Е. В.</i> Разрушение производства на металлургических заводах Урала как пример революционной деструкции.	252
<i>Харунова М. М.-Б.</i> Деятельность Урянхайской таможенной заставы (1915–1921 гг.).	257
<i>Мясников А. В.</i> Деятельность начальника Нерчинского округа К. Н. Тульчинского и его роль в реорганизации горной промышленности Забайкалья в 1917 г.	263
<i>Будаева Т. В.</i> Земельные отношения в Бурят-Монгольской автономной области Дальневосточной Республики.	271
<i>Василенко В. А.</i> Тыва в системе трехсторонних отношений России, Монголии, Китая в 1917–1921 гг.	278
<i>Энхбаяр Бямбаноров, Мэнд Зориг.</i> О деятельности советских специалистов в промышленном комплексе Монголии (1921–1990 гг.)	285

<i>Карпова И. Г.</i> Советская деревня накануне коллективизации в работах отечественных и зарубежных исследователей.....	297
<i>Бондарь Л. Д.</i> Байкальская лимнологическая станция АН СССР: первый список персонального состава (по документам Санкт-Петербургского филиала архива РАН)	307
<i>Байкалов Н. С.</i> Образ БАМа в зарубежной историографии (на материалах работ К. Уарда)	318
<i>Яковлев А. Л.</i> Подготовка механизаторских кадров в Бурят-Монгольской АССР (1930–1960 гг.)	324
<i>Даваажав Баяртогтох.</i> Советско-монгольское сотрудничество в освоении целинных земель.	331
<i>Гельман В. А.</i> История становления и развития Джидинского вольфрамомолибденового комбината.....	338
<i>Очирова В. Н.</i> Советская историография о повседневности рабочего класса в 50–60-е годы XX века.....	345
<i>Боронова М. М.</i> Индустриальное развитие Бурятии в зеркале поздней советской истории: 1970–1980-е гг.	351
<i>Карпов В. П., Гаврилова Н. Ю.</i> Освоение российской Арктики и проблема сохранения коренных малочисленных народов Севера	357
<i>Васюткин А. А.</i> Результаты поиска военно-археологических экспедиций отряда «РЫСЬ» за 2017 г.	370

CONTENT

From the editor	4
-----------------------	---

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 AND SOCIO-POLITICAL PROBLEMS OF SIBERIA'S DEVELOPMENT

<i>Dugarov V. V.</i> The Great October: its worldhistorical significance in the socio-economic reforms in the Mongol-speaking world of the first half of the 20 th century in domestic historiography of E. E. Tarmakhanov's Mongolian studies and writings	6
<i>Tuguzhekova V. N.</i> 1917: the national question in the Minusinsk district	14
<i>Malygina O. A.</i> Political situation in the Trans-Baikal transboundary area on the eve of 1917.....	19
<i>Sanzhieva T. E.</i> The national buryat's movement in 1917–1918: choice of the way	24
<i>Tsybenov B. D.</i> Participation in the Buryat congress in 1918 Daurian leader Merse.....	32
<i>Chimtdorzhiyev B. B.</i> National movement of the peoples of Eastern Siberia ...	38
<i>Batueva I. B.</i> Selenginskay district in the period of setting up the soviet power	44
<i>Evtekhov R. A.</i> Activity of the Verkhneudinsk police for stability in the city at the beginning of the XX centuries	51
<i>Palikova T. V.</i> The influence of october 1917 on the City legislation.....	56

<i>Krasovskaya A. A.</i> Source-study analysis of the theme "Activity of Urban management in Verkhneudinsk in the year 1920".....	65
<i>Yevferyev A.</i> The government authorities of the Buryat-Mongolian Assr in 1941–53ts	73
<i>Protasov E. T.</i> The role of government authorities in the public-political and economic development of Buryatia in the second half of the 1970ts.	83
<i>Zhukova N. E.</i> The role of defense mass organizations in public life of postrevolutionary Buryatia in the 1920s.....	91
<i>Kuftareva V. V.</i> Question of the impact of the October Revolution of 1917 on the events in Mongolia of the 1920s in the works of the academician Bazaryn Shirendyba.....	97
<i>Fartusov D. B.</i> Formation of the legal basis of the political repressions (1936).....	103
<i>Shagdurova I. N.</i> To the problem of integration of the Buryats into the Russian Empire	108

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917: PROBLEMS OF POST-REVOLUTIONARY DEVELOPMENT OF CULTURE AND EDUCATION

<i>Yakovleva O. N.</i> People's education in western transbaikalia in 1917–1930-yy	116
<i>Polyanskaya O. N.</i> Life, destiny and scientific heritage of russian specialists in Mongolian studies after 1917: A. M. Pozdneev (1851–1920).....	124
<i>Dambaeva V. B.</i> First buddhist tempts of transbaikalia: peculiarities of construction and repairs In the XIX century.....	134
<i>Drobotushenko E. V. Lancova Yu. Y.</i> To the question of the existence of the Transbaikalian Diocese in the 1920s, in the mid-1930's	141
<i>Fedorov M. A.</i> Call for the all – church rest of svt. tikhona, moscow patriarch.....	149
<i>Zangeeva L. R.</i> Development of agricultural science in siberia at the beginning of the XX century	157
<i>Dambaev D. N.</i> The importance of the periodical printing for the propagation of agrarian knowledge at the beginning of the XX century	167
<i>Zhukov V. Y.</i> Institute of civil engineers of emperor nicholas i in petrograde and the 2nd reserve regiment at the beginning of the February Revolution (on archival materials).....	177
<i>Yusupova T. I.</i> The Legal and Regulatory Framework of Soviet Scientists' Work in the 1920s–1950s Mongolia.....	185
<i>Zaitseva L. A.</i> Buryat-Mongolsky Zoovethinstitut in 1944-1960: pages of history.....	194
<i>Balakirev A. N.</i> Formation and activities of student production teams in Buryatia in the middle of the 20th century.	201
<i>Batueva A. B.</i> International activity of the Central Spiritual Office of Buddhists in the 1960s-1970s.....	207
<i>Tsyrendondokova A. S.</i> Program of cultural interaction between the sister cities of Buryatia and Mongolia.....	212
<i>Pryazhennikova M. V., Yaremchuk O. A.</i> Preparation for the celebration of the 60th anniversary of the October Revolution in the schools of Chita.....	218

<i>Dorzhu Z. Yu., Ondar O. N.</i> Monuments to the heroes of the Civil War in Tyva.....	228
<i>Kurakina L. M.</i> The attitude of modern student youth to the Great Russian Revolution (based on the materials of regional studies).....	236

INFLUENCE OF THE RUSSIAN REVOLUTION
OF 1917 ON SOCIO-ECONOMIC HISTORY OF SIBERIA

<i>Osinskiy I. I.</i> Man of an unusual fate: On the 95th anniversary of the birth of Professor E.E. Tarmakhanov.....	243
<i>Alekseeva E. V.</i> Destruction of production at the metallurgical plants of the Urals as an example of revolutionary destruction.....	252
<i>Kharunova M. M.</i> The activities of the Uryanhai Customs Outpost (1915–1921)	257
<i>Myasnikov A. V.</i> Activity by of the head of Nerchinsk District K. N. Tulchinsky for the reorganization of mining industry of Transbaikal in 1917.....	263
<i>Budaeva T. V.</i> Land Relations in the Buryat-Mongol Autonomous Region of the Far Eastern Republic.....	271
<i>Vasilenko V. A.</i> Tuva in the system of trilateral relations between Russia, Mongolia, China, in 1918–1921.....	278
<i>Enkhbayar Byambanorov, Mend Zorig.</i> To the question of Soviet specialists working in the field of industry of Mongolia (1921–1990).....	285
<i>Karpova I. G.</i> Soviet village on the eve of the period of the collectivization in works of domestic and foreign researchers.....	297
<i>Bondar L. D.</i> Baikal Lymnological station of the USSR as: the first list of personal staff (on documents of Saint-Petersburg branch of archives of the RAS).....	307
<i>Baikalov N. S.</i> The BAM image in foreign historiography (based on the works of K. Ward).....	318
<i>Yakovlev A. L.</i> Preparation of machine-building personnel in the Buryat-Mongolian ASSR (1930–1960).....	324
<i>Davaaiv Bayartogtok.h</i> Soviet-Mongolian cooperation in the development of virgin lands.....	331
<i>Gelman V. A.</i> History of formation and development of the Dzhidinsky tungsten-molybdenum combine.....	338
<i>Ochirova V. N.</i> Soviet historiography on the daily working class in the 50-60s of the twentieth century.....	345
<i>Boronova M. M.</i> Industrial development of Buryatia in the mirror of late Soviet history: 1970–1980s.	351
<i>Karpov V. P, Gavrilova N.Y.</i> The development of the Russian Arctic and the preservation of indigenous peoples of the North	357
<i>Vasyutkin A. A.</i> Results of the search for military-archeological expeditions of the squad «Lynx » for 2017.....	370

Научное издание

Материалы всероссийской научной конференции,
посвященной 100-летию Российской революции 1917 года
и 95-летию профессора исследователя индустриальных
процессов послеоктябрьской Сибири Е. Е. Тармаханова

**ТАРМАХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — I:
РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.**

Редакторы

*З. З. Арданова, Н. Н. Балданова, Е. И. Борисова,
Е. П. Евдокимова, С. В. Сазонова,*

Компьютерная верстка

Т. А. Олоевой

Св-во о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 17.09.2017. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 22,09. Уч.-изд. л. 18,53. Тираж 150. Заказ 271.
Цена договорная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а

Участники конференции 24 октября 2017 г.